Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

На правах рукописи

ПОГОДИНА Ирина Владимировна

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ЮРИДИКО-ЦИФРОВЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Специальность: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор,
Головкин Роман Борисович

Владимир – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **5**

Глава 1 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ **38**

1.1 Исторические предпосылки юридико-цифрового взаимодействия общества и государства 38

1.2 Трансформация взаимодействия общества и государства в условиях цифровизации: основные детерминанты 54

1.3 Методология изучения юридико-цифрового взаимодействия общества и государства и понятийно-категориальный аппарат данной сферы 70

1.4 Юридико-цифровые модели взаимодействия общества и государства: понятие, виды и эволюция 88

Глава 2 СЕРВИСНАЯ И ПЛАТФОРМЕННАЯ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА **106**

2.1 Сервисная юридико-цифровая модель взаимодействия общества и государства в контексте медиального поворота 106

2.2 Реализация сервисной модели: оказание государственных услуг, проактивное юридико-цифровое взаимодействие и государственно-частное партнерство 116

2.3 Платформенная юридико-цифровая модель: правовая природа и атрибуция платформизации взаимодействия общества и государства 140

2.4 Мировой опыт правового регулирования взаимодействия общества и государства при реализации технологии платформ 154

2.5 Взаимодействие государства и общества в рамках параллельной реализации сервисной и платформенной моделей 166

Глава 3 ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА **191**

3.1 Юридико-цифровая модель участия граждан в реализации функций государства 191
3.2 Мировой опыт юридико-цифрового регулирования участия граждан в реализации функций государства 209
3.3 Право граждан на обращение и его обеспечение в модели участия 225
3.4 Правовое регулирование электронных инструментов органов власти в механизме обеспечения прав граждан при взаимодействии с государством 235
Глава 4 ЮРИДИКО-ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА 253
4.1 Сущность юридико-цифровой культуры взаимодействия общества и государства и механизмы ее реализации 253
4.2 Повышение юридико-цифровой культуры и компетентности граждан для взаимодействия 273
4.3 Юридико-цифровое регулирование стимулирования граждан к участию в решении общественных и государственных задач 288
4.4 Правовое регулирование коммуникации власти и общества в социальных Интернет-сетях 308
Глава 5 ПЕРСПЕКТИВНАЯ ЮРИДИКО-ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 330
5.1 Концептуальные основы перспективной юридико-цифровой модели взаимодействия общества и государства 330
5.2 Юридико-цифровые направления реформирования системы публичной власти во взаимодействии с обществом 344
5.3 Юридико-цифровой механизм регулирования перспективной модели взаимодействия государства и общества 355
5.4 Направления юридико-цифрового регулирования процесса вовлечения российских граждан в публично-властные отношения в условиях построения «цифрового государства» 369

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **387**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ **400**

Приложение А (обязательное) Результаты проведенного социологического исследования 463

Приложение Б (обязательное) Проект стратегии вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения в условиях построения «Цифрового государства» 478

Приложение В (обязательное) Проект плана мероприятий «Вовлечение россиян в реализацию функций государства» на 2026-2031 годы 498

Приложение Г (информационное) Показатели портала Госуслуги за 2011 – 2020 гг. 503

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Взаимосвязь и взаимообусловленность таких явлений, как низкая явка на выборы, правовой нигилизм граждан, отсутствие у них интереса к решению проблем региона и страны, которые из редких или предполагаемых девиаций превратились в аподиктически однозначные, детерминировали ситуацию, когда правительства стран мира испытывают трудности в получении доверия и поддержки со стороны своих граждан. Все это дает основание говорить о кризисе либерально-демократической модели государства, которая считалась успешной. В то же время инновации, особенно технологические, позволяют органам государственной власти[1] менять отношения с гражданами: быстро и удобно предоставлять государственные услуги, качественно и полно информировать, узнавать мнение по вопросам политической и общественной повестки, вовлекать население в правотворчество и управленческие процессы. Целями внедряемых новшеств являются повышение эффективности взаимодействия общества и государства, государственного управления, стимулирование активности граждан, поиск новых решений общественных проблем, что в итоге должно вести к росту уровня доверия общества к власти, созданию благоприятного климата в государстве. Достижение указанных целей является необходимым условием решения задач государства, в первую очередь социально-экономических, в сложных обстоятельствах новых вызовов (для России – это санкционное давление, проведение специальной военной операции, угрозы повторения пандемических процессов и др.) и тех, которые

[1] Под словосочетаниями «органы государственной власти», «органы власти» в настоящей работе понимаются государственные органы как основные элементы государственного механизма и аппарата, с которыми фактически отождествляется государство, что отражает непосредственную сторону работы государственного механизма и его взаимодействия с обществом и гражданами. Абсолютное большинство выводов, сделанных в исследовании относительно государственных органов, справедливо и для органов местного самоуправления, которые обладают многими признаками государственных органов.

обозначились раньше (демографические проблемы, исчерпание сырьевой ренты и др.).

Следует констатировать, что взаимодействие общества и государства меняется, государственный механизм не менее двух десятилетий находится в состоянии преобразования, система государственных функций трансформируется, государственное управление модернизируется, а это значит, что изменения произойдут и в теории государства. Одним из ключевых факторов, влияющих на изменения, является цифровизация.

Последние десятилетия – это время всеобщего внедрения и применения цифровых технологий, их стремительной эволюции. Однако развитие процессов цифровизации происходит в условиях цифрового разрыва, низкой информационной, технологической и правовой культуры пользователей, усиливающихся угроз в области информационной безопасности, отставания правового регулирования новых процессов, что влияет на уровень доверия к новой информационной среде, а затем – и к государственным институтам, которые ее используют и/или не могут преодолеть трудности, обусловленные ее спецификой. Органы власти в свою очередь ищут новые форматы взаимодействия с населением, коммуникация государства и общества становится преимущественно электронной[1], а диалог все больше переносится в интернет-среду. Реализуемые инициативы последних лет, помимо привнесения удобства во взаимодействие общества и государства и экономии ресурсов с обеих сторон, повышают прозрачность взаимоотношений и способствуют транспарентности власти. Тем не менее практика показывает, что внедряемые проекты не позволяют достичь запланированного эффекта, ряд из них вовсе не вызывает интереса у населения. Названные обстоятельства и факторы обусловили *социально-экономический аспект* актуальности исследуемой темы.

[1] Признавая разницу между электронными и цифровыми устройствами и технологиями, для целей настоящего исследования будем считать термины «цифровой» и «электронный» за равнозначные, поскольку многие современные устройства содержат как электронные, так и цифровые компоненты, кроме того, в бытовом общении, СМИ и даже в научной литературе такая позиция – смешение терминов «электронный» и «цифровой» – довольно распространена.

Итак, современный этап общественного развития характеризуется изменением форм и содержания взаимодействия государственной власти и общества, его инструментов, но правовое регулирование процессов взаимодействия заметно опаздывает. Например, еще не получили правовой регламентации отношения по взаимодействию общества и государства в социальных сетях и через приложения, понадобится более подробная нормативно-правовая основа и для внедрения национального мессенджера с его возможностями, ряд нормативных актов требует обновления с учетом довольно стремительно меняющихся отношений и появления новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), применяемых для взаимодействия власти и общества. В выбранной для исследования сфере зачастую принимают документы стратегического планирования, которые сами по себе не являются нормативными правовыми актами, а носят программный характер. Между тем, феномен цифровизации общественно-властного взаимодействия определяет необходимость нормативно-правового закрепления таких его атрибутов, как защита пользовательских данных, обмен данными, определение статуса юридически значимых действий, совершаемых пользователями социальных сетей, платформ, мессенджеров и органами государственной власти в рамках электронного взаимодействия и пр. Таким образом, *правотворческий аспект* актуальности выбранной темы проявляется в необходимости выработки нормативного правового регулирования (как основ по некоторым вопросам, где регламентации еще нет, так и конкретизации с учетом практики по тем, где она началась) взаимодействия государства и общества в условиях цифровой трансформации.

Правоприменительная сторона актуальности темы исследования особенно отчетливо выражается в необходимости обобщения и оценки уже накопленного опыта работы государственных органов власти по взаимодействию с обществом в современных условиях через сайты, социальные сети, специальные порталы, национальный мессенджер в целях обнаружения проблем и пробелов в регулировании, разработки мер по совершенствованию процессов взаимодействия,

регламентирующих их правовых норм и повышения эффективности работы государственных органов.

Доктринальный аспект исследования раскрывается через призму системных теоретических, правовых, правоприменительных, проблем, рассмотренных выше и требующих выработки актуальной концепции взаимодействия государства с обществом в условиях цифровой трансформации. Помимо прочего, актуальность доктринального исследования разрабатываемой темы нашла прямое отражение в позиции Правительства РФ, закрепленной в Программе научных исследований до 2030 года[1].

Принимая во внимание успешные попытки углубленного научного исследования вопросов государственного управления, применения органами власти ИКТ, коммуникации с общественностью, реализуемые в плоскости социологии, политологии, теории управления и других наук, приходится констатировать отсутствие системных научно-практических изысканий в рассматриваемой области с позиций теории государства и права. В орбиту последней входят вопросы взаимодействия общества и государства, цифровизация в государственно-правовой сфере, генезис государства, правовое сознание, правовая культура и правовое воспитание населения, формы государства. Более того, сложность и многоаспектность феномена общественно-властного взаимодействия в современном цифровизированном пространстве диктует необходимость использования в исследовании набора методов и данных из других наук (взаимодействие теории государства и права и других наук, как ожидается, даст суммарный эффект для решения актуальных исследовательских задач).

Представляется необходимым не только концептуальное осознание изменения социальной и технологической базы общественно-властного взаимодействия и затем переключение внимания на правовую основу его реализации в современных условиях, но и изучение проблемы влияния прямых и

---

[1] Распоряжение Правительства от 31.12.2020 № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 – 2030 годы)». // URL: http://government.ru/news/41288/ (дата обращения: 03.10.2025).

обратных связей взаимодействия общества и государства, разработка теоретического содержания сервисного предназначения исполнительной власти, платформенной природы взаимодействия общества и государства, анализа причин активизации роли общества во взаимодействии, а также выявление проблем правового регулирования при внедрении современных ИКТ.

Таким образом, изменения во взаимодействии общества и государства, происходящие под влиянием современных ИКТ, их генерализация в модели, правовое оформление отношений на фоне недостаточной разработанности указанных проблем в научной литературе по теории государства и права обусловили выбор темы исследования, которая имеет социально-экономическое, правотворческое и правоприменительное значение, а также доктринальную ценность.

Степень научной разработанности темы исследования. Взаимодействие власти и граждан относится к основным и значимым вопросам исследований для теории государства, теории государственного управления, политологии, социологии и других наук. Это подтверждается количеством тематических научных трудов и перманентным вниманием ученых, которые обращаются к данной проблеме.

Разработка идеальной модели взаимоотношений государства и населения сопровождают развитие цивилизации с давних времен. Идеи из фундаментальных работ ученых древности (Аристотель, Геродот и др.), средних веков (Н. Макиавелли и др.), а также XVIII – XIX вв. (Ж. Боден, Г. В. Ф. Гегель, Т. Гоббс, Э. Дюркгейм, Л. Дюги, Г. Еллинек, Р. Иеринг, И. Кант, Б. А. Кистяковский, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов, К. Маркс, Ш. Монтескье, П. И. Новгородцев, М. М. Сперанский, Б. Н. Чичерин и др.) – основа для исследований о государстве.

Работы по теории государства советского периода, которые раскрывают вопросы взаимодействия государства и общества, политического режима и типологии государств, опираются на труды В. И. Ленина и написаны М. С. Строговичем, А. И. Денисовым, А. П. Косицыным, Д. И. Чесноковым и др.

Исследования XX в. и начала XXI в. по актуальным теоретико-правовым и государствоведческим проблемам принадлежат видным правоведам нашего времени: С. А. Авакьяну, А. С. Автономову, С. С. Алексееву, М. И. Байтину, В. М. Баранову, А. Б. Венгерову, Н. А. Власенко, В. В. Ершову, В. Д. Зорькину, И. А. Исаеву, А. А. Кененову, Д. А. Керимову, А. Д. Керимову, А. А. Клишасу, А. В. Корневу, В. Н. Корневу, В. И. Круссу, О. Е. Кутафину, В. В. Лазареву, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузову, Е. А. Певцовой, Т. Н. Радько, Р. А. Ромашову, В. М. Сырых, Ю. А. Тихомирову, В. Е. Чиркину, Б. С. Эбзееву и др.

Трансформации последних лет стимулируют появление монографических работ, во многом философского характера, о природе современного государства, о положении личности и роли общества в нем, – под авторством известных теоретиков права: Н. А. Власенко, И. А. Исаева, А. А. Клишаса, Р. А. Ромашова, Ю. А. Тихомирова и др. Эволюцию представлений о юридической природе государства подробно исследует Л. А. Морозова.

Меняется не только политико-правовой режим с его характеристиками, но и функции государства, о чем пишет Т. Н. Радько. Вопросы правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений рассматривает Д. А. Пашенцев, выстраивая концепцию цифрового государства и цифровой правовой среды. Категорию «модель государства» в современной юридической науке исследовал В. С. Плетников. Вызовы, меняющие концептуальные основы теории государства, анализируются в работах Д. В. Пожарского.

Отечественные диссертационные исследования о трансформации государства, форм взаимодействия власти и общества, взаимной ответственности государства и личности принадлежат А. П. Плешакову (2002), Б. Б. Цибикову (2006), В. В. Грибу (2011), С. Б. Полякову (2011), И. И. Осветимской (2016), И. У. Аубакировой (2016), Н. В. Разуваеву (2016), В. И. Попову (2022) и др.

Переход взаимоотношений государства и общества в качественно новые состояния анализируют такие зарубежные исследователи XX-XXI вв., как У. Бек, М. Кастельс, Д. Хелд, В. Богданор, Т. Набатчи, М. Янссен, Е. Эстевес,

С. Голдсмит, У. Эггерс, Т. О'Рейли, Р. Поуп, Б. Новек и др. Обширная терминология, используемая указанными авторами для характеристики современного государства, взаимоотношений его с обществом, обусловила расширение понятийно-терминологического аппарата теории государства и права.

О терминологии в правовой сфере, в том числе и современной, – диссертационные работы, например, В. Ю. Туранина (2017), П. С. Баринова (2019), В. О. Пучкова (2021). Требуются не только новые термины, но и новые методологические подходы к исследованиям, о чем пишут, например, М. В. Залоило, А. В. Корнев, В. В. Трофимов и др.

В литературе довольно часто применяют термины «электронное правительство» и «сервисное государство». Комплексные работы по аналитике электронного правительства принадлежат Е. М. Стырину (2006), В. В. Солодову (2007), И. Н. Кузьминой (2011), А. С. Киселеву (2018) и др. Определенный вклад в изучение вопросов тематики «электронное правительство/государство» внесли такие исследователи, как Л. К. Терещенко, Е. С. Устинович и др. Аналитика категории «сервисное государство» вошла в исследовательский диапазон таких авторов, как С. Ю. Кабашов, И. Л. Бачило, Л. В. Коженко и др.

Используя термин Т. О'Рейли «государство как платформа», российские исследователи рассматривают «платформенное государство» и сценарии его развития (Е. М. Стырин, Ю. В. Ирхин и др.), не приходя при этом к консенсусу относительно того, что означает «платформа» применительно к государству и его взаимодействию с обществом. Исследование юридической природы платформ, их роли и вызовов, связанных с их регулированием, проводит А. В. Минбалеев.

Правотворческую инициативу в электронном виде, цифровое информирование и другие формы электронного взаимодействия государства и общества с позиций теории государства и права, а также экспериментальные правовые режимы анализирует М. Л. Давыдова.

А. В. Малько, В. В. Трофимов довольно подробно исследовали тему правового сотворчества, полагая его высшей формой сотрудничества органов

государства и общества. В работах А. В. Малько, по сути, формируется теория «конструктивного взаимодействия» общества и государства.

Стимулирование правомерного поведения граждан требует формирования достаточно высокого уровня правовой культуры. Последняя изучена в работах В. П. Сальникова (1990), В. П. Батайкина (2006), Л. А. Петручак (2012) и др. Доктрина правового воспитания молодежи и система патриотического воспитания разработана Е. А. Певцовой. Правовая культура в контексте цифровизации (юридико-цифровая культура) рассмотрена фрагментарно.

Концепты и футуристические проекты будущего в сфере взаимодействия государства и граждан, оказания государственных услуг и государственного управления предлагает И. В. Понкин, который вводит понятие «киберметавселенная», рассматривая ее как перспективу для государственного управления. Интересны идеи о воображаемом государстве в плане «политического фантазирования» (терминология самого ученого) у И. А. Исаева. Концепцию медиального поворота как обобщение ключевых признаков социокультурного контекста проблемы трансформации права рассматривал В. В. Архипов.

История народовластия (народоправства) пользуется вниманием ученых (например, работы Л. Ф. Болтенковой, А. Г. Быковой, А. Е. Кураева и др.). Немало исследований о ретроспективе института обращений (Н. В. Стус, П. И. Кононов, Е. И. Лыскова и др.), а вот история отечественных государственных услуг редко вызывает интерес ученых (например, Т. С. Тарасова, В. Н. Южаков, С. Ю. Кабашов). Правовая природа обращений граждан рассматривалась И. В. Ростовщиковым, А. В. Савоськиным и др. Тематику современных государственных услуг (их эффективности, маркетингового подхода к ним, влияния потребителей-граждан на качество государственных услуг) пополнили комплексные труды экономистов П. И. Селезнева (2006), Е. А. Усачевой (2009), П. А. Шестакова (2010), Е. А. Капогузова (2013) и др. В работах о цифровых государственных услугах не анализируются концептуальные изменения в отношениях «общество-государство», которые произошли или могут возникнуть в результате расширения проактивности.

Внимание ученых к трансформационным процессам в государстве доказывает, что накоплен опыт и создана основа для исследования моделей взаимодействия государства и общества, сложились условия для анализа реализуемых инициатив, обобщения материалов и выводов исследователей, формирования единообразных научно обоснованных подходов для изучения природы отношений современных государства и общества, их взаимовлияния, роли граждан в решении государственных и общественных дел. Здесь же следует заметить, что проблеме государственности уделяется заметно меньше внимания, чем проблемам права и правового регулирования, на это обращают внимание и видные отечественные ученые[1]. Научный вклад уже проведенных исследований, несомненно, очень значим, но требуется комплексный анализ с системным и во многом междисциплинарным подходом к теме взаимодействия государства и общества. В идеале необходим учет выводов многих научных школ и разных отраслей знаний по проблематике взаимодействия, что позволит повысить качество общетеоретического исследования и сделает его полезным для практики.

Объектом настоящего **исследования** предстают общественные отношения, которые возникают при взаимодействии общества и государства, прямые и обратные связи между их участниками, опосредованные культурой, правом и правотворчеством. **Предмет исследования** составляет взаимодействие общества и государства, его черты, свойства, формы и трансформация его характеристик, происходящая под влиянием цифровых технологий.

Цель исследования заключается в установлении закономерностей взаимодействия общества и государства, выявлении ключевых факторов, влияющих на него, и разработке на этой основе моделей взаимодействия общества и государства в условиях внедрения ИКТ, включая анализ дефинитивных, классификационных и правовых составляющих моделей, генерации на основании сформированных моделей идей, направленных на совершенствование

[1] Власенко Н. А. Аналитика в исследовании отклоняющейся государственности и юридической надстройки // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 65.

законодательства и правоприменительной практики в сфере взаимодействия общества и государства, строящегося на основе современных технологий.

Задачи диссертационного исследования. Исследовательская цель обусловила постановку следующих научных задач:

1) выявить особенности и определить характер взаимодействия общества и государства в разные исторические периоды развития нашей страны;

2) установить причины изменений во взаимодействии общества и государства с учетом новых условий жизни и развития общества, в том числе цифровизации;

3) определить и обосновать методологические подходы для изучения взаимодействия общества и государства при процессах цифровизации;

4) категоризировать обозначения современных явлений в сфере взаимодействия общества и государства, упорядочить «новые» термины, употребляемые в связи с трансформацией юридико-цифрового взаимодействия общества и государства;

5) сформулировать понятие юридико-цифровой модели взаимодействия общества и государства, сконструировать современные юридико-цифровые модели взаимодействия общества и государства, обосновать эволюционные переходы от одной модели к другой;

6) дать авторское определение сервисной модели и привести ее основные характеристики, с учетом того сдвига в обществе, который произошел в связи с тотальной цифровизацией и влиянием медиа на человека;

7) квалифицировать систему современных государственных услуг как часть сервисной модели взаимодействия общества и государства, показав ее трансформацию, связанную с современными технологиями, выявить суть и определить значение проактивного юридико-цифрового взаимодействия общества и государства;

8) определить потенциал партнерства государства и частных субъектов в сфере реализации государственных функций, сделав обзор перспективных практик

нескольких зарубежных государств, обозначить пределы передачи функций государства негосударственным субъектам и направления его регулирования;

9) дать характеристику платформизации в отношениях «общество-государство», выявив факторы, способствующие этому процессу; диагностировать сущностные черты взаимодействия общества и государства в рамках «платформенной» модели;

10) исследовать практику других стран в области правового регулирования и правоприменения при реализации концепции «государство как платформа», выявив их положительные и отрицательные черты;

11) исследовать и дать обоснование трансформации взаимодействия общества и государства при активном одновременном развитии сервисных процессов и платформ, провести валидацию процессов;

12) сформулировать понятие и привести сущностные характеристики модели участия граждан в осуществлении функций государства, установить значение участия граждан в реализации функций, сделав выводы о целесообразности и эффективности привлечения граждан к такой реализации, пределах привлечения;

13) с учетом существующих эффективных зарубежных схем в сфере юридико-цифрового регулирования участия граждан определить перспективы его адаптации к российским условиям;

14) критически осмыслить реализацию права граждан на обращение и его потенциальную трансформацию в модели участия;

15) конкретизировать цифровые механизмы взаимодействия общества и государства, участия граждан в делах государства (право на обращение в цифровую эпоху, использование социальных сетей, электронных сервисов), используя потенциал формально-юридического анализа правовой базы;

16) аргументировать предложения по упорядочению использования терминов «культура участия», «культура взаимодействия» и «юридико-цифровая культура взаимодействия» граждан, определив их и охарактеризовав их правовую природу;

17) определить пути формирования юридико-цифровой культуры взаимодействия общества и государства, компетенций граждан в сфере взаимодействия;

18) обосновать перспективную модель юридико-цифрового регулирования в целях стимулирования граждан к участию в решении общественных и государственных задач;

19) суммировать и обобщить представления о концептуальных основах взаимодействия общества и государства;

20) дать характеристику состояния российского государства в процессе трансформации моделей взаимодействия общества и государства, обозначив направления реформирования системы публичной власти;

21) определить перспективные пути совершенствования механизма взаимодействия общества и государства для повышения его эффективности;

22) разработать правовые основы современной модели взаимодействия общества и государства, определив направления деятельности органов власти по вовлечению граждан во взаимодействие.

Методологической основой настоящего исследования является совокупность подходов и методов, позволяющих достичь поставленной цели. В рамках диалектического и системно-функционального подходов, ставших основными для проведения исследования, применена комбинация всеобщих, общенаучных и частнонаучных методов познания.

Философские (всеобщие) методы в настоящем исследовании представлены методом материалистической диалектики и метафизическим методом. Первый позволил рассмотреть генезис модели взаимодействия государства и общества в условиях развития ИКТ. Второй обеспечил условия для детального исследования института общественно-государственной коммуникации, выделяя его из государственно-правовой действительности.

Наиболее применимой группой исследовательских методов, задействованных в настоящей работе, стали общенаучные. Из них были применены: метод интерпретации (при работе с текстами юридической природы);

генетический метод и метод восхождения от абстрактного к конкретному (в процессе разработки понятий); методы систематизации и классификации (для упорядочивания терминов понятийного аппарата современной теории государства, а также для формирования системы признаков и критериев, присущих общественно-государственному взаимодействию); сравнительный метод (например, для решения задач исследования, связанных с выявлением особенностей развития модели общественно-властного взаимодействия в различных странах); методы объяснения и определения (выступили инструментами, сопровождающими размышления автора относительно эволюции взаимодействия государства и общества).

Активно использовались в работе методы анализа и синтеза (позволили изучить теоретические, практические и эмпирические данные, отражающие юридико-цифровые аспекты взаимодействия государства и общества и сформировать целостное представление о моделях взаимодействия); дедукции, индукции, гипотетико-дедуктивный метод (обеспечили возможность отслеживания важнейших логических и причинно-следственных связей внутри модели взаимодействия); метод обоснования, применяемый при формулировке теоретически и практически значимых выводов относительно понятийного аппарата общественно-властного взаимодействия, его модели и компонентов, особенностей и условий развития.

Исследование сопровождалось применением метода абстрагирования (позволил изучить сервисную модель взаимодействия государства и общества, феномен платформизации в отношениях «общество-государство» и пр.); методов верификации, актуализации и экстраполяции, обеспечивших системное исследование трансформации модели взаимодействия общества и государства под влиянием внешних и внутренних факторов (в динамике). Методы моделирования и научного предсказания послужили основой для формирования рекомендаций относительно развития механизма общественно-государственного взаимодействия, его регулятивной компоненты, системы стимулирования

гражданской активности населения, позволили сделать вывод об их потенциальной эффективности.

Основную группу специальных методов, задействованных в рамках настоящего исследования, составляют собственно-юридические: формально-юридический (догматический) метод, направленный на изучение дефиниций, содержащихся в законодательстве; сравнительно-правовой метод, лежащий в основе сопоставления отечественных норм права, регламентирующих общественно-властное взаимодействие на разных уровнях и в различные периоды, а также сравнения нормативных актов зарубежных стран с российскими и между собой. Метод юридической герменевтики и правоинтерпретационный метод позволили автору решить совокупность задач, связанных с определением правовой природы и юридико-цифровой основы взаимодействия государства и общества, путем работы с нормативными правовыми актами РФ и документами стран мира.

Были привлечены частно-научные методы из социологии, истории, статистики и других наук: исторический, конкретно-социологический и статистический методы.

Таким образом, система описанных методов исследования, реализованная автором в рамках диалектического и системно-функционального подходов, позволила решить запланированные задачи и достичь поставленной цели.

Теоретическая основа исследования. Основой для настоящего исследования явились труды Аристотеля («Политика»), Н. Макиавелли («Государь»), Ж.-Ж. Руссо («Об общественном договоре»). Большую значимость для автора имеет наследие М. М. Сперанского, несколько работ которого были изучены при подготовке исследования. Положения теории солидаризма Л. Дюги также были учтены. Труды Г. Гегеля, К. Маркса, В. И. Ленина были приняты во внимание при написании диссертации. Из работ теоретиков советского периода особое влияние на исследование имели выводы, сделанные А. П. Косицыным.

Юридические исследования, составившие основу для настоящей работы, раскрывающие назначение государства, суть политического и государственного режима, принципы взаимодействия общества и государства, принадлежат

М. И. Байтину, В. М. Баранову, Н. А. Власенко, В. В. Грибу, В. Д. Зорькину, И. А. Исаеву, Д. А. Керимову, А. Д. Керимову, А. А. Клишасу, А. В. Малько, Е. А. Певцовой, Т. Н. Радько, Р. А. Ромашову, В. В. Трофимову, Ю. А. Тихомирову и др.

Анализ исторических аспектов взаимодействия общества и государства осуществлялся с опорой на исследования Л. Ф. Болтенковой, А. Г. Быковой, С. Ю. Кабашова, П. И. Кононова, А. Е. Кураева, Л. А. Морозовой, Р. А. Ромашова, Т. С. Тарасовой, В. Н. Южакова и др.

Диссертационные исследования о трансформации государства, форм взаимодействия власти и общества, взаимной ответственности государства и личности, моделях государства, учтенные в настоящей работе, выполнены И. У. Аубакировой, И. И. Осветимской, А. П. Плешаковым, В. С. Плетниковым, С. Б. Поляковым, Н. В. Разуваевым и др.

При формулировании выводов о терминологии в правовой сфере были учтены работы Ю. Г. Арзамасова, В. Ю. Туранина, П. С. Баринова, В. О. Пучкова и др. Позиция о методологическом подходе к современным исследованиям согласуется с выводами А. В. Егорова, М. В. Залоило, А. В. Корнева и др.

Исследование культуры взаимодействия общества и государства обусловило обращение к работам о правовой культуре М. В. Залоило, И. В. Игнатушко, В. Н. Карташова, Л. А. Петручак и др. Выводы о правовом воспитании молодежи Е. А. Певцовой стали важными для раздела о формировании культуры взаимодействия.

Теоретическую базу для анализа совместной правотворческой деятельности составили публикации В. М. Баранова, Р. Б. Головкина, А. В. Малько, В. В. Трофимова и др.

Важными для исследования темы также стали работы М. Л. Давыдовой (об электронной демократии, о правовых экспериментальных режимах), А. В. Минбалеева (о природе платформ), Д. А. Пашенцева (о цифровом государстве и цифровой правовой среде), Е. В. Перепелица (о сетевой

коммуникации), Д. В. Пожарского (о факторах, меняющих основы теории государства), И. В. Ростовщикова, А. В. Савоськина (об обращениях) и др.

Комплексные работы по аналитике электронного правительства, платформенного государства, взятые за основу для исследования, принадлежат Ю. В. Ирхину, Е. М. Стырину и др. Аналитика категории «сервисное государство» использовалась из работ И. Л. Бачило, А. Ф. Васильевой, С. Ю. Кабашова и др. Концепты будущего государства и государственного управления в связи с тематикой моделирования были интересны автору в работах Н. А. Власенко, И. А. Исаева, И. В. Понкина.

В работе были учтены труды по экономике (например, А. И. Сажиной), социологии (Ю. Г. Краевой и др.), политологии (С. В. Перовой, Д. В. Лисицына и др.), философии (А. В. Гыскэ, Д. И. Плетнева и др.).

Зарубежные исследователи, публикации которых оказали заметное влияние на позицию автора настоящей работы и выводы по теме, – это Ш. Арнштейн, И. Крастев, Б. Новек, Э. Остром, Т. О'Рейли, Ф. Петтит, Г. Порумбеску, Р. Поуп, С. Холмс, Х. Шолта и др.

Нормативно-правовая основа исследования представлена отечественными нормативными правовыми актами, которые определяют порядок взаимодействия органов власти и граждан, оказания государственных услуг, в том числе через специальные платформы и приложения, регулируют национальный мессенджер. Особую значимость для анализа темы имеют федеральные законы «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ, «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ. Важными по данной тематике являются программные и стратегические документы Президента и Правительства Российской Федерации.

Эмпирическую базу исследования составляют официальные материалы органов государственной власти (отчеты, справки, пресс-релизы и др.), акты правоприменительной практики, данные и статистика использования портала государственных услуг Российской Федерации и других государственных

порталов (например, «Активный гражданин», URL: https://ag.mos.ru/home), сайты государственных органов власти, страницы органов власти в социальной сети «ВКонтакте», публикации органов власти в мессенджерах (MAX, Телеграм), акты зарубежного законодательства, зарубежные порталы открытого правительства, авторское социологическое исследование.

Научная новизна работы, обусловленная целью и совокупностью задач исследования, а также определяемая набором институциональных, нормативных, темпоральных, процессуальных и акторных детерминант, заключается в разработке и обосновании теоретических правовых моделей взаимодействия общества и государства, эволюционирующих в условиях внедрения ИКТ.

Проведенный анализ дефинитивных, классификационных и правовых составляющих моделей общественно-государственного взаимодействия стал фундаментом для рассмотрения их теоретического конструкта, определившего набор сущностных и содержательных характеристик исследуемого феномена. В свою очередь, научное применение объективных параметров к теоретическим правовым моделям взаимодействия государства и граждан позволило автору выявить и обосновать теорию перспективного анализа моделей общественно-властного взаимодействия в условиях тотальной цифровизации.

В результате проведенного исследования:

1. Сформулирована и введена в научный оборот авторская трактовка понятия юридико-цифровой модели взаимодействия общества и государства, в рамках которой определены ее сущностные черты. На основе сделанных заключений концептуально предложены четыре основных модели общественно-государственного взаимодействия: бюрократическая, сервисная (потребительская), платформенная и модель участия граждан в осуществлении функций государства.

2. Доказано, что трансформация взаимоотношений общества и государства, связанная с модернизацией жизни и технологиями, переосмыслением его основ и системы управления, требует обновления правового тезауруса путем включения дополнительных терминов. В связи с этим, сформулировано несколько

новых и ряд содержащих элементы новизны определений понятий, касающихся современного государства и взаимодействия власти и общества («государство участия», «совместное управление», «культура участия», «юридико-цифровая культура взаимодействия общества и государства», «проактивные цифровые государственные услуги»), чем уточнен категориально-понятийный аппарат исследуемой сферы, а также систематизированы основные подходы к уже используемым определениям.

3. Обозначены и научно обоснованы допустимые пределы полезного и эффективного участия общества в реализации функций государства, что сделано на основе анализа проблем правового регулирования общественно-государственного взаимодействия, оценки применения электронных сервисов для взаимодействия и суммирования мирового опыта в исследуемой сфере.

4. Охарактеризованы особенности юридико-цифровой культуры взаимодействия общества и государства; предложена классификация уровней механизма формирования юридико-цифровой культуры; продемонстрирована взаимосвязь между уровнем образования граждан и уровнем культуры взаимодействия с государством.

5. Научно обосновано и эмпирически подтверждено суждение о том, что для развития позитивного участия общества в реализации функций государства необходимо воспитывать активного гражданина, формировать ответственное общество, изменяя для этого культурные практики общественно-властного диалога, а также представления граждан о государстве и его механизме (развивать культуру взаимодействия). Выявлены факторы, стимулирующие граждан к сотрудничеству с государством, определены направления юридико-цифрового регулирования процесса вовлечения российских граждан в публично-властные отношения в современных условиях.

Таким образом, определенные автором теоретические границы научного анализа моделей общественно-властного взаимодействия в условиях тотальной цифровизации в полной мере соответствуют объективной действительности, где политические, экономические, экологические и эпидемиологические проблемы

последних лет в сочетании с внутриполитическими обстоятельствами, беспрецедентным санкционным давлением, породили требования к пересмотру характера взаимодействия общества и государства, его форм и инструментов, создали перспективы и потребность для накопления теоретико-правовых знаний в этой сфере.

Положения, выносимые на защиту. Наиболее значимые результаты диссертационного исследования, обладающие научной новизной или содержащие существенные элементы научной новизны, состоят в следующем:

1. Авторская теоретико-правовая эпистемология взаимодействия государства и общества на основе современных технологий правового регулирования. Представленная эпистемология раскрывает сущность – абстрактной теоретической конструкции (интеграции – дезинтеграции), построенной посредством процесса абстрагирования от конкретных эмпирических реалий и приведения социальных взаимосвязей к идеально-типическим формам, которая призвана репрезентировать значимые характеристики взаимоотношений между государством и обществом, выражающие специфику организации и функционирования определенного юридико-технического типа государственно-общественной системы. Теория юридико-технического государственно-общественного взаимодействия позволяет выявлять и систематизировать ключевые механизмы данной связи, среди которых выделяются институционализированные формы реализации властных полномочий органами государственной власти, транспарентность и доступность публичной информации, степень вовлеченности населения в процесс принятия коллективных решений и уровень легитимации частной инициативы субъектов гражданского общества.

Предлагаемая теория основана на ряде доктринальных положений:

- алгоритм дополнения тезауруса теории государства и права, обусловленной влиянием цифровизации, восприятием зарубежного опыта, движением от обыденного знания к научному;

- концепция методологии изучения сферы взаимодействия государства и общества, исходящая из междисциплинарного подхода к объекту исследования;

- классификационная схема моделей взаимодействия общества и государства, представленная четырьмя парадигматическими вариантами: бюрократический; потребительский, или сервисный; платформенный и «активно-участвующий» типы взаимодействия общества и государства;

- теоретико-правовая концепция юридико-цифровой культуры взаимодействия как основы для построения современных моделей взаимодействия;

- теоретико-правовая концепция механизма формирования юридико-цифровой культуры взаимодействия общества и государства;

- авторская система стимулов граждан к взаимодействию и участию в выполнении функций государства;

- интенция построения модели взаимодействия общества и государства в современной России;

- концепция юридико-технической организации взаимодействия государства и общества с использованием современных цифровых технологий.

2. Развитие взаимодействия государства и общества идет по вектору: бюрократическая парадигма – потребительская парадигма – платформенная парадигма – парадигма участия. Прогресс происходит постепенно от руководства гражданами со стороны публичной власти (бюрократическая концепция), через открытие данных и предоставление широкого спектра государственных услуг для удовлетворения потребностей граждан (потребительская, или сервисная концепция), добавляя использование технологических решений – платформ (платформенная парадигма), – к усилению роли граждан во взаимодействии и разделению ответственности между государством и обществом за процессы в стране (парадигма участия граждан в реализации функций государства). Соответственно данной трансформации взаимодействия меняется и его правовое регулирование. Каждая из выделенных моделей обладает совокупностью свойств, в том числе отражающих специфичность цифровой трансформации государственно-правовых институтов и формирующих качественно различающиеся условия и перспективы развития современных обществ в условиях ИКТ.

3. В истории государственности России заложены основы принципов (свободное, равное участие населения, отсутствие цензов, гласность, открытость, принятие решений большинством, активность) взаимодействия общества и государства. Традиция участия граждан в решении государственных дел, практикуемая с X в., создает основу устойчивого взаимодействия общества и государства, активного участия граждан, формирования культуры этих процессов. Она была укреплена советским опытом взаимодействия общества и государства, который уникален своей амбивалетностью: сочетанием патерналисткого, бюрократического подхода и широким вовлечением граждан в решение отдельных государственных и общественных вопросов. Опыт советского периода представляется наиболее релевантным к современным реалиям с точки зрения сочетания системы стимулов, законодательного оформления каналов взаимодействия и вовлечения граждан в решение большого числа социальных задач.

4. Концепция дополнения понятийно-категориального аппарата теории государства и права в связи с модернизацией взаимодействия общества и государства на основе современных технологий представлена разработанной системой взаимосвязанных понятий:

«сервисное государство» – это многогранное и многоуровневое социально-правовое явление в сферах организации взаимодействия власти и граждан, государственного механизма, государственного управления при котором общественно-властное взаимодействие, порядок работы государственных органов исходит из гуманистического фундаментализма и общей транспарентности системы для всего общества, реализация функций государства находится в прямой корреляции с интересами общества, а в основе явления лежит идея «служения» государственных институтов обществу и индивиду, открывающая перспективу «человекоцентричности» при осуществлении функций государства, что постулирует так называемую «сервисизацию» государственной власти, опосредованную цифровыми технологиями;

«платформенное государство» – это социально-правовое явление в сферах организации государственного управления, государственного механизма, взаимодействия общества и государства, при котором выстраивается организационная матрица взаимодействия власти и граждан, где избирается транспарентная информационная форма отношений с обществом на основе интернет-инфраструктуры и технологических платформ, с активной интеграцией передовых технологий в процессы принятия решений, помогающая оптимизировать предоставление государственных услуг, учитывать волю и мнение общества, улучшать работу органов власти, сформировать систему цифровых инструментов для повышения вовлеченности граждан в процессы принятия решений, реализации государственных функций;

«государство участия» – социально-правовое явление в сферах взаимодействия власти и граждан, организации государственного управления, построения государственного механизма, распределения государственных функций при котором конфигурация взаимоотношений общества и государства заключается в конвергенции органов государства и гражданского общества, основана на широком «совместном управлении», предполагающем активное включение негосударственных субъектов в решение государственных и общественных задач, участие граждан в процессах реализации функций государства, согласованное принятие решений, стимулирование автономии и самостоятельности граждан в вопросах волеизъявления и в действиях по принятию и реализации решений, имманентной ответственности за свои действия;

«*совместное управление*» – это концепция прямого взаимодействия общества и государства, основанная на активном вовлечении граждан, обладающих культурой взаимодействия, в отношения для создания солидарных общественных ценностей, при которой формируется система организации публичного порядка с учётом волеизъявления членов общества, социальных потребностей, объективированных в форме актов участия, а также конструируется базовый принцип функционирования современного государства и происходит

воспроизводство модели оптимальных взаимоотношений органов власти и общества;

«юридико-цифровая культура взаимодействия общества и государства» – совокупность социальных явлений (нормы, навыки, образцы поведения, ценности, опыт, способы их передачи и пр.), основанных на потребностях человека включаться в социальные, политические и культурные процессы государства с пониманием происходящего, разделяемых сообществом людей, а также паттерны поведения, находящие выражение в моделях поведения, при которых граждане взаимодействуют с государством, реализуя свои потребности, достигая свои и общественные интересы, участвуя в осуществлении государственных функций, решении общественно значимых вопросов, опосредованных современными (цифровыми) технологиями и нормами права;

«культура участия» – часть культуры взаимодействия, представляющая собой спектр социальных явлений (нормы, навыки, образцы поведения, традиции, ценности, опыт и пр.), основанных на коммуникативных потребностях человека, его желании быть услышанным, вовлеченным в решение задач общества и государства, а также это привычка и потребность включаться в социальные, политические и культурные процессы и содействовать развитию страны, региона и территории, основанных на добровольном начале, с пониманием происходящего, разделяемых конкретным сообществом людей, а также паттерны (образцы) поведения, находящие выражение в моделях поведения, при которых граждане участвуют в осуществлении государственной власти и местного самоуправления, реализации функций государства, решении общественно значимых вопросов;

«проактивные цифровые государственные услуги» – это действия органов власти по предоставлению государственных услуг в беззаявительном формате, т. е. без запроса индивида, основанные на предположении, что такой запрос (или его необходимость) есть, производимые с целью упреждения потребностей граждан, сокращения риска ошибок, экономии времени и ресурсов участников отношений, формирования благоприятных условий для жизни.

5. Сервисизация государства – это процесс, который развивает взаимодействие общества и государства, в основном через совершенствование системы существующих государственных услуг, в том числе при помощи современных технологий, в результате которого появляются наборы ориентированных на общество комбинаций услуг, поддержки, вариантов самообслуживания и информации. Взаимодействие власти и граждан при получении государственных услуг становится максимально эффективным: удобным, быстрым, дешевым, открытым, а каждый запрос граждан должен вызывать реакцию органов государства. Процесс основывается на принципах клиенто-(человеко)ориентированности, маркетизации государственных услуг, внедрения концепции так называемой «отзывчивой бюрократии». При этом сервисный характер должно иметь взаимодействие органов исполнительной власти и граждан (и преимущественно в социально-экономической сфере), а тотальная сервисизация всех ветвей власти вредна для развития государства и общества.

6. Реформирование системы государственных услуг в связи с широким применением ИКТ, трансформацией взаимодействия общества и государства, увеличением значения роли граждан в этой системе придало изменениям в данной сфере новый вектор – они выстраиваются на принципах омниканальности, удобства, проактивности (для заявителей) с ориентиром на вовлеченность граждан, мотивацию их к взаимодействию (как минимум, оцениванию процессов, выражению мнения, сообщению информации), ориентацию на результат, командообразование (привлечение общественных волонтеров и добровольцев), понимание «клиента» (для представителей государства).

7. Взаимодействие общества и государства в виде государственно-частного партнерства (ГЧП), когда осуществляется передача выполнения отдельных функций государства частным субъектам (формат аутсорсинга) эффективно и приемлемо для оказания государственных услуг с измеримым качеством, финансируемых в основном за счет пользователей. При передаче выполнения функций государства частным субъектам следует учитывать потенциальные угрозы потери качества услуг, конфиденциальной информации, а

значит, и доверия к власти, ее авторитета, что с большой вероятностью повлияет на процессы взаимодействия в целом.

8. Привлечение слишком большого круга участников к процессам реализации государственных функций имеет ряд недостатков. Последние можно объединить в классификационную схему пределов «совместного управления»: объективные пределы (организационные трудности, стоимость), субъективные пределы (низкая квалификация граждан, отсутствие компетенций, правовой нигилизм, возможности для лоббизма). К сферам, где участие общества должно быть ограничено определёнными пределами, относится и правотворчество[1]: необходим баланс широкого участия населения в правотворчестве и создания норм права лишь профессионалами.

9. Концепция «сервисное государство» и парадигма потребления во взаимоотношениях общества и государства постепенно сменяются парадигмой участия – участия граждан в реализации функций государства, когда государство предоставляет гражданам право самостоятельно создавать общественные ценности, используя при этом социотехнические инструменты, которые объединяют данные, услуги, ИКТ и людей, – платформы. Переход к модели участия идет через «платформенную» модель взаимодействия общества и государства.

10. Для организации взаимодействия общества и государства используются юридико-технические системы – платформы, которые меняют характер связей между гражданами и государственной властью, поэтому в условиях реализации платформенной модели взаимодействия необходима концептуальная основа для организации работы системы «власть-общество», в том числе для правового регулирования отношений. Требуется особое юридико-цифровое регулирование, где нормы права должны формулироваться с учетом существующих технологических инноваций, обладать такими характеристиками,

[1] Здесь и далее термин «правотворчество» используется в качестве равнозначного термину «нормотворчество».

как гибкость (в связи с постоянным изменением технологий), особая терминология, и проходить через стадию эксперимента при принятии.

11. Платформизация во взаимодействии общества и государства определяется как проникновение цифровых платформ в процессы и элементы этой сферы. Платформенная модель взаимодействия развивается параллельно с моделью сервисного государства, но представляет собой более высокий уровень организации взаимодействия общества и государства, подразумевает более широкое участие граждан в создании общественных ценностей и должно плавно перейти к модели «участие граждан в реализации функций государства», которая вберет в себя многие черты предшествующих конструкций.

12. Система принципов, являющихся основой для взаимодействия современного государства и общества, претерпела некоторые изменения в связи с перекомпановкой задач, которые поставило перед собой современное государство для первоочередного выполнения, – увеличилось значение «новых» принципов взаимоотношений власти и общества, построения государственного механизма, особую ценность приобрели принципы гибкости (быстрое реагирование на изменения окружающего мира), адаптивности (ответ на неопределенности и изменения в среде, «приспособление» к меняющейся и новой среде), транспарентности (открытость власти, правительственной информации, политических и правовых процессов), экологичности, бережливости (экономии бюджетных средств, государственных ресурсов, а также времени участников взаимодействия), что требует обязательного учета в ходе правотворчества и практического осуществления взаимодействия.

13. Новые практики взаимодействия общества и государства, характеризующиеся как транспарентные, инновационные, цифровые, с потенциалом на широкое привлечение общественности, требуют правовых основ для регулирования процессов взаимодействия, в том числе участия общества в реализации функций государства, стимулирования граждан к участию во взаимодействии. Процесс создания и применения правовых норм для упорядочивания общественных отношений, возникающих в процессе

современного взаимодействия с использованием цифровых технологий следует обозначить как юридико-цифровое регулирование. Оно включает в себя разработку норм в таких областях, как телекоммуникации, электронный документооборот, сбор и обработка данных, финансовые технологии, интеллектуальная собственность, защита персональных данных, цифровая идентификация, применение платформ при оказании государственных услуг, в избирательном праве и пр.

14. Систему стимулов к сотрудничеству граждан с государством, к активному взаимодействию, в условиях цифровизации может пополнить игрофикация (геймификация) как инструмент использования игровых технологий в неигровых сферах (в том числе и в государственно-властной). Она имеет потенциал для мотивации граждан к совместному управлению и активному электронному участию, что позволит заинтересовать граждан, привлечь их к деятельности на длительное время, при этом не требуется обязательной нормативной регламентации, в некоторых случаях будет достаточно рекомендаций. Целесообразно расширять применение приемов игрофикации, в том числе на порталах/платформах для взаимодействия власти и граждан, что приведет к активизации участия общества. Сформулированы рекомендации для органов региональной/местной власти по введению элементов игрофикации - приемов, мотивирующих граждан к активному взаимодействию (участию в выборах, голосовании по проектам или планировке территории и т. п.).

15. Механизм формирования юридико-цифровой культуры взаимодействия общества и государства включает следующие уровни, отличающиеся адресатом воздействия, нормативным правовым регулированием, комплексом используемых средств и проводимых мероприятий: а) массовый (уровень общего образования); б) специально-профессиональный (уровень среднего профессионального образования и высшего образования); в) информационно-просветительский (рассчитан на широкую аудиторию за счет проведения информационных кампаний в СМИ и социальных сетях, просветительских акций и мероприятий).

16. Сервисная модель взаимодействия государственной власти и общества была принята в нашей стране несколько лет назад, ее реализация идет с широким использованием платформенных решений. В этой связи сформировалась модель «сервисного государства на основе цифровых платформ» или «сервисно-платформенная» модель взаимодействия государства и общества.

17. Необходима разработка концепции правового регулирования современной модели взаимодействия общества и государства в условиях цифровизации, поскольку цифровая трансформация всех сфер жизни общества неизбежна и не может быть остановлена. В целях оптимизации нормативного правового регулирования данных процессов целесообразно использовать потенциал экспериментальных режимов. При этом идеальной, универсальной или общей для нескольких стран модели правового регулирования нет. Ошибкой будет и полный перенос эффективных зарубежных практик взаимодействия общества и государства в условиях цифровизации на российскую почву. Требуется выстраивание отечественной модели взаимодействия с учетом национальной самоидентичности.

18. Для формирования юридико-цифровой культуры взаимодействия общества и государства в образовательных организациях необходимо, чтобы «гражданское образование» стало частью каждого предмета учебного плана, что является элементом механизма формирования культуры юридико-цифрового взаимодействия массового и специально-профессионального уровня. Потенциальная продуктивность такого подхода выражается в том, что он поможет преодолеть электоральный абсентеизм, повысить уровень гражданской активности и общий уровень правовой культуры. Необходимо дополнить содержание программ всех уровней образования в части внесения в них элементов, формирующих компетенцию «Гражданская позиция» новыми курсами/дисциплинами и/или отдельными заданиями и темами в уже имеющихся курсах и дисциплинах, а также путем реализации новых педагогических практик.

19. Комплекс правовых новелл, направленных на совершенствование современной модели взаимодействия государства и общества.

1). Для сферы деятельности по оказанию государственных услуг:

а) дополнить статью 4 «Основные принципы предоставления государственных и муниципальных услуг» Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» следующими принципами:

– «омниканальность, то есть интеграция различных каналов коммуникации как онлайн (цифровых), так и оффлайн (физических), обеспечивающих возможность непрерывной связи между субъектами оказания государственных или муниципальных услуг и их получателями»;

– «клиентоцентричность, предусматривающая учет интересов получателей государственных услуг при принятии всех решений, создание наилучших условий и формирование лучшего опыта для них»;

б) изложить содержание пункта 2) указанной статьи в следующей редакции:

«заявительный порядок обращения за предоставлением государственных и муниципальных услуг, при этом государственные услуги в социально значимых сферах, определенных Постановлением Правительства РФ, оказываются в проактивной форме».

2). Для развития института обращений:

а) изложить дефиницию «обращение гражданина» в статье 4 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в следующей редакции:

«Обращение гражданина (далее – обращение) – направленное в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме, в форме электронного документа, в том числе с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – Единый портал), иной информационной системы государственного органа или органа местного самоуправления либо официального сайта государственного органа или органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в форме сообщения в социальных

сетях/мессенджерах, обеспечивающих идентификацию и (или) аутентификацию граждан (если иное не установлено настоящим Федеральным законом), предложение, заявление, жалоба, сообщение, мнение, консультация, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления».

б) дать определение в этой же статье понятиям «сообщение», «мнение», «консультация»:

консультация – это экспертная информация от гражданина об известных ему фактах, обстоятельствах в связи с профессиональной деятельностью, имеющимся образовании, жизненным опытом, в том числе связанная с оценкой фактов, событий, обстоятельств;

сообщение – обращение гражданина с какой-либо информацией (не связанной с профессиональными знаниями), указывающее на факты, известные данному гражданину;

мнение – индивидуальная точка зрения субъекта относительно какого-либо явления, события, факта или идеи, сформированная на основе личного опыта, убеждений, ценностей и доступной информации.

3). Для совершенствования гражданского общества и повышения культуры взаимодействия граждан: дополнить содержание компетенции «Гражданская позиция» федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, расширив ее содержание до знаний и умений выпускника реализовать свою гражданскую позицию, гражданские права и обязанности, владений навыками взаимодействия с органами власти: *«Способность к осознанным, активным, ответственным и компетентным действиям по участию в жизни государства и общества с целью их позитивных изменений и развития на основе знаний, традиций, ценностей и с критическим осмыслением реальности, в том числе с нетерпимым отношением к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению».*

20. Проекты программных актов в сфере взаимодействия государства и общества:

1) проект Стратегии вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения в условиях построения «цифрового государства»;

2) проект Дорожной карты (плана) мероприятий «Вовлечение россиян в реализацию функций государства» на 2026 – 2031 годы.

Теоретическая значимость работы. Знания, полученные в результате исследования, позволяют выявить научные пробелы в теории государства и права и помогают новым исследованиям, охватывающим вопросы политического режима, взаимодействия общества и государства, правовой культуры, функций государства, его принципов. Выводы исследования способствуют расширению существующей теории государства, других отраслей знания. Они связаны с предложением моделей взаимодействия общества и государства, оценкой его процессов, эффективной организацией государственных услуг, структурированием знаний о типах, чертах моделей взаимодействия общества и государства. Значение настоящей работы выражается и в том, что она концептуально дополняет теорию взаимодействия государства и общества, развивает теорию отраслевых юридических наук и государственного управления, предлагая типизацию и моделирование взаимоотношений власти и населения, определения особенностей каждой модели. Выводы и предложения автора, а также поставленные исследовательские вопросы способствуют углублению теоретического знания о природе и особенностях современного государства при учете процессов цифровизации и развития информационного общества, задают направления научного поиска в данной сфере. В исследовании сформулированы авторские определения понятий, предназначенных для теории государства, нормативных актов, которые могут быть также учтены в политологии, теории государственного управления.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его отдельных результатов при организации взаимодействия органов власти и населения, реформирования сферы оказания государственных услуг, работы с обращениями граждан, создания и продвижения специальных государственных платформ (порталов государственных услуг,

информационных, краудсорсинговых), ведения аккаунтов в социальных сетях органами власти, формирования концепций проектов нормативных правовых актов, сбора идей у граждан, в повышении квалификации и переквалификации государственных и муниципальных служащих, а также преподавании ряда дисциплин. Предложены для практической реализации идеи-варианты повышения культуры взаимодействия, активизации гражданского участия, в том числе путем изменения педагогических практик в образовательных учреждениях.

Степень достоверности и апробация результатов. Выводы, отдельные результаты диссертационного исследования были апробированы в опубликованных научных статьях, монографической работе, выступлениях на конференциях, при реализации гранта, внедрены в учебный процесс университета, использовались при проведении занятий повышения квалификации для государственных служащих, применяются в работе государственных и муниципальных органов власти.

Основные положения работы опубликованы автором в одной монографии и научных статьях (более 50 статей) общим объемом более 30 п. л.: 32 статьи опубликовано в ведущих научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, выводы по теме объективированы в научных статьях, опубликованных в изданиях, включенных в научные базы Scopus и Web of science (4 статьи).

Выводы исследования автора нашли свое отражение в выступлениях на международных научно-практических конференциях 2015 – 2025 гг. (в городах Великий Новгород, Владимир, Иваново, Кострома, Минск, Москва, Нижний Новгород, Орел, Тамбов, Санкт-Петербург и др.).

Результаты исследования использовались в 2020 г. в ходе научно-исследовательской работы по научному проекту РФФИ и ЭИСИ 20-011-31680 «Стимулирование граждан к «совместному управлению»: фокус на стратегиях геймификации».

Выводы, сделанные в процессе исследования, внедрены в образовательную деятельность вузов (Владимирского государственного университета,

Астраханского государственного университета, Ивановского филиала РАНХиГС), апробированы в ходе проведения занятий по предметам «Теория государства и права», «Актуальные проблемы теории государства и права», «История государства и права», «Правоведение» и другим правовым дисциплинам, а также по курсам повышения квалификации для государственных служащих Ивановской области.

Положения работы и выводы автора внедрены в деятельность Департамента государственной молодежной политики и воспитательной деятельности Министерства науки и высшего образования РФ, Московской медиагруппы, УФНС России по Владимирской области, УМВД России г. Владимира, Избирательной комиссии Владимирской области, Администрации губернатора Владимирской области, органов муниципальной власти Владимирской и Ивановской областей.

Соответствие диссертации паспорту специальности 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки. Работа охватывает вопросы следующих областей исследований: 9. Взаимодействие общества и государства; 13. Цифровизация в государственно-правовой сфере; 17. Правовое сознание, правовая культура и правовое воспитание; 33. Государство, право и научно-технический прогресс.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование структурно состоит из следующих частей: введения, пяти глав, включающих 21 параграф, заключения и списка литературы.

Глава 1 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

1.1 Исторические предпосылки юридико-цифрового взаимодействия общества и государства

Изучение взаимодействия современных государства и общества, его [взаимодействия] форм, методов, мотивов сотрудничества власти и населения, специфики выбранных форматов и стилей общения показывает, что реализуемые сегодня модели имеют в своей основе исторические корни, демонстрируют менталитет нации и особенности социокультурного наследия народа.

Анализ используемых ранее инструментов взаимодействия власти и общества, форм участия граждан в реализации функций государства, тем более проведённый сквозь призму современной социальной действительности, дает глубокое понимание традиционных форм взаимодействия власти и населения, существовавших моделей взаимодействия, причин перехода к современным формам и моделям, полезен при выборе подходов к их правовому регулированию. Изучение исторических источников и литературы показывает, как строились взаимоотношения власти и граждан, как складывались и выбирались инструменты взаимодействия, как выглядели организационно-правовые связи между обществом и государством, как формировались и развивались институты общества, став в итоге равноправными партнерами государственных органов (согласимся с Е. В. Перепелица, которая говорит о современном равновесии государства и общества[1]).

Взаимодействие граждан и государства в наше время зачастую можно назвать сложным и противоречивым, несмотря на наличие у большинства

[1] Перепелица Е. В. Взаимодействие государства и общества: актуализация давней повестки // Журнал Белорусского государственного университета. Право = Journal of the Belarusian State University. Law. 2022. № 3. С. 13-22.

инструментов участия глубоких историко-культурных и социальных корней. Современные формы взаимодействия, предлагаемые ныне инструменты участия, создаваемые властью каналы взаимодействия, как правило, внедряются «сверху», а не возникают по инициативе граждан и затем не используются ими. Это наблюдение довольно удивительно, поскольку общественное участие издавна было в традиции российского населения. Например, местное самоуправление в России исторически построено на традициях народного управления, обусловлено более чем тысячелетней историей страны.

Конечно, еще в догосударственном обществе, можно заметить органы общественного самоуправления (собрания рода, советы родов и племен), которые участвовали в решении общих дел. Они еще не были отделены от общества, но являлись прообразом органов будущей государственной власти. Н. М. Карамзин писал: «В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном… избирали вождей…»[1].

Л. Ф. Болтенкова верно пишет по вопросу самоорганизации населения во времена формирования государства Древней Руси: «Самоорганизация людей влечёт самоуправление, а самоуправление – это признак демократии»[2]. Народ славянский уже после подчинения относительно централизованной власти князя сохранял традиционные «древние вольности» и при необходимости собирался на общий совет. Такие народные собрания почти во всех территориях назывались вече[3]. Вече традиционно при изучении истории развития российской государственности называют первой формой участия населения в решении общих для страны и региона дел. Например, более трех веков новгородское народное вече выступало инструментом участия граждан в делах их территории и формой управления. Надо заметить, что в других регионах вече не обладало таким значением, как в Новгороде и Пскове, и обычно не вмешивалось в работу

[1] Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2007. С. 31.
[2] Болтенкова Л. Ф. Формы народоправства в русском государстве: IX - XVI вв. // Казачество. 2016. № 3 (16). С. 33.
[3] Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2007. С. 83.

княжеской власти. Лишь особые случаи и ситуации вызывали активизацию населения и общего собрания, когда его голос становился решающим.

Историки сходятся на том, что в Великом Новгороде существовала сложная, но достаточно демократичная система управления. На народном собрании (вече) принимались важные решения и выбирались ключевые должностные лица. Новгородцы активно участвовали в политической жизни и формировании государственных институтов.

Интересно историко-правовое сравнение правомочий и статуса вече Древней Руси и современных публичных слушаний, проведенное С. С. Зениным[1] и З. Г. Тамазовым[2]. Найденные черты сходства (привязка к административно-территориальному делению, порядок – сценарий проведения, наличие специальной администрации для организации собраний, составление итогового документа, заметное влияние обычаев на процесс проведения собрания, отсутствие ограничений (цензов) для участия жителей[3], рекомендательный характер принятых вече решений, добровольность участия, открытость мероприятия, свобода присутствия) позволяют сделать вывод о демократических традициях, прошедших сквозь века, о генезисе этих традиций.

А. Н. Кураев, размышляя о вечевой демократии в Великом Новгороде, говорит о рисках демократии в принципе и скептически отзывается о подлинно демократическом характере устройства взаимодействия власти и населения Новгорода. Возрождение демократии в средневековых городах Европы было связано с развитием бизнеса и производства. Предпринимателям того времени

---

[1] Зенин С. С. Публичные слушания и народное вече (исторический аспект) // История государства и права. 2008. № 15. С. 16–18.

[2] Тамазов З. Г. Публичные слушания как форма осуществления населением права на местное самоуправление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук 12.00.02 / Тамазов Зубер Гидович. Краснодар, 2007. С. 17.

[3] Профессор А. Н. Кураев, впрочем, пишет о наличии цензов: возраста, пола и даже имущественного положения. Но он же указывает, что, благодаря гласности веча, все категории населения могли следить за ходом собрания, выражать свою реакцию и даже оказывать на вече давление (Кураев, А. Н. Вечевая демократия в Великом Новгороде / А. Н. Кураев // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания : сборник материалов III Международной научной конференции, Красково, 25 апреля 2019 г. Красково: Перо; Гуманитарно-социальный институт, 2019. С. 70–73.)

потребовались удобные условия для их деятельности. Демократия же с ее инструментами участия давала возможность выбирать такую власть, которая помогала бы купцам в торговле, а ремесленникам – в производстве. Поэтому именно города-государства в средние века явились «пионерами демократии», именно у них мы наблюдаем и анализируем инструментарий для вовлечения населения в решение общих дел. А. Н. Кураев называет такое устройство «феодальной демократией», где демократические принципы представительства и выборности должностных лиц на вече создавали *иллюзию* (курсив автора) народовластия[1].

В дальнейшем при усилении княжеской центральной власти инструмент участия – вече – прекратил свое существование. Следует заметить, что инструментарий общения государства и населения был довольно бедным многие сотни лет.

В княжествах на территории Древней Руси действовали старейшины (в источниках Нестора и затем Н. М. Карамзина[2]). Ряд исследователей видят в работе старост вариант народоправства, так же, как и в действиях верви по уплате виры, а затем ее распределения между членами общины[3]. Если признать эти институты формами самоуправления, то можно говорить и о том, что в них имманентно вплетены инструменты участия граждан в осуществлении функций государства.

Модель взаимодействия государства и общества того времени можно назвать патриархальной. В ее концепте сильны были традиции народа, сохраняемые с давних времен, еще с догосударственного уклада, элементы вольности, присущие ментальности славян, преобладали прямые элементы взаимодействия, которые постепенно находили свою регламентацию в законах.

---

[1] Кураев А. Н. Вечевая демократия в Великом Новгороде // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания: сборник материалов III Международной научной конференции, Красково, 25 апреля 2019 г. Красково: Перо; Гуманитарно-социальный институт, 2019. С. 70–73.
[2] Там же. С. 84.
[3] Болтенкова Л. Ф. Указ. соч. С. 34.

Граждане могли пожаловаться на действия представителей власти – подать челобитную. На основании поступавшей на имя Великого князя челобитной издавалась грамота, где принималось решение по поданному обращению[1]. Так начиналась многовековая история института права граждан на обращение.

Право на обращение эволюционировало медленно, десятилетиями складывалась процедура работы с челобитными, формировались меры ответственности должностных лиц. Первоначально можно было обратиться к самому государю (по нормам Судебников 1497 года, 1550 года), но Соборное уложение 1649 года запретило напрямую обращаться к царю[2]. Специальный приказ выступил той инстанцией, которая отфильтровывала жалобы и направляла их по подведомственности.

Традиция обращаться напрямую (и зачастую сразу же, минуя другие инстанции) к высшему государственному лицу сохранилась в ментальности нашего народа. Обращения, направленные напрямую Президенту РФ, и в настоящее время не теряют своего значения, а их количество лишь нарастает[3].

Петр I ввел должность рекетмейстера[4], в функции которого входило принимать жалобы на коллегии и канцелярии и докладывать Правительствующему Сенату о результатах рассмотрения. Назначение канцелярии рекетмейстера, ее подчинение и правовое положение самого должностного лица вызывают споры у

---

[1] Кононов П. И. Формирование основ административного права Московского государства (вторая половина XIV - XV век) // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 65–73.

[2] Глава X. Соборное уложение 1649 г.: Учеб. пособие для высшей школы / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. М., 1961. С. 96. // URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/10.htm (дата обращения: 27.10.2025).

[3] В 2024 году поступило 1021359 обращений (67,139 процента корреспонденции); в 2023 - 926130 обращений (65,735 процента корреспонденции); в 2022 году – 878406 обращений (63,2 процента корреспонденции); в 2021 году – 867491 обращений (60,2 процента корреспонденции) // Информационно-аналитические обзоры сайта Управления Президента по работе с обращениями // URL: https://letters.kremlin.ru/digests/year/2024; https://letters.kremlin.ru/digests/year/2023; http://letters.kremlin.ru/digests/year/2022/285; https://letters.kremlin.ru/digests/year/2021 (дата обращения: 27.10.2025). См. об этом так же: Верещагина, Л. Н. Практика отстаивания интересов граждан через обращения в органы государственной власти как форма социального контроля : автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Верещагина Лилия Николаевна. Краснодар, 2011. 26 с.

[4] Галузо В. Н. О должности рекетмейстера в Российской Империи // Закон и право. 2010. № 11. С. 45–47.

современных исследователей. Одни считают его органом судебного надзора[1], другие связывают рекетмейстера с прокурором[2], называют соподчиненным ему, третьи называют рекетмейстера органом при Сенате[3]. Так или иначе, этот орган был создан для рассмотрения обращений (челобитных), от которых Петру I не было «нигде покоя», без разделения на административное и судебное производство. Производства были разведены по разным органам значительно позже – в 1763 году Екатериной II.

Сложившийся в XVIII веке порядок подачи прошений и их рассмотрения к началу правления Александра I оказался весьма запутанным и требовал реформирования. М. М. Сперанский предложил создать при Государственном Совете специальное подразделение – Комиссию прошений, которая принимала бы обращения на высочайшее имя. Обращения типизировали на виды, например, жалобы делили на «переносные или частные»[4], а делопроизводство было определено в нормативном акте. И предложенные выдающимся реформатором правила просуществовали довольно долго: с некоторыми изменениями порядок, сложившийся в XIX веке, сохранялся до 1917 года.

Уместно указать М. М. Сперанского как одного из первых исследователей феномена общественного мнения. Он определил, что «дух народный» (в современном употреблении – «общественное мнение») имеет влияние на государство и реализацию им политики. Размышляя о государственном устройстве, о направлениях развития страны и о реформах государственного механизма, в рукописях, названных автором «О силе общего мнения» (1801 – 1802 гг.), М. М. Сперанский указывал на набирающую значение силу, которая «делается главной стихией политического бытия» и даже «определяет судьбу человеческих

---

[1] Стус Н. В. Институт генерал-рекетмейстера: орган судебного надзора в Российской империи в XVIII веке // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 1 (27). С. 21–25.
[2] Галузо В. Н. О должности рекетмейстера в Российской Империи // Закон и право. 2010. № 11. С. 45–47.
[3] Кононов П. И. Правительствующий Сенат в период правления Петра Великого как орган административной юрисдикции // Правосудие. 2022. Т. 4, № 3. С. 54–75.
[4] Семенов А. М. «Будничные дни» Комиссии прошений в годы правления Александра I // История повседневности. 2017. № 2 (4). С. 22–30.

обществ»[1]. Есть предположение, что размышления М. М. Сперанского на данную тему обусловлены действительно усиливающимся в своем значении мнением народа и выражают в какой-то степени мысли самого Александра I[2].

Можно смело утверждать, что в работах М. М. Сперанского есть рассуждения и о потребительской модели взаимодействия общества и государства, и даже о современной нам сервисной модели взаимодействия. Так, он писал об идеальной свободе (в представлении рабочего народа, черни), которая выражается в том, чтобы быть «не управляемою», «ленивою» и всегда находится «в поиске обилия и дешевизны». Свобода же образованных людей отлична от описанного – это свобода деятельная, ограниченная государством, с поиском «правильного» управления[3].

Не отрицая наличия элементов общественного участия (пусть и с довольно бедным инструментарием) в период монархии, следует заметить, что оно, как и самоуправление, было весьма ограниченно. Сложившуюся модель взаимодействия общества и государства можно именовать патерналистской. Ей свойственна низкая активность населения, его адаптация к решениям власти, их принятие, узость перспектив взаимодействия, ведущая роль во взаимоотношениях – у государства. Здесь уместно привести мнение И. А. Гобозова, который, рассуждая о типе взаимодействия государства и общества при феодальном способе производства, указывает, что взаимодействие приобретает односторонний характер[4].

Традиционные и характерные для народов Руси формы взаимодействия довольно долго сохранялись, но не избежали трансформации и постепенно утрачивались, сохранив некоторую значимость лишь на сельских территориях. На протяжении сотен лет, вплоть до 1917 года, сохранялось значение сельской

---

[1] Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. Ленинград: изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 77.

[2] Андреева Т. В. Записки императору Александру М. М. Сперанского, М. Л. Магницкого, Н. С. Мордвинова: к постановке проблемы общего и общественного мнения в России в начале XIX в // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006. № 3. С. 49.

[3] Сперанский М. М. О законах. Избранные работы и письма. М.: Юрайт, 2024. С. 142.

[4] Гобозов И. А. Общество и государство: их взаимодействие // Философия и общество. 2011. № 2. С. 8.

общины, особенно на «государственных» землях и в северной части страны. Община оставалась преемственной формой древнего народоправия. Органом управления в общине был сход, который считался довольно действенным образованием, и, например, во второй половине XIX – начале XX веков именно на сходе выбирался сельский староста, у такого собрания были элементы судебно-полицейской власти.

Следует ли относить описанные выше выборные органы X – XIX веков и земское самоуправление к инструментам взаимодействия общества и государства, тем более что появились они, как считается, благодаря инициативе снизу? Представляется, что эти органы, как более близкие к населению, демонстрировали отношения власти и общества, и их можно назвать инструментами взаимодействия, тем более за отсутствием других инструментов и форм. Масштабы народоправства и полномочия народа к концу XIX века сократились, но самоуправление общества как факт, как институт, осталось[1].

Заметные изменения в жизни российского общества в конце XIX – начале XX вв. придали проблеме взаимоотношений личности и государственной власти особую актуальность, на это указывает Л. А. Морозова, обращая внимание на то, что юристы того времени высказывались о необходимости ограничения государственной власти в интересах обеспечения свободы личности, совмещения общественных и личных интересов[2].

Советское государство, отменив имперские правила, ввело систему Советов, приняло ряд документов, которые касались обращений граждан, начало экспериментировать в избирательной системе. Формами взаимодействия общества и государства в СССР стали обращения к органам власти, устные (прием граждан) и письменные, выборы, наказы депутатам, заслушивание отчетов депутатов, их отзыв, обращения в СМИ, собрания граждан. Инструменты воздействия

---

[1] Болтенкова Л. Ф. Формы народоправства в русском государстве: IX – XVI вв. // Казачество. 2016. № 3 (16). С. 35.

[2] Морозова Л. А. Взаимоотношения личности и государственной власти в историко-правовой мысли России XIX - начала XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 1. С. 116.

государства на общество были следующие: контроль над избирательным процессом (ограничение в правах части населения, установление норм избирателей и пр.), распространение коммунистической идеологии (в том числе с использованием специальных приемов), проведение массовых политических акций, антирелигиозная пропаганда[1]. Все это использовалось для установления нужного политического режима, имело явно не созидающее воздействие, с заметными элементами насилия. Общество реагировало на проводимую политику неоднородно, но постепенно интегрировалось в новые условия, адаптируясь к государству.

Декреты и Постановления ранней советской власти 1918–19 гг. («О точном соблюдении законов», «Об устранении волокиты») установили новый порядок подачи и рассмотрения жалоб. Следует заметить, что с самого начала существования советского государства работе с обращениями придавалось большое значение. Обращения считались важной формой взаимодействия власти и населения, каналом информирования о нуждах, запросах и мнении граждан. Они выполняли функцию социологического института, демонстрировали обратную связь с обществом.

В. И. Ленин писал о необходимости и неизбежности привлечения граждан (в будущем «поголовно всех») к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством[2]. Поставленная В. И. Лениным задача была принята как руководство к действию правительством СССР и фактически была довольно эффективно реализована.

---

[1] См. об этом, например: Сухарев А. А. Власть и общество зауральского города в условиях НЭПа: 1921 – 1929 годы (на материалах Тюмени): автореф. дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. Тюмень, 2014. 25 с.

[2] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 36. С. 74. // URL: http://uaio.ru/vil/36.htm (дата обращения: 30.09.2025).

Лидеры страны приглашали общество к сотрудничеству в деле решения общих задач и выполнения функций государства[1]. В Постановлении ЦК КПСС 1967 года[2] для стимулирования инициативы и творческой активности советского народа работа с обращениями признавалась важнейшим направлением в деятельности государственных и партийных органов. Для укрепления связей органов власти с населением, в 1968 году был принят еще один нормативный правовой акт, где подчеркивалось значение обращения[3]. Он был направлен на повышение эффективности работы с материалами от граждан, которые в очередной раз объявлялись ценным источником информации.

Принятие указанных актов, практика их реализации, зафиксированные в нормах виды обращений, ожидание государством от граждан не только жалоб, но и критики, информации, предложений демонстрируют высокую оценку такого вида взаимодействия власти с населением, понимание его значения. Отношения посредством письменной коммуникации, подачи гражданами своих обращений трактовались как участие населения в управлении государством. Но, несмотря на признанное значение обращений при вовлечении населения в дела управления, в советских конституциях долгое время право граждан на обращение закреплено не было[4]. Нормы об участии граждан в управлении государственными и

[1] См., например: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 3 марта 1937 г. Вечернее заседание. Доклад т. Сталина // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 3–15. // URL: https://istmat.org/node/30245 (дата обращения: 10.11.2025); Материалы XIX съезда ВКП(б)-КПСС – Г. М. Маленков. Отчетный доклад Центрального Комитета ВКП(б) XIX съезду партии. // URL: https://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall&start=5 (дата обращения: 10.11.2025).

[2] Постановление ЦК КПСС. Об улучшении работы по рассмотрению писем и организации приема трудящихся. 29 августа 1967 г. // По тексту документа, хранящегося в ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 59, д. 405, л. 102–107. (Впервые опубликовано в изложении в журнале «Партийная жизнь». 1967. № 18. С. 8–10).

[3] Указ Президиума ВС СССР от 12.04.1968 N 2534-VII (ред. от 02.02.1988) «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» // СПС Консультант Плюс (дата обращения 30.11.2025).

[4] В Конституцию 1977 года институт права граждан на обращения был включен впервые (статья 49).

общественными делами появились лишь в Конституции СССР 1977 года и в Конституциях республик 1978 года, в том числе и России[1].

Управление граждан и общественных организаций довольно активно практиковалось в коммунальной сфере, в образовании, здравоохранении, торговле. Про общественные начала даже в правоохранительной деятельности пишет А. П. Косицын (1970 г.): «В СССР государство делит функции охраны правопорядка с гражданами»[2]. В первую очередь в этой связи следует говорить о добровольных народных дружинах (ДНД).

Институт народных дружин, появившись в России конце XIX века, особое развитие получил в СССР, где вклад добровольных общественных помощников милиции в борьбу с хулиганством и мелкой преступностью за годы существования ДНД следует признать значительным. В литературе даются сведения, что советские граждане активно вступали в такие дружины и, например, в Ленинграде в сентябре 1959 г. было 35 тыс. дружинников, а спустя несколько лет уже – 65 тыс. человек[3]. При этом члены ДНД помогали не только криминальной милиции, но и пограничникам, инспекторами ГАИ, образовались и «зеленые дружины», оказывавшие помощь государственным инспекциям в сфере охотоохраны, лесоохраны, охраны вод, рыбнадзора. Свидетельствует ли востребованность общественных помощников о том, что были проблемы с законностью[4], а государство не справлялось самостоятельно, – вопрос спорный. С помощью института ДНД государство не только выполняло свои задачи, но и формировало активную жизненную позицию граждан, повышало их правовую культуру, сознательность населения, вело профилактическую работу. Несомненным достижением советского государства было то, что власти смогли привлечь к данной

---

[1] Посредством участия в общественных организациях и трудовых коллективах (ст. 7 – 8); граждане могли участвовать в управлении государственными и общественными делами, обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения (ст. 48).
[2] Косицын А. П. Социалистическое государство. Закономерности возникновения и развития. М.: Юридическая литература, 1970. С. 399–401.
[3] Байтин М. И., Гольдман В. С. Байтин М. И., Гольдман В. С. Народные дружины. Саратов, 1969. С. 16.
[4] Рагунштейн А. Г. Правовой статус добровольных народных дружин по охране общественного порядка (1959-1991 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 121

работе сотни тысяч и даже миллионы граждан, что дало положительный результат в виде снижения числа преступлений и правонарушений.

Одной из причин прекращения деятельности ДНД стала социально-экономическая обстановка в стране, а также, как ни странно, увеличение численности дружинников. Последнее привело к потере контроля над их деятельностью и формализму при выполнении возложенных обязанностей. Анализ опыта времен СССР полезен при организации современных общественных дружин, а реализуемая в то время практика может быть имплементирована в их работу. Например, полезным представляется опыт по стимулированию гражданской активности и привлечению населения в деятельность ДНД (дополнительные дни к отпуску, отгулы, право бесплатного проезда и пр.), поскольку в наше время требуется популяризация институтов добровольных объединений, тем более общественных формирований правоохранительной направленности, которые в начале 2000-х получили возрождение, а в 2014 году и правовую регуляцию[1].

Л. И. Ким и А. М. Барнашов, характеризуя народное представительство в СССР (1982 г.), указывают на необходимость реализации государственной власти при активном участии широких масс трудящихся через различные формы их общественной самодеятельности и самоуправления[2]. На Советы, как органы самоорганизации, самопредставительства и самоуправления населения (истолкование и концептуализация назначения Советов дана с опорой на слова В. И. Ленина), возлагалась задача в выявлении воли и интересов советского народа. Был построен довольно понятный и простой для граждан механизм постоянного участия в управлении государственными и общественными делами. Более того, механизм этот был работающий, действенный и довольно эффективный. Считалось, что люди принимают через Советы активное участие в делах общества и государства, полноправно управляют страной. Л. И. Ким и А. М. Барнашов привели цифры участия граждан через Советы: более 2,25 млн. депутатов были

[1] Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства РФ. 07.04.2014. № 14. Ст. 1536.
[2] Ким Л. И., Барнашов А. М. Народное представительство в СССР. Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1982. С. 8.

выбраны и работали в Советах, более 20 млн. человек прошли «школу активной государственной работы»[1].

Конечно, при анализе форм взаимодействия государства и граждан следует говорить и про выборы. У этого инструмента взаимодействия большой потенциал социального назначения. Выборы в СССР являлись важной формой активизации всей общественно-политической жизни, служили делу воспитания советского гражданина[2]. Выборы одновременно выполняли функции проверки работы депутатов за предшествующий период и получения информации от населения (например, в виде наказов).

Представляется, что система, выработанная в советское время, способствовала эффективному участию населения в государственном управлении, воспитывала активность в обществе, были созданы условия, в том числе и правовые, для взаимодействия с обществом, для вовлечения его в реализацию функций государства. Первоначально советское государство выстроило патерналистскую модель взаимодействия с обществом, когда государство, играя ведущую ролью, определяет правила и перспективы взаимодействия, а общество, полагая, что государство действует в его интересах, полностью подчиняется проводимой политике. Однако для патернализма характерна пассивность общества, низкая активность граждан. Советский патернализм имел свои особенности, стимулируя активность общества идеологией и социальной рекламой, юридически закрепляя каналы взаимодействия. Во второй половине советской эпохи большое значение придавалось профилактической работе, поощрениям и наградам, была заметно снижена репрессивность. Стимулы для активизации общества к совместной работе, к сотрудничеству и кооперации были предусмотрены довольно действенные. Однако если в 50-е гг. XX века среди реакций общества на государственную политику преобладали активные формы

[1] Там же. С. 48.
[2] Ким Л. И., Барнашов А. М. Народное представительство в СССР. Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1982. С. 57.

(включение в систему, трансляция идеологии)[1], то к 80-м гг. XX века заметны проявления конформизма и более ярко выражены пассивные формы адаптации к государственным решениям и даже протестное поведение.

Следует констатировать дуальный характер тенденций в развитии отношений общества и государства в СССР: монополизация власти узким кругом номенклатуры и массовое вовлечение трудящихся в управление государством. Наряду с широким вовлечением населения в управленческую деятельность, советская бюрократия намеренно дистанцировала широкие народные массы от реального управления.

Уникальная практика и созданные традиции участия, способы активизации населения, формирования культуры участия были частично утрачены в 90-е гг. XX века.

Новейшая история развития взаимодействия власти и общества пополнилась новыми инструментами. Так, двадцать лет назад законодатель закрепил еще одну форму участия населения в осуществлении местного самоуправления, которая является инструментом участия в решении общих дел – публичные слушания[2]. В некоторых регионах слушания проводились и до принятия норм закона. Как пишет С. С. Зенин, произошла рецепция форм участия населения в осуществлении местного самоуправления[3]. Несмотря на то, что решения, принимаемые на публичных слушаниях, носят рекомендательный характер, данный инструмент способствует тому, чтобы воля народа была выяснена, услышана и учтена. Доктринальные толкования понятия публичных слушаний предлагаются в

[1] Классификация форм адаптации приведена по: Деннингхаус В., Савин А. И. На встречных курсах: политическая коадаптация власти и общества в брежневскую эру // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 279–293.

[2] Ст. 28 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

[3] Зенин С. С. Публичные слушания и народное вече (исторический аспект) // История государства и права. 2008. № 15. С. 16–18.

диссертационных работах. Например, качественное определение дает З. Г. Тамазов[1].

Еще одна форма прямого осуществления власти народом, нормативно закрепленная в постсоветское время, – сход граждан, виды которого предусмотрены в законе[2]. История института идет из глубины веков, сохраняя основные характеристики схода: отсутствие цензов (не считая условия по возрасту), свобода участия, непосредственное участие, процедурность[3]. В небольших населенных пунктах сход граждан является основным инструментом народовластия и даже заменяет местный референдум, представительный орган муниципального образования. Решения, принятые на сходе граждан, подлежат обязательному исполнению на территории поселения и оформляются в виде правовых актов.

Таким образом, в истории государственности нашей страны мы видим основу демократических традиций современной России. Демократические элементы участия населения в принятии общих решений у славян еще до X вв. зафиксированы в исторических источниках. Интересным и важным инструментом взаимодействия власти и общества того времени было вече, которое имеет сходство с некоторыми современными формами взаимодействия (сходы и публичные слушания), в том числе по правовой природе. Следовательно, можно говорить о том, что принципы для форм взаимодействия общества и государства и участия граждан в управлении делами региона или всего государства исторически обусловлены: свободное, равное участия населения, отсутствие цензов, гласность, открытость, принятие решений большинством, активность.

---

[1] Тамазов З. Г. Публичные слушания как форма осуществления населением права на местное самоуправление: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Тамазов Зубер Гидович. Краснодар, 2007. С. 10, 43.

[2] Ст. 25 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает два вида сходов граждан: сход в малочисленных поселениях, где он осуществляет полномочия представительного органа муниципального образования, и сход граждан, на котором непосредственно населением поселения или населенного пункта решаются отдельные вопросы местного значения.

[3] Быкова А. Г. Сход граждан как институт муниципального права // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 14 (3). С. 12–17.

Право граждан на обращение имеет многовековую историю, настолько давнюю, что термины, которыми именовали обращения успели несколько раз устареть. Так, давно не применяется слово «челобитная». А. Б. Зеленцов справедливо указывает на то, что в условиях современного государства устаревает и термин «жалоба»[1].

Исторический анализ дает основание разделить формы взаимодействия общества и государства и его инструменты на традиционные (применяются веками: участие в выборах, собрания, сходы, подача обращений и пр.) и современные, те, которые появились недавно, в новейшую историю, в т. ч. юридико-цифровые. Здесь следует градировать инструменты как минимум на две группы: 1. Обновленные, но традиционные, исторически долго применяемые: сходы и слушания, современный референдум и пр.; 2. Возникшие в связи с развитием технологий и применяющиеся последние десять-двадцать лет: выражение мнения и голосование на порталах госуслуг и сайтах государственных органов, сбор идей на краудсорсинговых платформах, реакции в приложениях, обращения по электронной почте, комментарии в социальных сетях и пр.

Применяемые формы взаимодействия, характер этого взаимодействия, стили общения, взаимные реакции общества и власти друг на друга формируют модели взаимодействия. К традиционным моделям отнесем патриархальную и патерналистскую модели взаимодействия. В группу современных моделей включим юридико-цифровые модели: потребительскую/сервисную и платформенную (о них речь пойдет ниже). В современном мире следует говорить уже не просто о прямых или косвенных формах взаимодействия общества и государства, а об электронных формах: цифровом обращении, цифровых услугах, электроном участии. Современные вариации форм взаимодействия находятся в процессе апробации, но, меняя взаимоотношения общества и государства, уже требуют теоретического анализа и правовой регламентации.

[1] Зеленцов А. Б. Институт обращения к органу – автору акта: необходимость возрождения (возвращаясь к проблеме) // Административное право и процесс. 2019. № 10. С. 30-38.

1.2 Трансформация взаимодействия общества и государства в условиях цифровизации: основные детерминанты

Взаимоотношения общества и государства в XXI в. переживают очередную трансформацию во всех странах мира: меняется их характер, формы взаимодействия. Изменения, происходящие в исследуемой сфере, возможно, самые существенные и яркие за последние несколько сотен лет. Силами, одновременно движущими такие изменения, выступают: цифровизация, глобализация, геополитические процессы, экономические кризисы, новые угрозы безопасности и др. Несмотря на видимую комплексность перечисленных факторов, наиболее детерминирующим из них по праву считается цифровизация.

Феномен цифровизации, выступающей сегодня объективной реальностью развития всех стран мира, предполагает перенос в цифровую среду деятельности, ранее выполнявшейся без использования цифровых продуктов[1]. Цифровизация, катализируя большинство социально-экономических и политических процессов, стирая территориальные, административные, бюрократические и иные границы между субъектами социума (в сфере хозяйствования, политики, техники, науки) с точки зрения государственного управления, направлена на общее повышение эффективности работы органов власти за счет улучшения и ускорения межведомственной коммуникации, прозрачности принятия решений, скорости и качества оказания государственных услуг, ускорения сбора и обработки данных, сокращения расходов, упрощения и вариативности взаимодействия с гражданами и организациями.

Теоретики права отмечают изменчивость политического и государственного режимов в условиях цифровизации и задаются вопросом, к чему приведут

[1] Стенькин Д. С., Чучадеев Д. А. Внедрение цифровых технологий в деятельность органов исполнительной власти (на примере контрольных и надзорных органов) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 64.

изменения: «к реальному народоправству» или абсолютному тоталитаризму[1]. При этом вопрос о взаимодействии общества и государства, о трансформации государственного режима – это лишь часть из тех вопросов, которые стоят перед юридической теорией и которые требуют «глубокого осмысления накопившихся проблем и формулирования путей и перспектив выхода из опасной [для государства и общества] ситуации, способной оказаться безвозвратной...»[2]. При этом Н. А. Власенко справедливо указывает, что государство занимает центральное место в требуемом научном осмыслении.

Основными реакциями государственной власти на необходимость трансформации форм и характера взаимодействия общества и государства, политического режима и государственного управления в эпоху цифровизации являются реформы, внедрение инноваций, эксперименты. Изменения различных сфер общественной жизни, поиск форм взаимодействия, создание новых каналов связи власти и граждан довольно активно продолжаются во всех государствах независимо от уровня развития, размера территории, показателей экономики, при этом процессы модернизации относительно похожи для всех стран и характеризуются тем, что политические институты представительных демократий сталкиваются с заметными трудностями в получении доверия и поддержки со стороны граждан, граждане проявляют апатию к политическим и общественным процессам, теряют интерес к гражданскому участию, одновременно с этим желают получать качественные государственные услуги, жить в правовом, социальном и сервисном государстве. В целом, даже можно констатировать наличие признаков кризиса современной демократической системы в мире.

Выявляя и анализируя факторы, которые влияют на взаимоотношения общества и государства, следует помнить, что ряд детерминант могут проходить

---

[1] Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 380.

[2] Власенко Н. А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 481.

незаметно, практически не оказывая воздействия на государственно-правовую реальность, – «жизненный цикл некоторых вызовов настолько краток, что наука не всегда успевает … обосновать причинно-следственные связи с государством»[1]. То есть важно выбрать те обстоятельства для критической оценки, которые действительно повлияли на трансформацию взаимодействия общества и государства.

По поводу стран с низким ВВП и относительно слабой экономикой следует сделать замечание, что реформы в сфере взаимодействия общества и государства испытывают влияние политических и организационных экспериментов, в то время как в «богатых» странах, как правило, они реализуются в рамках традиционных концепций. Страны, которые прежде назвали бы «развивающимися», отставая в реформах, все еще строят так называемое «новое государственное управление» (анг. new public management, NPM), в то время как европейские «старые» демократии и США остановились в этом процессе и этот тренд, по некоторым оценкам, даже пошел на спад[2]. Последнее объясняется накоплением неблагоприятного опыта, в том числе по поводу привлечения граждан к выполнению государственных функций, их нежелания и неспособности решать общественные проблемы, поскольку «новое государственное управление» делает ставку на широкое участие граждан в делах государства, что пока только увеличивает институциональную и политическую сложность.

Внедрение указанной концепции, которую по-разному называют в литературе, публицистике и СМИ – «новое государственное управление», «новая государственная служба» или «постновая общественность», – продолжалось с 2000-х гг. (одновременно текущий этап цифровизации как определяющей тенденции социально-экономического развития многих стран датируется

[1] Пожарский Д. В., Радько Т. Н. Функции государства: пределы цифровых технологий // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 17, 18.
[2] Dunleavy, P., Margetts, H., Bastow, S., Tinkler, J. New public management is dead – Long live digital-era governance // Journal of Public Administration Research and Theory. 2006. July. Vol. 16, Is. 3. P. 467–494.

исследователями второй половиной 90-х гг. XX века[1]). Этот подход к государственному управлению, к построению государственного аппарата, к взаимодействию власти с гражданами все еще считается современным (несмотря на сказанное выше о спаде тренда).

Характер политического режима после почти повсеместного принятия концепции «нового публичного управления» с учетом виляния процессов цифровизации в настоящее время еще формируется. Вслед за Т. Н. Радько уточним, что термины «политический режим» и «государственный режим» не тождественны[2], и соотносятся как целое и часть. Такого же мнения придерживаются многие известные отечественные теоретики (В. Н. Хропанюк, Б. А. Страшун, В. В. Маклаков и др.). Характеризуя государственный режим, следует помнить, что это дискуссионное понятие, которое до сих пор имеет разные трактовки в литературе. Однако при его анализе обычно все исследователи учитывают степень и формы участия граждан в формировании политической власти, открытость государственного управления, учет интересов всех категорий населения, оценивают принципы взаимоотношений общества и власти.

Влияние цифровизации на рассмотренные характеристики режима в настоящее время можно назвать определяющим. В первую очередь, это выражается в том, что внедрение новых технологий во все сферы жизни общества (т. е. цифровизация) обеспечивает открытость государственной власти. Открытость, или транспарентность, предполагает, что обществу предоставляется актуальная, нужная и качественная информация удобным и доступным способом, что позволяет гражданам ощущать прозрачность власти, отзывчивость, стимулирует население к взаимодействию. В конечном итоге, открытость является основой для участия граждан в делах государства, и она формирует доверие к власти.

---

[1] Милославов А. С. Цифровая революция: опыт периодизации и проблемы прогнозирования // Genesis: исторические исследования. 2020. № 3. С. 5.

[2] Радько Т. Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 106; Радько Т. Н. Глава 8 «Форма государства» в учебнике «Теория государства и права: учебник: У. Э. Батлер, З. Ш. Гафуров, Г. И. Денисов [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 127.

Цифровизация влияет и на способы участия населения в деятельности государства. Создаются условия для удобного участия, которое не требует особых затрат на его осуществление. А значит, меняются и формы реализации политической власти непосредственно народом. При внедрении цифровых процессов (электронное голосование на выборах (е-голосование), электронные обращения в органы власти (е-обращения), создание интернет-платформ и форумов для выражения мнения и т. д.) учет интересов всех членов и групп общества, в том числе и меньшинств, при принятии политических решений становится более вероятным.

Старый подход к публичной власти характеризовался тем, что граждане, связанные с бюрократией в качестве управляемых лиц, а чуть позже управляемых клиентов, выступали как пассивные получатели информации, решений, услуг, управление шло «сверху вниз», каналы обратной связи были весьма ограниченными. С развитием цифровизации оказание государственных услуг, оценка этих услуг гражданами, перевод услуг в электронный формат стали приоритетным направлением административной реформы в России[1], по крайней мере, на первом этапе изменения модели взаимоотношений общества и государства. Подход к выстраиванию новой модели взаимодействия государства и общества, «новому» характеру политического режима начинается с предпосылки, что в центре внимания должны быть граждане и общество. В рамках этой концепции основная роль государственного органа и его служащих в том, чтобы «служить» общественности, помочь гражданам сформулировать и решить проблему, а не контролировать или управлять обществом.

Преобладающие парадигмы, через которые реформа государственного сектора разрабатывается и реализуется, меняя отношения с гражданами, относительно похожи для всех стран и подразумевают упрощение структуры правительства, облегчение доступа для граждан к правительственным ресурсам,

[1] Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 25.04.2025).

информации и самим органам, налаживание связей власти с населением, вовлечение населения в сотрудничество, расширение участия граждан в делах государства, в реализации реформ, инициация реформ «снизу-вверх», борьба с коррупцией, формирование «отзывчивой» администрации.

Безусловно, определяющее влияние цифровизации на обсуждаемые изменения парадигмы взаимодействия общества и государства должно рассматриваться (конкретизироваться) в разрезе основных детерминант, к которым следует отнести трансформацию личности и общества в цифровую эпоху; изменение социально-экономической и управленческой среды развития государства; формирование и масштабирование цифровых инструментов общественно-властного диалога.

Влияние цифровизации на свойства личности и общественное сознание сегодня широко обсуждается в научных кругах и выступает предметом междисциплинарных исследований. Несмотря на имеющиеся противоречия в отношении сущностного содержания рассматриваемого влияния, общепризнанным является сам факт трансформации личностного и общественного сознания на фоне сквозного внедрения цифровых технологий. Так, В. Ю. Бельский, В. П. Майкова, Э. М. Молчан, А. А. Левицкая рассуждают о «виртуализации» личности, раскрывая ее как «наполнение виртуальных процессов формой и содержанием отраженной действительности»[1]; А. Л. Крайнов оперирует понятиями «Homo Digitals» и «Digital Human Being», говоря об «оцифрованном» человеке или человеке, бытие которого определено процессами цифровизации[2].

Обобщение признаков трансформации личности под влиянием цифровизации позволяет выявить характерные черты соответствующих поколений людей и большей части современного общества в целом: изменение памяти,

[1] Бельский В. Ю., Майкова В. П., Молчан Э. М., Левицкая А. А. Цифровая трансформация личности в виртуальной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 136.
[2] Крайнов А. Л. Индустрия 5.0 как торжество постгуманизма: от Homo Sapiens к Homo Digitals // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, № 3. С. 281.

интеллектуальных способностей, мышления, форм социальных практик[1]. М. Б. Лига и И. А. Щеткина отмечают возросшую в обществе значимость навыка работы с информацией и сервисами и определяемое им появление нового вида социального неравенства – цифрового[2]. В подтверждение этому в научный обиход вошли такие понятия, как «информационное общество», «общество знаний»[3], «цифровой разрыв» и пр.

Одновременно с трансформацией когнитивно-поведенческих характеристик индивидов и, как следствие, общества цифровизация привнесла в социум возможность контролировать (создавать, изменять, удалять) личный информационный контент, который при определенных обстоятельствах может трансформироваться в групповой или общественный, формируя тем самым информационные траектории с индивидуализированным наполнением (в частности, политического и правового характера).

Современное общество, в отличие от индустриального, получив некий контроль над информационным потоком, органично перешло из разряда «управляемого» государством в разряд участника общественно-властного диалога. Например, Х. А. Гаджиев говорит о желании граждан иметь «широкие возможности обращения к органам власти и гарантии разрешения своих проблем»[4]. Указанный автор отмечает, что современные общества многих стран становятся все более требовательными к власти и реализуемым ею действиям, в основном за счет активного использования цифрового пространства и его инструментов[5].

Таким образом, можно говорить о том, что длящаяся цифровизация обусловила формирование новых качеств личности и общества, связанных со ставшей естественной потребностью оперировать информацией с применением

---

[1] Лига М. Б., Щеткина И. А. Человек в эпоху цифровизации общества // Гуманитарный вектор. 2021. Вып. 16, № 2. С. 34.
[2] Там же. С. 30.
[3] Пелевин С. И. Постиндустриальное общество в условиях цифровизации // Манускрипт. 2020. Т. 13, Вып. 7. С. 103.
[4] Гаджиев Х.А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. 2021. № 1. С. 10.
[5] Там же. С. 16.

технологий и приведших к трансформации роли гражданина и общества в целом во взаимоотношениях с государством.

Вслед за обществом под влиянием цифровизации меняется и среда его взаимодействия с государством. Исследователи сходятся во мнении относительно окончательного вытеснения аналоговых средств коммуникации и управления в пользу цифровых[1]. Констатируется также и смена самой модели общественно-властного диалога – переход к сервисной модели и дальнейшая ее трансформация, ориентация на эффективность, скорость и прозрачность оказания государственных услуг[2], широкое привлечение общества к оценке процессов, продуцированию идей дальнейшего развития.

Цифровизация пространства общественно-властного диалога подчеркнула «публичность» государственной власти, которая сегодня вынуждена реагировать на социальные запросы, циркулирующие и обсуждаемые в виртуальном информационном поле[3]. Возможность обмениваться информацией в режиме реального времени, развитие искусственного интеллекта требуют от государства уже не просто поддержания, но стремительной модернизации подходов и форм коммуникации с гражданами, чьи ожидания от взаимодействия неуклонно растут.

Детерминирующее влияние среды на взаимодействие государства и общества в условиях цифровизации достаточно показательно демонстрирует г. Москва, где необходимость поддержания комфортного для граждан уровня цифрового сервиса непосредственно отразилось на модели общественно-властного диалога (существенно выросло количество и качество цифровых сервисов взаимодействия жителей столицы с региональной властью)[4].

---

[1] Карпова Д. Н., Проскурина А. С. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // Власть. 2020. № 1. С. 99.

[2] Михеева Т. Н. К вопросу о правовых основах цифровизации в Российской Федерации // Вектор юридической науки. 2019. № 9. С. 119.

[3] Гаджиев Х. А. Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества // Наука. Культура. Общество. 2021. № 1. С. 10.

[4] Стенькин Д. С., Чучадеев Д. А. Внедрение цифровых технологий в деятельность органов исполнительной власти (на примере контрольных и надзорных органов) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 66.

Помимо прочего, фактором среды, обусловившим трансформацию общественно-властного диалога, стала пандемия COVID-19. Вынужденный локдаун спровоцировал молниеносное развитие сервисов государственной поддержки граждан, бизнеса, отмену многих бюрократических формальностей (например, автоматическое продление водительских удостоверений, статуса инвалидности и пр.). Справедливо будет отметить, что некоторые практики, выработанные в период пандемии (например, удаленная работа, проактивный формат оказания государственных услуг и др.), не только сохраняют свою актуальность, но и стали катализаторами развития соответствующего блока нормативного правового регулирования.

Третьим фактором, оказавшим и продолжающим оказывать детерминирующее влияние на трансформацию взаимодействия общества и государства, выступает развитие инструментов общественно-властного диалога. Использование цифровых инструментов для взаимодействия общества и государства распространяется по всему миру. Как уже отмечалось, пандемия COVID-19 и ограничения на общение и собрания увеличили спрос на эти инструменты, успели выработать к ним некоторое привыкание. Но следует заметить, что реальную реализацию они получают преимущественно в крупных городах. Более того, цифровые инструменты участия принимаются и успешно внедряются в тех населенных пунктах, где, как правило, уже сложилась практика активного взаимодействия, в том числе участия граждан, традиции выражать свою позицию, вносить свой вклад в развитие территории поддерживаются и реализуются. Оказалось, что весьма часто цифровое участие – это продолжение существующих процедур участия, это цифровизация традиционных возможностей взаимодействия общества и государства[1]. Они не дают запланированного масштабного расширения в вовлечении граждан в общение с властью. Растущее

[1] См. об этом, например: Hovik, S., Giannoumis, G. A. Linkages Between Citizen Participation, Digital Technology, and Urban Development. In: Hovik, S., Giannoumis, G. A., Reichborn-Kjennerud, K., Ruano, J. M., McShane, I., Legard, S. (eds) Citizen Participation in the Information Society. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 203 c. // URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-99940-7_1 https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-030-99940-7.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

количество литературы о демократических инновациях и электронном взаимодействии признает сочетание традиционных и цифровых каналов взаимодействия, но в то же время высказываются мнения, что есть и проблемы в таком сочетании, например, дублирование, и требуется продуманный подход к интеграции каналов[1]. Беспокоит исследователей то, что часто цифровой канал становится еще одним вариантом для уже активных граждан, не расширяя участие тех людей, кто был неактивен и до цифровизации процессов. Например, создается сайт онлайн петиций, который может дополнить бумажные обращения (по типу «ящиков для предложений») онлайн-опросами или ресурсами социальных сетей, которые предназначены для предоставления гражданам информации о государственных системах или услугах. Во взаимодействие вовлекаются те же лица, которые, скорее всего, были бы активны и с офлайн-инструментами. Происходит частичное «наслоение» каналов и возможностей.

Теории демократии участия и совещательной демократии утверждают[2], что участие граждан может способствовать демократическому управлению. Демократический потенциал цифровых технологий вдохновенно провозглашается учеными и политиками. Однако роль новых технологий в демократических процессах еще предстоит выяснить, а пока следует констатировать, что страны,

---

[1] Например: Spada P., Allegretti G. When Democratic Innovations Integrate Multiple and Diverse Channels of Social Dialogue: Opportunities and Challenges / In book: Using New Media for Citizen Engagement and Participation. 2020. P. 35–59. DOI: 10.4018/978-1-7998-1828-1.ch003. // URL: https://www.researchgate.net/publication/338497909_When_Democratic_Innovations_Integrate_Multiple_and_Diverse_Channels_of_Social_Dialogue_Opportunities_and_Challenges (дата обращения: 12.03.2025).

[2] См., например: Подъячев К. В. Институт обращений граждан в органы государственной власти как фактор обеспечения полноценной коммуникации политической системы и гражданского общества в России / Доклад на сессии V-09 X Международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества. М., 9 апреля 2009 г. // URL: https://www.hse.ru/data/2010/03/29/1217447653/HSE%20conf%6009_Podyachev.pdf (дата обращения 08.04.2025); Кравченко И. И. Демократия участия. Статья в Электронной библиотеке ИФ РАН «Новая философская энциклопедия». Демократия участия. // URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH014ebb58b66ca7bc266dbd4e (дата обращения 09.04.2025); Голычев А. А. Электронная демократия как фактор повышения политического участия граждан современной России: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2006. 238 с.; Линде А. Н. Концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса в контексте современной теории политической коммуникации (теоретико-методологический анализ): дис. … канд. полит. наук. М., 2017. 187 с. и др.

регионы, территории и даже отдельные города используют ИКТ по-разному. Электронное участие принимается и реализуется в различных политико-административных, культурных и социальных контекстах. Требуются исследования влияния ИКТ и новых медиа на вовлечение и влияние различных групп граждан в процессы управления.

Очевидно, что цифровые инструменты (страницы в социальных сетях, приложения, онлайн-форумы, интерактивные веб-сервисы и пр.) могут снизить затраты властей на общение с гражданами, не требуют личного участия и помещений при приеме обращений, сокращают время и ресурсы на взаимодействие, уменьшают барьеры для участия, способствуют равенству и инклюзивности. Но помимо быстроты, удобства и экономии ресурсов, цифровые инновации создают связи между гражданами, гражданами и органами власти, политиками, способствуют самоорганизации общества. Указанные потенциальные преимущества, которых ждут от е-инструментов, и эффект от них пока можно наблюдать лишь частично. Например, ожидания того, что современные инструменты будут способствовать вовлечению новых групп граждан во взаимодействие с государством и улучшать диалог между властью и населением, пока не оправдались. Опыт показывает, что цифровое участие часто подвержено тем же недостаткам, что и традиционное участие (трудности вовлечения на постоянной основе, обеспечение регулярности взаимодействия, невозможность привлечь к взаимодействию маргинализированные группы, предоставление гражданам возможности влиять на политические решения и др.)[1]. Представление о том, что Интернет и социальные сети будут способствовать участию маргинализированных групп или меньшинств (например, людей с ОВЗ) наравне с другими, на практике еще не реализовано. Кроме того, имеющийся в обществе цифровой разрыв способствует тому, что некоторая часть общества не может

[1] Hovik S., Giannoumis G. A. Linkages Between Citizen Participation, Digital Technology, and Urban Development. In: Hovik, S., Giannoumis, G. A., Reichborn-Kjennerud, K., Ruano, J. M., McShane, I., Legard, S. (eds) Citizen Participation in the Information Society. Palgrave Macmillan. Cham, 2022. // URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-99940-7_1https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-99940-7_1 (дата обращения: 14.03.2025).

использовать технологии, оказывается в неравном положении с теми, кто получил доступ к ИКТ и расширяет свои возможности и навыки в электронном взаимодействии.

Эти и другие выводы из наблюдений показывают, что цифровизация может способствовать индивидуализированному участию вместо всеобщего диалога и обсуждения. Некоторую тревогу вызывает и то, что в процессе принятия решений в электронном виде может доминировать невежественное большинство участников, не затронутое обсуждаемыми проблемами, за счет глубоко обеспокоенного и хорошо информированного (знающего) меньшинства.

Перечисляя недостатки, связанные с внедрением цифровизации в сферу взаимодействия общества и государства, следует сказать, что взаимодействие граждан и власти часто ограничивается предоставлением информации гражданам и лишь иногда – от граждан властям и дает населению мало возможностей влиять на общее развитие, то есть даже цифровое сотрудничество и активное участие граждан, в основном, носит консультативный характер, оставляя окончательное решение за правительством. На действия власти также влияют поставленные цели и принятая стратегия вовлечения и участия граждан.

Цифровые инновации, с другой стороны, могут приблизить граждан к власти и убирают из взаимоотношений посредников (политические партии, традиционные СМИ). Впрочем, пока новые медиа и цифровые каналы участия дополняют традиционные СМИ и сочетаются с привычными возможностями участия.

Исследование, проведенное в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), позволило установить, что прежде сделанный вывод в работах по политическому поведению (о доверии как предпосылке политического действия: граждане, которые доверяют власти, у которых развитое гражданское мышление будут чаще участвовать в политике), не

является однозначно верным[1]. Оказалось, что некоторые граждане с недостатком доверия могут даже иметь весьма сильное желание участвовать в политике, что чем ниже уровень доверия к государственным институтам и чем глубже политические проблемы в обществе, тем выше показатели активности участия граждан, в том числе электронного. Обратный процесс, когда при повышении уровня доверия к власти со стороны граждан активность граждан во взаимодействии с государством начинает снижаться, также был установлен. Вероятно, недоверие стимулирует гражданское участие, поскольку граждане обычно активны больше для того, чтобы дать отрицательный отзыв или пожаловаться, чем для того, чтобы оценить работу правительства положительно. Когнитивное искажение, именуемое «предвзятостью к негативу», проявляется и во взаимодействии общества и государства. В зарубежных исследованиях утверждается, что граждане, имеющие доверие к правительству, с меньшей вероятностью будут участвовать в политической жизни, в том числе в Интернете[2]. Граждане в прямом смысле доверяют своему правительству решать за них все вопросы, не критикуя принятые решения, предполагая, что они правильные, и даже не оценивая их.

Дефицит доверия со стороны граждан, в целом, является современной проблемой практически для всех стран мира. Это фиксируется на фоне того, что удовлетворенность государственными услугами, в общем, хорошая. Конечно, различия между странами весьма значительны: доверие к национальному правительству колеблется от 63 % в Индии до 18 % в Мексике (показатели других стран: 46 % в Австралии, 29 % во Франции, 27 % в Великобритании и 26 % в США;

---

[1] Prats M., Smid S., Ferrín M. OECD Working Papers on Public Governance Lack of trust in institutions and political engagement. An analysis based on the 2021 OECD. Trust Survey. P. 14. // URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/11/lack-of-trust-in-institutions-and-political-engagement_ae8a8673/83351a47-en.pdf (дата обращения: 05.10.2025). Работа основана на данных исследования ОЭСР «Движущие силы доверия к государственным институтам» (Опрос ОЭСР о доверии), впервые проведенного в период с ноября 2021 года по март 2022 года в 22 странах ОЭСР.

[2] Arshad S., Khurram S., Can government’s presence on social media stimulate citizens’ online political participation? Investigating the influence of transparency, trust, and responsiveness // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37, Is. 3. 101486. ISSN 0740-624X. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101486 (дата обращения: 20.04.2025).

19 % уровень доверия в Южной Африке)[1], что не зависит от уровня социально-экономического развития. Укрепление доверия к государству важно для решения задач повышения эффективности и результативности деятельности его органов.

Дизайн предлагаемых для участия граждан ресурсов влияет на то, как пользователи взаимодействуют с органами власти через эти цифровые решения. Выбор менеджеров проектов, разработчиков, программистов и других лиц, создающих новые цифровые продукты, который они сделали, по тем или иным причинам влияет на то, как пользователи получают доступ к ресурсам, используемым для взаимосвязи государства и общества, платформам электронного участия, как они их воспринимают и используют.

Ожидается, что цифровые технологии практически вытеснят традиционные формы нецифрового взаимодействия государства и граждан (советы, личные встречи). Однако этот процесс идет неравномерно и подвержен влиянию указанных выше и иных факторов, которые причудливо сочетаются между собой. Так, при сравнении городов Мадрид и Осло были сделаны следующие выводы[2]: создание цифровой платформы «Decide Madrid»[3] лишило традиционные ассоциации соседей Мадрида их роли, однако в Осло платформы электронного участия эффективно дополняют существующие формы нецифрового участия.

Анализ присутствия органов власти в социальных сетях показывает, что сети пока редко используются для расширения участия общественности, несмотря на свой диалогический потенциал, в основном они выступают в роли информационных каналов. Об этом речь пойдет в следующих главах настоящего исследования.

---

[1] Bertrand A., McQueen J. How can digital government connect citizens without leaving the disconnected behind? Report. 19 Jun 2023. // URL: https://www.ey.com/en_gl/insights/government-public-sector/how-can-digital-government-connect-citizens-without-leaving-the-disconnected-behind (дата обращения: 09.04.2025).

[2] Legard S., Hovik S. The Impact of Digital Participation on Democratic Urban Governance // Chapter in «Citizen Participation in the Information Society». 2022. // URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-99940-7_8 (дата обращения: 09.04.2025).

[3] Decide Madrid: portal de participación ciudadana del Ayuntamiento de Madrid. // URL: https://decide.madrid.es/ (дата обращения: 09.04.2025).

Несмотря на проблемы современного цифровизированного бытия, некоторые из которых были указаны выше, исследователи отмечают тенденции усиления сотрудничества между государственными и общественными институтами, причем говорят именно о возрастании примеров конструктивного взаимодействия[1], которое обладает социальной, государственной значимостью, дает ценные результаты.

Итак, трансформация происходит с демократическими институтами во всех государствах мира, поскольку все, даже самые бедные, страны используют современные цифровые технологии в той или иной форме. Технологии электронного взаимодействия используются людьми под воздействием разных факторов. Кроме того, эти люди – пользователи цифровых инструментов: граждане, чиновники, политики – встроены в определенные культурные и институциональные структуры, сами находятся под воздействием трансформации когнитивно-поведенческих характеристик, социальных практик.

Информационные коммуникационные технологии стали широкодоступными и удобными инновациями. Они очень быстро изменили способы, которыми собирается, производится и управляется информация. То же самое произошло с путями участия граждан в делах государства и взаимодействием с органами власти в целом. Помимо технологических изменений, такие факторы, как демографические сдвиги, растущее неравенство и быстро меняющиеся ценности, привели к созданию гораздо более сложной и неопределенной среды для правительств. Пандемия COVID-19 стимулировала применение цифровых технологий и в то же время добавила нестабильности для отдельных людей, сообществ и экономик.

Очевидно, что цифровизация взаимодействия общества и государства, государственного управления необходима и неотложна. Она важна не только для повышения эффективности процессов оказания государственных услуг (значительно улучшающих жизнь граждан), но и для того, чтобы гарантировать

[1] Малько А. В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3 (58). С. 111.

более гибкое и современное взаимодействие общества с государством. Цифровизация не только приблизит государство к гражданам, укрепив их доверие к власти, но также позволит перейти к более прозрачному и лучше контролируемому государственному управлению. Это не просто техническая или технологическая проблема: речь идет о реконфигурации отношений между государством и гражданином.

Цифровые технологии при внедрении в сферу взаимодействия власти и общества должны учесть потребности всех групп населения, даже меньшинств, и показать мнение тех, кто исторически не был услышан. Однако до сих пор неясно, обязательно ли доступ к технологиям приводит к более эффективному участию граждан и демократизации процессов, к более эффективному взаимодействия общества и государства. Как выразились исследователи данных процессов из крупной исследовательской программы Connected Citizens, «без более глубокого понимания отношений людей с технологиями правительства рискуют отключить столько же граждан, сколько они подключают»[1]. Поэтому важной отправной точкой для любого правительства является задача понять поведение, меняющиеся потребности, ценности и ожидания своих граждан.

Современное общество находится в состоянии перехода и поэтому являет черты незавершенности системы, сочетания элементов разных эпох. Основные предпосылки, которые вызвали изменения, – это научно-технический прогресс, глобализация, экономические и экологические проблемы, новые когнитивно-поведенческие характеристики индивидов. В итоге люди, объединенные общими делами, при поддержке технологий, ресурсов, информации, знаний и навыков, а также посредством взаимодействия между собой, с государством, способны разрабатывать самостоятельно, создавать для самих себя свои системы и социальные пространства и управлять ими, а также развивать коллективное

[1] Bertrand A., McQueen J. How can digital government connect citizens without leaving the disconnected behind? Report. 19 Jun 2023. // URL: https://www.ey.com/en_gl/insights/government-public-sector/how-can-digital-government-connect-citizens-without-leaving-the-disconnected-behind (дата обращения: 09.10.2025).

видение лучшего будущего, построенного на основе активного участия в делах общества и государства, коллективного разума.

Здесь же следует признать, что построение взаимодействия общества и государства, создание для него условий выступает не только задачей власти, но и маркером ее легитимности, инструментом определения основных направлений, целей и проблем управления правовым государством. Вариативность используемых форм взаимодействия, характера такого взаимодействия, взаимных реакций общества и государства друг на друга, уровня активности характерно для нашего времени.

1.3 Методология изучения юридико-цифрового взаимодействия общества и государства и понятийно-категориальный аппарат данной сферы

Значение теории государства и права заключается во многом в том, что она выявляет и изучает общие закономерности формирования и функционирования государственно-правовых институтов, в чем, собственно, и состоит ее методологическая роль. По меткому выражению А. В. Корнева, теория государства и права имеет то же значение, что и римское право когда-то[1].

Генезис взаимодействия государства и общества и современное его развитие в условиях применения информационно-коммуникационных технологий требует метафизического подхода для исследования. Он и диалектический метод обеспечили возможность рассмотрения феномена взаимодействия общества и государства в развитии.

Ретроспективный анализ взаимодействия общества и государства, рассмотренные причины трансформации, происходящей на современном этапе, показывают, что подходить к анализу взаимодействия гражданина и власти можно в рамках разных парадигм и концепций. Приняв за аксиому утверждение, что

[1] Корнев А. В. Теория социального государства: становление и развитие // Проблемы развития теории социального государства : Сборник статей по материалам международного круглого стола, Москва, 23 марта 2024 года. М.: Академия труда и социальных отношений, 2024. С. 51, 52.

универсальная методология исследования любого государства, включая современный кризис демократии, была предложена Аристотелем[1], укажем, что современная методология теории государства и права, обладая собственным набором методов, привлекает средства, принципы и способы познания, предлагаемые несколькими общественными науками[2].

А. В. Корнев, называя новый методологический подход «методологическим плюрализмом», который иногда переходит в анархизм, указывает, что использование широкого набора методов, привнесенных из других наук, было невозможно в рамках советской юридической парадигмы[3], однако теперь подобные эксперименты с методами исследований в теории государства и права все же можно признать инновациями и они имеют потенциал внести новое в теорию государства и права.

Процессы трансформации взаимодействия общества и государства, государственного управления, тотальная цифровизация этой сферы позволяют исследователям еще более расширить теоретические подходы, диапазон применяемых при изучении методов. Полностью согласимся, что практически любая проблема имеет межотраслевой характер[4], анализ проблемы и поиск ее решения требует использования междисциплинарного подхода, когда используются данные и инструменты из нескольких областей знания. Например, маркетинговый и процессный подходы уже довольно давно вошли в арсенал исследователей сферы государства. Так, эти методы применяются при анализе взаимодействия сторон в процессе оказании государственных и муниципальных

[1] Власенко Н. А. Аналитика в исследовании отклоняющейся государственности и юридической надстройки // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 66.
[2] Керимов Д. А. Методология права. М.: СГА, 2003. С. 52.
[3] Корнев А. В. Методологический инструментарий инновационной юриспруденции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10 (76), № 1. С. 438–439.
[4] Корнев А. В. Методологический инструментарий инновационной юриспруденции. Указ. изд. С. 439.

услуг[1]. Первый из названных методов предполагает проведение исследований деятельности, скажем, государственных органов с учётом состояния их внутренней и внешней среды. На его основе и при полученных аналитических результатах легче разработать стратегию реализации мероприятий, направленных на повышение удовлетворенности потребностей конечного потребителя. Процессный подход позволяет рассмотреть изучаемый объект в виде совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих процессов.

Оба экономических подхода благодаря своей эффективности, изменениям в концепции деятельности государства, усилении его сервисного характера оказались применимы в теории государства и права. Важным является и то, что при применении маркетингового метода воздействие субъекта управления на объект рассматривается в виде взаимодействия. За счет такого подхода, учитывающего сервисизацию современного государства, курс на активное сотрудничество с гражданами, популяризацию совместного руководства, происходит не только терминологическое обогащение данной сферы, но и выработка направлений для повышения эффективности государственных услуг.

Указанные и иные подходы из экономической науки применимы в теории права в связи с особой природой социальных процессов в государстве, и такой его характеристикой, как клиентоцентричность; кроме того, государственные услуги выступают одновременно как государственные функции, полномочия государственных органов и как сервис для удовлетворения потребностей граждан, который должен обладать рядом характеристик, о чем речь пойдет далее.

---

[1] См., например: Казакова Т. В. Процессный подход при предоставлении муниципальных услуг при использовании принципа «одного окна» // Сборник статей. 2015. // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/38842/1/dn_2015_02_24.pdf (дата обращения: 18.11.2025); Седых О. Г., Степанова А. А. Оценка качества и эффективности государственных и муниципальных услуг: особенности и проблемы (на примере многофункциональных центров г. Иркутска) // Социодинамика. 2020. № 12. С. 109–122. // URL: https://nbpublish.com /library_read_article.php?id=34633 (дата обращения: 18.11.2025).

Е. В. Титова при разработке синтезированной конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и личности так же говорит о применении «методологии полидисциплинарного знания»[1].

Кросс-дисциплинарные подходы обогащают не только методологическую базу теории государства, но и вводят в обиход теоретиков государства и права понятия, ранее редко применяемые или вовсе не употребляемые: «услуга», «сервис», «качество», «показатели качества», «удовлетворенность клиентов», «эффективность» и др. Междисциплинарность используемых понятий, новая практика организации и работы государственного аппарата, кросс-культурные исследования позволяют при изучении явлений и институтов сферы государства и права прибегнуть к методам, характерным для отдельных отраслей знаний: экономики, социологии, психологии и др.

Расширению диапазона методов способствует и новая номенклатура научных специальностей, что позволяет исследователям изучать проблемы современности под новым углом, формулировать предложения для правоприменительной практики, а значит, повышать ценность выводов, их аргументированность и обоснованность[2]. Общий объект исследования, объединяющий юридические науки, виден при анализе соответствующих разделов научных работ по пяти научным специальностям[3].

Анализ методов для изучения сферы взаимодействия общества и государства обладает определённой спецификой. Конечно, степень междисциплинарности и выбор методов зависят от цели, объекта и предмета исследования, от его вида. Смешанные методы, в целом, показали себя в качестве жизнеспособной исследовательской стратегии для проведения исследований в области государства и права. За последние десятилетия использование смешанных методов стало

---

[1] Титова Е.В. К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека // Lex russica. 2018. № 11. С. 69.

[2] Грачева Е. Ю. Актуальные вопросы научной экспертизы диссертационных правовых исследований // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 17–18.

[3] Корнев А. В. Междисциплинарность в юридических исследованиях // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 28.

широко распространенным явлением в социальных науках и даже в некоторой степени обязательным. Применение такого вида методов дает порой неожиданные результаты. Они особенно подходят для изучения, например (в нашей парадигме исследования), поведения и мотивации граждан к взаимодействию и участию, государственных служащих к коммуникации с гражданами, а также качества оказываемых государственных услуг или степени удовлетворённости ими или взаимодействием в целом граждан.

Помимо желания получить новые результаты в исследованиях, применив специальные методы других наук, следует учитывать и то, что комплекс задач по упорядочению правовой действительности растет и усложняется на современном этапе развития общества. Совершенно справедливо сказано, что «комплексность задач предполагает комплексность подходов» и требуется выработка научно-обоснованных ориентиров для их изучения[1].

Собственный арсенал методов теории государства и права, конечно, также обладает богатым содержанием. Применение собственных теоретико-правовых подходов к изучаемой в настоящей работе сфере взаимодействия общества и государства весьма эффективно. Формально-юридический подход помогает конструировать понятия, классифицировать явления и объекты, выделять и определять их признаки и т. п. Сравнительно-правовой метод позволяет сопоставлять различные правовые системы либо их отдельные элементы – законы, юридическую практику и т. д. – в целях выявления их общих и особенных свойств. Применение сравнительно-правовых методов стало почти обязательным в доктринальных правовых исследованиях[2]. Метод сопоставления применяют все юридические науки и у него большой потенциал.

Компаративистика (общее обозначение сравнительных исследований) строится на сравнении как основном логическом приеме познания. На первый план выступает метод сравнительного анализа, он, по мнению исследователей, находясь

---

[1] Корнев А. В., Петручак Л. А., Зенин С. С. Научно-методические основы формирования правовой культуры молодежи: монография. М.: Проспект, 2018. С. 30.

[2] Ван хук М. Методология сравнительно-правовых исследований // Правоведение. 2013. № 3 (308). С. 123.

среди общих приемов, одновременно занимает в группе сравнительных методов доминирующее положение[1]. Для настоящей темы сравнение имеет большое значение: сходства и различия правовых объектов проанализированы во всех главах настоящей работы, проведены аналогии отечественных и зарубежных институтов. Сравнению подлежат и предлагаемые модели взаимоотношений граждан с государственной властью между собой.

Конечно, принципиальная оценка норм права может быть дана в процессе правоприменительной практики, не имеющей отношения к компаративным исследованиям. Безусловно, анализ практики зарубежных стран предполагает и эмпирическое наблюдение, которое может быть проведено в различных вариантах, выработанных социальными науками. Оно, в свою очередь, может привести к гипотезе о более универсальных приемах, применяемых в сфере исследования. Мониторинг должен быть дополнен социолого-правовыми исследованиями. Последние являются неотъемлемой частью исследований в области общественных наук.

Теоретические концепции в области взаимодействия общества и государства нуждаются в проверке на практике. Эмпирическая проверка, в том числе социологическая (например, социологические опросы), является крайне полезной, даже необходимой в изучаемой сфере. Именно здесь получение обратной связи от граждан, положительных или отрицательных отзывов будет демонстрацией успеха проводимой государственной политики в сферах взаимодействия с населением, подтвердит теоретические выводы и даже наметит варианты решения проблем.

Взаимоотношения государства и общества необходимо рассматривать в ретроспективе. Особенностью исторического подхода является то, что его использования нельзя избежать в любом исследовании. Трансформацию форм взаимодействия, характер такого взаимодействия, изменение обратных связей во взаимоотношениях, трансформацию государственного сектора и сферы государственных услуг, в том числе с внедрением новых технологий, следует

[1] Егоров А. В. Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2019. С. 355.

анализировать во временной динамике. Следует помнить и об определённой проблеме при изучении исторических примеров – преемственности, о чем писали Н. П. Колдаева, Л. А. Петручак и др.[1] Н. Н. Тарасов, оценивая значение юридической науки, указывает, что генезис и исторические особенности влияют на становления теоретической юриспруденции[2], что также подтверждает необходимость и важность исторического подхода к исследованию проблем.

Довольно давно в юридической литературе применяется методология математических наук для выявления и сопоставления количественных показателей в государствоведении. Например, для анализа явлений и процессов и получения выводов можно использовать числовые показатели обращений в государственные органы, реакции в социальных сетях, количество участников обсуждений законопроектов, число законодательных идей-инициатив, поданных гражданами и отдельное число учтенных органами власти, количество функций государственных органов, численность государственного аппарата и т.д. Итак, в юриспруденции применяются методы математического анализа (регрессионного и корреляционного) для выявления связей между изучаемыми показателями[3]. Основное внимание в настоящем исследовании уделяется нескольким измерениям. Например, требуется выявить факторы, влияющие на активность взаимодействия граждан и власти, на регулярность участия граждан в делах государства, такие как уровень образования, социальный класс, членство в социальных сетях и/или социальный капитал. Для формирования выводов необходим анализ статистических показателей, которые имеют количественное выражение.

---

[1] Колдаева Н. П. О преемственности в праве // теория права: новые идеи: сборник / редкол: Р. З. Лившиц и др. М., 1991. Вып. 1. с. 145; Корнев А. В., Петручак Л. А., Зенин С. С. Научно-методические основы формирования правовой культуры молодежи : монография. М.: Проспект, 2018. С. 35 (автор Главы 1 Л. А. Петручак).

[2] Тарасов Н. Н. Роль и значение юридической науки в современной России как предмет исследования (методологические основания) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 227.

[3] См., например: Борщевский Г. А. Применение количественных методов для исследования процессов реформирования государственной службы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 147–170.

Организации государственного сектора имеют некоторые особенности, которые существенно отличают проекты их реформирования. Радикальные изменения и применение бизнес-процессов в организационных структурах не подходят для государственного сектора, поскольку они невозможны по многим, особенно по политическим, причинам. Поэтому классические методологии изучения бизнес-процессов должны быть адаптированы к сфере государственного управления. Среди отечественных авторов заметный вклад в методологию исследований в сфере государственного управления внес А. Г. Барабашев[1]. Он не только предложил и обосновал использование довольно большого количества методов при изучении процессов реформирования, цифровизации и организации структур государственной администрации, указав на приоритетные, по его мнению, приемы исследований, но и обозначил ограничения для использования количественного инструментария.

При написании настоящей работы автор осуществлял сбор данных о текущем состоянии процессов взаимодействия граждан и власти, выполнения государственных функций, производил верификацию данных, оценку реестра государственных функций и услуг. При этом была сформирована модель «как есть». Все это поможет создать методику моделирования и оценки вариантов оптимизации взаимодействия общества и государства, выполнения государственных функций и оказания услуг.

Модели и моделирование ученые используют со времен Аристотеля для представления объектов реального мира или протекающих в нём процессов и явлений (чаще всего упрощённое) с целью его анализа и получения знаний об объективной реальности. Исследователь модели государства В. С. Плетников обоснованно говорит о том, что в юридической науке возможно формирование любой модели, исходя из целеполагания автора, а модели в юриспруденции могут

[1] См., например: Barabashev A. G., Kettl D. F., Peters G. Handbook of research methods in public administration, management and policy. Edward Elgar Publishing, 2020. // URL: https://publications.hse.ru/chapters/439088126 (дата обращения: 02.06.2025).

иметь различную природу, в том числе быть юридически значимыми для доктрины и практики[1].

При изучении участия граждан в делах государства, мотивации активности в общественных процессах важны опросы как метод получения данных и дальнейший анализ полученных результатов. Для настоящего исследования проводились опросы граждан, большее внимание было уделено молодежи и их позиции в политике участия. Анкету по теме активности участия и культуры участия можно рассматривать как действительный и надежный инструмент для измерения поведения, который можно использовать для определения уровня участия. Опросы демонстрируют высокую общую надежность, а также достоверность содержания и результатов.

При таком методе важно обеспечить репрезентативность опроса. В настоящее время опросы чаще всего проводятся онлайн, на специальном ресурсе, они является многоразовыми. Интересные результаты показывают опросы в динамике, когда одна и та же группа людей опрашивается с временным интервалом по одним и тем же пунктам.

Социологические подходы к исследованию, такие как обследование совокупности (полное или выборочное), и эксперимент являются количественными методами. К качественным относят полевое исследование, исследование случая (case study), фокус-группу. Все приведенные методы показаны в разрабатываемой теме.

Получив социологические результаты, проведя исторический анализ, собрав используемые определения и высчитав количество необходимых показателей, мы имеем возможность составить прогноз с научным обоснованием о будущих состояниях взаимоотношений общества и государства, направлениях их развития. Прогнозы помогают определить, какое воздействие на общество требуется для необходимых изменений и получения нужных результатов. Научное

[1] Плетников В. С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Плетников Виктор Сергеевич. Екатеринбург, 2022. С. 31–32.

прогнозирование применять в социальной сфере, несомненно, труднее, чем в естественно-научной. Исследователи обращают внимание на трудности в применении социального прогноза, например, в сфере правовой культуры[1].

Говоря о выборе междисциплинарного подхода при изучении правовой культуры, М. В. Залоило утверждает, что этот вариант при исследовании является не просто желательным, а обязательным[2]. И нужен он для достижения научно обоснованного и практически эффективного результата, обеспечения должного уровеня научной новизны и актуальности.

Благодаря междисциплинарному подходу идет не только расширение методологического инструментария теории государства, но и обновление понятийного аппарата. Сфера, изучаемая в данной работе, обычно обслуживалась административным подходом, привычным для юристов. Но междисциплинарный диалог позволяет применить иные методы к исследуемой сфере, например, указанную выше маркетинговую модель. Авторы работ по теме настоящего исследования расширяют теоретические подходы, круг применяемых методов, и междисциплинарность привносит новую терминологию в теорию государства и права.

Трансформация взаимоотношений государства и общества (переосмысление его принципов, изменение его характера, поиск новых форм взаимодействия, усиление обратных связей и пр.), применение новых технологий, учет иностранных практик и исследований, кросс-дисциплинарные методологические подходы при анализе современных процессов и явлений в сфере взаимодействия общества и государства – все это становится причинами и дает поводы употреблять новые термины, характеризующие происходящие сдвиги: «электронная демократия», «электронное правительство», «отзывчивая бюрократия», «френдли-правительство», «сервисное государство», «бережливое правительство»,

---

[1] Корнев А. В. Научно-методические основы формирования правовой культуры молодежи: Монография / А. В. Корнев, Л. А. Петручак, С. С. Зенин. М.: Проспект, 2018. С. 39–40 (автор Главы 1 – Л. А. Петручак).

[2] Залоило, М. В. Междисциплинарное научное измерение эволюции правовой культуры // Государство и право. 2025. № 7. С. 42–51.

«совместное управление», «платформы участия», «платформенная демократия», «сетевое управление/государство» и пр. Заметим, что часть терминов, в том числе из приведённых примеров, заимствована из зарубежных источников и даже не подверглось смысловому переводу, однако встречается в русскоязычной литературе и употребляется в СМИ. «Новые» термины постепенно появляются в речи политиков, в работах теоретиков, попадают в учебники и даже в нормативные правовые акты.

В увеличивающемся массиве теоретических работ по темам организации публичных услуг, эффективности государственного аппарата, предназначения государственной власти, инноваций в государственном управлении, мотивации участия граждан в реализации функций государства, повышения правовой грамотности и культуры общества, правового воспитания и пр. ученые, как верно отмечает И. И. Осветимская, говорят о трансформации государства и переходе его в качественно новые состояния[1]. При этом современному государству часто дают такие определения, которых не найдёшь в справочных и учебных изданиях, не говоря уже о политико-правовых актах[2]. Данное замечание А. С. Фалиной было сделано в 2012 г., однако и спустя более чем десять лет имеющиеся ею в виду термины еще не определены. Более того, «новых» терминов в теории государства и права, в политологии, государственном управлении становится все больше.

Надо заметить, что и привычные для теории государства и права и сформулированные ранее термины (правовое государство, социальное государство, правовая культура и др.) исследуются применительно к меняющимся социально-экономическим и политическим условиям. По выражению Г. М. Азнагуловой и Д. А. Пашенцева, «государство предстает как порождение

[1] Осветимская И. И. Государство в условиях глобализации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2016. С. 3.
[2] Фалина А. С. Сервисное государство: истоки теории, элементы практики // Социология власти. 2012. № 1. С. 132–140.

массовых представлений о нем, реализующихся в повседневных социальных практиках»[1].

Довольно сильное влияние на терминологию оказывают технологические инновации, цифровизация всех сфер жизни. Именно им мы обязаны появлением таких терминов, как «цифровое государство», «электронное правительство», «платформенное государство», «е-участие» и пр. Например, Е. А. Певцова, обобщая мнения ряда экспертов, указывает, что цифровому государству предшествует электронное государство, которое характеризуется возможностью электронного общения органов власти как между собой, так и с институтами гражданского общества, предоставлением государственных услуг населению, привлечением бизнеса и граждан к реализации государственных проектов[2]. Таким образом, цифровое государство, при таком понимании, – это более широкое понятие, чем электронное государство, которое подразумевает развитие многих направлений деятельности, в том числе взаимодействия с обществом, основывающихся на цифровых технологиях, в то время как электронное государство связано в основном с предоставлением услуг населению в электронном виде.

Определение понятий, как известно, является одной из методологических проблем науки[3]. Современные понятия постепенно получают теоретическое обоснование и более или менее согласованные определения, однако этот процесс идет довольно медленно. Связано это в том числе и с большим количеством новых понятий, довольно быстрым их появлением, разными подходами исследователей, сложностью парадигматических процессов, необходимостью определения квазисинтагматических конструкций.

---

[1] Азнагулова Г. М., Пашенцев Д. А. Вопросы теории государства в современной юридической доктрине // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 5–15.

[2] Арзамасов Ю. Г. Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии / Ю. Г. Арзамасов, Е. А. Певцова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 27.

[3] Корнев А. В., Петручак Л. А., Зенин С. С. Научно-методические основы формирования правовой культуры молодежи : монография. М.: Проспект, 2018. С. 9 (автор Главы 1 – Л. А. Петручак).

Довольно подробно описанным в научной литературе является понятие «сервисное государство», которое, впрочем, тоже не получило однозначного определения, несмотря на широкое употребление. Г. М. Азнагулова и Д. А. Пашенцев приводят точку зрения, что появление этой парадигмы обусловлено отказом от социалистической модели государства и переходом к модели либеральной, но видные отечественные государствоведы этот подход не разделяют (например, Ю. А. Тихомиров, Н. А. Власенко, сами Г. М. Азнагулова и Д. А. Пашенцев)[1]. Главный аргумент против согласия с теорией сервисного государства можно свести к следующему: государство обладает силой принуждения, у него значительно больше функций чем просто обслуживание, и государственного администратора нельзя свести к наемному менеджеру.

Однако следует признать, что одним из определяющих признаков современного государства становится общечеловеческий подход к содержательной стороне государства, где доминируют интересы общества. Такой подход можно назвать человекоцентричным и в какой-то мере клиентоориентированным (как минимум, при оказании государственных услуг), если граждане выступают клиентами – благополучателями. Для современных государств также характерно стимулирование самостоятельности и предприимчивости граждан. Направления реформирования взаимодействия общества и власти в государстве нашего времени можно определить по следующим векторам: маркетизация многих государственных и муниципальных услуг, стремление внедрить в практику концепцию «отзывчивой бюрократии», зеленая трансформация или экологизация управления (в связи с изменением климата), цифровая инклюзивность и преодоление цифрового неравенства, повышение открытости государственного управления – создание «прозрачной» бюрократии, борьба с угрозами

[1] Тихомиров Ю. А. Государство: преемственность и новизна. М., 2011. С. 78.; Власенко Н. А. Современное Российское государство. Очерки. М., 2022. С. 34.

кибербезопасности[1], вовлечение граждан в решение общих задач.

Технологические инновации влияют на изменение государственного уклада. Происходит формирование нового типа государственности, «контуры которого еще не в полной мере проявлены в реальности»[2]. Присущие современному государству институты – платформы, участие граждан, электронное правительство и пр. стали новыми феноменами и изучаются теоретиками.

Введение инноваций, изменение модели взаимоотношений граждан и власти, приверженность новым концепциям требуют изменения мировоззрения, а значит, и терминологии. Важность терминологии для юристов велика. Приведем слова В. Б. Исакова о том, что «единство правовой системы Российской Федерации не в последнюю очередь обеспечивается единством терминологии, языка законотворчества…»[3]. В. Ю. Туранин указывает, что юридическая терминология является относительно малоизученным феноменом в правовой теории, но при этом именно юридические термины оказывают прямое, непосредственное влияние на зримое воплощение природы права в его различных источниках[4]. Цифровые процессы, новейшие технологии влияют на терминологический аппарат права, и Ю. Г. Арзамасов, и Е. А. Певцова, рассуждая о цифровизации юридической терминологии, говорят о том, что ни одна страна в мире не подошла к проекту, связанному с цифровизацией юридической терминологии[5].

---

[1] Сформулировано с учетом выводов, сделанных в работе Кабашова С. Ю. «Бюрократия. Теоретические концепции» (2011 г.) и рейтинга цифрового правительства японского университета WASEDA (IAC 10th International E-Government Ranking 2014 Jointly Surveyed by Waseda University and International Academy of CIO (IAC)).

[2] Азнагулова Г. М., Пашенцев Д. А. Вопросы теории государства в современной юридической доктрине // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 5–15.

[3] Исаков В. Б. Проблемы обеспечения единства законодательства в Российской Федерации // Законодательство. 1997. № 4. С. 58.

[4] Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01. Белгород, 2017. С. 4.

[5] Арзамасов Ю. Г., Певцова Е. А. Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 26.

Путями появления юридических терминов, которые используются в современном российском законодательстве, являются, во-первых, случаи использования слов в юридическом языке и получение ими правового смысла – терминологизация (например, «электронное правительство», возможно, что таким станет и «сервисное государство»); во-вторых, создание юридических терминов усилиями представителей науки и практики (например, термин Т. О'Рейли «государство как платформа», который признан в зарубежных странах); в-третьих, привлечение терминов из других сфер в язык нормативных правовых актов – транстерминологизация[1]. Сказанное В. Ю. Тураниным в комплексном исследовании про юридическую терминологию справедливо и для изучаемой в настоящей работе сферы. Здесь же следует добавить, что после появления новых терминов указанными путями требуется применение философских и лингвистических приемов для теоретического анализа вновь созданных понятий. Под ними мы подразумеваем синтагматизацию – создание синтагматических конструкций путем комбинирования элементов (речи); редукцию – сведение сложного к простому; умножение понятий – объединение нескольких понятий в результате логических умозаключений и появление нового единого определения и др.

Причинами появления новых терминов помимо смены концепции государственного управления, применения новых форм взаимодействия общества и государства являются:

– смена политического, экономического и социального устройства России;

– цифровизация всех сфер жизни;

– внедрение новых понятий в научный (теоретический) оборот;

– внедрение новаций в области юридической техники;

– увеличение потока юридически значимой информации, образуемого социально-правовой практикой;

– заимствование опыта из бизнес-среды;

[1] Там же. С. 16.

– заимствование терминов и практики других стран.

Философскими по своей сути являются понятия «государство», «гражданское общество», «гражданин», «демократия» и др. Они приобретают особую смысловую нагрузку и ценностное содержание, когда к ним добавляют определения: отзывчивый, бережливый, сервисный, цифровой, электронный и пр. В юридический язык, который не является чем-то застывшим, несмотря на свою консервативность, время от времени вводятся новые категории, исключаются устаревшие, изменяется содержание терминов. Исследователи терминологии в праве рассматривают процесс изменения правовых категорий в нескольких аспектах (гносеологическом, методологическом, ценностном (аксиологическом), практически-прикладном, социокультурном, логическом, лингвистическом и иных)[1]. Следует заметить, что теоретических работ о трансформации юридических категорий, о причинах их появления и изменения довольно мало.

А. М. Васильев почти пятьдесят лет назад предложил такие основные формы трансформации категориального аппарата юридической науки[2]: формирование новых категорий (например, для изучаемой нами сферы это «е-правительство»); уточнение, углубление и развитие уже существующих (например, правовое и социальное государство); выделение из понятийного круга теории права категорий, не соответствующих ее фундаментальному уровню (например, «сильное государство»); исключение и обесценивание категорий либо устаревших, либо исчерпавших свой потенциал («челобитная», как пример).

Первая форма пополняет понятийно-категориальный аппарат теории государства и права указанными выше путями и с использованием инвентаря лингвистики и философии. Здесь важно не допускать симплификации, излишней редукции при формулировании терминов и их определении.

В рамках второго направления основное внимание ученых уделяется переосмыслению тех понятий и конструкций, которые обоснованы достаточно

---

[1] См. об этом: Баринов П. С. Обесценивание правовых категорий: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2019. С. 11.

[2] Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 140.

давно, применительно к новым реалиям. Таким образом, привычные для гуманитарных наук дефиниции в настоящее время приобретают новую информационную нагрузку, получают новую гносеологическую ценность и некоторые из них имеют потенциал стать законодательной категорией.

Третья из указанных форм, как правило, связана с ситуативным привнесением добавочного, излишне художественным или эмоциональным подходом к теории.

Пока большинство из приведенных в данной работе терминов лишь получает теоретическое обоснование в трудах ученых. Совершенно понятно, что правовые категории не статичны, они не выступают неизменными догмами на все времена, поскольку меняются общественные отношения, условия применения норм права и терминов теории права. Динамика общественных процессов, изменение обстоятельств в экономике, политике, социальной жизни меняет и содержание понятий, привносит новые слова для обозначения трансформирующихся и вновь возникающих явлений и процессов. Иногда устоявшиеся термины даже подлежат пересмотру, утрачивают своё ценностное содержание или напротив его обогащают[1]. Формирование нового знания, в том числе и о государстве, идет беспрерывно и интенсивность такого процесса в настоящее время возросла, во многом в связи с цифровыми инновациями, развитием техники и технологий.

Обозначим тенденции изменения понятийно-категориального аппарата теории государства.

1. Изучение современного государства идет по более широкому научному пути (речь о междисциплинарном подходе к изучению явлений и категорий, рассмотренном выше).

2. Междисциплинарность обеспечила рассмотрение привычных и консервативных правовых категорий с новых сторон.

3. Объем юридического знания растет, в том числе за счет развития технологий, появления новых отношений, требующих регулирования.

---

[1] Баринов П. С. Указ. соч. С. 72.

4. Заметно заимствование опыта зарубежных стран и терминологии из других языков. Иностранные варианты терминов могут быть переведены и адаптированы с точки зрения российской правовой традиции и исторического опыта, а могут быть восприняты в точном переводе. Пример последнего – «совместное производство» (о наполнении понятия и о неудачном переводе для русского языка говорится в третьей главе настоящей работы).

5. Технологическая составляющая общественного развития приобретает все большее значение и влияет на формирование новых понятий и категорий.

Сочетание существующих (классических) представлений о государстве, современные изменения в обществе, знания из других наук, в том числе из технической сферы и ИТ, дают возможность говорить о создании на этой основе синтетической теории государства с обновленным терминологическим аппаратом (рис. 1).

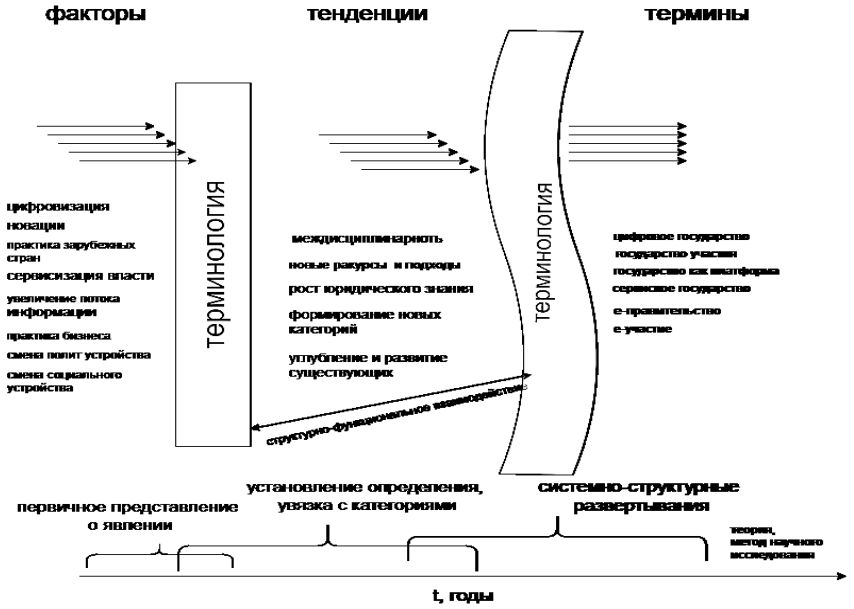

Рисунок 1 – Формирование понятийного ряда теории государства (источник: составлен автором[1])

Бесспорно, что, теоретически оформляясь, правовые понятия встраиваются как непосредственно в систему юридической науки, так и в общее социального-гуманитарное знание, поскольку они существуют не изолированно от понятий

[1] Рисунок составлен с учетом положений диссертационных работ П. С. Баринова, А. М. Васильева, В. О. Пучкова, В. Ю. Туранина.

других наук, а находятся с ними в отношениях структурно-функционального взаимодействия[1].

Юридическая наука, ее теория, должна иметь инновационный характер, и пусть пропала некоторая методологическая определенность[2] в теории государства и права, но представляется, что наступило время применения более широкого инструментария для исследований – междисциплинарный подход к теории государства и права будет весьма полезен.

В литературе говорится о перспективных направлениях дальнейшего развития теории государства. В частности, предполагается создание междисциплинарной теории государства. Последняя, основываясь на доктринальном объяснении технологической парадигмы государственной эволюции, будет связана с развитием идеи формирующегося цифрового государства[3]. Обновленная теория должна учесть переоценку принципов государства и государственного управления, значение общества в социальной, политической и правовой жизни, динамику в системе функций государства, современные подходы к взаимодействию общества и государства. Теория государства и права выполняет функцию понимания и предвидения развития социальной практики, может сконструировать модели – теоретические схемы и их рационализировать.

1.4 Юридико-цифровые модели взаимодействия общества и государства

Одним из методов исследования, применяемым в юридических науках, является научное конструирование явлений с помощью моделей. Этот процесс разработки теоретических конструкций и абстрактных схем позволяет изучать и анализировать социальные явления и процессы, а полученные конструкции –

[1] Пучков В. О. Указ. соч. С. 162–164.
[2] Корнев А. В. Методологические основания изучения истории политических и правовых учений // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 5 (186). С. 127–136.
[3] Азнагулова Г. М., Пашенцев Д. А. Указ. соч. С. 5–15.

модели – помогают систематизировать знания, выявлять закономерности, проверять гипотезы и предсказывать развитие отношений, ситуаций, прогнозировать потребности общества и государства. Они упрощают сложность реальных явлений, выделяя ключевые элементы и связи, при этом исследователи лучше понимают и объясняют детерминанты развития, поведение индивидов и их групп, строят прогноз и пр.

«Модель» – многозначное слово латинского происхождения (лат. modulus – «мера, аналог, образец»), которое пришло из французского языка (фр. modèle). Как правило, модель включает в себя набор элементов, образующих систему. А. В. Корнев образно пишет, что модель – некий «слепок» с какого-либо фрагмента социальной реальности, а любая теория есть, прежде всего, модель[1].

Частные вопросы моделирования, в том числе в юридической науке, особенно активно развивались и развиваются в «уральской школе права» (С. С. Алексеев, Н. Н. Тарасов, С. В. Плетников и др.). И теперь уже все «школы» традиционно используют термин «модель» для познания и толкования государственно-правовой реальности, применяя его в том числе и к государству. Признавая вслед за указанными учеными моделирование инструментом теоретико-правовой науки, согласимся с В. С. Плетниковым, что модель – это образ и аналитическое описание объекта/процесса/явления, повторяющий основные свойства моделируемого «исходника»[2].

Отношения между государством и обществом можно определить как взаимодействие между органами публичной власти и гражданами/их группами в целях выполнения задач и функций государства, достижения общественных интересов и интересов отдельных лиц. Внешнее выражение взаимодействия, объединенного общими характеристиками, их разнообразие, а также характер

---

[1] Корнев А. В. Теория социального государства: становление и развитие // Проблемы развития теории социального государства : Сборник статей по материалам международного круглого стола, Москва, 23 марта 2024 года. М.: Академия труда и социальных отношений, 2024. С. 51, 52.
[2] Плетников В. С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения: дис. … д-ра юридических наук: 5.1.1 / Плетников Виктор Сергеевич. Екатеринбург, 2022. С. 31.

взаимоотношений формируют модели. Модель взаимодействия государства и общества – это некая идеальная, теоретизированная форма, система элементов, отражающая существенные характеристики взаимодействия граждан/общества с органами публичной власти/государством.

Каждая из стадий истории государственно организованного общества заключает в себе свою модель (или несколько) взаимодействия государства и общества. Описывая конституционализм, Д. В. Лисицын называет его политической моделью взаимодействия общества и государства и дает определение – это система политических и публично-правовых институтов, функционирующих на основе ряда принципов[1]. Термин «модель» применительно к сфере взаимоотношений общества и государства уже используется в литературе, причём не только в научной, но и в учебной.

Типизация моделей взаимодействия показывает, как осуществляется государственная власть внутри конкретного вида модели, демонстрирует установившийся режим, отвечает на вопрос, имеет ли общество возможность влиять на государство, отражает соотношение взаимных прав и обязанностей государства и граждан, подразумевает реакции общества на государственные решения, становится понятно, какую оценку дает общество власти и как оно это делает, презюмируются формы представительства и подотчетности. Современный подход к взаимодействию общества и государства, базирующийся на открытости, активизации населения, применении цифровых технологий и пр., связан с новой концептуальной основой, отличной от традиционного подхода. Последний опирался на работу иерархичной бюрократии, не предполагал широкого вовлечения общества в дела государства, власть взаимодействовала с населением через веками используемые каналы (выборы, обращения), принимала решения самостоятельно. Модель взаимодействия государства и общества при таком подходе можно именовать патерналистской[2] и бюрократической. Эта модель,

---

[1] Лисицын, Д. В. Конституционализм как модель взаимодействия общества и государства: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Лисицын Дмитрий Викторович. Ставрополь, 2004. С. 10.

[2] Патернали́зм (лат. paternus – отцовский, от pater – отец).

которая существовала довольно долго, определила практику, когда государство, обеспечивая потребности граждан, первоначально лишь базовые, а с течением времени и более высокие, взамен диктовало свою волю, а общество подчинялось этой воле, адаптируясь к реализуемой политике, выполняя принятые государством правила.

Для патерналистской модели характерны следующие черты:

– ведущая роль во взаимодействии принадлежит государству (а не обществу);

– принуждение и диктат со стороны власти;

– неактивность населения;

– низкая степень обратного воздействия общества на государство;

– ограниченные возможности взаимодействия общества и государства;

– адаптация общества к государству и его решениям.

В объяснении патерналистского порядка взаимодействия государства и общества лежит забота о благополучии граждан, подразумевается, что самостоятельное принятие решений обществом опасно, поскольку население неразумно. Патернализм был важным принципом организации социума и его отдельных сфер (в том числе государства) с «отеческой» властью[1] правителей. Этот принцип использовался как единственно правильный многие века, вплоть до XX века. Он сохранялся некоторое время, даже несмотря на наступление буржуазной или техногенной стадии развития общества и государства, которая существенно поменяла характер взаимодействия населения и власти.

К середине двадцатого века во всех странах мира, даже бывших колониях и бедных странах, правительства начали переходить к эффективной бюрократической государственной организации[2]. Этот порядок был новым для того

[1] Статья «патернализм». Большая российская энциклопедия. // URL: https://bigenc.ru/c/paternalizm-4b88b3 (дата обращения: 07.11.2025).

[2] Migdal JS. A model of state-society relations. In: State in Society: Studying How States and Societies Transform and Constitute One Another. Cambridge Studies in Comparative Politics. Cambridge University Press, 2001. P. 41–57. // URL: https://www.cambridge.org/core/books/abs/state-in-society/model-of-statesociety/relations/ (дата обращения: 19.02.2025).

времени, он определил и новые правила взаимоотношений государства и общества, стал предшествующим для сервисной модели взаимодействия. В Европе и США уже в конце 70-х гг. XX в. заговорили о сервисизации власти, о так называемой «потребительской» модели взаимоотношений и о привлечении граждан к управлению в более широком формате, чем это было принято прежде (имеются в виду традиционные формы участия граждан, например, выборы, сходы, собрания и т. п.).

Отдельно следует сказать про модель взаимодействия, сложившуюся в СССР. Несмотря на особенность советского государственного управления по широкому вовлечению народных масс в решение общих задач, развитые институты Советов и обращений, активности населения, модель все же следует признать патерналистской и бюрократической, пусть и с удивительным сочетанием с элементами сервисной модели и модели участия. Администрирование было непрерывным, предсказуемым и управляемым правилами, осуществлялось специалистами, которые были назначены. Согласимся с мнением О. И. Чердакова, что в советское время был создан новый «административный класс», ставший основой государственности, и уникальная форма управления, создаваемая как демократическая (имеются в виду Советы), но по содержанию – как партийно-номенклатурная, сочетающая в себе и диктатуру, и демократию[1].

Правовое регулирование и политическая воля существенно влияют на отношения между властью и гражданами. Частые реформы, экономические проблемы, военные конфликты и политическая напряженность – те причины, которые вызывают нестабильность и стимулируют ситуацию в стране, когда отношения «общество-государство» строятся на покровительстве, при значительном влиянии неформальных институтов, неофициальных процессов. Все это приводит к расхождениям между принятыми правилами и реальной практикой[2].

---

[1] Чердаков О. И. О роли государства и бюрократии // Право и образование. 2012. № 3. С. 109.

[2] О негативных явлениях в гражданском обществе, связанных, в том числе и с неформальными объединениями см. Чемберс С. и Копштейн Дж. С. «Негражданское гражданское общество» (S. Chambers and J. S. Kopstein Revisiting «Bad Civil Society» Posted on May 4, 2021 by HISTPHIL). // URL: https://histphil.org/2021/05/04/revisiting-bad-civil-society/ (дата обращения: 13.04.2025).

При распределении власти между несколькими властными элитами, в случае связи государства с преступной деятельностью у него нет заинтересованности взаимодействовать с обществом, власть не мотивирована для построения диалога. Исторические примеры показывают, что нередки ситуации, когда жесткий диктат государства и репрессии в отношении населения исключают граждан из общественной жизни. Конечно, при таких условиях в государстве отношения между властью и обществом весьма слабые, формы взаимодействия маловариативны и не развиваются. Верно замечено, что инклюзивное политическое регулирование может изменить отношения власти и общества и способствовать социальным преобразованиям[1].

Исторически основное внимание государства было уделено наращиванию потенциала центральных властных институтов. Однако в настоящее время пришло понимание того, что необходимо также развитие взаимодействия государства и общества. От публичной власти требуется оказывать поддержку обществу, стимулировать участие граждан в общественных и государственных делах, чтобы они могли выразить свое мнение, оценить работу органов власти, генерировать идеи для дальнейшего развития отдельной территории и страны, заставить государство реагировать на нужды общества, формировать политику, курс развития и пр. Разобщённость государства и общества негативно влияет на развитие. Последствия дистанцированности власти и населения друг от друга могут быть нематериальными, например, отсутствие доверия к правительству, слабая социальная сплоченность, разрушение норм и ценностей, чувство страха, бессилия и неуверенности, пессимизм в отношении будущего. Если государство не создает условия для взаимодействия с населением, для участия граждан в делах государства, то в конечном итоге это подрывает социально-политическую сплоченность общества. Социальная и политическая раздробленность, а также

[1] Глава «Отношения государства и общества: обзор». Haider, H. with Mcloughlin C. State-society relations and citizenship in situations of conflict and fragility: Topic guide supplement. Birmingham, UK: GSDRC, University of Birmingham, 2016. // URL: https://gsdrc.org/wp-content/uploads/2015/07/CON88.pdf (дата обращения: 13.04.2025).

слабое гражданское доверие подрывают легитимность государства и формирование сильных общенациональных систем управления.

Вектор развития поменялся в XX – XXI веке: теперь создание сильных государственных институтов тоже считается необходимым, но необходимым для укрепления общества и всего государства. Развивают те институты, которые предназначены для удовлетворения потребностей общества, реагируют на требования граждан, и те процессы, которые рассматривают членов общества как активных участников. Именно это считается важным в наше время для государственного строительства. Традиционно процессы государственного строительства имеют материальное воплощение и материальные цели – организация инфраструктуры, зданий и дорог, предоставление технической и медицинской помощи, построение системы образования, разработка норм права. Однако только материальной составляющей для укрепления взаимосвязи и эффективного взаимодействия общества и государства оказалось недостаточно. Идет поиск нематериальных форм взаимодействия для укрепления отношений между государством и обществом, активизации граждан на участие.

На важность понимания природы взаимоотношений государства и общества и на то, как они менялись с течением времени, справедливо обращают внимание многие исследователи данной темы[1]. Трансформация представлений о гражданском участии со времен философов Античности до концепций XXI века показывает существенное развитие представлений о проблеме, формах взаимодействия и формирования новых моделей взаимоотношений.

Концепции взаимодействия гражданского общества и государства менялись. Считается, что Аристотель первым употребил понятие гражданского общества, впрочем, содержание термина отличалось от его сегодняшнего наполнения.

---

[1] См., например: Кузнецова Ю. В. Концептуальные отношения между государством и гражданским обществом в исторической перспективе (Kuznetsova Julia V., The Conceptual Relationship between the State and Civil Society from a Historic Perspective) // Journal of society and the state school of governance and politics, MGIMO university, Russia. 2019. № 1 (4). // URL: https://sgpjournal.mgimo.ru/2019/2019-4/the-conceptual-relationship-between-the-state-and-civil (дата обращения 13.04.2025).

Цицерон в целом сохранил примерно такой же смысл понятия, как и греческий философ, но можно заметить некоторое искажение при переводе, которое придало слову новые оттенки, близкие к современному пониманию (речь идет о словосочетаниях «койнония политика», которая была переведена на латынь как «общество цивилизации», а далее в английском языке это стало «гражданским обществом»).

Мыслители Нового времени (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.–Ж. Руссо и др.) размышляют о гражданском обществе, о роли государства, о передаче гражданами части своих прав властным институтам, об участии граждан в делах управления, об ответственности людей за действия правительства (Г. Гегель, А. Токвиль и др.). В их время иерархический принцип построения общества меняется, наступает время доминирования закона/права, провозглашается равенство субъектов (пусть сначала и формальное), в том числе в отношениях с властью. Сфера частного права отделяется от государства, частично государство устранятся из сферы экономики. О. А. Мартышин и Г. Н. Муромцев верно пишут, что государство, построенное на такой основе, получило название правового, а общество, в условиях которого оно действует, – гражданского. С тех пор эти парные категории эволюционируют вместе. И двести лет назад, и сегодня высказываются самые разные мнения по поводу их соотношения и смыслового наполнения: от отождествления гражданского общества и государства (наследие Г. Гегеля) до зависимости государства от общества (по К. Марксу).

Сегодня концепция гражданского общества весьма сложна, все еще расплывчата, в трудах исследователей иногда запутанна. Однако она исследуется не только учеными, но и политиками, общественными организациями, мировыми альянсами[1]. Например, такая метрика, как индекс гражданского общества (CSI), отражающий ситуацию с гражданскими правами и возможностями в каждой стране, рассчитывается с 2001 г. Гражданское общество, на основании отчетов

[1] Всемирный альянс за гражданское участие (CIVICUS) – влиятельная независимая организация, занимающаяся исследованием гражданского общества. // URL: https://www.civicus.org/ (дата обращения: 09.04.2025).

Альянса CIVICUS, – это некое общественное пространство, где взаимодействуют различные социальные ценности и интересы, где люди собираются вместе, чтобы дебатировать, обсуждать, общаться и стремиться влиять на государство и общество в целом, а также та сила, которая может взять на себя даже частично принудительную роль, если государство терпит неудачу. При измерении Индекса гражданского участия одним из показателей является общественное участие – уровень вовлеченности населения в деятельность социальных и политических организаций[1]. Именно общественно участие в большей мере характеризует взаимоотношение государства и общества.

С. Чемберс (S. Chambers) и Дж. Копстейн (J. Kopstein) приводят шесть видов взаимоотношений общества и государства[2]: общество отдельно от, против, в поддержку государства, в диалоге, в партнерстве с ним, наконец, за его пределами. В рамках настоящего исследования нас интересуют типы, когда общество выступает в поддержку государства, находится с ним в диалоге и в партнерстве, поскольку именно эти типы взаимоотношений создают довольно крепкую основу для государства. Публичная сфера уже понимается как продолжение общества, которое находится в связи с государством, которому государство отчитывается о своих действиях. В обществе формируются общие ценности, создается общая гражданская культура, богатые общественные связи. «Диалог» с государством предполагает постоянный обмен информацией, оценками, равное положение «в

[1] Гражданское общество в модернизирующейся России [Электронный ресурс]: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» / Л. И. Якобсон, И. В. Мерсиянова, О. Н. Кононыхина и др. Электрон. текст. дан. (2,6 Мб). М.: НИУ ВШЭ, 2011. // URL : https://grans.hse.ru/data/2022/02/11/1745020200/CIVICUS%20Russia% 20RUS.pdf (дата обращения: 09.04.2025).

[2] Chambers S., Kopstein J. Глава «Civil Society and the State». В книге: The Oxford Handbook of Political Theory Phillips, Anne (Editor), Professor of Gender Theory and holds a joint appointment in the Department of Government and the Gender Institute, London School of Economics. Honig, Bonnie (Editor), American Bar Foundation Dryzek, John S. (Editor) Australian National University Print, 2008; Published to Oxford Handbooks Online: September 2009 Print ISBN-13: 978-0-19-954843-9, doi:10.1093/oxfordhb/9780199548439.001.0001. // URL: https://www.researchgate.net/profile/JeffreyKopstein/publication/292499139_Civil_Society_and_the_State/links/57336df708ae9ace84073ab2/Civil-Society-and-the-State.pdf (дата обращения: 13.04.2025).

диалоге», взаимное уважение, прочные социальные связи в обществе, чувство ответственности граждан, которое объединяет население, что благотворно влияет на гражданственность людей, на потенциал общества, его силу. Но вот отношения между обществом и государством, вытекающие из этого типа, могут быть сложны, когда «диалог» перерастёт в «спор».

Типы, предложенные С. Чемберс и Дж. Копстейн, имеют общие характеристики и свойства. В рамках каждого предложенного вида можно выделить несколько моделей взаимоотношений государства и граждан. На формирование моделей влияют разные обстоятельства, доминирующими из которых в наше время являются цифровизация и нормативное регулирование взаимодействия, что дает основание именовать современные модели юридико-цифровыми.

В юридической доктрине и учебной литературе общество рассматривается как сфера социальной интеграции и определенной автономии, способная к самоорганизации. Предполагается, что у современного общества есть сдерживающий эффект, оно может предъявить государству свои требования, призвать его к ответу. Государство же нашего времени выражает желания общества, удовлетворяет его потребности. Кроме того, оно регулирует общественную жизнь посредством норм права, поскольку самостоятельность общества относительна.

Сегодня развиваются и реализуются новые подходы к рассмотрению участия общества в жизни государства. Наступило время варианта соотношения ролей государства и граждан – в виде взаимодействия, консенсуса и консолидации общества и государства[1]. Он сменяет демократический тип, когда роль государства уже становится ограниченной, а политическая система общества дает разного рода общественным формам возможность активного существования. В то же время общество вступает с властью в диалог, и государство само его часто инициирует с целью получить поддержку, обратную связь или оценку своих действий, разъяснить политику или информировать людей. Заметны и элементы типа «партнерство»,

[1] Воротников А. А. Право как результат консенсуса государства и общества // Сущность права : сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / [под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина] ; Саратовская государственная юридическая академия М. И. Байтина. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. С. 83.

когда власть просит помощи от граждан и ищет партнерских отношений с обществом (например, запрашивая идеи граждан на краудсорсинговых платформах или приглашая выполнить отдельные функции государства).

Конечно, государство может злоупотреблять своими полномочиями, например, чрезмерно управлять обществом, манипулировать им, подчинять его себе. В ответ у общества, по сути, есть лишь одно средство – самоорганизация и активность.

Парадигмы взаимодействия государственной власти и общества последних пятидесяти лет сменяют друг друга с достаточной интенсивностью. Развитие происходило от патерналистской модели к модели бюрократического типа взаимодействия (правительство принимало и применяло нормы права для осуществления своей власти над гражданами) и далее – к предоставлению публичной администрацией государственных услуг и создания условий для удовлетворения потребностей граждан – потребительская модель. Теперь же преобладает идея вовлечь граждан в управление, разделить ответственность между властью и обществом за политику и процессы обслуживания. Такая модель может быть названа моделью участия. Кроме того, на этапе построения сервисного государства под влиянием цифровизации созданы ресурсы, называемые платформами, которые изначально были призваны повысить эффективность оказания государственных услуг, сделать информацию доступной для граждан, и сервисную концепцию сменяет парадигма платформы. Таким образом, идет постоянная, постепенная и довольно динамичная в последнее время смена моделей взаимодействия государства и общества. При этом концепции последних лет, современные нам (сервисная, платформенная, участия), подразумевают, что каждая из последующих вбирает в себя многие черты предыдущей, то есть являются инкрементальными. Они постепенно увеличивают свои свойства, добавляя элементы, приращивая новые черты. Последняя из выделенных моделей – модель участия – аккумулирует многие взаимосвязи, отношения, принципы предшествующих типов. Эволюция моделей идет довольно плавно, и поэтому трудно, да и невозможно выделить дату или период окончания реализации модели,

переход к следующей (рис. 2). Указанные модели сформировались и стали возможны под влиянием современных технологий – цифровых, и, конечно, основные правила их реализации закреплены в нормах права. Поздняя сервисная модель превратилась на наших глазах в сервисно-платформенную, которая, вероятно, трансформируется в модель участия граждан в реализации функций государства, сохранив платформы как основу для взаимодействия государства и общества. Все эти современные нам модели взаимодействия общества и государства являются юридико-цифровыми (стали возможными благодаря цифровым технологиям, регулируются нормами права).

Сложные проблемы, в том числе социальные, потребность в улучшении процесса оказания услуг, повышение требований к общественной подотчетности вынудили правительства во всем мире внедрять информационные и коммуникационные технологии для улучшения предоставления государственных услуг, в частности, посредством «инициатив электронного правительства». Постепенно на специальных ресурсах появились опции, которые позволили собирать обратную связь от потребителей услуг – граждан (ставить оценки предоставленной услуге, сообщать о проблемах при ее получении), далее государству с помощью электронных сервисов понадобилось узнать еще больше информации от граждан, в том числе получить предложения по развитию сферы услуг и не только. Так, ИКТ в совокупности с другими обстоятельствами повлияли на смену модели взаимоотношений граждан и общества: она стала цифровой, требующей активности граждан, с опорой на общественное участие.

Рисунок 2 – Анализ прогресса роли граждан во взаимоотношениях с публичной администрацией и смена моделей взаимодействия (источник: Составлен автором)

Изменения, которые произошли в последние десятилетия, следует назвать уникальными и до настоящего времени небывалыми. Технологии позволили создать ресурсы, которые объединились в платформы и теперь сделали возможным массовое вовлечение граждан в дела государства, в реализацию его функций. При этом государство само инициировало вовлечение общества в эти процессы: создавало и создает ресурсы (платформы, сайты, страницы в социальных сетях и аккаунты в мессенджерах), преследуя цель расширить общественное участие, активизировать общество, предусмотрело опции участия, использует стимулы для привлечения внимания общества. Это стало необходимым для выявления проблем, поиска их верных решений, получения одобрения и поддержки уже принятых решений.

Несомненно, взаимодействие между обществом и государством закономерно и естественно. Они находятся во взаимной зависимости и уже не могут существовать одно без другого. Взаимодействию этому имманентно присущи

сложность и противоречивость. Влияя друг на друга, общество и государство «ищут» равновесие в своих отношениях, их интересы могут быть разнонаправленными, о чем писал еще Н. Макиавелли[1]. Как известно, для общества приоритетными являются нравственность, добро, справедливость и иные моральные категории. Государство же часто отступает он них, применяет силу, не прислушивается к мнению граждан. Как верно отмечает И. А. Гобозов, это противоречие, видимо, будет существовать, пока есть государство как политическая форма управления обществом[2].

Таким образом, в XX в. страны мира, особенно те, которые в настоящее время называют постиндустриальными экономиками, прошли через трансформацию государственного управления, заметно поменяли принципы взаимодействия с гражданами, а достижения техники и технологии дали вариации новых форм, инструментов и средств взаимодействия общества и государства. Еще в 1908 году Л. Дюги указывал на то, что традиционная доктрина о государстве и о государственной власти встречается с целой волной новых идей, которые «грозят бесследно смыть ее». В течение ста лет постепенного изменения подходов к государственному управлению характер, формы и принципиальные основы взаимоотношений государственной администрации и населения менялись. Первоначально кризисы, вызванные экономическими и/или политическими причинами, приводили к расширению государственного механизма и разработке теоретических идей, это оправдывающих. Однако в начале XXI в. общемировые экономические трудности выдвинули на первый план проблемы экономии бюджетных средств, оптимизации государственного аппарата. Практикам и теоретикам стала интересна концепция рыночной эффективности государства для ответа на появившиеся вызовы. При этом роль государства в экономической системе начала опять расти, несмотря на то, что в Новое время и весь XIX век

[1] Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. С. 46.
[2] Гобозов И. А. Общество и государство: их взаимодействие // Философия и общество. 2011. № 2. С. 8.

правительства стран «уходили» из сферы экономики, оставляя ее регулирование самому рынку.

В начале XXI в. произошла существенная трансформация взаимодействия общества и государства. Суть ее заключается в изменении ролей и функций во взаимоотношениях власти и граждан. Изменились и принципы взаимодействия, существенно обогатились формы. Предполагается, что общество в таких условиях должно стать активным, внести свой вклад в развитие, помогать государству в поиске решений, выборе пути и стать его опорой. Государство, согласуя свои действия с обществом, придерживаясь общечеловеческого подхода в своей деятельности, в полной мере реализует свое социальное назначение, выстраивая социально-психологическую траекторию сотворчества с обществом, создавая условия для его активного участия в общих делах.

Для изучения закономерностей взаимодействия общества и государства прием моделирования весьма подходит. Предлагаются для изучения такие модели взаимодействия общества и государства, как патерналистская, бюрократическая (уже исторические типы моделей), а также потребительская модель (она же сервисная), модель на основе применения платформ и модель участия общества в реализации функций государства. Приведенные типы моделей плавно сменяют другу друга, в какой-то мере накапливая и частично сохраняя черты предшествующих, но все же трансформируясь в сторону партнёрских отношений государства и общества, усиления роли общества во взаимоотношениях.

Причинами изменений стали обстоятельства разного порядка, среди которых ведущее место занимает развитие технологий. Технологии существенно изменили инструментарий взаимодействия общества и государства. Оно [взаимодействие] стало в большей мере цифровым. Модели взаимодействия государственной администрации и общества меняются в последние десятилетия довольно интенсивно. Развитие идет от бюрократического типа взаимодействия с патерналистским характером, через потребительскую модель, к концепции активного участия граждан в делах государства. Для реализации потребительской, или сервисной, концепции государством созданы ресурсы, называемые

платформами. Они позволяют назвать современную стадию смены моделей взаимодействия парадигмой платформы. Как правило, каждая из последующих моделей вбирает в себя многие черты предыдущей, но имеет свои особенности (рис. 3).

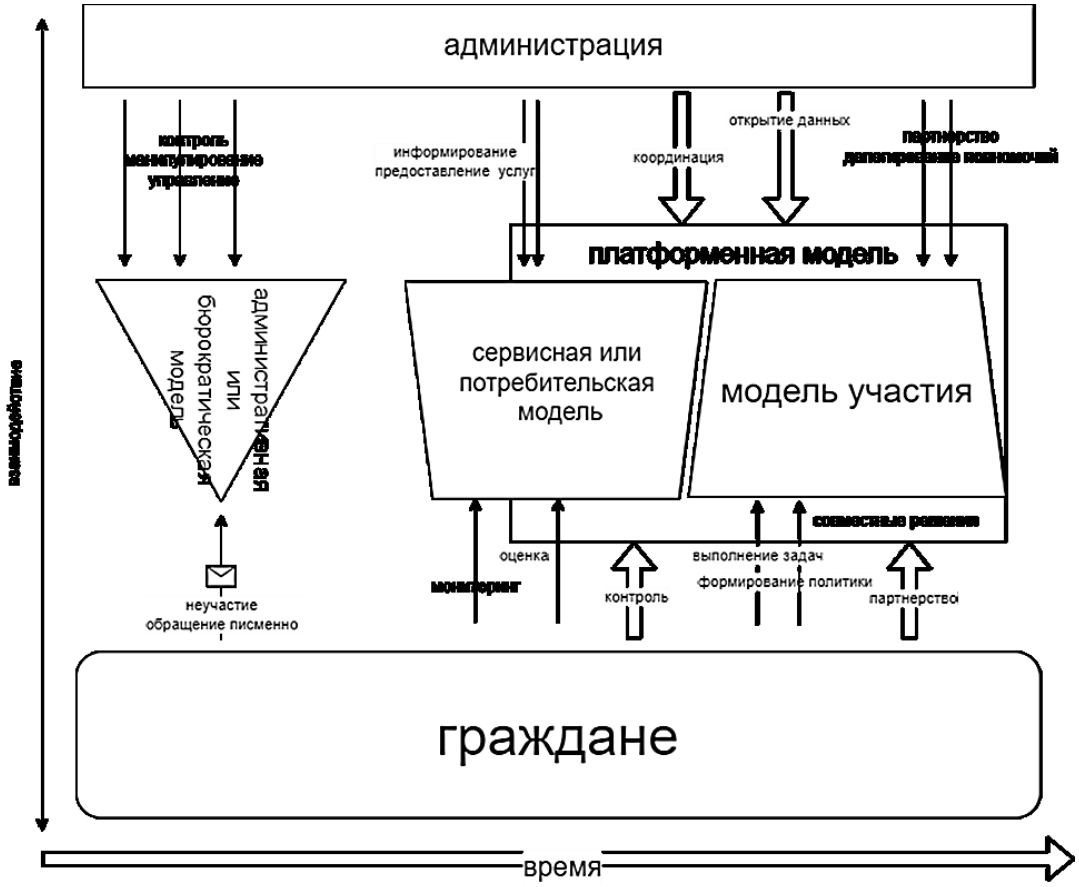

Рисунок 3 – Специфика взаимоотношений власти и общества при различных моделях государственного управления (источник: Составлен автором)

Выводы по главе:

1. Основы традиций и принципов (свободное, равное участие населения, отсутствие цензов, гласность, открытость, принятие решений большинством, активность) взаимодействия общества и государства современной России лежат в истории государственности страны: элементы участия населения в принятии общих решений у славян известны еще до X в., а время советской государственности дало уникальную практику и традиции массового участия граждан в делах государства и общества, способы активизации населения, формирования культуры взаимодействия и ее составляющей – культуры участия.

2. Исторический анализ взаимодействия общества и государства позволяет разделить формы взаимодействия и его инструменты на традиционные (применяются веками: участие в выборах, собрания, сходы, подача обращений и пр.), и современные, те, которые появились в новейшую историю и которые можно назвать юридико-цифровыми. Те, которые возникли в связи с развитием технологий (выражение мнения и голосование на порталах и сайтах государственных органов, сбор идей на краудсорсинговых платформах, реакции в приложениях, обращения по электронной почте, комментарии в социальных сетях и пр.), в настоящее время проходят свою апробацию, не получили еще правого регулирования и требуют теоретического осмысления, в том числе по поводу их целесообразности и эффективности.

3. Цифровизация и технологические инновации стали магистральным трендом, вызовом и причиной изменений во взаимоотношениях общества и государства. Современные инновации оказывают как позитивное (например, снижение административной нагрузки), так и негативное влияние (например, под угрозу ставится безопасность персональных данных граждан) на сектор публичного управления и на общество.

4. Помимо цифровизации на трансформацию взаимодействия общества и государства влияют геополитические, экономические, когнитивные изменения в обществе и даже эпидемиологические причины.

5. Взаимодействие публичной администрации и граждан во все времена строится по определенным принципам, имеет внешнее выражение – форму, как правило, закрепляется в нормативных актах и под влиянием ряда обстоятельств в процессе исторического развития приобретает специфические черты. Характеристики взаимодействия власти и общества, присущие тому или иному государству, установившемуся в нем режиму на определённом временном отрезке, можно именовать моделью взаимодействия. Для задач настоящего исследования используем следующее определение модели объекта или явления – это конкретная формализация (описание результатов мышления и явлений в понятиях) объекта или явления, отражающая те или иные его свойства с заданной точностью.

6. Происходящая трансформация взаимодействия общества и государства требует и изменения понятийно-категориального аппарата теории государства и права. Под воздействием ряда процессов, к которым отнесем цифровизацию, человекоцентричность, маркетизацию государственных услуг, экономность, вовлечение населения в работу государственных органов, развитие электронного правительства, открытие информации, прозрачность работы государственных структур, дистанционное общение граждан с властью и др., возникают новые понятия, которые требуют теоретической оценки и обоснования. Указанные и иные явления в совокупности с междисциплинарным подходом дают новые термины, которые бы обозначали указанные процессы и их результаты.

7. Приверженность новой модели взаимодействия общества и государства требует изменения мировоззрения, новой терминологии, новых подходок к изучению. Научное конструирование понятий новой реальности, конечно, имеет трудности, как субъективного (разные подходы исследователей, отсутствие догм в связи с новизной отношений, явлений и пр.), так и объективного характера (разнообразие процессов и отношений, большое количество новых терминов и пр.). Для изучения выбранной сферы предлагаются методы из разных наук – междисциплинарный подход.

Глава 2 СЕРВИСНАЯ И ПЛАТФОРМЕННАЯ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

2.1 Сервисная юридико-цифровая модель взаимодействия общества и государства в контексте медиального поворота

Термин «сервисное государство» среди «новых» понятий теории государства и теории управления (таких как «государство участия», «государство как платформа», «цифровое государство», «культура участия» и др.) пока остается одним из наиболее подробно проанализированных в научной литературе[1]. Более того, он достаточно часто используется в СМИ, выступлениях политиков и программных документах. Однако, несмотря на широкое употребление, термин нуждается в уточнении, определении для учебной литературы и/или нормативных актов, требует выработки унифицированных подходов. Довольно частое его упоминание, употребление и анализ в литературе разными исследователями не дал пока кумулятивного эффекта.

Происходящие процессы, характерные для взаимоотношений населения и власти почти всех стран мира конца XX в., вызвали заметный интерес со стороны исследователей и практиков. Одним из предложений науки стала концепция «нового публичного управления» (New Public Management, NPM)[2]. Ее положения

---

[1] См., например: Васильева А. Ф. Сервисное государство: административно-правовое исследование оказания публичных услуг в Германии и России: монография. М.: РАП, 2012. 332 с.; Паршин М. В. Качество государственных и муниципальных услуг: на пути к сервисному государству. М.: Статут, 2013. 272 с.; Тихомиров Ю. А. Государство: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 19; С. 58.

[2] См., например: Alonso J. M., Clifton J., Díaz-Fuentes, D. The impact of New Public Management on efficiency: An analysis of Madrid's hospitals // Health Policy. 2015. Vol. 119, Is. 3. P. 333–340. // URL: https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2014.12.001 (дата обращения: 05.09.2025); Enders J., Westerheijden D. F., The Dutch way of New Public Management: A critical perspective on quality assurance in higher education // Policy and Society. 2014. Vol. 33, Iss. 3. P. 189–198. // URL : https://doi.org/10.1016/j.polsoc.2014.07.004 (дата обращения: 17.02.2025); Bezes Ph. and etc. New public management and professionals in the public sector. What new patterns beyond opposition? // Sociologie du Travail. 2012. Vol. 54, Suppl. 1. P. e1–e52. // URL: https://doi.org/10.1016/j.soctra.2012.07.001 (дата обращения: 17.02.2025).

частично были учтены и при проведении административной реформы в России. Как уже говорилось, традиционная модель государственного управления довольно бюрократична, она предоставляет гражданам не так много вариантов выразить свое мнение, дать оценку процессам. Общество находится под управлением государственной администрации, которая принимает решения самостоятельно, определяя сама, как двигаться и развиваться дальше. Государственная служба при такой модели (выше она была названа традиционной, бюрократической и патерналистской) – элитарная и довольно закрытая общность, находящаяся на дистанции от граждан. Бюрократические процедуры и регулирующие функции сложившейся модели ограничивали возможности обратных связей во взаимоотношениях общества и государства, не развивали формы взаимодействия, ухудшали и деловой климат в странах, тормозили развитие рынка[1]. Чтобы исправить положение, была предложена концепция нового государственного управления, и первоначально в богатых странах, а затем и во всех остальных ее признали полезной для развития. Она, в первую очередь, предполагала изменение взаимоотношений государства и общества (характера, принципов, форм, соотношения ролей), повышение качества государственных услуг, сокращение затрат на содержание государственного аппарата, новые практики управления (предлагаемые наукой и выработанные бизнес-средой), изменение подхода к государственной службе.

Параллельно с реализацией новой концепции влияние на процессы в сфере взаимодействия государства и общества, его формы, черты и образуемые модели оказали глобализация и новые медиа. Общественное мнение граждан многих стран, общие консолидированные позиции населения регионов и даже континентов, крупных неправительственных организаций оказывают влияние на настроения и действия граждан по всему миру вне зависимости от границ государств. Как верно замечает Э. В. Талапина, глобализация и развитие технологий приводит к тому, что

[1] Поспелова Е., Казакова М. Применение концепции New Public Management в России // Государственная служба. 2015. № 2 (94). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kontseptsii-new-public-management-v-rossii (дата обращения: 20.02.2025).

можно говорить об «электронных сообществах» людей из нескольких стран. С новыми медиа возникает глобальное коммуникационное общество[1]. Изменение взаимоотношений общества и государства идет и под влиянием так называемого «медиального поворота», которым обозначают изменения, происходящие под влиянием современных технологий коммуникации и распространения информации.

Контекст медиального поворота предполагает, что государство, общество, право адаптируются к условиям цифровой эпохи, учитывая влияние медиа, социальных сетей и онлайн-коммуникаций на общественные отношения, правосознание и большую часть процессов в обществе. Это явление характеризуется постепенным изменением правовых норм, подходов органов власти к взаимодействию, направленных на учет особенностей коммуникации посредством цифровых каналов связи. Причинами медиального поворота являются развитие информационно-коммуникационных технологий; увеличение объема доступной информации и скорости её распространения; формирование нового типа социальной активности граждан, основанного на участии в сетевых сообществах; необходимость защиты частных лиц и организаций от злоупотреблений в цифровом пространстве и пр.

Итак, концепция нового публичного управления, сочетаясь с идеей построения социального государства, в том числе под влиянием новых медиа, переродилась в концепцию сервисного государства. Ведущие принципы этой парадигмы – децентрализация полномочий исполнительной власти, государственно-частное партнерство (ГЧП) в сфере государственных услуг, изменение финансирования и бюджетирования в зависимости от результата, открытие информации для граждан и общая демократизация процессов, решений, оптимизация и минимизация числа государственных служащих, изменение оценки их деятельности, защита интересов частных лиц и человекоцентричность, которую, следуя за частной сферой услуг, иногда называют клиентоориентированностью.

[1] Талапина Э. В. О возможностях правового регулирования Интернета / Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3 (55). С. 57.

Наблюдаемые изменения рубежа XX – XXI в.в., как верно отмечает И. И. Осветимская, уже привычно именуются в литературе трансформацией государства и переходом его в качественно новые состояния[1]. Одним из таких «состояний» стала сервисизация власти, переход от бюрократической модели взаимодействия к сервисной, от административного государства – к так называемому «сервисному».

Новая концепция была реализована на практике и потребовала изучения и теоретизации. За последние десятилетия заметно прибавилось количество исследований, где анализируется сервисный тип государственного управления, сервисная модель взаимоотношений государства и граждан, выстраиваемая при реализации концепции сервисного государства, природа государственных услуг, их качество, эффективность управления, этика государственной власти и пр.

С начала XX в. термин «сервисное государство» стал появляться в публикациях и, наконец, получил почти всеобщее употребление в литературе, политике и практике. Например, считается, что Ю. А. Тихомиров поддержал западную теорию сервисного государства, в том числе утверждая, что необходимо требовать от государства исполнения важных общественных задач[2]. Часто делают вывод, что и В. В. Путин поддерживает концепцию, поскольку в своих выступлениях говорит о том, что работу государства следует ставить на службу интересам общества[3].

В 2020 году был проведен Форум «Сервисное государство будущего»[4], в состав секций которого вошел Всероссийский семинар-конференция «МФЦ Будущего. Актуальные вопросы и решения». Последний проводился ежегодно с 2012 по 2019 г. г. при поддержке Совета Федерации по тематике государственных

---

[1] Осветимская И. И. Государство в условиях глобализации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб, 2016. С. 3.

[2] Власенко Н. А. Отклоняющееся государство: методология исследования и основы теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. № 2. С. 260.

[3] Путин В. В. Демократия и качество государства 06.02.2012 // Коммерсантъ. // URL: https://www.kommersant.ru/doc/1866753 (дата обращения: 03.08.2025).

[4] Менеджмент сегодня: 5 актуальных трендов. // СберУниверситет 20.01.2021. // URL: https://sberuniversity.ru/press-center/3061/ (дата обращения: 28.01.2025).

услуг, «сервисности» власти, новых принципов взаимодействия с населением. На одном из семинаров в 2018 г. Минкомсвязи России представило концепцию цифровизации государственного управления на 2018–2024 гг. с наименованием «Сервисное государство 2.0»[1].

Однако термин все еще не определен законодательно, и подходы к его пониманию разнятся. Зачастую определения строятся вокруг центральной идеи сервисной концепции государства – назначение государства заключается в ориентации на человека, в «служении» индивиду, гражданину. Принципиальной основой становится человекоориентированность.

Реализация концепции «сервисного государства» началась в нашей стране чуть более двадцати лет назад. Административная реформа коснулась в первую очередь государственного аппарата, заметно трансформировались и взаимоотношения государства и общества. Направления изменений при реализации концепции сервисной модели таковы: открытие большого количества информации для общества, демонстрация работы государственных органов (прозрачность), информирование граждан о процессах, политике, ходе оказания им услуг и пр., маркетизация государственных услуг, человеко-/клиентоцентричность, помощь в реализации прав, решении проблем – внедрение так называемой «отзывчивой бюрократии», ожидание обратной связи от граждан, призывы к оценке работы государственных органов. Все эти изменения идут на фоне и при помощи использования современных технологий, современных медиа, а теперь еще и искусственного интеллекта. Цифровизация дала возможности для оптимизации государственного аппарата количественно и качественно, для применения схем экономии, рационализации процессов и перевода их в электронный формат, применения бюджетирования, ориентированного на результат и др. Указанные процессы требуют и изменения мировоззрения как граждан, так и государственной администрации.

[1] Представлена концепция «Сервисного государства» версии 2.0 // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 01.11.2018. // URL: https://digital.gov.ru/ru/events/38530/ (дата обращения: 28.01.2025).

Концепция сервисного государства оказалась основой трансформационных процессов, поскольку в ней постулируется доминанта интересов граждан, требование оценки работы государственных органов со стороны общества, создание комфортных условий для жизни и развития, оказание помощи в решении проблем гражданам и пр. Государство рассматривается как институт, предоставляющий необходимые и качественные услуги населению, активно и своевременно совершенствующий свои функции, ориентирующийся на социальные стандарты, фокусирующийся на результатах. Общество потребляет предоставленные государством «продукты»: услуги, помощь, информацию. Сервисная модель оказалась во многом потребительской – общество в прямом и переносном смысле использует предоставленные возможности, потребляет услуги, воспринимая это как должное, как правило, не предоставляя ничего взамен[1] (кроме налогов и сборов). Однако сервисному государству требуется, как минимум, обратная связь от общества – в виде оценок деятельности и процессов, активности на выборах и др.

В доктрине термин «сервисное государство» не имеет общепризнанного определения. Известный исследователь государственной сферы, уделяющий заметное внимание проблемам власти, природе бюрократии, сущности государственного аппарата, организационно-правовому оформлению государственных процессов в условиях современной российской действительности, С. Ю. Кабашов дает одно из наиболее удачных и полных понятий сервисного государства в отечественной литературе, охватывающее основные сущностные черты рассматриваемого феномена: «это модель или особая политическая форма организации публичной власти, располагающей специальным аппаратом управления, осуществляющим оказание публичных услуг и

[1] Граждане и организации платят налоги и сборы, социальное назначение которых и заключается в том, что это вклад в общее дело, в государство. В текст имеется в виду, что общество не участвует в оценке процессов, выполнении функций государства, выработке решений и пр.

контролирующим систему социально-правовых гарантий достойного жизнеобеспечения человека, его прав и свобод»[1].

В. Н. Зайковский предлагает понимать термин как технологию государственного и муниципального управления, когда властные структуры выступают как поставщики услуг, а граждане – как их потребители[2]. Такая технология соответствует постиндустриальной стадии развития сообщества. Этот же исследователь уточняет, что для осуществления социальных взаимодействий в сервисном государстве используются электронные средства коммуникации. В. А. Пономаренко говорит об электронном сервисном государстве[3] и выражает согласие с П. У. Кузнецовым, что это новое измерение и проявление исторического типа социального государства.

Сервисное государство определяют как форму организации (власти), концепцию, модель государства, новый тип государства, технологию. Как ни странно, каждый из исследователей оказывается прав. Продемонстрированные точки зрения свидетельствуют, что среди российских учёных нет единообразного понимания политико-правовой сущности «сервисного государства», термин не определен в теории государства и права. Однако смысл и назначение государства в приведенных и иных определениях заключается в его социальном назначении – в служении человеку и обществу. Сервисное государство – это вариация государства социального, которое, как указывает Р. А. Ромашов, выступает инструментом осуществления социальной заботы об обществе и защиты интересов людей[4].

---

[1] Кабашов С. Ю. Перемены в философии государственной и муниципальной службы: от «сильного государства» к «сервисному государству» // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 5 (133). С. 71–72.

[2] Зайковский В. Н. «Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? // Дайджест-Финансы. 2014. № 3. С. 38

[3] Пономаренко В. А. Гражданское судопроизводство как услуга в электронном сервисном государстве // Lex russica. 2016. № 2. С. 52–53.

[4] Ромашов Р. А., Ромашова Г. Т. Современное государство: опыт теоретического моделирования // Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2024. С. 22.

Конечно, сводить суть концепции сервисного государства только лишь к тому, что государство предназначено для оказания услуг, неправильно. И. Л. Бачило совершенно верно пишет о том, что сервисность характеризует лишь одну из сторон деятельности современного социального государства, а предоставление услуг – одна из многих функций государственных и муниципальных органов власти[1]. Н. А. Власенко и вовсе считает, что время и обстоятельства демонстрируют «преждевременность идей отмирания государственного принуждения, сказочность толкования сущности государства как сервисной задачи»[2], сервисные идеи «далеки от глубинной сущности понимания государства, тем более российского»[3]. Приводимые ученым аргументы весьма убедительны. А. В. Корнев идею сервисного государства называет «глупой затеей»[4].

Несомненно, термин «сервисное государство» требует теоретического осмысления и дальнейшего научного анализа. Отметив комплексность категории, еще раз аккумулируем, что под сервисным государством понимают и форму организации процессов управления, и технологию управления, и модель построения взаимоотношений власти и общества, и парадигму организации власти в современном государстве, и концепт, относящийся к содержательной стороне государства. Под данным собирательным термином подразумевается характеристика государства нового, современного нам типа. Заключается ли в этом сущность нашего государства, мнения ученых разделились[5]. Однако процессы сервисизации были реализованы и идут сейчас. Представляется, что в теории государства и права важно проанализировать влияние, которое сервисизация государства оказала на изменение взаимодействия общества и власти. Для развития

---

[1] Бачило И. Л. Государство социальное или сервисное? (информационно-правовой аспект) // Право. М.: ГУ ВШЭ. 2010. № 1. С. 3–11.

[2] Власенко Н. А. Отклоняющееся государство: методология исследования и основы теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. № 2. С. 260

[3] Власенко Н. А. Современное Российское государство. Очерки. М.: Норма ИНФРА-М, 2023. С. 26.

[4] Корнев А. В. Какое государство нужно стране? // Сборник статей МНПК «Российской государство и вызовы XXI века (Москва, 12 декабря 2025 г.). М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 146.

[5] Там же. С. 27.

и реализации концепта сервисного государства как программы реформ требуется осмысление и новой терминологической массы, «предоставленной» практикой, политической сферой и СМИ, которая постепенно перемещается в теоретическую литературу. Практика опережает теорию, и ученые уже постфактум пытаются определить природу инноваций и оценить результат трансформации в сфере взаимоотношении общества и государства, предсказать дальнейшее развитие сотрудничества.

Концепция «сервисного государства» как набор практик не является универсальной для реализации в любой стране мира. Даже в странах Европы, объединенных в сообщество, существуют заметные различия в политических и культурных традициях[1]. Представляется, что теоретическая оценка практики реализации идеи сервисного государства, выработанные в зарубежной литературе исследовательские подходы довольно интересны для российской науки – как для теории государства, так и для политологии, государственного управления.

В 2002 г. Дж. Э. Фонтейн (J. E. Fountain) писала, что идея обслуживания граждан как клиентов уже весьма широко распространена, хотя эта концепция и ее последствия в государственном секторе остаются слабо развитыми[2]. Она же указывала на обслуживание клиентов как на цель государственного управления. Данный автор приводит целый ряд «парадоксов», связанных с обслуживанием граждан в государственном секторе, которые интересны для анализа. Одним из основных назван тот факт, что реализация сервисной концепции правительством может привести к усилению неравенства, несмотря на улучшение обслуживания. Сказанное в 2002 г. актуально и сейчас, спустя более чем двадцать лет. Например, цифровое неравенство в обществе удивительным образом усиливается, во многом это происходит в связи с тем, что государственные услуги переводятся в

[1] Mathiasen D. G. The new public management and its critics // International Public Management Journal. 1999. Vol 2, Is. 1. 1999. P. 90–111. // URL : https://doi.org/10.1016/S1096-7494(00)87433-4 (дата обращения: 05.04.2025).

[2] Fountain J. E. Paradoxes of Public Sector Customer Service // Governance. 2002. Vol. 14. Is. 1 P. 55 Paradoxes of Public 73. // URL: https://doi.org/10.1111/0952-1895.00151 (дата обращения: 31.01.2025).

электронную форму, становятся недоступны и непонятны отдельным гражданам. О неравенстве (в том числе цифровом разрыве) и его влиянии на реализацию концепций государственного управления речь пойдет ниже.

Сервисная модель взаимоотношений государства и общества характеризуется тем, что пересматривается отношение к человеку – гражданину государства. Он становится центральной точкой при принятии решений и государство эмпатично определяет, каким образом ему будет удобно жить в таком государстве. В связи с этим государство создает условия для того, чтобы предоставить информацию населению, оказывать максимально комфортно и быстро государственные услуги, внедряет инновации и в управлении, и в способах реализации услуг. Граждане же в ответ только сообщают о своих потребностях и удовлетворяют их предложенными способами. Поэтому, как уже говорилось выше, такую модель взаимоотношений часто называют потребительской.

С развитием информационных технологий услуги стали предоставляться в электронном виде, чаще с использованием специальных ресурсов – платформ, функционал которых постоянно растет. Среди возможностей появляются формы обратной связи, опции для отправки сообщений, мнений, идей. Это связано с тем, что при реализации сервисной парадигмы при предоставлении услуг государству довольно скоро понадобилось получить ответную реакцию – оценку процессов от получателей для того, чтобы их далее совершенствовать и узнать степень удовлетворенности граждан, для которых это и было организовано. Так, к правам и возможностям граждан добавились оценки и мониторинг государственных услуг, а затем и «просьба» выявлять проблемы, реагировать на новые идеи и решения. Основываясь в том числе и на этой обратной связи, государство пытается выстраивать свою политику.

Граждане постепенно втягиваются в более широкое участие, нежели это было в самом начале реализации сервисной модели. Для того чтобы такое участие стало как можно было широким, то есть репрезентативным, применяются современные технологии и медиа (сайты, платформы, приложения социальные сети и пр.). Сервисная модель на фоне медиального поворота становится платформенно-

сервисной. Развитие взаимоотношений государства и общества в рамках сервисной модели потребовало вовлечения общества в ее реализацию, поскольку государство нуждается в оценке своих действий, обратной связи по проводимой политике и внедряемым инновациям, новых идеях. Первоначальный подход к взаимоотношениям публичной администрации и населения в рамках этой же модели характеризовался тем, что граждане, связанные с властью в качестве клиентов, выступали как пассивные получатели услуг, благ и информации, и обслуживание шло «сверху вниз».

Сервисное государство сегодня можно определить как многогранное социально-правовое явление (концепция, принципиальная основа, форма, модель управления, характеристика) в сфере государственного управления, в основе которой лежит предпосылка, что в центре внимания государства должны быть граждане и общество, а основная роль государства – в том, чтобы «служить» общественности, помочь гражданам сформулировать и решить проблему. Сервисная модель взаимоотношений общества и государства характеризуется человекоцентричностью при осуществлении функций государства, при этом государство помогает обществу, а не просто контролирует его или управляет им, а отношения власти и граждан опосредованы информационными технологиями.

2.2 Реализация сервисной модели: оказание государственных услуг, проактивное юридико-цифровое взаимодействие и государственно-частное партнерство

Понятие «государственные услуги» было частично определено в Указе Президента России от 09 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»[1]. В данном акте о государственных услугах сказано как об одном из видов функций публичных органов. В этом же документе были определены сферы, где оказываются государственные услуги: в области

[1] Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. № 11. 15.03.2004. Ст. 945.

образования, здравоохранения, социальной защиты населения. Перечень не закрытый, видимо, в нем указано на самые значимые сферы для населения.

Оказание государственных услуг стало приоритетным направлением административной реформы в России[1]. Словосочетание из нормативных правовых актов «исполнение государственных функций и предоставление государственных услуг» в настоящее время – устойчивое выражение. Понятия государственной функции и государственной услуги разделены. Теоретико-практический спор о том, что функция – это услуга и наоборот, стал излишним. В Концепции административной реформы Правительство настаивает на том, что услуги (точнее, их оказание) являются видом государственных функций: «…исполнение государственных функций включает предоставление государственных услуг…».

Г. И. Алькина и В. А. Герба считают, что понятие «государственные услуги» стало использоваться в России только в начале 2000-х гг. в процессе проведения административной реформы, в то время как в большинстве стран мира государство более длительное время рассматривается как услугодатель[2].

Понятия «государственная услуга» и «муниципальная услуга» появились в ст. 2 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» в 2010 году[3]. Под государственной услугой законодатель понимает деятельность по реализации функций публичных органов, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных полномочий этих органов.

Изучение действующего законодательства позволяет сделать ряд выводов:

– оказание государственных услуг – это один из видов государственных функций;

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2005. № 46. Ст. 4720..

[2] Алькина Г. И., Герба В. А. Сущность государственных услуг // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2009. № 3 (14) С. 129–134.

[3] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4179.

– госуслуги представляют собой действия органов публичной власти (ГЧП, о котором речь пойдет ниже, как будто не подразумевается, то есть невозможно в этой сфере);

– осуществляются не властной волей государства, а по запросам заявителей (начало отношений должно быть инициировано частными лицами);

– направлены на установление, подтверждение, изменение прав лиц;

– в результате предоставления публичных услуг заявители получают реализацию своих прав и законных интересов (а не просто документы, подтверждающие их права);

– финансируются из бюджетов (признак содержится в Бюджетном кодексе Российской Федерации (ст. 69.1 и 69.2))[1].

Итак, при трансформации государственного управления, называемой в нашей стране административной реформой, в процессе построения «сервисного государства» появилось новое понятие – «государственные услуги». Споры о сущности данного института ведутся в литературе второе десятилетие, легальное определение не отражает всех признаков анализируемого института. Более того, перечисленные в определении признаки частично уже не актуальны. Например, те услуги, которые оказываются проактивно, без запроса заявителей, не должны считаться услугой, по данному определению. Бесспорной является необходимость повышения качества государственных услуг, провозглашенное одним из приоритетных направлений административной реформы, что заметно влияет и на качество взаимодействия общества и государства.

История отечественных государственных услуг мало привлекает внимание ученых. Работа Т. С. Тарасовой – одна из попыток комплексно оценить процесс возникновения государственных услуг. Она рассматривает период кон. XIX – нач. XX в., когда уже можно говорить о современнообразных услугах здравоохранения, образования, социального обслуживания и пр. Указанный автор довольно обоснованно предлагает рассматривать историю оказания отечественных

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.

государственных услуг с XVI в., поскольку именно это время связано с появлением государственных и муниципальных органов власти, подобных современным. При этом исследователь уточняет, что в понимании того времени государственная услуга и государственная функция были тождественны, по ее мнению, государственной услугой могла считаться любая деятельность государства, направленная на человека и общество (образование, здравоохранение, социальная защита и др.)[1]. Логика рассуждений исследователя убедительна, но все же следует говорить о возникновении органов власти значительно раньше, чем времена Ивана Грозного. Понятно, что государственный механизм X – XVI вв. был довольно запутанным и государственные функции действительно представляли собой государственные услуги. Разделение государственной услуги и государственной функции на основании современных критериев (добровольности обращения, происхождения интереса, наличия принуждения в правоотношениях, инициативы взаимодействия и др.) в Средние века невозможно.

Литературных, научных и правовых источников о государственных услугах в СССР мало. В. П. Дьяченко указывает, что с 1919 г. отменялась плата за государственные продукты и услуги. Он не раскрывает подробно, что подразумевается под государственными услугами, указывая лишь на транспортные перевозки, плату за жилые помещения, коммунальные услуги, пользование почтой, телеграфом, телефоном, радио[2], бесплатное оказание которых сократило государственные доходы. Позднее плата за коммунальные услуги, радио и пр. была возвращена, однако в период СССР бесплатными оставались: образование, здравоохранение, культурные и музейные учреждения, спортивные клубы и др. Плата взималась по Инструкции Минфина СССР от 11.07.1960 № 236 «О

[1] Тарасова Т. С. Предпосылки возникновения государственных (муниципальных) услуг в России // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения: статьи III Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 3 март 2016 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 348–353.

[2] Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917 – 1950 гг.) : монография. М. : Наука, 1978. С. 52-53.

государственной пошлине»[1], например, за регистрацию актов гражданского состояния[2].

В статистическом сборнике 1987 г. в структуре платных услуг населению за 1986 г. государственные услуги не значатся. Однако упомянуты услуги здравоохранения, оказываемые учреждениями, находящимися на хозрасчете. Можно заключить, что многие государственные услуги были бесплатны[3]. Государственная пошлина уплачивалась за регистрацию брака (15 рублей с 1979 года[4]), выдачу повторных свидетельств, за прописку (по нормам 1979 г.) и др. Советским гражданам предоставлялись государственные услуги: регистрация брака, регистрация рождения, оформление документов на ребёнка, пособий на детей, регистрация усыновления (удочерения), выдача паспорта гражданина, постоянная или временная регистрация по месту жительства, а также снятие с регистрационного учета, выдача водительского удостоверения, регистрация транспортного средства, предоставление адресно-справочной информации, установление пенсии и др. Государство учитывало детей, поступавших в детские сады и школы, производился учет нуждающихся в жилье. Многие государственные услуги не воспринимались как услуги, они были частью бюрократического механизма. Понимание смысла государственных услуг как запроса граждан и организаций на установление, подтверждение, изменение их прав, а тем более получения благ еще не было сформировано.

---

[1] Инструкция Минфина СССР от 11.07.1960 № 236 «О государственной пошлине» / Документ опубликован не был (утратил силу с 01.06.1965 в связи с изданием письма Минфина СССР от 26.04.1965 № 150) // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=49223&ysclid=m5tdgxc8wb402381733#uJKbeZUqztH7UDUx (дата обращения 12.01.2025).

[2] 1 руб. 50 коп. платили за регистрацию брака, платными были регистрация актов об изменении имен и фамилий, восстановление, исправление и дополнение актовых записей о рождении, браке, разводе и смерти, за выдачу повторных свидетельств о регистрации актов гражданского состояния.

[3] Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбилейный статистический ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1987.

[4] Постановление Совета Министров СССР от 29 июня 1979 г. № 648 «О ставках государственной пошлины» // URL : https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=82829&ysclid=m05kcg2qqi264752769 (дата обращения 22.08.2025).

В начале 1990-х гг. России досталась бюрократизированная, сложно построенная, не оперативно управляемая система оказания государственных услуг. Она не имела стимулов для изменений, бюджетные средства расходовались неэффективно. Бюджетные учреждения содержались органами органы власти, и их финансирование не зависело от объема и качества оказываемых услуг, детали управления и финансирования в таких организациях было непрозрачны. В том числе поэтому мотивация для повышения эффективности деятельности сотрудников отсутствовала.

Значимые нормативные предложения по трансформации системы государственных услуг появились в 2003 г.[1] Впрочем, они не были реализованы полностью в связи с рядом проблем, в том числе правового характера. Идея изменений заключалась в том, что необходимо было развести бюджетные учреждения по экономико-правовому статусу, придать им финансовую самостоятельность и уйти от финансирования по смете.

Несмотря на то, что реализация описанной концепции была затруднена, указанное время стало началом пути по преобразованию государства из государства властных полномочий – бюрократического – в сервисориентированное государство. Именно начало 2000-х гг. характеризуется тем, что были предложены и реализованы серьёзные меры для повышения качества государственных услуг, их стандартизации, регламентации, снижения административных барьеров и были сделаны первые шаги по переводу части из них в проактивную форму.

Дальнейшие изменения в сфере государственных услуг происходили стремительно. По данным исследований 2006 – 2007 гг., 14 % граждан оценивали

[1] Принципы реструктуризации бюджетного сектора в Российской Федерации в 2003 – 2004 гг. и на период до 2006 г. (разработаны в соответствии и во исполнение Бюджетного послания Президента Российской Федерации на 2004 г., Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002 – 2004 гг.), решений Правительства Российской Федерации и Комиссии Правительства Российской Федерации по оптимизации бюджетных расходов с целью определения основных направлений повышения эффективности функционирования бюджетного сектора в Российской Федерации. // URL: http://www.library.ru/1/act/doc.php?o_sec=140&o_doc=1278 (дата обращения: 15.05.2025).

качество услуг как приемлемое, а уже в 2011 г. 74,6 % опрошенных социологами характеризуют качество услуг как «хорошее и очень хорошее»[1].

Заметное внимание в современной литературе уделено краткой, но насыщенной истории электронных услуг. Высказывается мнение[2], что начало «развития вопроса» можно отнести к 1895 г., когда было принято «Положение о первой всеобщей переписи населения Российской Империи»[3], а материалы переписи предполагалось разработать на электрических счетных машинках, в связи с чем были созданы переписные листы в форме списка. Конечно, речь идет не об оказании услуг населению в предэлектронной форме и вообще не об оказании услуг. Скорее, это прообраз цифровизации государства и самый первый шаг к электронному правительству.

Этапы развития электронных государственных услуг могут выглядеть следующим образом.

1. Время с 40-х гг. XX в. до 60 – 70-х гг. XX в. (в конце 60-х гг. началось внедрение автоматизированных систем управления, появился проект создания Общегосударственной автоматизированной системы управления – ОГАС)[4].

2. 70-е – 90-е гг. XX в. (появляются элементы проактивности и сама идея беззаявительного порядка, начинается использование компьютеров в работе государственных органов).

3. 90-е гг. XX в. – 2001 г. (развитие сети Интернет, компьтеризация, формирование нормативно-правовой основы, регулирующей оказание

---

[1] Набиуллина Э. С. Главная цель всей нашей общей работы – создать сервисное государство : выступление на ежегодной международной конференции «Развитие государственного управления в России» (март 2012 г.). // URL: http://old.economy.gov.ru/minec/press/news/doc20120322_19 (дата обращения: 15.05.2025).

[2] Петрин И. В., Погодина И. В., Белоконев С. Ю. Ретроспектива правового регулирования электронных услуг, предоставляемых органами власти в РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 5. С. 3–7.

[3] Положение о первой всеобщей переписи населения Российской Империи // «Правительственный вестник». 25 июля (6 августа) 1895. № 160. С. 1.

[4] К юбилею В. М. Глушкова, С. П. Никанорова, В. Н. Четверикова. Идеологи отечественных разработок в области автоматизированных систем управления // Прикладная информатика. 2009. № 1. С. 121, 122, 125.

государственных услуг, заложена основа сервисизации государства, начало сервисного характера взаимоотношений).

4. 2002 – 2009 гг. (В 2001 г. было принято Распоряжение Правительства РФ № 207-р «О проекте Федеральной целевой программы «Электронная Россия на 2002 – 2010 гг.»»[1], чем и обусловлено начало нового этапа. Кроме того, в 2004 году началась реализация административной реформы. Особенно важным для системы государственных услуг стал 2009 год в связи с появлением МФЦ и началом работы сервиса «Госуслуги»).

5. 2010 г. – наст. время (были приняты программно-стратегические документы по поводу развития информационного общества[2]).

Для реализации запланированного и в ответ на современные вызовы в последние годы были приняты значимые нормативные правовые акты, существенно изменившие оказание государственных услуг. Модификация касается, в основном, оказания услуг в электронной форме. Более того, акты постоянно актуализируются, содержательно перерабатываются, что говорит о важности сферы регулирования, ее динамичности[3].

С конца 2009 г. действует портал «Госуслуги» (gosuslugi.ru), ставший уже привычным в настоящее время. Первоначальная версия современного портала имела адрес www.ogic.ru (была разработана ФГУП НИИ «Восход»). Сначала портал содержал лишь информацию о различных государственных услугах (110 федеральных услуг и около 200 местных), но спустя несколько месяцев появился

---

[1] Собрание законодательства РФ. 19.02.2001. № 8. Ст. 770.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» // Собрание законодательства РФ. 15.11.2010. № 46. Ст. 6026; Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» // Собрание законодательства РФ. 05.05.2014. № 18 (часть II). Ст. 2159; Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901 и др. акты.

[3] Постановление Правительства РФ от 10.09.2009 № 721 «О внесении изменений в Федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002 – 2010 гг.)» // Собрание законодательства РФ. 21.09.2009. № 38. Ст. 4476 – в значительной мере изменило программу, фактически сформировав третью её версию.

личный кабинет пользователя. Услуги добавлялись на портал постепенно (например, услуга по оформлению загранпаспорта появилась в апреле 2010 г., оплата штрафов за нарушения ПДД – в августе 2010 г., проверка налоговой задолженности – к маю 2011 г. и т. д.).

Переход к электронным государственным услугам потребовал ответить на вызовы времени, в первую очередь – обеспечить безопасность. Инструментом для безопасной онлайн-идентификации стала Единая система идентификации и аутентификации (ФГИС ЕСИА), созданная Минкомсвязью России, модернизированная версия которой была введена в 2014 г.[1]

План перехода на оказание государственных услуг и исполнение государственных функций в электронной форме был утверждён в 2009 г.[2] Этот же год охарактеризовался тем, что стал началом масштабного ввода в жизнь многофункциональных центров оказания услуг (МФЦ)[3], установления четких и современных требований к сайтам федеральных органов исполнительной власти[4], появлением системы межведомственного электронного документооборота

[1] Приказ Минкомсвязи России от 30.06.2014 № 179 «О вводе в эксплуатацию модернизированной версии Единой системы идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме». // URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/4232/ (дата обращения: 21.03.2025).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 17.10.2009 № 1555-р «О плане перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти» // Собрание законодательства РФ. 26.10.2009. № 43. Ст. 5155.

[3] Постановление Правительства РФ от 03.10.2009 № 796 «О некоторых мерах по повышению качества предоставления государственных (муниципальных) услуг на базе многофункциональных центров предоставления государственных (муниципальных) услуг» (вместе «Правилами организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных (муниципальных) услуг») // Собрание законодательства РФ. 12.10.2009. № 41. Ст. 4782.

[4] Приказ Минэкономразвития России от 16.11.2009 № 470 (ред. от 14.12.2012) «О Требованиях к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальными сайтами федеральных органов исполнительной власти» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2009 № 15949) // Российская газета. № 15. 27.01.2010.

(МЭДО)[1] и государственной автоматизированной информационной системы «Управление»[2].

МФЦ изменили концепцию оказания государственных услуг, исключили очереди или существенно сократили их размеры, сроки решения конкретных вопросов для отдельных лиц, обозначили алгоритм понимания, куда обращаться за получением той или иной услуги или информации. Более того, они потребовали изменить подход к сотрудникам – для работы в центрах необходим штат клиентоориентированных универсальных специалистов, работающих на принципах профессионализма и дружелюбия. Следует заметить, что изменения в сфере оказания услуг произошли в России в весьма короткие сроки, поскольку подобная трансформация центров госуслуг в мировых столицах потребовала не менее десяти лет.

В настоящее время, спустя более чем пятнадцать лет после указанных изменений, необходимо признать, что формат предоставления государственных услуг в одном месте, специальном центре, актуален. В этих местах добавляются еще и полезные городские сервисы, делая их центрами деловой и социальной активности, где можно решать почти все вопросы взаимодействия населения и власти.

С 2010 г. начался и новый этап правового регулирования оказания услуг[3]. Речь идет о формировании современной нормативно-правовой базы регулирования оказания услуг в электронной форме и внедрения электронных сервисов, которые применяются и сегодня. Существенно были усилены процессы информатизации и

---

[1] Постановление Правительства РФ от 22.09.2009 № 754 «Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота» // Собрание законодательства РФ. 28.09.2009. № 39. Ст. 4614.

[2] Постановление Правительства РФ от 25.12.2009 № 1088 «О государственной автоматизированной информационной системе «Управление» (вместе с «Положением о государственной автоматизированной информационной системе «Управление»)» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2010. № 1. Ст. 101.

[3] В 2010 г. принимается программа «Информационное общество на 2011 – 2020 годы» Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» // Собрание законодательства РФ. 15.11.2010. № 46. Ст. 6026.

кратно увеличено финансирование на информатизацию[1]. В 2011 г. «Ростелеком» начал переводить (путем заключения первого контракта в городе Красноярске) в электронный вид муниципальные услуги. Информацию о новых сервисах, которыми можно было воспользоваться, жители получали через Единый портал госуслуг[2].

Далее переход государственных услуг в онлайн-среду оказался стимулирован в 2020 году карантинными мероприятиями в связи с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19). Однако следует признать, что этот переход был уже довольно подготовленным и безболезненным. Эпидемия стала своеобразным тестом, призванным проверить готовность государственных администраций перейти к цифровому оказанию государственных услуг во всех случаях, где это максимально возможно.

Ожидается, что следующий этап правового регулирования государственных услуг будет связан с принятием федерального закона «Об электронном правительстве»[3]. Очередной стадией развития института государственных услуг становится и так называемый умный город (Smart Sity, SC). В последние годы «умный город» привлекает все большее внимание как научных кругов, так и бизнеса из-за сочетания урбанизации, информатизации и глобализации. Пока недостаточно систематических количественных и визуальных исследований и междисциплинарного анализа структуры и эволюции этой области. Очевидно, что

---

[1] См. Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» // Собрание законодательства РФ. 15.11.2010. № 46. Ст. 6026. Для сравнения: максимальный общий объем бюджетных ассигнований федерального бюджета, запланированных в рамках федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)», на момент принятия указанной программы составлял 77,179 млрд рублей – см. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» // Собрание законодательства РФ. 04.02.2002. № 5. Ст. 531.

[2] «Ростелеком» начинает переводить в электронный вид муниципальные госуслуги // Официальный интернет-портал государственных услуг. // URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/187 (дата обращения: 21.03.2025).

[3] Попов Д. А. К вопросу о переводе государственных услуг в электронную форму // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 44.

интернет вещей, большие данные (big data) – наиболее многообещающие технологии для планирования и развития SC.

За последние годы при внедрении новых, удобных форм оказания услуг (перевод услуг в электронный формат, организация МФЦ, переход к концепции «единого окна» и т. д.) роль заявителя была активной – он должен был инициировать процесс оказания услуг, собрать документы, найти, куда обратиться. Поскольку почти в ста процентах случаев требовалось написать заявление, то такой порядок уместно называть заявительным и форму оказания услуг – заявительной. Теперь же часть услуг переводится в беззаявительный формат – проактивный. Проактивные услуги – это беззаявительные услуги, за получением которых человеку не требуется обращаться, по крайней мере, лично, государственные органы все делают самостоятельно[1]. Такие услуги еще можно назвать автоматическими.

Оказание проактивных услуг началось относительно недавно. Так, на 2020 год Пенсионный фонд России предоставлял всего три проактивные услуги: оформление сертификатов на материнский (семейный) капитал, оформление СНИЛС на детей, назначение ежемесячной денежной выплаты инвалидам и детям-инвалидам[2].

Проактивность может обеспечить равный доступ к определенному набору государственных услуг, поскольку услуги оказываются как бы автоматически и не требуют действий граждан, которые могут быть некомпетентны в вопросах оформления, по состоянию здоровья не могут обратиться за услугой, не имеют навыков работы с техникой и технологиями и пр. Кроме того, такие автоматические услуги должны сократить административное бремя и для граждан, и для государственных органов. Существенно уменьшается и количество

[1] Оформление документов и оказание услуги происходит государственным органом самостоятельно с использованием данных, поступающих из информационных баз и систем, например, базы ЗАГС, Федерального реестра инвалидов (ФРИ).

[2] Что такое проактивные услуги и кто их может получить (опубликовано 29.01.2021). // Социального фонда России. // URL: https://sfr.gov.ru/branches/baikonur/news~2021/01/29/proakt (дата обращения 15.06.2025).

взаимодействий заявителя и представителя государства, а значит, меньше и издержки бюджета, происходит экономия бюджетных средств. Однако, чтобы услуги стали проактивными, необходимы концептуальные изменения в цифровых государственных услугах, то есть новое свойство государственных услуг – проактивность – меняет и без того новые государственные услуги.

В литературе о беззаявительном формате говорят о разных формах проактивности[1]. В самой ее крайней форме гражданам не нужно совсем ничего делать, чтобы получить государственную услугу. Государственный орган не спрашивает гражданина, а предоставляет услуги автоматически по тем данным, которые он получил от другого государственного органа или организации. В настоящее время мы наблюдаем реализацию идеи перехода от «притягивающей» (реактивной) к «толкающей» (проактивной) парадигме в сфере государственных услуг, когда не граждане идут к государству за получением услуги, а оно само «ищет» гражданина и оказывает ему услуги, даже не заручаясь его согласием.

Однако, как оказалось, не каждый может получить доступ к преимуществам, которые дает проактивность, а в отдельных случаях автоуслуги не нужны гражданам. Исследования показывают, что автоматические государственные услуги могут создать новый цифровой разрыв и увеличить административное бремя некоторых граждан, особенно тех, кто маргинализирован[2].

Идея проактивности и попытки ее реализации в сфере государственных услуг не новы. Так, например, в 1975 г. Бринкман, Гриммер, Ленк и Рэйв (Brinckmann,

---

[1] Scholta H., Lindgren I. Proactivity in digital public services: A conceptual analysis // Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40, Is. 3. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101832 (дата обращения 10.04.2025).

[2] См., например, исследования действий граждан при получении государственных услуг авторов Линдгрен и Мэдсен: эта и другие статьи Lindgren I., Madsen C., Rydén H. and Heggertveit I. Exploring Citizens' Channel Behavior in Benefit Application. Proceedings of the 15th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance. June, 2022. P. 416-423. https://doi.org/10.1145/3560107.3560312. // URL: https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/3543434.3543456 (дата обращения 01.02.2025). А также: Gesk T. S., Leyer M., Artificial intelligence in public services: When and why citizens accept its usage // Government Information Quarterly. 2022. Vol. 39, Is. 3. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101704 (дата обращения: 10.04.2025).

Grimmer, Lenk & Rave)[1] писали об отношениях между гражданином и государственной администрацией, рассматривая гражданина как налогоплательщика и как заказчика услуги. Авторы отдельно указывали на автоматизацию оказания государственных услуг, что должно было привести к осовремениванию процессов, рационализации, повышению экономичности, интеграции, большей объективности, гибкости, приблизить власть к гражданам. Исследование указанных авторов проведено на основе эмпирических данных, которые были взяты из различных отчетов государственных органов стран Европы. Тогда речь шла об обмене данными на машиночитаемых носителях информации и указывалось на некоторые случаи, когда услуги не могут быть запрограммированы для всех и возможность государственных органов проявлять инициативу самим становится ограничена. Было выявлено также, что социально маргинализованным людям автоуслуги не подходят.

Несмотря на то, что прошло пятьдесят лет, гражданин все еще выступает заявителем в большинстве случаев при получении государственных услуг, тем самым является активным участником процесса оказания-получения государственной услуги, в том числе и цифровой, а значит, и важным актором оценки качества услуги. Но если количество действий, требуемых от граждан, сократится, то изменятся и роли, которые клиенты и цифровые технологии играют в процессе обслуживания.

В связи с реализацией нового принципа проактивности во взаимоотношениях граждан и государства в целом и в государственных услугах в частности необходимо обновленное понимание цифровых государственных услуг, учитывающее проактивность, построение концепции «автоматических» цифровых государственных услуг, исследование влияния проактивности на участников отношений.

---

[1] Gerhard S., Brinckmann H., Grimmer Kl., Lenk K., Rave D., Verwaltungsautomation. Band 4. Heft 3. Dezember 1975. Edited by, Berlin, Boston: De Gruyter, 1975. P. 278–279. // URL: https://doi.org/10.1515/9783112322826-009; https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783112322826-009/html#MLA (дата обращения: 14.04.2025).

Включение проактивности в процесс предоставления государственных услуг возможно в разной степени: 1. Услуги предоставляются автоматически, но требуется согласие/одобрение лица (частично проактивные); 2. Согласие лица не требуется, клиенту не нужно ничего делать вообще, чтобы получить услугу (полностью проактивные), то есть проактивность может варьироваться в зависимости от той инициативы, которую проявляет государственный орган, и степени участия клиента для получения услуги. Можно выделить еще одну категорию проактивных услуг, когда процесс инициирован третьей стороной (например, больницей, образовательным учреждением). Допустим, больница информирует государственные организации и органы о новорожденном, и семья/мать получает пособие без собственного запроса. В литературе встречается выделение нескольких степеней проактивности: так, Х. Шолта (H. Scholta) и др. указывают на реактивную, проактивную и прогнозирующую степень[1] и, соответственно этим видам проактивности, характеризуют три стадии цифрового правительства: «единое окно», ограниченное «безостановочное производство» и «безостановочное производство».

Проактивность в сфере государственных услуг может быть выгодна как гражданам, так и государственным органам. Это может повысить качество обслуживания для клиентов-граждан, поскольку для получения услуги им нужно делать мало или вообще ничего не делать. Преимуществом для государственных организаций является повышение качества данных и эффективности процессов, поскольку меньше форм заполняется неправильно и приходится обрабатывать меньше запросов от клиентов, которые могут быть разного содержания и качества.

Но проактивность имеет и недостатки. Во-первых, администрация должна иметь возможность объединить свои базы данных, предоставить к ним доступ разным органам и быть в состоянии анализировать большие наборы данных. Необходимы мощные ИТ-системы для сбора, хранения и анализа информации, а

[1] Scholta H., Lindgren I. Proactivity in digital public services: A conceptual analysis // Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40, Is. 3. 101832. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101832 (дата обращения: 14.04.2025).

также для распознавания клиентов, имеющих право на получение услуги. Клиенты же могут воспринимать эти базы и доступ к ним как нарушение конфиденциальности, угрозу потери данных или то, что они могут стать известны преступникам.

Во-вторых, проактивность может восприниматься гражданами как навязанная насильно услуга, даже некий диктат со стороны государства. Такое восприятие возможно, если граждане-клиенты получают государственную услугу, о которой они не просили.

В-третьих, теряется инициативность и активность граждан, они становятся пассивными и даже несколько инфантильными, не интересуются порядком получения услуг, необходимыми документами, не узнают о своих правах, можно даже предположить, что правовая культура будет снижаться при переводе большинства услуг в проактивный формат.

В-четвертых, услуга, полученная автоматически, несколько теряет свою ценность для клиента, поскольку он не приложил никаких усилий, не использовал ресурсы, не применил свои навыки, а ему было предоставлено благо.

В-пятых, вполне вероятно, что некоторые лица не впишутся в заранее определенные рамки из-за нетипичных жизненных ситуаций и должны учитываться другими способами.

Государственные услуги в проактивной форме становятся как будто «обязательными» для клиентов-граждан, у последних нет выхода и нет варианта не получать такую услугу. Гражданин не может отказаться от нее и приобретает благо как бы принудительно. При этом получается, что нарушаются принципы права и демократические ценности (хотя никакая норма не нарушена). Представляется, что надо продумать, как обеспечить правовую основу проактивных услуг, где бы была закреплена различная степень свободы действий граждан.

Возможно, минимизация указанных недостатков заключается в следующем. Во-первых, при так называемом «внимательном» правительстве государственная организация предоставляет клиентам часть услуги без их запроса, но далее требует их согласия на предоставление всей услуги. Напротив, в условиях

«безостановочного» или «непрерывного» правительства администрация предоставляет клиентам весь спектр услуг без их запроса и не ожидает их согласия или одобрения. Учитывая, что гражданин не инициирует проактивную услугу и мало понимает процесс принятия решений, основания для решения должны быть ему сообщены при оказании услуги и должна быть предоставлена возможность отказаться от решения, подвергнуть его сомнению.

Во-вторых, государственная администрация может информировать клиентов об услугах, на которые они имеют право. Внимательное правительство может повысить равенство, оперативность, доступность и социальную интеграцию за счет уменьшения информационного дисбаланса между властью и ее гражданами.

В-третьих, при оказании услуги государство предоставляет предварительно заполненные формы, чем может улучшить качество обслуживания клиентов, которым приходится заполнять меньше полей в формах, а также улучшить качество данных и уменьшить количество неверных запросов клиентов, сокращая и свои затраты.

Электронные услуги исключают непользователей Интернета из сферы государственных услуг. Следует учитывать тех граждан, которые предпочитают нецифровые каналы для общения с государственными организациями. Например, правительство может рассылать почтовые письма, чтобы информировать клиентов о том, что они получат услугу. ИТ-системы важны для анализа данных и принятия решений, но не являются исчерпывающими каналами для связи с каждым клиентом.

Следует определить список государственных услуг, которые можно оказывать в проактивной форме. Например, она не подходит при регистрации брака. Кроме того, форма применима для услуг, которыми клиенты могут воспользоваться или когда государственные организации и клиенты несут небольшие затраты, если услуга не используется.

Путем опросов и анализа эмпирического материала, а также зарубежного опыта требуется определить, в отношении каких государственных услуг граждане хотят, чтобы государственные организации проявляли инициативу и какую степень

проактивности они предпочитают. Определённая степень проактивности подходит для большинства цифровых государственных услуг. Например, помочь гражданам внести информацию в готовые бланки – это способ уменьшить количество ошибок. Однако проактивность правительства подходит в первую очередь для государственных услуг, которые имеют четкие критерии отбора и право клиентов на получение которых можно оценить на основе данных реестра, доступных государственной организации.

Еще одной современной формой реализации сервисной модели взаимодействия государства и общества является государственно-частное партнерство в сфере выполнения государственных функций. Первоначально государство напрямую управляло всеми своими услугами. В Средние века были предприняты попытки передачи государственных услуг на аутсорсинг. Удивительно, но это было сделано в том числе в сфере налогообложения (имеется в виду институт так называемых «откупщиков») и таможенного дела (институт «целовальников»). Однако лишь в XIX в. под влиянием либеральной мысли было научно и экономически обосновано привлечение частных лиц и их капитала для выполнения отдельных государственных функций. Таким образом, был найден новый способ развития сервисности для государственных служб, публичная администрация разделила бремя финансирования, риски управления с частными субъектами, сохраняя в любом случае контроль, а также право собственности на объекты инфраструктуры.

Разумеется, государственная администрация может самостоятельно управлять своими службами, оказывая лицам государственные услуги, выполнять государственные функции. Но все чаще страны демонстрируют примеры управления, когда государственная администрация выбирает лицо и передает ему часть своих полномочий относительно какой-либо услуги (службы), заключая с ним контракт. В этих случаях речь идет о так называемых договорах на управление государственными услугами.

Привлечение частного лица для выполнения государственных функций оказания государственных услуг, как правило, во многом обосновано экономией –

сокращаются расходы по содержанию имущества, иногда бюджет получает арендные платежи за пользование имуществом предпринимателями, которые оказывают услуги. Кроме того, бизнес-подход зачастую помогает повысить качество услуг, что выгодно гражданам. Цель предпринимательской деятельности – получение прибыли, в том числе и от совместных с государством проектов. У частного субъекта есть хозяйственная свобода, поэтому он более гибкий в своих решениях и действиях. Бизнес открыт нововведениям, использует правила «экономики впечатлений» и т. п. Таким образом, потенциально в выигрыше от реализации проектов государственно-частного партнерства (ГЧП) в сфере публичных услуг оказываются лица – получатели услуг, то есть граждане, общество в целом. Государство предоставляет частному партнеру имущество для проектов, оплату работ, государственные гарантии, бюджетные кредиты, налоговые кредиты, льготы и пр. И все же основной причиной передачи выполнения некоторых государственных услуг в частные руки, к сожалению, является недостаток финансирования. Это проблема не только нашей страны, но и остальных, в том числе европейских, государств. Так, в Великобритании за последние годы, в связи с сокращением местных бюджетов, заметно увеличилось количество соглашений с частными компаниями об управлении общественными пространствами[1].

В широком смысле ГЧП – это взаимодействие государственной администрации и предпринимателей в любых областях общественной жизни. Наибольшее применение механизмы ГЧП в наше время находят в сфере транспорта и его инфраструктуры, электроэнергетики, телекоммуникаций, здравоохранения, образования. Партнерство подразумевает, что частный инвестор, используя свои компетенции (опыт, знания), ресурсы, финансы вкладывает инвестиции в проекты, управляет объектами, оказывает услуги, несет риски, с этим связанные, привлекает клиентов. Взамен он получает прибыль и пользуется государственной поддержкой.

[1] Magalhães C. De, Freire Trigo S. Contracting out publicness : The private management of the urban public realm and its implications // Progress in Planning. July 2017. Vol. 115. P. 1. // URL: https://doi.org/10.1016/j.progress.2016.01.001 (дата обращения: 01.07.2025).

Ожидается, что, реализуя механизм партнёрства власти и частного предпринимательства, общество получит более качественные товары/услуги, повышенный уровень сервиса, а государство заметно сократит издержки, снизит не только бремя расходов, но и организации.

Зарубежный опыт в сфере передачи полномочий оказания государственных услуг частным лицам значительно более богатый, чем российский. В теории обычно анализируют такие типы ГЧП: проекты делегированного управления (delegated management projects), проекты финансовой инициативы частных инвесторов (private finance initiative projects), Greenfield-проекты, концессионные формы BOT (build, operate, transfer – построй, управляй, передай), ROT (rehabilitate, own, transfer – восстанови, владей, передай)[1]. Исследователи указывают, что в России законодательно закреплено ограниченное количество правовых форм реализации проектов государственно-частного партнерства[2]. Зарубежный опыт полезен для нашей страны, в том числе и теоретические изыскания, которые можно будет учесть с учетом культурных, экономических переменных, поскольку существует потребность разрабатывать новые механизмы государственно-частного партнерства.

Следует понимать, что не все государственные функции можно передать частным компаниям. Например, функции в области обороны, безопасности или финансов не должны быть переданы по договору коммерческим организациям. Однако бюджетные проблемы иногда не дают осуществить финансирование необходимой публичной инфраструктуры, которая нужна для оказания качественных услуг, и привлечение частного лица к выполнению задач становится реальностью и в этих областях. Так, учитывая опыт других стран, для отечественных таможенных органов теоретически возможно было бы привлечь частный капитал для реконструкции государственного недвижимого имущества и

[1] См. об этом, например: Губанов И. А. Государственно-частное партнерство в реализации функций Российского государства: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2010. 245 с.

[2] Сазонов В. Е. Государственно-частное партнерство в России и за рубежом: административно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 3; Губанов И. А. Указ соч. С. 8.

реализации инфраструктурных проектов (например, инфраструктура, используемая для таможенного контроля и оформления). Правда, именно для данной сферы нормативно определено, что организация пунктов пропуска осуществляется за счет средств федерального бюджета.

Сторонники концепции ГЧП и ее внедрения полагают, что частное участие в инфраструктуре страны только улучшит качество реализации государственных функций[1]. Мнение об эффективности частных компаний и развития инфраструктуры под их управлением до настоящего времени является доминирующим. ГЧП во всех странах используют для обеспечения общественной инфраструктуры, такой как дороги, мосты, туннели, аэропорты и морские порты, а также комплексных объектов (школы, больницы), и внедрения информационных технологий. Отдельные государства даже имеют специальные ведомства для управления этой сферой.

Однако, как показала общемировая практика, ГЧП не ослабляют нагрузку на бюджет. Кроме того, имеются данные, что правительства, в том числе и европейских стран, использовали ГЧП для того, чтобы избежать бюджетного контроля за расходами. Конкретные предложения по устранению этой угрозы представлены в работе Э. Энгел, Р. Фишер и А. Галетовик (E. Engel, R. D. Fischer, A. Galetovic) «Экономика государственно-частного партнерства: базовое руководство» («The Economics of Public-Private Partnerships: A Basic Guide»)[2]. Указанные авторы утверждают, что ГЧП во всех странах имеют одни и те же дефекты, которые, в основном, связаны с ненадлежащим нормативным регулированием, отбором проектов и оппортунистическими пересмотрами.

Опыт стран – лидеров в ГЧП проектах показывает, что не всегда следует предпочитать ГЧП государственной реализации функций и услуг. Уже доказана

---

[1] Например: Сазонов В. Е. Указ. соч. С. 14; Козлова Е. В. Государственно-частное партнерство как фактор развития инновационной экономики: автореф. дис. … канд. эконом. наук. М., 2014. С. 8, 70-90.

[2] Engel E., Fischer R., Galetovic A. The Economics of Public-Private Partnerships : A Basic Guide. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. // URL : https://www.cambridge.org/core/books/economics-of-publicprivate-partnerships/ F11EFFBC514817689B4CABCCB7DDE9E5 (дата обращения: 05.06.2025).

практикой не абсолютная верность утверждения о том, что партнёрство высвобождает публичные ресурсы. Зарубежный опыт демонстрирует, что реализовать организацию инфраструктуры возможно как в рамках обычного положения, когда государство само выполняет свои функции, так и в рамках ГЧП. К авторам, критикующим ГЧП в сфере государственных услуг, принадлежит и Э. Глазер, утверждая, что частное предоставление государственных услуг не является панацеей[1].

Пока же в Методических рекомендациях ведомств Правительства РФ по разработке и реализации планов повышения бюджетной эффективности рекомендуется использовать механизм ГЧП при передаче полномочий по оказанию государственных услуг, связанных с реализацией государственных функций частным организациям – аутсорсинг[2]. Ожидаемый результат от него заключается в сокращении числа государственных служащих, экономии бюджетных средств, расширении перечня услуг в электронной форме, в повышении уровня качества и доступности услуг.

Центр развития ГЧП приводит по состоянию на начало 2017 года следующие цифры: всего в стране прошли стадию принятия решения о реализации 2446 инфраструктурных проектов из них всего 17 федерального уровня[3]. Сохраняли популярность у инвесторов проекты ГЧП в сфере здравоохранения: предприниматели получали возможности компенсации операционных затрат за счет системы ОМС, а также получения прибыли от платных услуг, которые оказываются параллельно с государственными. Такие проекты имеют высокую социальную значимость и традиционно поддерживаются государством. В 2022

---

[1] Отзыв на книгу «The Economics of Public-Private Partnerships: A Basic Guide». Reviews & endorsements. // URL: http://www.cambridge.org/us/academic/subjects/economics/public-economics-and-public-policy/economics-public-private-partnerships-basic-guide?format=PB#2jP086K487sU9QbK.97 (дата обращения: 05.06.2025).

[2] Приказ Минфина РФ № 182н, Минэкономразвития РФ № 674 от 23.12.2010 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и реализации отраслевых (ведомственных) планов повышения эффективности бюджетных расходов» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.01.2025).

[3] Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. С. 2.

году в реализации было 3724 проекта, из них 37 федеральных[1]. На 2023 год Правительство продолжало активно поддерживать проекты ГЧП, выступало их драйвером. Наибольший объем финансирования получили проекты по кампусам (370 млрд. руб.) и электротранспорту (281 млрд. руб.)[2]. Произошла переприоритезация проектов, и вследствие экономических проблем бюджета лидерство оказалось за проектами с коммерческой составляющей (парки развлечений, культурно-досуговые центры, туристические объекты), то есть наблюдается тренд не на передачу государственных услуг на аутсорсинг, а на развитие общественных пространств с потенциальной прибылью частного инвестора. В сфере школьного образования, обращения с ТКО, а также городского и пригородного транспорта усилилась тенденция участия государства[3].

Следует согласиться, что развитие «электронного государства», повышение активности общества создает объективные возможности применения аутсорсинга в управленческих процессах, в том числе и при предоставлении государственных и муниципальных услуг населению[4]. Но спустя годы реализации партнёрских проектов необходимо учитывать и негативные последствия, которые могут возникнуть в процессе функционирования схемы ГЧП: потенциальное снижение ответственности органа власти за реализацию своих функций, потеря интереса к этой функции и повышению качества услуг у служащих, угроза утраты конфиденциальной информации, проблема неэффективного аутсорсинга, в том числе экономически для самого государства, перебои в работе исполнителя. Существует угроза, связанная с коррупцией и заключением контракта с не самой эффективной компанией, а ближайшей к администрации. Сохраняется риск,

---

[1] Инвестиции в инфраструктуру ГЧП 2022. Аналитический обзор центра ГЧП. // URL: https://pppcenter.ru/upload/iblock/59e/59e99c63fe1b0558340251ab897b3409.pdf (дата обращения: 14.01.2025).

[2] Основные тренды и статистика развития рынка ГЧП по итогам 2023 года. Аналитический дайджест Центра ГЧП. // URL: https://pppcenter.ru/upload/iblock/b0f/b0fcbdbe6927a5b75f7526d86642cf47.pdf (дата обращения: 14.01.2025).

[3] Там же. С. 9.

[4] Кандрина Н. А. Основные принципы предоставления государственных и муниципальных услуг: понятие, классификация // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 10. С. 35–39.

связанный с правовой неопределенностью, в случае если стороны (как бизнес, так и администрация) откажутся от условий договора. Сложность также может возникнуть из-за меж- и внутриорганизационных отношений привлекаемых частных организаций[1].

При этом в ряде сфер (дорожная инфраструктура или обращение с ТКО[2]) относительно легко описать в договоре качество, которое частная компания должна обеспечить, и предусмотреть штрафы, если это не выполняется. Плата пользователя, если она осуществляется (например, плата за проезд по дорогам) также вносит свой вклад в контроль качества выполнения договора и качество оказания услуг, поскольку если концессионер плохо справляется со своей задачей, то сами пользователи перестанут пользоваться сервисом. Однако возникает вопрос: как отслеживать качество при реализации услуг, например, в здравоохранении или в образовании? Предполагается, что ГЧП будет способствовать повышению эффективности и улучшению обслуживания, но это часто оказывается неуловимым.

Должны ли государственные услуги оказываться негосударственными компаниями? Какие услуги могут быть переданы частным организациям, а какие передавать нецелесообразно? Когда правительствам следует выбирать ГЧП вместо того, чтобы оказывать государственные услуги самостоятельно? Как правило, для ответа на эти вопросы анализ проводится на основе конкретных случаев, то есть с учетом правоприменительной практики, и с субъективными показателями отдельных проектов. Необходим комплексный и, в том числе, теоретический анализ вопросов рисков передачи государственных услуг на аутсорсинг. Резюме, которое следует сделать из отечественного и зарубежного опыта в области аутсорсинга государственных услуг, заключается в том, что государство не должно

---

[1] Eloranta V., Ardolino M., Saccani N. A complexity management approach to servitization: the role of digital platforms // International Journal of Operations & Production Management. 2021. Vol. 41. № 5. Pp. 622-644. // URL: https://doi.org/10.1108/IJOPM-08-2020-0582/; https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/IJOPM-08-2020-0582/full/html (дата обращения: 03.02.2025).

[2] См., например, опыт Испании в сфере уборки мусора: Llobet G. Gestión pública o privada de servicios públicos? // URL : http://nadaesgratis.es/gerard-llobet/gestion-publica-o-privada-de-servicios-publicos (дата обращения: 01.06.2025).

использовать частное управление для всего и передавать в частные руки оказание большого количества государственных услуг и функций.

Таким образом, при трансформации государственного управления, называемой в нашей стране административной реформой, взаимодействия общества и государства, в процессе построения «сервисного государства» появилось новое понятие – «государственные услуги». Споры о сущности данного института ведутся в литературе второе десятилетие, легальное определение не отражает всех признаков анализируемого института. Постоянная необходимость повышения качества государственных услуг, провозглашенная одним из приоритетных направлений работы государственных органов, не случайна, поскольку оказание государственных услуг во многом обусловливает качество взаимодействия общества и государства. Всеобщая цифровизация, являясь мейнстримом большинства изменений в современном обществе, стала основным стимулом к переводу государственных услуг в электронный формат. До сих пор роль заявителя преимущественно активная – он должен инициировать процесс оказания услуг, собрать документы, найти, куда обратиться, но в последние несколько лет внедряются проактивные услуги. Они обладают рядом преимуществ, но в то же время могут негативно повлиять на взаимодействие государства и общества. Проактивные государственные услуги и ГЧП во взаимодействии власти и общества – это тренды современного государства, которое часто именую сервисным.

2.3 Платформенная юридико-цифровая модель: правовая природа и атрибуция платформизации взаимодействия общества и государства

Изменения в сферах взаимодействия с гражданами, оказания государственных услуг, государственного управления, связанные с применением так называемых «платформ», ученые охарактеризовали как процесс

«платформизации» государства, объявив о переходе от сервисного государства к следующему уровню – «платформенной» модели государства[1].

Указанный переход стал возможен, в первую очередь, благодаря развитию технологий: взаимодействие с гражданами государственных органов при платформенной модели строится во многом на специальных ресурсах – платформах, которые подразумевают накопление и обмен большими данными, интерактивность, дистанционное/удаленное взаимодействие и требуют серьёзного программного обеспечения и технологической поддержки. Начало изменениям в сторону платформенной модели было положено после успешной реализации элементов «платформенной экономики» мировыми экономическими гигантами. В последние годы произошла экспансия виртуальных, сетевых и прочих цифровых технологий, проявился тренд на все большее подчинение экономики этим новым монополистам, контролирующим главные платформы[2]. Можно даже утверждать, что платформы захватили влияние в глобальной экономике, что уже состоялся переход на новую бизнес-модель, где значительную роль играют «платформенные гиганты». Все это стало возможным благодаря тому, что данные и информация были признаны новым ресурсом и сырьем, которое имеет высокую стоимость. Их сбор, обработка и хранение в эпоху тотальной цифровизации стали многократно проще и дешевле, но потребовали технической инфраструктуры. Платформы в экономике – это цифровая инфраструктура, позволяющая взаимодействовать двум и более субъектам, данные которых собираются вместе в огромные объемы и способствуют, в свою очередь, привлечению новых пользователей на платформу, ценность которой за счет этого повышается. Часто платформы позиционируются

---

[1] См., например: Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 192 с.; Доклад Центра стратегических разработок «Государство как платформа» // URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet.pdf (дата обращения 18.01.2025); Деева Т. В. Внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг: первостепенная задача государства // Экономика и социум: современные модели развития. 2021. Т. 11, № 1. С. 9-28. // URL: DOI 10.18334/ecsoc.11.1.111620 и др.

[2] Рецензия В. Фёдорова на книгу Н. Срничек «Капитализм платформ» (2020 г.) // URL: https://wciom.ru/book-article/kapitalizm-platform (дата обращения: 18.01.2025).

как посредники, однако это не совсем так. Трансформация коммерческих организаций в платформы – процесс, когда компании предоставляют оборудование и программное обеспечение другим для работы[1]. Успех бизнес-практик в области создания платформ можно назвать второй предпосылкой роста популярности концепции «платформенного государства».

Открытие государственной информации, развитие идеи электронного правительства – третья причина перехода к новой, платформенной парадигме. Открытая информация – это данные, которыми располагают государственные органы и информационно-аналитические организации или которые созданы ими, размещаемые в сети Интернет для свободного использования. Формат такой информации – машиночитаемый – предполагает, что ее можно автоматически обработать для использования без предварительного изменения человеком.

В 2010 году американский исследователь и издатель Т. О'Рейли ввел в политический и научный дискурс представление о государстве как о платформе (англ. – «Government as a Platform», GaaP)[2]. Речь идет об открытом, цифровизированном правительстве, предоставляющем удобные, быстрые услуги для граждан, реагирующем на их ожидания, запросы и идеи. Вслед за правительствами меняются и граждане, переходя от роли «клиентов» или потребителей, ориентированных на дистанционное, бесшовное, качественное получение государственных услуг, а также на подотчетность публичной администрации к роли ответственных партнеров государства, участвующих в совместной работе.

Т. О'Рейли – исследователя и издателя из США – обычно называют автором словосочетания-метафоры «государство как платформа» (англ. «Government as a Platform», дословно – «Правительство как платформа»). Термин-метафора

[1] Срничек, Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 2.
[2] См. об этом материалы платформы Т. O'Reilly: https://www.oreilly.com/library/view/open-government/9781449381936/ch02.html (дата обращения: 11.01.2025).

довольно новый: по одним данным, он был использован Т. О'Рейли в 2001 г.[1], по другим, несколько позже, в 2009 – 2010 гг. В 2010 г., указанный исследователь применил аналогию с «платформой» к законодательству[2] и тогда же активно выступал, развивая тему о правительстве в качестве платформы[3].

В 2010 году вышла книга данного издателя «Открытое правительство»[4] (сборник эссе и материалов) с размышлениями о том, как достичь эффективности в мире онлайн-сотрудничества общества и правительства, повысить прозрачность власти и вклад участия граждан. Т. О'Рейли размышляет о том, как интернет-платформы и искусственный интеллект меняют природу бизнеса, образования, правительства, экономики. В упомянутой работе сформулированы выводы, предназначенные для государственных технологов.

Новой модели организации взаимодействия государства и общества предшествовал успешный опыт коммуникации интернет-инфраструктуры и услуг бизнес-компаний за рубежом (Apple, Google, Twitter, eBay, Alibaba и др.). Российский исследователь концепции «государство как платформа» Е. М. Стырин указывает на то, что цифровые платформы, активно создаваемые в частном секторе, имеют большой потенциал для цифровой трансформации государственных сервисов[5]. Кроме того, потенциал есть у коммерческих цифровых платформ в отдельных отраслях, с поддержкой государства. Такой сценарий весьма вероятен и даже имеет иллюстрацию реализации в нашей стране (например, проект «Работа в России»)[6].

---

[1] Pope R., Weiss A. The digital state. Government as a platform – who pays? // URL : https://www.bennettinstitute.cam.ac.uk/blog/government-platform-who-pays/ (дата обращения 17.01.2024).

[2] Архив эссе, интервью и выступлений, касающихся Правительства 2.0. Семинар DC Law.Gov, спонсируемый Центром американского прогресса. // URL : https://www.oreilly.com/tim/gov2/ (дата обращения: 19.10.2025).

[3] См., например: Выступление О' Рейли (запись 2010 г.). // URL : https://www.youtube.com/watch?v=xBROaBbiHIM (дата обращения 19.10.2025).

[4] Lathrop D., Ruma L. Open Government. - O'Reilly Media, 2010. - 430 с.

[5] Стырин, Е. М., Дмитриева Н. Е. Государственные цифровые платформы: ключевые особенности и основные сценарии развития : докл. к XXII Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. С. 22.

[6] Там же. С. 23.

Интенсивная цифровизация всех сторон жизни обеспечила особую значимость данных и информации. Они стали более ценными, чем когда-либо, и оказались определяющими в отношениях, по сути, выступив новым «сырьем», превратившись в особый источник экономического роста[1]. Появилась новая бизнес-модель — платформа, аккумулирующая огромное количество данных.

Процесс платформизации прогрессировал стремительно и выдвинул на лидирующие позиции новых монополистов (имеются в виду указанные выше гиганты Google, Amazon, Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ) и др.). Перечисленные и иные компании начали контролировать большой объем данных, создавать новые ресурсы – платформы и влиять на мировую экономику. «Капитализм платформ», или «экономика платформ», уже описаны и теоретизированы в исследовательских работах. Например, Н. Срничек предлагает собственную типологию платформ[2]. Между платформами также есть конфликты и конкуренция, поэтому жизнеспособность и устойчивость действующих ныне ресурсов проверяется временем. Межплатформенная конкуренция пока существует, но может быть уничтожена в будущем. Как указывает В. Фёдоров (на основании работы Н. Срничека), происходит экспансия платформ в смежные области и их постепенное «замыкание», отсечение всех не готовых работать по их правилам[3]. За небольшой срок бизнес-сферой был накоплен значительный опыт по работе с платформенной моделью организации, который можно и нужно использовать в государственном управлении.

---

[1] Рецензия В. Фёдорова на книгу Н. Срничек «Капитализм платформ» (2020 г.). // URL : https://wciom.ru/book-article/kapitalizm-platform (дата обращения: 18.01.2025).

[2] Типы платформ: рекламные платформы (Google, Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), облачные платформы (Salesforse, AWS), промышленные платформы (Siemens); продуктовые платформы (Spotify), бережливые платформы (Uber, Airbnb). Срничек, Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 2.

[3] Рецензия В. Фёдорова на книгу Н. Срничек «Капитализм платформ» (2020 г.). // URL: https://wciom.ru/book-article/kapitalizm-platform (дата обращения: 18.01.2025).

Одной из значимых предпосылок появления нового термина-метафоры «государство как платформа» и всей концепции можно считать стремление государственных администраций к большей открытости. Директива об открытом правительстве была представлена в США в 2009 году[1]. В 2011 году такой шаг был повторен Соединенным Королевством и рядом других стран. В Великобритании был дан старт программы открытости, которая называется Партнерство «Открытое правительство»[2]. Портал открытого правительства Великобритании является известным примером транспарентного правительства и считается мировым лидером движения открытого правительства[3].

Следующей предпосылкой возникновения концепции «государство как платформа» является цифровизации всех сфер деятельности людей, в том числе и государственного управления, а также сферы взаимодействия общества и государства. Здесь следует указать на точку зрения, что платформенная концепция – это технология и создание технических компонентов, а не самостоятельная модель государственного управления[4].

Использование платформ и новых технологий усложняет систему государственного управления, но упрощает отношения общества и государства. На повышение уровня сложности всех систем, включая социум, справедливо обращают внимание И. Ю. Сундиев и А. Б. Фролов. Причем рост сложности идет весьма резкий, и, как обычно, на его фоне заметны попытки консервации и

---

[1] Cingolani L., The survival of open government platforms: Empirical insights from a global sample // Government Information Quarterly. 2021. Vol. 38, Is. 1. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101522 (дата обращения: 23.11.2025).

[2] С момента своего основания в 2011 году OGP выросла до 75 стран и 104 местных юрисдикций, которые работают вместе с тысячами организаций гражданского общества. Каждые два года каждый член представляет план действий, разработанный совместно с гражданским обществом, в котором излагаются конкретные обязательства по повышению прозрачности, подотчетности и участия общественности в правительстве. // URL: https://www.opengovpartnership.org/our-members/#national (дата обращения: 23.11.2025).

[3] Портал открытого правительства Великобритании // URL: https://www.data.gov.uk (дата обращения: 23.11.2025).

[4] Brown A., Fishenden J., Thompson M., Venters W., Appraising the impact and role of platform models and Government as a Platform (GaaP) in UK Government public service reform: Towards a Platform Assessment Framework (PAF) // Government Information Quarterly. 2017. Vol. 34, Issue 2. P. 167–182. ISSN 0740-624X, // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2017.03.003 (дата обращения: 11.04.2025).

стагнации традиционного прежнего порядка[1]. Цифровые платформы (как инновационные модели) формируют высокие риски разрушения традиционных общественных отношений[2]. Ю. В. Ирхин в то же время справедливо обращает внимание, что сами инновационные технологии не решат сложнейшие управленческие проблемы[3]. Роль человека на этапах проектирования, принятия решения, контроля пока будет значительной.

Еще одной предпосылкой возникновения новой модели взаимодействия власти и общества послужило сокращение расходов со стороны публичной администрации. Сокращение финансирования идет на саму администрацию, на содержание аппарата, требует оптимизации функций органов власти. Социальные же обязательства перед органами власти сохраняются. Новое направление в стратегии развития современного государства — «бережливое правительство» (англ. Lean Government) также является фактором, способствующим внедрению и принятию платформенной модели. Платформы становятся ресурсом/местом для взаимодействия объединенных участников и позволяют правительству его координировать, одновременно реализуя принципы бережливого правительства[4]. Например, об экономии средств бюджета с помощью порталов/платформ и сайтов говорится в докладе Fujitsu «Government as a Platform»[5].

---

[1] Сундиев И. Ю., Фролов А. Б. Социальное государство как платформа для переквантования реальности // Экономические стратегии. 2019. Т. 21. № 3 (161). С. 116.

[2] Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е. Государственные цифровые платформы: ключевые особенности и основные сценарии развития : докл. к XXII Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2021. С. 20.

[3] Ирхин Ю. В. Принципы, возможности и проблемы реализации современного управленческого подхода «государство как цифровая платформа» // Возможности и угрозы цифрового общества. Сборник научных статей. Под общ. ред. А. В. Соколова, А. А. Власовой. Ярославль: Издательство: Цифровая типография, 2019. С. 38–43.

[4] Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е. Государственные цифровые платформы: ключевые особенности и основные сценарии развития : докл. к XXII Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2021. С. 6.

[5] Доклад Fujitsu (white paper) «Government as a Platform». С. 2. // URL: https://www.fujitsu.com/uk/Images/government-as-a-platform.pdf (дата обращения 13.01.24). Компания является известным разработчиком программ искусственного интеллекта, в том числе для применения в социальной сфере (обнаружение подозрительного поведения, предотвращение преступлений и т. д.).

Для целей настоящего исследования представляет интерес использование термина «платформа» применительно к государству, правительству, к сфере взаимодействия общества и государства.

Термин «платформа» используется в различных областях знаний. В слово вкладываются уже не только те значения, которые указываются в словаре С. И. Ожегова (возвышение, площадка для посадки пассажиров, ж/д станция, вагон, программа партии, утолщенная подошва и др.)[1]. В современном понимании платформа – это основа, программная среда, в которой создаются и функционируют сайты, приложения и сервисы в Интернете, выполняющие различные задачи. Следует уточнить понятие и именовать его «цифровая платформа». Однако даже при уточнении термин остается междисциплинарным, наполненным разным смыслом для разных сфер. Под словом «платформа» инженер-программист поймет нечто иное, чем экономист, свой подход будет и у юриста. На опасность применения междисциплинарного термина для разных профессиональных областей справедливо указывает Р. Поуп (R. Pope)[2].

Итак, термин «платформа» стал междисциплинарным, а слово изначально было многозначным. Из нетехнологической сферы он особенно часто стал применим в экономике, как правило, в менеджменте. Для большинства людей данное понятие связано с обеспечением деятельности маркетплейсов. К платформам относят технологии, технические модули, сервисы и пр. Операторы платформ объединяют покупателей (пользователей) и продавцов или дополняющих лиц (например, издателей игр).

В отечественном законодательстве дано понятие финансовой платформы[3] как информационной системы.

---

[1] Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн. Поиск слова «платформа». // URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21083 (дата обращения 02.01.2024).
[2] Pope R. Указ. соч. С. 10.
[3] Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СПС Консультант плюс (дата обращения: 22.01.2025).

Часто, особенно в зарубежной литературе, исследователи опираются на подход к платформе А. Гавер и М. Кузумано (A. Gawer, M. Cusumano). Он заключается в том, что платформа – это развивающаяся система, состоящая из взаимозависимых частей, каждая из которых может быть усовершенствована. Они отмечают, что платформа должна решать проблемы многих участников, стимулируя внешних субъектов присоединиться к платформе. С этой точки зрения, платформы приводят к усилению взаимозависимости и взаимодополняемости продуктов и услуг[1].

Еще до появления современных технологических гигантов в бизнес-исследованиях уже использовали и теоретически описали термин «платформа». Американские компании Microsoft, Intel и Cisco более двадцати лет назад предоставили ученым и менеджерам примеры того, как достичь «лидерства на платформе»[2]. Изучив практику указанных и иных компаний, научное сообщество перешло от обсуждения «платформ» как программных продуктов к «платформизации» как к процессу, установив, что этот процесс постепенно затрагивает все сферы жизни. Но до сих пор определения и выводы не всегда последовательны и совсем не едины.

Говоря о государстве как о платформе, следует уточнить, что речь идет о цифровой платформе. Цифровые платформы в широком смысле можно определить как программное или аппаратное обеспечение и связанные с ним организационные процессы и стандарты. В докладе коллектива авторов ВШЭ цифровая платформа определена как информационная система (на основе совокупности технологий), обеспечивающая взаимодействие в интернет-среде по заданным алгоритмам значимого числа участников, которое приводит к снижению трансакционных

[1] См., например: Gawer A., Cusumano M. A. Industry Platforms and Ecosystem Innovation // Journal of Product Innovation Management. May 2014 31(3). С. 417-418. DOI:10.1111/jpim.12105. // URL: https://www.researchgate.net/publication/261330796_Industry_Platforms_and_Ecosystem_Innovation (дата обращения 19.01.2025).

[2] См. об этом: Gawer, A., Cusumano, M. A. Platform Leadership: How Intel, Microsoft, and Cisco Drive Industry Innovation. Boston: Harvard Business School Press, 2002.

издержек и формированию добавленной стоимости для пользователей[1]. В указанном докладе ВШЭ платформы разделены[2]. Государственные платформы не выделены и не описаны отдельно, но упоминаются в тексте доклада. В результате анализа востребованности цифровых платформ интернет-пользователями приводятся цифры, появившиеся на основании опроса, как граждане используют платформы[3]. Интересно то, что среди показателей статистики доклада нет государственных платформ.

Несмотря на значительные шаги, которые предприняли современные страны в плане внедрения платформ в государственное управление, и функционирование государственного механизма, восприятие государства как платформы все еще является определенным прогнозом о возможности формирования властью открытой площадки для взаимного общения и сотрудничества людей, их сообществ, организаций с органами государственной власти как полноценных партнеров. Учитывая заинтересованные стороны, вовлеченные в работу платформ и окружающей их системы, правительства могут выступать в различных ролях: пользователя, поставщика услуг, владельца платформы, регулирующего органа.

Платформы (по крайней мере, с точки зрения отдельных сервисов) могут существовать в пределах одного субъекта/штата/территории и даже муниципалитета – назовем их территориальные платформы, но существенно большее влияние на отношения общества и государства пока имеют центральные платформы. Понятие центральной платформы ориентирует ресурс на максимально широкий спектр доступных интегрированных услуг, предоставленных для граждан возможностей, привлеченного количества пользователей.

В упомянутой аналитической работе ВШЭ можно увидеть и другие основания классификации платформ, например, выделение тех ресурсов, которые

---

[1] Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьянова и др.; под ред. Л. М. Гохберга, Б. М. Глазкова, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. С. 12.
[2] Там же. С. 34-49.
[3] Там же. С. 11.

имеют «критичную значимость» (определяющую само существование бизнеса и эффективность ключевых бизнес-процессов). К таким, скажем, относятся информационно-справочные цифровые платформы. Очевидно, что к критически значимым платформам следует отнести и государственные платформы и государственные отраслевые информационные системы, в том числе портал государственных услуг.

Определить модель взаимоотношений власти и общества «государство как платформа» можно следующим образом: это экономическая и организационная модель государственного управления и взаимодействия государства и граждан, в основе которой лежит подход применения интернет-инфраструктуры и технологических платформ, а также открытые данные, с потенциалом улучшения работы правительства, помогающая разрешить проблемы предоставления государственных услуг, информации населению, учета мнений общества.

Специфическими чертами для платформенной модели взаимодействия общества и государства являются:

1. Технологичность. Строится на основе информационных систем, программного обеспечения, приложений, сайтов. Используются интерфейсы прикладного программирования, которые позволяют обмениваться данными с третьими сторонами и др.

2. Простота (для пользователей). Встречается даже мнение, что платформы должны выполнять лишь одну-две задачи (например, отправлять сообщения, проверять статус заявки, проверять факт[1]). Конечно, простые платформы с одной функцией проще использовать/править/модернизировать и самим разработчикам. Однако такое упрощение однозначно вызовет увеличение количества платформ/сервисов. Сегодня уже задаются вопросом, следует ли

[1] Pope R. Playbook: Government as a Platform / Ash Center for Democratic Governance and Innovation Harvard Kennedy School, 2019. C. 12. // URL : https://ash.harvard.edu/files/ash/files/293091_hvd_ash_gvmnt_as_platform_v2.pdf (дата обращения: 02.01.2025).

вообще считать отдельные сервисы, выполняющие одну или две задачи, платформами[1].

3. Гибкость и адаптивность. Подразумевает возможность быстро меняться, принимать вариативные запросы пользователей. Дизайн-мышление обеспечивает более быструю итерацию и развертывание цифровых операций без необходимости масштабных, дорогостоящих изменений.

4. Открытость и насыщенность данными. Платформы должны быть существенно наполнены информацией и данными, которые к тому же можно легко найти, то есть требуются еще и простые инструменты поиска и анализа данных, что позволит любому пользователю находить и запрашивать правительственную информацию.

5. Интерактивность. Способность информационно-коммуникационной системы активно и адекватно реагировать на действия пользователя, а пользователь, в свою очередь, может своими действиями влиять на процесс.

6. Возможность взаимодействия/сотрудничества в рамках платформы нескольких участников. Цифровые платформы позволяют координировать работу многих субъектов для достижения общей цели. Пользователи платформы извлекают выгоду из сочетания функциональности, предоставляемой самим ядром платформы, и функций, предоставляемых сторонними разработчиками.

7. Участие государства. Государство в лице его органа выступает в качестве владельца цифровой платформы и/или основного поставщика услуг, ответственного за функционирование платформы[2].

8. Отсутствие препятствий (барьеров) при поиске вариантов участия.

---

[1] Bender B., Heine M. Government as a Platform? Constitutive Elements of Public Service Platforms. 2021. P. 3-20. DOI:10.1007/978-3-030-86611-2_1 In book: Electronic Government and the Information Systems Perspective // URL: https://lswi.de/assets/downloads/publikationen/109/Bender_Government_as_a_Platform.pdf (дата обращения: 21.01.2025).

[2] Стырин, Е. М., Дмитриева, Н. Е. Государственные цифровые платформы: ключевые особенности и основные сценарии развития : докл. к XXII Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 11.

9. Анализ данных. При этом он должен быть постоянным, интеллектуальным, обрабатывать большие объемы данных, и обработка должна быть непрерывной.

10. Высокая скорость операций.

11. Высокое качество данных, интерфейса.

12. Генеративность, то есть возможности «вводить инновации»[1].

13. Обеспечение участия общества в решении дел государства.

При использовании платформ как совокупности технологий государственная власть выстраивает отношения с обществом на новых принципах (открытости, интерактивности, технологичности и пр.). Новая парадигма определяет направления для того, чтобы сформировать видение «платформенного» взаимодействия государства и общества. Его характеризуют следующие черты:

- государственный аппарат довольно малочисленный,

- его работа оптимизирована,

- решения принимаются быстро,

- сокращены промежуточные звенья в виде госорганов между человеком и его данными,

- уменьшена нагрузка на государственные органы (например, за счет фиксации типичных нарушений ИИ или выдачи типовых решений[2]),

- изменена госслужба (требования к ней, отношение к ней),

- сокращены (или ликвидированы) региональные различия,

- предлагается несколько вариантов для индивидуального подхода и решения жизненных ситуаций, с которыми сталкивается человек (речь идет и о быте, и о работе, и об образовании).

---

[1] Thompson M., Venters W., Platform, or technology project? A spectrum of six strategic ‘plays’ from UK government IT initiatives and their implications for policy // Government Information Quarterly. 2021. Vol. 38. Is. 4. // URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101628 (дата обращения: 11.04.2025).

[2] Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е., Синятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–60. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-tsifrovye-platformy-otkontsepta-k-realizatsii (дата обращения: 23.10.2025).

Фонд «Центр стратегических разработок» указывает, что впервые в России начали публично говорить об идее «государство как платформа» в 2017 году, подразумевая под этим трансформацию государственного управления с использованием возможностей, которые дают современные технологии[1]. Отечественные научные работы по данной тематике появились лишь спустя несколько лет.

Ю. В. Ирхин указывает, что проект «государство как платформа» – это инновационное, принципиально новое технологическое и когнитивное качество государственного управления[2]. Л. С. Мустафина, рассуждая о концепции «государство как платформа», делает значимый вывод, что государство – это не только организация политической власти, но куда более емкое и глобальное явление в жизни людей[3]. Такого же мнения придерживаются А. Д. Керимов и И. Н. Куксин[4].

В зарубежной литературе понимание концепции платформы у разных авторов весьма отличается друг от друга. Среди них есть подход к платформе как к предоставлению отдельных услуг и отношение к платформе как к целостному ресурсу, который организует различные услуги. Б. Бендер (B. Bender) и М. Хейн (M. Heine) говорят о концепции правительства как платформы, описывая организацию услуг с использованием цифровых технологий, когда платформа управляет портфелем государственных услуг (не отдельными сервисами) в единой точке доступа, а отдельные сервисы не соответствуют требованиям концепции

---

[1] Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: издательство центра стратегических разработок, 2018. С. 3. // URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet_21.05.2018.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

[2] Ирхин Ю. В. Принципы, возможности и проблемы реализации современного управленческого подхода «государство как цифровая платформа» // Возможности и угрозы цифрового общества : сборник научных статей / под общ. ред. А. В. Соколова, А. А. Власовой. Ярославль : Цифровая типография, 2019. С. 40.

[3] Мустафина Л. С. Государство как платформа // Вестник Института права БашГУ. 2021. № 4 (12). С. 48.

[4] Керимов А. Д., Куксин И. Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса : моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 96 с.

платформы[1]. Теоретизированные знания строятся на данных практики реализации платформенной парадигмы в сферах государственного управления, организации коммуникации власти граждан, оказания государственных услуг. Весьма полезно проанализировать зарубежный опыт взаимодействия общества и государства при использовании цифровых платформ, поскольку социальные науки формируют различные формы научного знания только на основе исследования коллективного социального опыта[2].

2.4 Мировой опыт правового регулирования взаимодействия общества и государства на основе реализации технологии платформ

Деятельность правительств стран мира последние годы заключалась преимущественно в создании цифровых версий существующих процессов и услуг. Так, повсеместно заменяли бумажные формы документов электронными, принимали электронные обращения вместо обычных, предлагали дистанционное решение вопросов при направлении электронного обращения/документов, выкладывали информацию для граждан в сети Интернет и пр. Конечно, вели и внутреннюю работу по автоматизации процессов обслуживания граждан. Все это, несомненно, дало эффект, в том числе экономический, и повысило эффективность работы государственного механизма, способствовало повышению качества взаимодействия власти и населения. Однако до сих пор услуги часто остаются разрозненными по ведомствам, а дублирование данных, своеобразие применяемых технологий и процессов является обычным явлением в государственных органах всех стран.

---

[1] Bender B., Heine M. Government as a Platform? Constitutive Elements of Public Service Platforms. 2021. P. 3–20. DOI:10.1007/978-3-030-86611-2_1 In book: Electronic Government and the Information Systems Perspective // URL: https://lswi.de/assets/downloads/publikationen/109/Bender_Government_as_a_Platform.pdf (дата обращения: 11.04.2025).

[2] Корнев, А. В. Теория социального государства: становление и развитие // Проблемы развития теории социального государства : Сборник статей по материалам международного круглого стола, Москва, 23 марта 2024 года. М.: Академия труда и социальных отношений, 2024. С. 51.

На сегодняшний день задача правительств, как правило, заключается в том, чтобы учесть опыт и ошибки проведённых решений, оптимизировать работу, полностью перенастроить ее с учетом цифровых технологий. Например, эстонская платформа X-Road[1] эффективно связывает информационные системы всех ведомств, так что граждане могут «один раз рассказать правительству» о жизненном событии, а не иметь дело с разными ведомствами отдельно. Кстати, Эстония считается лидером постсоветского пространства в развитии электронных госуслуг[2].

Реализация модели «государство как платформа» различается в странах мира, о чем свидетельствуют неодинаковые способы принятия платформ правительствами стран. Указанное выше решение – платформа X-Road в системе электронного правительства – весьма известный и популярный продукт для государственных администраций. Ее используют, например, Азербайджан, Намибия, Финляндия, Украина, Фарерские острова, Япония. Одним из достоинств продукта является то, что любой государственный орган может по принятым правилам подключить свою информационную систему к платформе, предоставить права доступа к своим данным другим пользователям/органам.

Одним из мировых лидеров в деле реализации платформенной концепции взаимодействия государства с обществом является Великобритания. С 1 апреля 2004 года в Великобритании работал сервис электронного правительства DirectGov, предоставлявший большой набор информационных ресурсов для граждан. В октябре 2012 года он был заменен новым порталом gov.uk[3]. В этом же году кабинетом министров была создана Правительственная цифровая служба

---

[1] X-ROAD® – программное обеспечение с открытым кодом и экосистемное решение, которое обеспечивает единый и безопасный обмен данными между организациями. // URL: https://x-road.global/ (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Электронное правительство Эстонии. Информация с сайта TAdviser - деловой портал. // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%AD%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 03.02.2025).

[3] Сайт государственных услуг и информации Правительства Великобритании. // URL: https://www.gov.uk/ (дата обращения: 03.02.2025).

Великобритании для проведения цифровой трансформации в правительстве, которая стала пионером реализации концепции «государство как платформа» в мире. Первоначально основное внимание уделялось доступности информации и услуг для граждан: gov.uk предоставил гражданам единый правительственный портал для доступа к услугам. Впоследствии акцент сместился на повышение эффективности работы правительства. Примеры включают GOV.UK Pay, который предоставляет департаментам общее платежное решение, и GOV.Notify, который предоставляет решение для отправки текстовых уведомлений гражданам.

В феврале 2017 г. британская Правительственная цифровая служба (Government Digital Service, GDS) обнародовала национальную стратегию цифровых преобразований, в рамках которой планируется обновить устаревшие ИТ-системы, более эффективно использовать данные и создать единые платформы для госуслуг[1]. В Великобритании шла работа по переходу на сотрудничество с несколькими разработчиками отдельных компонентов систем, которые были бы связаны через общие функции, чтобы не предоставлять возможность реализации проектов одной крупной компании. Общество при этом выступало за еще большее упрощение процессов – за то, чтобы получить услугу путем заполнения простой формы или по телефонному звонку. И правительство стремилось выполнить эти запросы.

В начале 2025 года Правительством Великобритании было объявлено, что создан Цифровой центр правительства (Government Digital Service, название было сохранено) и опубликованы проекты программных и стратегических

[1] Национальная стратегия цифровых преобразований. // URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 03.02.2025).

документов[1], где описываются планируемые изменения. При сохранении достижений, полученных на сегодняшний день, государство продолжит искать пути для удовлетворения потребностей пользователей. Государство берет на себя еще «больше тяжелой работы» за граждан, которым не нужно будет выяснять, какие льготы у них есть, как подать документы, чтобы получить льготы, не нужно искать информацию, как начать бизнес и пр. Все это будет предоставлено гражданам цифровой службой.

Обнародован план из шести пунктов[2], где говорится, что новой GDS необходимо будет расширить свои полномочия, сферу деятельности, например, за счет включения данных местных органов власти и Национальной службы здравоохранения, создать новые продукты, в том числе приложения GOV.UK, а также новую цифровую общественную инфраструктуру. Продолжается работа по One Login (один пароль), пересматривается финансирование, обеспечение и закупка услуг искусственного интеллекта и цифровых технологий.

На сегодняшний день GOV.UK – единый домен, представляющий собой платформу для публикации информации. Его используют несколько десятков департаментов и агентств правительства. Относительно недавно появилась GOV.UK Verify – платформа для идентификации – новый способ для граждан подтвердить свою личность, когда они пользуются государственными услугами (и первая в мире в своем роде). Граждане – не единственные пользователи портала GOV.UK. Государственные служащие используют его в качестве инструмента в своей работе, как минимум для передачи информации.

---

[1] Проект современного цифрового правительства / A blueprint for modern digital government. Опубликовано 21 января 2025 г. // URL: https://www.gov.uk/government/publications/a-blueprint-for-modern-digital-government/a-blueprint-for-modern-digital-government-html (дата обращения: 03.02.2025); Приложение к документу: Новая государственная цифровая служба / Annex: The new Government Digital Service // URL: https://www.gov.uk/government/publications/a-blueprint-for-modern-digital-government/a-blueprint-for-modern-digital-government-html#annex-the-new-government-digital-service (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Davinson J., Same name, new ambitions. Government Chief Digital Officer, 27 January 2025. Отправные точки / Starting points. // URL : https://gds.blog.gov.uk/2025/01/27/same-name-new-ambitions/?utm_medium=referral&utm_source=gdshomepage&utm_campaign=dc (дата обращения: 27.08.2025).

Взяв за основу опыт Великобритании М. Томпсон (M. Thompson) и У. Вентерс (W. Venters) предлагают типизацию правительственных платформ[1]: «платформа от правительства» (когда правительство либо само создает ресурс, либо руководит процессом создания), платформа, где правительство выступает как катализатор платформы и арбитр (ресурс передан рынку, который под наблюдением государства осуществляет работу, либо правительство создает экосистему, поощряя других использовать ее возможности), правительство как децентрализованный партнер (оно предоставляет данные на платформу и дает их использовать, либо рынок сам создает государственную экосистему).

Великобританию считают пионером GaaP[2], и она стала часто цитируемым примером при обсуждении платформенной парадигмы. Но многие страны, такие как Канада, Дания, Нидерланды, Германия, Эстония, Индия, Южная Корея и др., также активно разрабатывают GaaP/ГкП – стратегии взаимодействия с населением.

В Нидерландах концепция «государство как платформа» была применена путем создания веб-сайтов центрального правительства, таких как Overheid.nl (путеводитель по информации и услугам всех правительств)[3], Rijksoverheid.nl (портал национального правительства)[4] и Ondernemersplein.nl (правительственная информация и консультации для предпринимателей от Торгово-промышленной палаты, налоговых органов)[5]. Эти порталы предоставляют пользователям информацию, которая поможет им перейти на веб-сайты ответственных ведомств

---

[1] Thompson M., Venters W., Platform, or technology project? A spectrum of six strategic ‘plays’ from UK government IT initiatives and their implications for policy,Government Information Quarterly. 2021. Vol. 38, Is. 4. 101628. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101628 (дата обращения: 27.08.2025).

[2] Не удачная аббревиатура, так как Общепринятые принципы бухгалтерского учёта имеют подобное написание на английском языке (Generally Accepted Accounting Principles – GAAP). Предлагается в русскоязычной литературе писать ГкП.

[3] Веб-сайт Overheid.nl представляет собой справочник по информации и услугам всех государственных организаций Нидерландов. Этот веб-сайт является инициативой Министерства внутренних дел в сотрудничестве с другими государственным органами. // URL: https://www.overheid.nl/ (дата обращения: 03.04.2025).

[4] Сайт Rijksoverheid.nl является совместным сайтом 12 министерств. На сайте Rijksoverheid.nl министерства информируют о государственных законах и постановлениях. // URL: https://www.rijksoverheid.nl/ (дата обращения: 03.04.2025).

[5] Правительственная информация для предпринимателей. // URL: https://ondernemersplein.kvk.nl/ (дата обращения: 03.04.2025).

для получения услуг. С точки зрения концепции ГкП, страна отдала приоритет безопасной онлайн-аутентификации. Использование электронного правительственного удостоверения личности является основой для администрации и пользователей: 80% всего населения имеют такое удостоверение, которое называют «DigiD»[1].

В Германии федеральное правительство и правительства земель должны предлагать все административные услуги в цифровом формате с 2022 г. через специальные ресурсы, которые объединены в общую систему. В Германии реализация концепции «правительство как платформа» принимает форму Portalverbund (Портальная сеть для цифровых административных услуг)[2]. Portalverbund построена как платформа на основе федеративного устройства страны. Она связывает административные порталы федеральных, земельных и местных органов власти в одну сеть, чтобы граждане и предприятия могли найти любую из более чем 500 государственных услуг, которые в настоящее время оцифрованы. Сеть создается между федеральными порталами и порталами земель совместно федеральным правительством и правительствами субъектов. Кроме того, каждая земля связывает свой ресурс со специализированными порталами. Федеральное правительство свою платформу (по адресу www.verwaltung.bund.de) постоянно с 2020 г. расширяет и оптимизирует с помощью введения дополнительных функций. Портал служит информационным указателем, направляющим граждан к органу, предоставляющему услуги, независимо от того, через какую страницу они получают доступ. Обмен данными децентрализовано обеспечивается за счет требования, чтобы все административные порталы предоставляли аналогичные компоненты поиска и оплаты, а также учетные записи пользователей и функцию рассылки.

---

[1] Enzerink S. Three perspectives on government-as-a-platform. March 4, 2020. // URL: https://www.capgemini.com/insights/expert-perspectives/three-perspectives-on-government-as-a-platform/ (дата обращения: 03.04.2025).

[2] Портальная сеть для цифровых административных услуг: просто, быстро и безопасно / Portalverbund für digitale Verwaltungs-dienst-leistungen: einfach, schnell und sicher. // URL: https://www.bmi.bund.de/DE/themen/moderne-verwaltung/verwaltungsmodernisierung/portalverbund/portalverbund-node.html (дата обращения: 03.02.2025).

Любой, кто хочет воспользоваться административной службой онлайн, должен идентифицировать себя. Для этой цели используются учетные записи пользователей граждан и организаций. Как и в интернет-магазине, можно создать учетную запись пользователя и использовать ее для цифровой идентификации в органе власти. Регистрация и вход в систему осуществляются в соответствии с требованиями Европейского регламента (eIDAS-VO)[1]. В 2019 г. немецкое Федеральное министерство внутренних дел и по делам общественности (BMI) создало центральную учетную запись пользователя – BundID – для идентификации онлайн-заявлений и обращений (https://id.bund.de). Правовой основой для реализации платформенной концепции в Германии является закон «Об улучшении онлайн-доступа к административным услугам» (Online Access Act – OZG), который вступил в силу в августе 2017 г.[2]

Британский GOV.UK, голландский Overheid.nl и немецкая платформа Bund.de предоставляют гражданам и организациям правительственный портал для доступа к цифровым услугам и политическим рекомендациям. Тем не менее существует разница в базовой концепции этих платформ. В то время как британскую версию можно рассматривать как единый источник для цифровых государственных услуг, голландские и немецкие платформенные решения представляют собой, скорее, сеть из нескольких источников данных.

В Великобритании, например, платформу можно использовать при создании новых услуг, тогда как в Германии основное внимание уделяется обмену надежными данными (организуемыми на разных уровнях правительства), в то время как технические функции по-прежнему могут различаться по своему дизайну на порталах на федеральном и местном уровнях. В Нидерландах унифицированные

[1] Страница электронной подписи Европейской комиссии. Регламент (ЕС) № 910/2014 об электронной идентификации и трастовых услугах для электронных транзакций на внутреннем рынке обеспечивает нормативную среду для электронной идентификации физических и юридических лиц и трастовых услуг. // URL: https://eidas.ec.europa.eu/ (дата обращения: 27.08.2025).

[2] Закон об улучшении онлайн-доступа к административным услугам / Gesetz zur Verbesserung des Onlinezugangs zu Verwaltungsleistungen. // UR : https://www.gesetze-im-internet.de/ozg/ (дата обращения: 03.02.2025).

решения напрямую не направлены на стандартизированное предоставление услуг, а в основном ориентированы на единый способ аутентификации. Правовое регулирование платформизации сферы взаимодействия в этих странах также отличается. В Великобритании – это, в основном, программные и стратегические документы, а в Германии – это принятый закон.

Анализ практики вышеуказанных стран показывает, что одной из важных задач для платформ на данном этапе развития платформизации является аутентификация пользователя. Интересен опыт Индии, где применяется сервис Aadhaar[1]. Правительство Индии (GoI) создало UIDAI (Уникальный идентификационный орган Индии) для создания системы идентификации для граждан Индии. Практика этой страны с огромным населением, несомненно, будет полезна для тех правительств, которые хотят внедрить масштабные проекты по аутентификации граждан. В исследовательских работах описываются проблемы безопасности, связанные с демографическими и биометрическими данными[2].

Платформа Индии MyGov является интересным и известным примером платформы по привлечению общества к взаимодействию. Например, с ее помощью ведется коммуникация по созданию норм права. Название индийской платформы сходно с названиями ресурсов в других странах: с использованием английских слов «my government» действуют платформы в Узбекистане (URL: https://my.gov.uz/ru «Единый портал интерактивных государственных услуг Узбекистана»), в Австралии (URL: https://my.gov.au/ Портал государственных слуг Австралии), они связаны с предоставлением государственных услуг населению.

---

[1] См.: Aadhaar – это идентификационный документ, выдаваемый Управлением по уникальной идентификации Индии (UIDAI) жителям Индии. Он содержит 12-значный уникальный идентификационный номер (известный как номер Aadhaar) и личные данные, такие как имя, адрес, дата рождения и биометрические данные. Биометрические данные, собранные для Aadhaar, включают отпечатки пальцев, изображения лица и сканы радужной оболочки глаза, которые являются уникальными для каждого человека.

[2] Sadhya D., Sahu T., A critical survey of the security and privacy aspects of the Aadhaar framework // Computers & Security. 2024. Vol. 140. // URL: https://doi.org/10.1016/j.cose.2024.103782 (дата обращения: 03.02.2025); Mir U. B., Kar A. K., Dwivedi Y. K., Gupta M.P., Sharma R.S. Realizing digital identity in government: Prioritizing design and implementation objectives for Aadhaar in India // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37, Is. 2. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.101442 (дата обращения: 03.02.2025).

Платформа Индии была создана чуть более десяти лет назад и запущена в 2014 г.[1] На 2024 г. она имела более 30 млн зарегистрированных пользователей, что составляет всего лишь 2 % населения страны (население Индии – более 1,4 млрд человек[2]). Для сравнения: количество пользователей портала государственных и муниципальных услуг (Госуслуги) России на конец 2024 года достигло 112 млн при населении страны в 140 млн человек[3] (то есть охват портала – 80 % населения). Впрочем, сравнивать ресурсы Индии и России не совсем корректно, поскольку индийский MyGov создан в качестве основной площадки для организации взаимодействия с населением, для вовлечения граждан в обсуждение, консультаций с гражданами, информирования общества о государственных решениях и программах. Наш портал Госуслуги многофункционален, позволяет собирать мнения и идеи граждан, но его главное предназначение – предоставление услуг. Для оказания государственных услуг в Индии используются другие ресурсы. Правительство Индии реализует в стране проект «Цифровая Индия», который высоко оценен ООН[4].

Проблемой Индии является цифровое неравенство между социально-экономическими и демографическими группами[5]. Кроме того, проблема привлечения общества к работе платформы и поддержания интереса граждан стоит в Индии так же остро, как и в других странах. Одним из решений указанных

---

[1] MyGov: An Overview (MyGov: обзор). // URL: https://www.mygov.in/overview/ (дата обращения: 17.03.2025).

[2] Примерный показатель из данных сайтов: Посольства Индии в Москве. // URL: https://india.mid.ru/ru/countries/india-info/, https://countrymeters.info/ru/India (дата обращения: 15.03.2025); Википедия. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население Индии (дата обращения: 15.03.2025).

[3] Число пользователей портала Госуслуг достигло 112 млн. // URL: https://www.interfax.ru/russia/997759 (дата обращения: 15.03.2025).

[4] В докладе ООН UN E-Government Survey 2022 Индия оценивается как страна с высоким уровнем развития электронного правительства в области предоставления онлайн-услуг. E-GOVERNMENT SURVEY 2022 Department of Economic and Social Affairs The Future of Digital Government // URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2022-09/Web%20version%20E-Government%202022.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

[5] Praharaj S., Hoon Han J., Hawken S., Innovative Civic Engagement and Digital Urban Infrastructure: Lessons from 100 Smart Cities Mission in India // Procedia Engineering. 2017. Vol. 180. P. 1423-1432. ISSN 1877-7058. // URL: https://doi.org/10.1016/j.proeng.2017.04.305. (дата обращения: 17.04.2025).

проблем, уже реализуемых правительством страны, являются изменения в национальной образовательной политике, которые делают акцент на создание обучающей экосистемы. Последняя может подготовить учащихся в будущем к взаимодействию с властью, лидерству и активности, ведь совершенствование процесса законотворчества в Индии связывают с участием населения в этом процессе.

Итак, мировая практика идет по нескольким путям создания платформ для взаимодействия власти и граждан, которые можно типизировать. Разделим государственные платформы на те, которые администрируются правительством, – централизованные, и те, где допускается децентрализация.

В первом случае правительство берет на себя роль собственника, организатора и администратора платформы и предоставляет данные в открытом виде, наполняет платформу информацией, опциями, контентом. Платформа открыта в доступе и использовании адресатам, которые могут получить информацию, в том числе без авторизации. Такой платформой, например, является и российская платформа госуслуг.

При децентрализации правительство может выступать как партнер, когда, например, открывает часть данных, находящихся в его распоряжении, и предполагает развитие экосистемы инноваций и экономической деятельности за счет других субъектов, использующих эту общую платформу данных. В качестве примера можно привести базу данных Национальных узлов доступа к общественному транспорту Министерства транспорта (NaPTAN) в Великобритании[1], которая стала частью услуг, предоставляемых другими компаниями (сервис используется для доступа, редактирования и работы с наборами данных NaPTAN и NPTG), и используется для открытой банковской

[1] Сайт правительства Великобритании «Национальные узлы доступа к общественному транспорту (NaPTAN) и Национальный справочник общественного транспорта (NPTG)» / «National Public Transport Access Nodes (NaPTAN) and National Public Transport Gazetteer (NPTG)». // URL: https://beta-naptan.dft.gov.uk/ (дата обращения: 12.04.2025).

деятельности Управления финансового надзора (FCA) Великобритании[1]. При такой схеме организации платформ правительство переходит от простого предоставления услуг гражданам к привлечению инноваций и инвестиций в эти услуги. Платформа за счет участников может предложить новые, инновационные продукты и услуги, которых нет на текущем рынке. В то же время у правительства сохраняется уникальная позиция и роль в отношениях контроля за платформой, но заметен некий переход от регулирования до «двигателя» экономики.

Процесс создания правительственных платформ в целом подчиняется общим закономерностям создания нового цифрового продукта и предполагает формулировку гипотезы, далее требуется проверка ее жизнеспособности, после чего формируется концепция цифрового продукта, его дизайн, начинается проектирование продукта, подготовка документации, разработка программного обеспечения (ПО). После этих действий происходит запуск минимально жизнеспособного продукта, который можно протестировать на конечном клиенте и убедиться, что решение функционирует. Затем требуется проведение пилотного проекта, после чего уже начнется масштабирование продукта, и в будущем требуется постоянное сопровождение – проверка продукта, непрерывное улучшение. На последней стадии предполагается расширенное вовлечение лиц во взаимодействие.

На какой из стадий требуется обеспечить процесс нормами права? Как правило, это необходимо на стадии тестировании продукта, то есть при его первоначальном, пусть и ограниченном, запуске. И совершенно однозначно, что правовое регулирование платформы требуется при масштабировании.

Результаты анализа по нескольким странам показывают, что инициативы, возглавляемые правительством, имеют тенденцию функционировать дольше, чем инициативы, возглавляемые частными субъектами[2]. Установлено также и то, что

---

[1] Сайт Управления финансового надзора / Financial Conduct Authority. // URL: https://www.fca.org.uk/ (дата обращения 12.04.2025).

[2] Cingolani L. The survival of open government platforms: Empirical insights from a global sample // Government Information Quarterly. 2021. Vol. 38, Is. 1. 101522. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101522 (дата обращения: 12.04.2025).

большее разнообразие опций, тематик платформ не гарантирует более высокую выживаемость по сравнению с узкопрофильными платформами.

Итак, цифровизация дала дополнительные инструменты взаимодействия и позволила привлекать общество к участию в новых формах, хотя прежние формы, уже упомянутые выше, также до сих пор используются. И речь идет не только об избирательном процессе, референдуме или общих обсуждениях. Например, довольно широко привлекают волонтеров для реализации государственных функций и в нашей стране, и странах мира. Так, в США добровольцы отвечают на вызовы, поступающие в пожарную службу, помогают с заправкой баллонов с воздухом, обеспечивая экипажи едой и водой, помогают с уборкой[1]. Волонтерство как инструмент управления не является чем-то новым и характерен для большинства стран. Однако изменения в разделении задач между государством и обществом, внедрение новых технологий, разработка и использование платформ привели к появлению новой формы волонтерства, и в литературе говорят о так называемом «платформенном волонтерстве»[2].

Для многих стран мира концепция «правительство как платформа» или «государство как платформа» (government as a platform, GaaP), примером которой являются эстонская платформа X-road, британский реусрс gov.uk, голландский Overheid.nl, немецкая платформа Bund.de, стала определяющим подходом к построению современного цифрового государства. Наиболее распространенным является подход по предоставлению целостной платформы со стороны государственной администрации (по сути, в прямом смысле реализация метафоры «правительство как платформа»), интегрирующей различные сервисы. Таким образом, платформа является центральной точкой доступа к государственным услугам и информации, а правительство выступает в качестве поставщика платформы для органов власти при предоставлении различных услуг. По такому

[1] Волонтеры пожарной службы. // URL: https://www.cityofsacramento.gov/fire/join-sacramento-fire/fire-services-volunteer (дата обращения: 15.02.2025).

[2] Fenger H. J. M., Karré P. M., Blok S. N., Conceptualizing new forms of volunteering in urban governance // Urban Governance. 2023. Vol. 3, Is. 4. P. 269-277. // URL: https://doi.org/10.1016/j.ugj.2023.09.002 (дата обращения: 11.04.2025).

же принципу организована платформа государственных услуг и в России. Различия и сходства, обнаруженные между процессами создания платформ, политиками открытых данных, подходов к регулированию взаимодействия посредством платформ, предлагают возможности для обучения на основе опыта друг друга, а значит, и создания эффективной правовой основы платформизации взаимодействия общества и государства.

2.5 Взаимодействие государства и общества в рамках параллельной реализации сервисной и платформенной моделей

Преобладающие парадигмы, через которые реформа взаимодействия власти граждан разрабатывается и реализуется, относительно похожи во всех странах. При этом администрации большинства государств сталкиваются с типичными, повторяющимися проблемами. В ряде стран со слабой экономикой реформы часто опираются на опыт, полученный в США и европейских странах, а также испытывают влияние политических и организационных экспериментов. Главной силой, движущей изменения в государственном управлении, в сфере оказания государственных услуг, в построении модели взаимодействия граждан и власти, выступает цифровизация, а основное внимание при реформировании уделяется следующим вопросам:

– открытие правительственных данных и информации, их публикация и доступ к ним общества;

– упорядочивание структуры правительства, как правило, сокращение ведомств, исключение дублирования функций;

– оптимизация управленческих процессов, повышение их эффективности;

– налаживание связей государственный администрации с населением;

– реализация реформ «снизу вверх»;

– вовлечение населения в государственное управление;

– построение «честного правительства» (борьба с коррупцией);

– создание ресурсов (платформ, программ, приложений) для оказания государственных услуг, информирования населения, получения обратной связи;

– изменение философии государственной службы с фокусом на «служение» обществу;

– реализация идеи социальной государственности.

Тотальная цифровизация всех сфер жизни, в том числе и государственного управления, способствовала заметному прогрессу в переводе взаимодействия общества и государства в цифровой формат, в оцифровке государственных услуг. Были значительно улучшены показатели работы публичной администрации с точки зрения ориентированности на пользователя, прозрачности, онлайн и оффлайн возможностей получателей услуг. Эти улучшения означают, что государственные услуги становятся более доступными и удобными для граждан, повышается скорость оказания услуг, их качество, а правительства становятся более эффективными (что помогает сэкономить бюджетные средства).

Российская статистика, подтверждающая сказанное выше, такова: по данным портала Госуслуг в 2019 г. (в 2019 г. платформе исполнилось десять лет), общее число пользователей платформы составило 103 млн человек (прирост за 2019 г. – 17 млн новых пользователей)[1]. Пандемия стала фактором, повлиявшим на увеличение числа зарегистрированных пользователей на портале Госуслуг: в 2020 г. количество превысило 126 млн зарегистрированных пользователей (за год прирост составил почти 24 млн человек)[2] (Прил. табл. Г.1). Увеличивалась и средняя ежедневная аудитория портала, а также число обращений к ресурсу.

В 2022 г., по опросам ВЦИОМ, население (более 66% опрошенных) отметило повышение внимания государства к развитию цифровых сервисов. Самым

[1] Госуслуги в 2019 г.: главные события и факты. // URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_30_results_of_the_year (дата обращения: 19.01.2025).
[2] 2020 на Госуслугах: новые пользователи, выплаты и вывозные рейсы. // URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2020_12_30_results_of_the_year (дата обращения: 19.01.2025).

заметным изменением в этой сфере стал рост числа онлайн-сервисов в сфере госуслуг (89%)[1].

Создание специальных ресурсов – онлайн-сервисов, платформ для оказания государственных услуг в цифровой форме, для информирования населения, для размещения открытых данных – позволяет говорить о новой модели взаимодействия государства и общества, которую можно именовать «платформенной». Цифровизация государственной власти, работа с огромным объемом данных, их накопление и открытие информации, успех бизнес-платформ и их опыт параллельно с реализацией концепции «сервисного государства» породили необходимость использования порталов в государственной сфере и создание государственных ресурсов, в первую очередь – в сфере госуслуг, на основе платформ.

Правительство как платформа – это следующий этап цифровой трансформации, представляющей собой общую базовую инфраструктуру цифровых систем, технологий и процессов, на основе которой легко реализовать современные, качественные, быстрые, ориентированные на пользователя государственные услуги, информировать общество по разным вопросам, привлечь его к взаимодействию и сотрудничеству.

Одной из проблем пока выступает разрозненность сервисов и множественность платформ: каждый сервис выполняет свои задачи, например, один принимает платежи, другой записывает на прием или отправляет напоминания. Такой подход неэффективен, он усложняет работу пользователей и делает ресурсы намного дороже для администрации. Кроме того, необходимо разрабатывать такие ресурсы, которые бы могли улучшить работу ведомств, пока же основное внимание сосредоточено на удовлетворении потребностей пользователей, то есть преобладает сервисная направленность платформ.

[1] Опрос ВЦИОМ: Национальные проекты – 2022: цифровая экономика. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2022-cifrovaja-ehkonomika (дата обращения: 19.01.2025).

Теоретизированная концепция[1] для государственной администрации отличается от фактически реализованной модели платформенного государства: большинство стран мира массово запустили платформы по оказанию государственных услуг, где также можно получить информацию. Значительно медленнее появляются порталы открытых правительственных данных и ресурсы для участия общества в решении государственных задач. Для полной реализации концепции, по крайней мере в том виде, в котором ее практикуют в бизнес среде, в экономике, еще довольно далеко, поскольку требуются значительные усилия, в том числе по стимулированию участия общества, по формированию компетенций как государственных служащих, так и граждан при работе с платформами, при создании контента этих самых платформ.

Правительственные платформы представляют собой набор открытых данных, которые, в свою очередь, образуют сложные адаптивные социоматериальные системы. Следует помнить, что рост использования информации, размещенной на межправительственных платформах, означает необходимость обеспечения безопасности государственной инфраструктуры. Данная проблема в условиях реализации платформенной модели на сегодняшний день стоит острее, чем когда-либо. Для этого государству необходимо инвестировать в разработку идентификации и аутентификации. Государственные администрации должны, где это возможно, устранить разрозненность ведомств и действовать как единое правительство, позволяя пользователям взаимодействовать с государственными организациями через платформу «одного окна».

Важным при платформизации взаимодействия государства и общества является фактор доверия: не обеспечив безопасность платформ, государство лишится доверия к этим ресурсам, а значит, и к себе. Доверие является дополнительным важным фактором в модели взаимодействия, называемой «платформенная».

---

[1] Одним из теоретиков модели выступает сам Т. О'Рейли, автор метафоры «правительство как платформа». На сегодняшний день мы видим, что существуют различия между средой, которую он описывает (2010 г.), и той, с которой мы сталкиваемся реально.

Безопасность использования и безопасность данных, понятность информации и интуитивная понятность использования ресурсов, полнота информации, приятный и удобный дизайн – все это будет стимулировать использование гражданами созданных государством ресурсов, повышать к ним интерес и доверие, сделает их необходимой частью ежедневной жизни.

Таким образом, новые технологии (создание ресурсов – платформ для оказания государственных услуг и информирования общества) и ряд в общем-то неизбежных обстоятельств (открытие данных, необходимость экономить) следует интерпретировать как базу и причины для трансформации взаимодействия государства и общества, основанную на технологических интернет-платформах, со сменой парадигмы самой природы государственного управления. Взаимодействие государства и общества становится более легким, доступным, удобным, менее затратным, дистанционным, понятным для граждан. Платформы дают сочетание открытости (прозрачности) и более активного, простого участия граждан в общественной деятельности. Оба принципа выводятся на более высокий уровень с помощью IT-технологий. Представляется, что можно говорить и о смене модели взаимодействия общества и государства. Сервисная модель развивается, постепенно опираясь на платформы, становится, как минимум, сервисно-платформеной.

Итак, концепция цифровых платформ приобретает все большее значение в государственном секторе. Она включает в себя идеи интеграции внешних сторон в правительственные процессы. Платформизация государственного управления еще не завершена, реализация концепции «государство как платформа» началась и идет, и очевидно, что правительство относится к этой концепции с энтузиазмом. Такой вывод можно сделать после принятия нового подхода к предоставлению услуг, который стал по-настоящему преобразующим для сферы взаимодействия общества и государства.

В то же время, несмотря на вдохновляющие результаты реализации платформенного подхода, необходимо получить всестороннее представление о том, как этот процесс повлияет на трансформацию взаимоотношений общества и

государства, культурные практики взаимодействия, как поменяется инфраструктура государственного сектора, государственное управление. Следует понимать, что такое исследование представляет не только академический интерес. Платформизация может регулироваться эффективно государственными институтами только в том случае, если понятны ее ключевые механизмы, определены риски, выявлены проблемы. Очевидно, что научно обоснованные представления об этих процессах, о принципах и чертах новой модели взаимодействия должны лечь в основу проектной государственной деятельности (стратегии развития). По сути, общество и государство перешли в новое состояние, зрелость которого, по мнению И. Л. Бачило, определяется уровнем включения потенциала информационно-коммуникационных технологий в различные направления жизни[1].

Существует несколько структурных сходств между функционалом цифровых платформ, применяемых в бизнесе, и тех, которые используются при построении взаимодействия с обществом (в основном, это пока платформы государственных услуг). Представляется целесообразным перенести организационные принципы и технические элементы, составляющие цифровую платформу, на государственный сектор и, таким образом, стремиться извлечь выгоду из эффективной организации, которую обеспечивают платформы. Особенно это целесообразно в сфере государственных услуг, где много организаций (органов) предоставляют различные услуги, которые должны быть интегрированы в общую систему с единым доступом для граждан, причем интеграция должна быть и горизонтальной, и вертикальной.

Государственные услуги многочисленны и специализированны и оказываются различными ведомствами. Это соответствует идее микроуслуг от каждого органа, которые собираются в общую архитектуру сервис-ориентированных платформ. Платформа может использоваться для централизованного предоставления обычно необходимых функций (например,

[1] Бачило И. Л. Правовая платформа построения электронного государства // Информационное право. 2008. № 4. С. 3–8.

идентификация пользователя или платежи), которые дополняются специализированными сервисами от профильных ведомств, региональных и местных органов, а также для «увязки» процессов. Таким образом, могут быть достигнуты многие из желаемых контекстуальных целей платформы, таких как «единое окно».

Подход «государство как цифровая платформа» Ю. В. Ирхин рассматривает в виде дальнейшего развития «электронного государства», электронного портала государственных услуг[1]. И действительно, реализация платформенной модели взаимодействия государства и общества в России пока в основном сосредоточена на развитии ресурса «Госуслуги» (https://www.gosuslugi.ru/). Это ресурс с высокой степенью централизации, насыщенный сервисами, информацией и возможностями в разных сферах для пользователей. Согласимся с мнением Е. М. Стырина, что Россия вполне может служить объектом для изучения по поводу применения платформенного взаимодействия власти и общества, того, как использовать платформы межправительственного управления[2].

Р. Поуп (R. Pope) пишет, что в случае успеха платформа станет частью многих общеполезных сервисов, приводя примеры, что одну и ту же платформу можно будет использовать гражданам для разных целей: проверки и геокодирования адресов, для расчета налогов, поиска больниц, записи ко врачу или подачи заявок на получение пособия[3]. Отечественная платформа «Госуслуги» предоставляет указанные и другие сервисы для граждан, то есть эта идея уже реализована в нашей стране. Общественность воспринимает платформу как часть системы, а не изолированно для получения одной конкретной услуги. Развивать

---

[1] Ирхин Ю. В. Принципы, возможности и проблемы реализации современного управленческого подхода «государство как цифровая платформа» // Возможности и угрозы цифрового общества: сборник научных статей / под общ. ред. А. В. Соколова, А. А. Власовой. Ярославль: Цифровая типография, 2019. С. 39.

[2] Styrin E., Mossberger K., Zhulin A., Government as a platform: Intergovernmental participation for public services in the Russian Federation // Government Information Quarterly. 2022. Vol. 39, Is. 1. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101627 (дата обращения: 26.08.2025).

[3] Pope R. Playbook: Government as a Platform / Ash Center for Democratic Governance and Innovation Harvard Kennedy School, 2019. P. 12. // URL: https://ash.harvard.edu /files/ash/files/293091_hvd_ash_gvmnt_as_platform_v2.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

ресурс следует далее по принципу природы платформ – «один ко многим», что означает: любые изменения, которые вносятся, затрагивают различных пользователей и большое количество услуг.

Несмотря на «молодость» концепции, исследователи уже выявили проблемы, связанные с внедрением модели платформы,[1] пусть даже и в сферу государственных услуг. Причем проблемы эти лежат в разных областях: и управления, и культуры, и регулирования. Высказано также мнение, что платформы угрожают демократии, так как влияют на подотчетность администрации. Например, Т. Поел (T. Poell), Ван Дижк (Van Dijck) и Ниеборг (Nieborg) критически относятся к идее внедрения новой модели «платформенного государства» и довольно саркастически описывают процесс, когда пользователи (именуются в источнике «добровольцами» или «любителями») посвящают свое время и энергию разработке и поддержке большого количества сетевых продуктов, при этом они же еще и создают новый контент[2]. А главным стимулом для пользователей являются потребности в общении, сборе знаний и информации или желание творчески выражать себя. Справедливая критика указанных авторов заключается в том, что не все пользователи, которые должны вносить свой вклад-контент, креативны, что у них есть мотивы для участия, а если они и есть, то явно не одинаковы. Кроме того, пользователи попросту могут не обладать надлежащей квалификацией для создания контента.

Следует согласиться с указанными исследователями и признать, что большая часть общества инертна, недостаточно образованна и не хочет или не может участвовать в создании общественной ценности и контента государственных платформ. Например, люди в возрастной группе от 18 до 34 лет меньше других участвуют в традиционном голосовании и чаще придерживаются стратегии

---

[1] См. об этом: Katsonis M., Botros A. Digital Government: A Primer and Professional Perspectives // Australian Journal of Public Administration. 2015. Vol. 74. № 1. P. 42-52. // URL: DOI:10.1111/1467-8500.12144 (дата обращения: 11.04.2025).

[2] Poell, T., Nieborg, D., van Dijck, J. Platformisation // Internet Policy Review. 2019. № 8 (4). DOI: 10.14763/2019.4.1425. // URL: http://policyreview.info/concepts/platformisation (дата обращения: 18.01.2025).

ситуативного участия[1]. Общемировая практика показывает, что явка на выборы составляет от 30 до 60 %. 30 % населения вообще не голосует за своих представителей – они воздерживаются от участия в выборах[2].

Приведем в пример и популярную «народную» энциклопедию Википедию. Это общедоступная интернет-энциклопедия со свободным контентом. Ее наполнение обеспечивают добровольцы – «википедисты» – посредством открытого сотрудничества и с использованием MediaWiki, системы редактирования на основе вики-принципов[3]. Версии энциклопедии и ее статей считаются ненадёжным источником информации и подверженным манипуляциям со стороны идеологических групп. Кроме того, активных редакторов энциклопедии в отдельных языках всего несколько человек. При этом контент энциклопедии связан с разнообразными темами, в том числе и общепонятными, а государственные платформы изначально предполагают важные государственные и общественные вопросы, требующие специального образования и знаний.

Большинство пользователей Интернета пассивны. Они смотрят или скачивают контент, предоставленный другими. Страницы в социальных сетях государственных органов также могут служить иллюстрацией приведенного тезиса о неактивности пользователей. Так, Федеральная налоговая служба имеет в группе ВК более 195 000 подписчиков, при этом реакции ставят около 200 человек (комментарии запрещены)[4]. В паблике Центрального банка России комментарии разрешены, но при 85000 подписчиков комментарии под постами оставляет максимально до 40 человек (при средней активности 5 комментариев к посту)[5]. При этом речь не идет об изготовлении/публикации контента, а просто об активности

---

[1] Опрос ВЦИОМ. Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки. // URL: https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/elektronnoe-golosovanie-novye-tekhnologii-menyayut-elektoralnye-privychki (дата обращения: 18.01.2025).

[2] Civic Engagement. // URL: https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/civic-engagement/ (дата обращения: 18.01.2025).

[3] Википе́дия – это Материал из википедии – свободной энциклопедии. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F (дата обращения 18.01.2025).

[4] Страница ФНС в ВКонтакте. // URL: https://vk.com/nalog_gov_ru (дата обращения: 20.10.2025).

[5] Страница ЦБ РФ в ВКонтакте. // URL: https://vk.com/cbr_official (дата обращения: 20.10.2025).

пользователей. Заметна и разница между пользователями коммерческого онлайн-сообщества и некоммерческих сайтов обмена информацией на базе сообществ – у коммерческих активность пользователей/подписчиков значительно выше. Коммерческие интернет-проекты и некоторые общественные, в частности, «Викиномика»,[1] создают впечатление и позволяют верить, что каждый пользователь является активным и творческим.

В связи с описанной проблемой неактивности и частично связанной с ней проблемой некомпетентности граждан подчеркнем значительную сложность обеспечения совместного производства жизненно важных услуг и ответственности граждан за их предоставление.

Еще одна проблема, вызывающая обеспокоенность, – это влияние платформ, и, в частности, платформ социальных сетей, на общественную повестку и на политический дискурс[2]. Проблема вредных эффектов открытых данных довольно серьезна и, вероятно, будет еще больше усугубляться, поскольку данные продолжают открывать, за исключением некоторых секретных или конфиденциальных.

Одной из заметных проблем стали показатели эффективности работы учреждений (например, больниц и школ), которые строятся на чрезмерно упрощенных данных, обычно в числовой форме. Например, результаты стандартизированных тестов учащихся используются в качестве «объективного» показателя эффективности преподавания, а в секторе здравоохранения показатели больничной смертности или даже биологические данные пациентов рассматриваются как объективные показатели эффективности работы врачей и, в конечном итоге, больниц. Указанные данные о производительности интерпретируются, вырываются из исходного контекста и повторно используются

[1] «Викиномика» (Wikinomics) – децентрализованная экономика, вышедшая за границы государств и обществ, основанная на сетевом сотрудничестве тысяч людей. Авторы термина Д. Тапскотт (Don Tapscott) и Э. Вильямс (Anthony Williams) видят в массовом сетевом сотрудничестве основной вектор развития экономики.

[2] На это указывали, в том числе Katsonis M., Botros A. Digital Government: A Primer and Professional Perspectives First published: 04 March 2015. // URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-8500.12144 (дата обращения: 03.04.2025).

для различных целей, а также переосмысливаются и комбинируются с другими данными группой заинтересованных лиц, их значение становится все более и более искажаемым. Такая практика приводит к непреднамеренным и, в конечном итоге, непредсказуемым последствиям.

Чтобы проиллюстрировать данный аргумент, в работе О. Маржановик (O. Marjanovic) и Д. Кекез-Кекманович (D. Cecez-Kecmanovic) приведен пример платформы Австралии «Моя школа», где с 2010 года публиковались согласованные на национальном уровне данные о каждой школе в Австралии[1]. Ресурс считается полным и наиболее авторитетным источником информации об успеваемости в школе, он предоставляет любому (и незарегистрированному) пользователю различные простые в использовании инструменты для поиска и сравнения аспектов эффективности школ с течением времени. Несмотря на лучшие намерения и ожидаемые эффекты, вскоре после своего запуска он вызвал беспрецедентные волнения в секторе образования и обществе в целом. Газеты начали публиковать «таблицы школьного рейтинга», которые воспринимались как «официальные» и «законные» оценки эффективности школ. Школы были помечены как «хорошие» или «плохие», многие родители попытались перевести своих детей из «плохих» школ в «хорошие», что привело к хаосу в системе образования региона и даже страны. Некоторые школы начали избегать набора учащихся из малообеспеченных семей, например, представителей коренных народов и мигрантов, а также учащихся с ограниченными возможностями.

Следующей проблемой, связанной с платформами, является право собственности на них и обслуживание ресурса. С учетом того, что одной из основных целей государственной платформы является сокращение операционной и организационной разрозненности, возникает необходимость, чтобы центральный орган взял на себя ведущую роль в этом вопросе. Если платформа разрабатывается одним государственным ведомством, необходимо определить правила ее

[1] Marjanovic O., Cecez-Kecmanovic D., Open government data platforms – A complex adaptive sociomaterial systems perspective // Information and Organization. 2020. Vol. 30, Is. 4. // URL: https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2020.100323 (дата обращения: 18.01.2025).

использования другими органами, чтобы внутренние приоритеты этого ведомства не искажали развитие платформы.

Для создания и поддержания платформы необходимо определить источники финансирования. Природа общих платформ такова, что они обходятся тем дешевле в расчете на пользователя, чем больше они используются, учитывая высокие первоначальные затраты на создание ресурсов. Они также имеют ценность и потенциал, которые невозможно понять заранее. Если платформа разрабатывается отдельным органом, то очевидно, что ему потребуются механизмы, позволяющие тратить финансы из своего бюджета на результаты, выходящие за рамки политики этого ведомства.

Традиционное государственное финансирование проектов использует «водопадный» подход к управлению программами – финансирование выделяется частями и в зависимости от достижения «этапных показателей». Финансируя платформы, государству необходимо признать неопределенность того, что создается, отсутствие уверенности в успешности проекта в ближайшие несколько лет. Программисты должны работать совместно с экономистами для подготовки долгосрочного плана финансирования. Ключевые вопросы, которые необходимо решить: через какое время будет достигнут запланированный «масштаб» ресурса? существует ли «запас» для финансирования платформ, ориентированных на новые потребности пользователей, если они появятся?

Проблемой может оказаться масштабирование платформы, а оно важно для успеха платформенного подхода. Слишком медленное расширение функционала пользователей платформы, скорее всего, будет означать, что она не популярна, непонятна, а может, попросту не нужна. Быстрое масштабирование может привести к тому, что организация, эксплуатирующая платформу, станет не способна поддерживать индивидуальные отношения с каждым пользователем. Проблемными являются и вопросы, кто несет ответственность за данные, размещенные на платформе, кто в ответе за их содержание, кто осуществляет надзор за предоставляемой информацией.

Внедрение платформ, помимо технологической, обязательно имеет организационную и нормативно-правовую составляющую. Цифровое развитие инициатив правительства традиционно начинается со стратегии. Разработка документа должна осуществляться с учетом плана развития органа/региона/муниципалитета либо с учетом потребностей в новых продуктах.

В 2017 г. была принята Стратегия развития информационного общества до 2030 г.[1], приняты федеральные программы по внедрению цифровых технологий, искусственного интеллекта и платформенных решений. Правовое регулирование до настоящего времени осуществляется путем принятия программных и концептуальных документов. Пока еще «платформенная» тема нова, а значит, подобрать ей эффективные регуляторы довольно сложно. Справедливо замечено, что большое количество ошибок в законодательстве проявляется тогда, когда технологии стремительно развиваются, а право за ними не успевает[2]. Для того чтобы появились адекватные нормативные акты, следует изучить процессы уже реализуемых платформенных решений, как отечественных, так и зарубежных, определить их проблемы и их правовые потребности, проанализировать законодательство зарубежных стран.

Принятие нормативных актов, регулирующих платформенную сферу, – это последние пять-семь лет напряженной работы законодателя, Минцифры России, администрации Президента РФ. За это время были приняты:

– Концепция создания государственной единой облачной платформы[3];

– Постановление Правительства РФ от 02.03.2022 № 279 «О государственной информационной системе «Платформа «Центр хранения электронных документов»;

---

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

[2] Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86–94.

[3] Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2019 г. № 1911-р // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 23.04.2025).

– Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 № 867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» (вместе с «Правилами функционирования единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России»);

– Постановление Правительства РФ от 28.12.2022 № 2469 «О реализации пилотного проекта по дистанционному наблюдению за состоянием здоровья пациента с использованием информационной системы (платформы) «Персональные медицинские помощники»;

– Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 231 «О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех»;

– Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 № 2386 «О государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» (вместе с «Положением о государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»).

Для данной сферы в силу ее новизны, неизученности в теории и непредсказуемости на практике характерно экспериментальное регулирование в тестовом режиме. Например, единая цифровая платформа «ГосТех» тестировалась с 2020 года. В настоящее время «ГосТех» – это облачное платформенное решение для федеральных, региональных органов власти и бизнеса с единой средой разработки, сервисными системами, маркетплейсом с возможностью переиспользования компонентов, с помощью которых можно быстро и эффективно создавать государственные информационные системы и цифровые сервисы[1].

[1] Единая цифровая платформа «ГосТех»: Облачное платформенное решение для федеральных и региональных органов власти, с помощью которого можно быстро и эффективно создавать государственные информационные системы и цифровые сервисы. // URL: https://platform.gov.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

С 1 января 2024 г. реализуется проект «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»[1]. С 1 июля 2021 г. портал «Работа в России» переименован в Единую цифровую платформу в сфере занятости и трудовых отношений[2].

Указанные и иные особенности рассматриваемой сферы предопределяют слабость ее регулирования нормами права, что обусловливает применение экспериментального регулирования. Например, в виде «регуляторных песочниц»[3], пилотного проекта и др. Платформы ставят перед правом задачи по регулированию сложных процессов, в том числе отношений владельцев ресурсов, администраторов и пользователей, финансирования платформ, обслуживания сервисов, правил присоединения, создания контента и др. При работе платформ возникают отношения, находящиеся на стыке права и информационных технологий, к тому же осложнённые вопросами экономики, и даже морали. Идет процесс создания совокупности правовых норм, которые будут регулировать прежде неизвестные обществу и государству отношения. Процесс осложняется еще и тем, что новой для юристов и не всегда понятной является терминология. Понятия сферы не только специфические, но и неустоявшиеся. Кроме того, в данной области требуется искать баланс государственного регулирования и саморегулирования частными компаниями. Характерными чертами правового регулирования платформенного взаимодействия государства и общества являются стратегические и программные правовые документы. Конечно, стратегические нормативные документы должны иметь правовую и теоретическую основу[4].

---

[1] Представляет собой федеральную государственную информационную систему (ГИС), содержащую сведения о получателях мер социальной защиты (поддержки), в том числе социальных услуг, иных социальных гарантий, выплат и пенсионного обеспечения, а также сведения о мероприятиях по реабилитации (абилитации) инвалидов, детей-инвалидов и граждан, пострадавших в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

[2] Портал «Работа России» – федеральная государственная информационная система Федеральной службы по труду и занятости. // URL: https://trudvsem.ru/ (дата обращения: 11.04.2025).

[3] Погодина И. В. «Регуляторные песочницы» в сфере электронного взаимодействия власти и общества // Юридическая техника. Ежегодник. 2024. № 19. С. 400–403.

[4] Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб: Конституционный суд РФ, 2024. С. 218.

Платформенная модель взаимоотношений в бизнес-среде позволяет организациям перенастроить взаимодействие с клиентами и поставщиками и стимулирует к изменениям с целью улучшения финансовых и операционных показателей организации. При использовании платформ изменение подхода в бизнесе также заключается в том, что в центре внимания оказываются не продукты/товары, а услуги. Интернет способствовал развитию и применению новых методов использования творческих способностей людей в группах, и появились бизнес-модели, которые меняют экономику. Успех лидеров платформ, например, Google, Amazon, eBay, Википедия, Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), X (Twitter) и др. заключается в том, что каждый из этих ресурсов по-своему научился использовать возможности своих пользователей, чтобы повысить ценность и сотворить контент.

Платформенный подход проникает в сферу взаимодействия государства и общества именно из бизнес-сферы. Цифровые технологии, в том числе платформенные сервисы, выводят сотрудничество власти и общества за пределы привычных рамок. В теории и практике появились такие понятия, как «электронное участие», «открытое правительство», «государственная платформа», «цифровые государственные услуги», «платформа госуслуг» и др. Государственные услуги стало привычно получать в электронном виде: удаленно, быстро и удобно. Это, в свою очередь, поднимает вопросы об изменении регулирования отношений между гражданами и государственными администрациями.

Заметно многообразие мнений и практических подходов относительно того, какой должна быть роль государства в этой меняющейся среде. Очевидно, что правительствам необходимо сформулировать последовательную стратегию и выстроить регулирование с учетом трансформации роли государства в создании общественных ценностей. Пока регулирование данной сферы составляет определенную проблему, и она только усугубляется с появлением новых цифровых платформ и инструментов взаимодействия.

Системы платформ открытых правительственных данных обладают большим потенциалом для содействия прозрачности, гражданской активности, экономическому росту и улучшению правительственной работы (в том числе за счет инициатив и идей граждан). Потенциал платформ (и их особенность) заключается в возможности объединить поставщиков и потребителей информации, услуг, сформировать сетевые взаимодействия. Государственные платформы должны позволить внешним участникам (в том числе и гражданам) вносить свой вклад, давая правительству возможности делать больше и лучше, разрушая правительственную обособленность, предоставляя площадку для демонстрации «общественной ценности». Встает вопрос, как спроектировать систему — платформу, в которой все результаты не определены заранее, а развиваются посредством взаимодействия между государством и его гражданами.

Преобладающая стратегия построения систем государственных платформ следует «нисходящему» подходу, при котором сначала создается платформа, а затем – экосистема вокруг нее. Это, по мнению исследователей, приводит к низкому уровню вовлеченности пользователей[1]. По такому же принципу построены и российские правительственные платформы.

Концепция «правительство как платформа» подразумевает глубокое содержание с тех пор, как этот термин-метафора был введен Т. О'Рейли. В широком смысле понятие относится к целой экосистеме общих API и компонентов, открытых стандартов и наборов данных, а также к сервисам, построенным на их основе, и процессам управления, которые обеспечивают безопасность и подотчетность всей системы. Эту метафору также можно рассматривать как средство достижения результатов, которые включают (но не обязательно ограничиваются этим) улучшение государственных услуг, меньшее количество

[1] Hein A., Engert M., Ryu S., Schaffer N., Hermes S., Krcmar H., Building open government data platform ecosystems: A dynamic development approach that engages users from the start // Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40, Is. 4. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101878 (дата обращения: 03.04.2025).

операционных действий, набор инструментов для администрации, цифровую государственную инфраструктуру[1].

При платформизации отношений ориентация государства идет на пользователя платформы. Для платформенного взаимодействия характерны: клиентоцентричность, непрерывное совершенствование процессов, улучшение клиентского опыта, снижения затрат (временных, финансовых, материальных), сбор, обработка и анализ данных, выявление мотивов поведения пользователей.

Платформенная модель взаимодействия общества и власти все еще является новой. Она и другие современные формы организации управления, и взаимодействия власти и граждан, основанные на технологиях, начинают стирать традиционные границы между государственным и частным[2], формируется «новый мир», который можно описать как полицентрическое/многоузловое/многосекторальное/многоуровневое явление, для которого, кроме всего, характерны динамизм, неопределенность и сложность. По сути, реализация платформенной парадигмы – это один из процессов синергии государства и общества. Действия правительства по созданию и популяризации платформ (государственных услуг/подачи идей/определения проблем территории и пр.) могут заметно снизить затраты на коллективные действия, включить в процессы управления изолированные группы населения, увеличить рычаги воздействия на общество, его проблемы.

Следует учитывать, что создание ресурсов (платформ) может привести к сдвигу в сторону «большей власти» либо граждан, либо государства. В идеале даже лучше, если этот «сдвиг» будет в сторону граждан. По мнению А. А. Воротникова,

---

[1] Pope R., Weiss A. The digital state. Government as a platform – who pays? Bennett Institute for Public Policy. 2021. // URL: https://www.bennettinstitute.cam.ac.uk/blog/government-platform-who-pays/ (дата обращения: 03.04.2025).

[2] Christensen T., Lægreid P. The Whole-of-Government Approach to Public Sector Reform. Public Administration Review. 2007. № 67. Pp. 1059-1066. // URL: https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2007.00797.x (дата обращения 12.04.2025); Battaglio R. P., Jr., Belardinelli P., Belle N., Cantarelli P. Behavioral Public Administration ad fontes: A Synthesis of Research on Bounded Rationality, Cognitive Biases, and Nudging in Public Organizations // Public Administration Review. 2018. № 79 (4).

общественная воля более прогрессивна, более преобразующа и исторически оправданна[1].

При реализации платформенной модели предполагается, что граждане, получив с помощью платформ информацию, государственные услуги в удобной и быстрой форме, станут далее участвовать в создании общественной ценности: оценят качество услуг, дадут обратную связь, будут и впредь обращаться к данной платформе, искать на ней информацию, решение проблемы, пользоваться ресурсом и реагировать на инициативы правительства, размещаемые на этом портале. Следует помнить, что такие ожидания могут оказаться неоправданными, а инициативы и усилия государственной администрации неэффективными по разным причинам, например, по мере появления других конкурирующих платформ.

При платформенной модели взаимодействие между властью и обществом «осложняется» технологиями. Определённое влияние оказывает деловая среда, правовое регулирование и информированность и компетентность населения. Роли технологических достижений в области связи, вычислительной техники, наряду с событиями в экономике, при построении взаимоотношений платформенной модели тоже весьма заметны. Для регулирования отношений требуется определённая нормативно-правовая база. Например, акты о регистрации бизнеса онлайн, правила работы на краудсорсинговой платформе, снабженные нормами о последствиях такой работы – например, льготами по уплате государственной пошлины активным гражданам. В то же время в таких отношениях граждане обеспокоены вопросами конфиденциальности, взлома личных кабинетов на платформах. И кибербезопасноть становится важнейшей составляющей в отношениях платформенной модели.

---

[1] Воротников А. А. Право как результат консенсуса государства и общества // Сущность права : сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / [под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина] // Саратовская государственная юридическая академия. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. С. 83.

Платформенная модель подчеркивает роль вовлечения граждан, включая участие в политическом процессе. Она частично перекликается с более ранней концепцией электронного правительства, с его упором на вовлечение граждан, консультации и информированное участие в разработке политики, что увеличивает поддержку и доверие к правительству и его работе. Однако понятие «платформа» для правительства и государства имеет особое содержание.

Исследование платформенных моделей для правительства становится актуальным вопросом. Необходимо провести анализ самого процесса – как правительство становится открытой платформой, которая позволяет гражданам внедрять инновации. Требуется изучить, как спроектировать систему, в которой все результаты не определены заранее, а вместо этого развиваются посредством взаимодействия между правительством и его гражданами. Выявить мотивы, которые стимулируют население пользоваться платформой активно и регулярно.

Таким образом, цифровые «платформы» все чаще рассматриваются в государственных службах как «ответ» на необходимость дальнейшей трансформации с использованием Интернета сервисной модели взаимодействия общества и государства. Государство как платформа – это новый подход к взаимодействию с гражданами, который предстает в виде экономической и организационной схемы оказания услуг, предоставления информации, получения обратной связи с потенциалом улучшения работы государственных органов. Платформенные экосистемы обычно представляют собой комбинацию технологических компонентов, созданных владельцем платформы вместе с широким кругом внешних участников, как организаций, так и частных лиц, которые дополняют платформу приложениями и услугами, предоставляющими решения, улучшающие и расширяющие то, что было создано исходной версией владельцем платформы.

Государственный сектор, несомненно, отличается от частного сектора и от бизнес-сферы, особенно в универсальности его услуг, необходимости обслуживать все население страны. Поэтому не все трансформации, происходящие с помощью Интернета, в том числе в сфере платформизации, наблюдаемые в области бизнеса,

могут быть адаптированы к государственному сектору. Требуются практические выводы относительно внедрения платформ в уникальной и сложной среде деятельности государства, построения взаимодействия власти и граждан.

Стимулирование обращения населения к ресурсам государства, а в дальнейшем работы граждан на платформах входит в процесс демократизации, который должен быть запрограммирован властью и идти по определённому сценарию. Созданная правительством программа и условия участия гражданского общества в работе правительства должны быть оформлены как акты государственного управления и нормы права.

Созданные платформы, в первую очередь, сосредоточены на оказании государственных услуг, поэтому следует говорить о взаимодействии государства и общества в условиях параллельного функционирования сервисного государства и платформенной концепции. Государство продолжает совершенствовать предоставление качественных государственных услуг гражданам, граждане выступают потребителями этих услуг, ожидающими эффективности и удобства. Государство обеспечивает эти ожидания, в том числе путем создания специальных ресурсов – платформ, где общество может получить информацию, услугу, дать обратную связь и оценку качества предоставляемых сервисов.

Объединение в рамках единой технологической инфраструктуры позволяет достичь преимуществ, связанных с концепцией платформы, и выполнить основные задачи решений электронного правительства, такие как, например, «единое окно». Предполагается, что ценность интегрированного платформенного решения больше, чем сумма значений отдельных услуг. Подход «правительство как платформа» обеспечивает общую среду основными функциями и инфраструктурой, посредством чего различные органы власти предоставляют взаимодополняющие услуги. Они должны заменить существующие государственные информационные системы, которые были довольно узкозадачные.

Выводы по главе:

Реформы последних двадцати лет проходят под эгидой сервисизации власти, которая обусловлена финансовыми, организационными, маркетинговыми причинами, влекущими за собой изменения стратегического видения развития государства, модели взаимоотношений власти и общества. В свою очередь, цифровизация существенно повлияла на сервисизацию государства. Цифровая трансформация в области государственного управления и государственных услуг обозначила тенденции, среди которых – ускорение сервисизации в последние годы, улучшение качества государственного обслуживания за счет цифровых технологий (большие данные, блокчейн, интернет вещей, облачные сервисы, цифровые платформы и т. д.). Внедрение цифровых технологий, программного обеспечения и цифровых платформ в рамках сервисной модели можно назвать «цифровая сервисизация».

Обширная литература, относительная зрелость темы сервисного государства, частое употребление термина не обеспечили единого подхода к определениям сферы сервисизации государственной власти и взаимоотношений общества и государства. Нет консенсуса и по поводу основных концепций, используемых учеными по сервисизации управления, взаимоотношений общества и государства. В исследовании было сосредоточено внимание на организационных изменениях, вызванных процессами цифровизации в сфере государственных услуг и построении взаимоотношений граждан и власти при реализации концепции сервисного государства.

Анализируя практику реализации данной концепции в предлагаемой модели, были выявлены тенденции: увеличение проактивности, передача государственных функций на аутсорсинг и широкое применение платформ.

Заявительный порядок взаимодействия частично переводится в беззаявительный формат. Проактивные услуги – это беззаявительные услуги, за получением которых лицу не требуется обращаться, по крайней мере, лично, государственные органы все делают самостоятельно, что позволяет еще быстрее и проще предоставлять информацию и услуги гражданам. Определим проактивные

цифровые государственные услуги как инновационные услуги, которые представляют собой основанные на упреждении потребностей лиц действия органов власти по предоставлению государственных услуг в беззаявительном формате, без необходимости запроса лица (клиента), основываясь на предположении, что такой запрос (или его необходимость) есть.

Развитие системы государственных услуг получило новый импульс после внедрения платформ в государственную сферу. Опыт бизнес-среды с некоторой трансформацией применяется в области взаимодействия государства и граждан. Этот всеобъемлющий процесс был рассмотрен с точки зрения экономики, технологий и культурологии, и был сделан вывод, что начало платформизации положили современные технологические мировые гиганты (Google, Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), Майкрософт и др.). Буквально за несколько лет термин «платформа» был популяризован и теоретизирован. При употреблении термина «платформа» применительно к взаимодействию общества и государства, к государственному управлению имеется в виду цифровая платформа. Цифровые платформы – социально-технические системы, объединяющие данные, услуги, технологии, людей для реагирования на потребности – создаются и при модели сервисного государства, и при продвижении парадигмы активного участия граждан. Понятие цифровой платформы появилось в законодательстве, где под ней предлагается понимать информационную систему, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг[1].

[1] Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации : [начало действия документа – 01.10.2026] // Собрание законодательства РФ. 04.08.2025. № 31. Ст. 4643.

В литературе время распространения платформ и повышения их значимости названо «платформенной парадигмой управления»[1]. Использование цифровых технологий, функционирующих благодаря обработке данных, завоевало многие отрасли мировой экономики, быстро приучило пользователей-граждан к применению платформ в обычной жизни, и теперь государственная сфера также пользуется достижениями цифровой платформенной революции. Поэтому даже если необоснованно решить игнорировать инновации, которые принесла цифровая экономика, развитие платформ кажется совершенно неумолимым, хотя понятно, что этот новый этап человеческого прогресса вызывает некоторые опасения. В частности, есть беспокойство о цифровой безопасности, потере данных, о миллионах «бессильных» потребителей, которые, столкнувшись с современными цифровыми решениями без какого-либо образования, навыков пользования или осведомленности, могут стать жертвами и объектами манипуляций.

Страны – мировые лидеры в деле реализации платформенной концепции взаимодействия государства с обществом – это Великобритания, Германия, Нидерланды. Эмпирический материал из практики перечисленных и иных стран, показывает, что одной из важных задач на данном этапе развития платформ в государственной сфере является аутентификация пользователя, сохранение данных, а также правовое регулирование отношений.

Сервисная модель в настоящее время уже реализуется во многом путем использования платформ, потенциально она должна перейти в платформенный тип. При взаимодействии государства и общества предполагается, что общество достаточно активно, граждане выражают свою позицию, хотя бы в виде отзывов по полученным услугам, постоянно работают на платформах, в том числе и государственных услуг, дают обратную связь государственной администрации, привыкают совместно создавать общественную ценность. Платформенная модель,

[1] См., например: Janowskia T., Estevezc E., Baguma R. Platform governance for sustainable development: Reshaping citizen administration relationships in the digital age // Government Information Quarterly. 2018. № 35. P.1-16.

вобрав в себя элементы сервисной, развивается по пути активизации общественного участия, используя современные технологии и ресурсы.

Глава 3 ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

3.1 Юридико-цифровая модель участия граждан в реализации функций государства

Актуальность первоначальной концепции сервисного государства, когда граждане просто получают публичные услуги высокого качества, не делая при этом никакого особенного вклада во взаимодействие с государством, в государственное управление и не участвуя в реализации государственных функций (не считая уплату налогов, которые идут на финансирование задач государства), а органы власти старательно удовлетворяют потребности граждан, то есть остаются бюрократами, но теперь уже становятся «отзывчивыми бюрократами», в последние годы заметно снизилась. Сама концепция трансформируется, одной из причин чего являются очевидные перемены, которые происходят в технологиях, экономике, политике и прочих сферах.

Внедряемые технологические инновации, изменение мировоззрения граждан, внешние процессы в геополитике, экономические трудности и прочие факторы, рассмотренные в первой главе настоящей работы, заставляют пересмотреть роли сторон во взаимоотношениях общества и государства, меняют стиль государственного управления, которое к тому же под воздействием современных технологий приобретает новую форму, становясь во многом электронным (в зарубежной литературе используется термин «e-governance»[1], что

[1] См., например: Troitiño D. R., Mazur V., Kerikmäe T., E-governance and integration in the European union // Internet of Things. 2024. Vol. 27. 101321. // URL: https://doi.org/10.1016/j.iot. (дата обращения: 11.01.2025); Ranerup A. The socio-material pragmatics of e-governance mobilization // Government Information Quarterly. 2012. Vol. 29. Is. 3. P. 413–423. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2012.02.012 (дата обращения: 11.01.2025). Или Сайт Council of Europe, Project “Good Governance in the Information Society” // URL : https://www.coe.int/t/dgap/democracy/activities/ggis/e-governance/ default_ EN.asp (дата обращения 11.01.2025) и др.

переводят и как «электронное управление», и как «электронное правительство», и как «электронное государство»). Содержание этой формы управления обычно истолковывают как государственное управление при помощи ИКТ, интерактивное[1], ориентированное на удобное, быстрое, дистанционное и прозрачное предоставление государственных услуг и/или большого объема информации всем желающим.

В новой реальности формируется подход к государству как к сервисной структуре, объединившей сервисы в платфторму(ы) в том числе для привлечения общества к решению задач, которые ранее государство решало само административным методом. Поскольку это, как уже указывалось, происходит на фоне растущих ожиданий общества, финансовых ограничений, а также изменения социальных, экологических и экономических условий, то правительства во всех странах мира пытаются искать новые способы взаимодействия с обществом, предоставления государственных услуг, передачи правительственной информации, которые повысили бы эффективность процессов. Как уже говорилось выше, администрация ждет от граждан ответной реакции на свою работу, причем отзывов и оценок становится недостаточно, требуется более широкое участие со стороны граждан, в том числе по выявлению проблем и предложению их решений. Идет эволюция взаимодействия граждан и государства от пассивного потребления (в ранней сервисной модели) к реагированию (в развитой сервисной модели и начальной платформенной) и далее – к развернутому сотрудничеству.

Сотрудничество предполагает, что общество оказывает поддержку государству (реакциями, отзывами, советами), государство же согласовывает с обществом свои действия, соблюдает его интересы, создает условия для комфортной жизни, а затем разделяет с гражданами ответственность за принятые и реализуемые решения, ждет от общества предложений по дальнейшему развитию. У Аристотеля в «Политике» можно прочитать рассуждение о том, что граждане государства должны участвовать в законосовещательной или судебной власти.

[1] Вершинин М. «Электронное правительство» в XXI веке. // URL: https://pr-news.su/publicat/n6_7/6-7_8.htm (дата обращения: 24.10.2025)

Изучая его наследие, Н. А. Власенко обращает особое внимание на признаки государства по Аристотелю, среди которых общение[1]. Р. А. Ромашов и Г. Т. Ромашова пишут, что при развитом [гражданском] обществе «… государство уступает часть своих полномочий … самоорганизующимся и самоуправляющимся структурам, в совокупности образующим гражданское общество»[2].

Участие граждан в делах государства стало популярным вопросом для исследований на протяжении последних десятилетий, преимущественно в «старых демократиях» Европы. Процессы глобализации, европеизации и цифровизации в сочетании с уменьшением доверия граждан к государственным институтам снова сделали концепцию участия общественности актуальной в последние годы. Имеется в виду участие граждан и в политической жизни, и в работе органов исполнительной власти, и в законотворческой деятельности. Теперь распространено мнение, что, помимо возможности проголосовать на выборах в органы власти, гражданам должно быть разрешено участвовать в принятии решений, по крайней мере, тех, которые их затрагивают[3], а затем оценивать полученные после реализации решений результаты.

Следует констатировать, что обществу не просто разрешено участвовать, а созданы все условия для этого. Однако сами граждане весьма неактивны и не используют тот инструментарий, который предлагает государство. Последнее уже определило принципы для выстраивания новой модели взаимодействия и основывает на них свою работу. Принципы, на которых базируется участие, – это

---

[1] Власенко Н. А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 484.

[2] Ромашов Р. А., Ромашова Г. Т. Современное государство: опыт теоретического моделирования // Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2024. С. 26.

[3] См., например: Burton P. Conceptual, Theoretical and Practical Issues in Measuring the Benefits of Public Participation // Evaluation. June 2009. № 15 (3). // URL: https://www.researchgate.net/publication /41168702_Conceptual_Theoretical_and_Practical_Issues_in_Measuring_the_Benefits_of_Public_Participation (дата обращения: 09.04.2025).

прозрачность[1], открытость, оперативность, доверие, восприятие граждан как партнеров. Ожидается, что инициативы открытого правительства свяжут прозрачность, основанную на технологиях, и участие граждан. Высказываются мнения, что важно передавать правительственную информацию обществу, чтобы побудить граждан к участию[2], а более широкое участие граждан в делах государства создает предпосылки для корректировки действий государственной администрации, которая получает «обратную связь» – реакцию на проводимую политику.

Уже в сервисно-платформенной модели предполагается довольно активная позиция общества и работа граждан, постоянная ответная реакция на действия государственных органов, оценка оказания публичных услуг, предложение идей и инициатив по развитию территорий и т. п. Развивая привычку и потребность участвовать в жизни общества и решении общих задач, формируя культуру участия, идет переход к следующей модели, которая основывается на активности общества, на широком взаимодействии с гражданами государства, и где, как ожидается, сохранятся многие черты предыдущих концепций построения отношений власти и общества. В новой модели взаимодействия граждане должны быть обязательно привлечены к работе по формированию политической и государственной повестки, решению проблем, выработке путей развития и пр.

Такая активность со стороны общественности именуется в зарубежной литературе терминами «совместное производство» (англ. «coproduction») или «совместное управление», которые часто употребляются как синонимы и подразумевают коллективную, совместную деятельность общества и государства. Отправную точку для употребления этих понятий и развития идеи коллективной деятельности государства и общества в наше время, вероятно, дала Э. Остром

[1] Harrison T. M., Sayogo D. S., Transparency, participation, and accountability practices in open government: A comparative study // Government Information Quarterly. 2014. Vol. 31. Is. 4. P. 513–525. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2014.08.002 (дата обращения: 09.04.2025).

[2] Porumbescu G. A., Cucciniello M., Gil-Garcia J. R., Accounting for citizens when explaining open government effectiveness // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37, Is. 2. 101451. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.101451. (дата обращения: 09.04.2025).

(E. Ostrom), когда представила свою концепцию в науке. С тех пор интерес к совместному управлению продолжает расти. Смысл концепции заключается в том, что государство и общество взаимодействуют для совместного производства общественных благ и услуг.

Итак, применяемые инструменты взаимодействия, их современная или традиционная форма обычно описываются с использованием таких терминов, как «совместное управление»/«соуправление»[1], «совместное производство»/«сопроизводство»[2], «совместное руководство» и др. Общего подхода к понятиям этой сферы пока не сложилось. Динамика отношений, их определённая «лоскутность», новизна используемых инструментов, непостоянство политической сферы – все это влияет на разные подходы к терминологии, мешает выработать единую концепцию.

По нашему мнению, более верным для российской теории и практики будет употребление термина «совместное управление». «Совместное производство» в русском языке, в юридической литературе обычно употребляется в отношении совместного предприятия (предприятия с иностранными инвестициями) либо процессов, где действительно идут совместные производственные действия в разных значениях, и поэтому данный термин менее употребим в русскоязычной литературе, чем остальные из приведенных. В иностранной же литературе (рассматривалась в основном англоязычная) «совместное производство» – это довольно привычный и широко распространенный термин, под которым понимают взаимодействие граждан и государства во многих сферах.

Концепция, именуемая «совместное производство» (в англ. «the co-production model», «co-production»), возникла еще при реализации административной или

[1] Рыбакова С. С. Особенности и проблемы участия граждан в процессе принятия решений органами государственной власти // Московский экономический журнал. 2020. № 12. С. 761–775.
[2] Сажина А. И. Указ соч. С. 3 и далее.

бюрократической парадигмы[1]. Отдельные публикации о концепции относятся к 80-м гг. XX века. Так, Г. Мэттсон (G. Mattson) одной из значимых причин возникновения и развития совместного производства называет недостаточное финансирование местных бюджетов[2]. Ч. Левайн (Ch. Levine) и Г. Фишер (G. Fisher) указывают на такие формы совместного производства, как местных дежурных, помощников учителей, школьных охранников и вспомогательных полицейских, которые дополняли и, по сути, заменяли государственный персонал в предоставлении общественных услуг в 80-е гг. на западе.[3] Следует заметить, что в нашей стране также были аналогичные формы взаимодействия общества и государства (институты народных дружинников, общественных помощников, внештатных сотрудников), некоторые из которых существуют до сих пор. Например, Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» создал правовые условия для добровольной охраны общественного порядка гражданами[4].

Современные цифровые технологии дают людям такие возможности коммуникации, которые позволяют развить совместное производство в беспрецедентном масштабе. При этом если совместное производство ранее было ограничено возможностями правительства координировать действия граждан и трудностями самоорганизации граждан, то теперь Интернет во многом решает эти проблемы. На сегодняшний день говорят о международном возрождении интереса

---

[1] Исследования совместного производства начались в США в 1980-х годах, но в 1990-е годы несколько замедлились и получили новый импульс (возобновились) в 2000-х годах. См. об этом: Brudney, J. L. Rethinking coproduction: amplifying involvement and effectiveness // Journal of Chinese Governance. 2020. № 5. P. 27. // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Rethinking-coproduction%3A-amplifying-involvement-and-Brudney/ac212345a5d5e8573ee4d1bbc0b06d13e5b67e21(дата обращения: 06.02.2025).

[2] Mattson G. A. The Promise of Citizen Coproduction: Some Persistent Issues // Political Science, Economics, Law. 1986. // URL: https://www.semanticscholar.org/paper/The-Promise-of-Citizen-Coproduction%3A-Some-Issues-Mattson/6e707f52480a57a9b5caf000d030e8699ff8b68 (дата обращения: 07.02.2025).

[3] Levine Ch. H., Fisher G. Citizenship and Service Delivery: The Promise of Coproduction // Political Science. Public Administration Review. 1984. // DOI:10.4324/9780429501036-19 Corpus ID: 204406459 (дата обращения: 08.02.2025).

[4] Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства РФ. 07.04.2014. № 14. Ст. 1536.

к совместному производству, но путаница в отношении термина и содержания идеи сохраняется.

Совместная деятельность, называемая производство, руководство или управление, является частью ряда подходов/концепций/моделей, которые предполагают вовлечение граждан, их довольно активное участие в делах государства, консультирование органов власти. Но вот кто именно участвует в совместной работе, когда она происходит, какое значение имеет при реализации сервисной или сервисно-платформенной модели взаимодействия государства и общества и что при этом производится – здесь исследователи предлагают разные решения.

Один из авторов концепции Э. Остром дает такое определение совместного производства: это процесс, посредством которого вклады людей, не входящих в одну и ту же организацию, преобразуются в товары и услуги[1]. То есть она, как сторонник теории общественного выбора, делает упор на услуги при определении исследуемого нами термина и рассматривает политическую сферу по аналогии с товарным рынком. Однако при таком понимании демонстрируется все же довольно широкий подход к термину. Ряд авторов поддерживает мнение Э. Остром относительно понятия совместного производства[2] и деятельность любого негосударственного субъекта, который принял участие в реализации функций государства, называет сопроизводством.

Есть, однако, и те, кто стоит на точке зрения узкого понимания словосочетания «совместное производство» – только как деятельности в сфере

[1] Ostrom E., Crossing the great divide: Coproduction, synergy, and development // World Development. 1996. Vol. 24. Is. 6. P. 1073–1087. ISSN 0305-750X. // URL: https://doi.org/10.1016/0305-750X(96)00023-X. (дата обращения: 06.02.2025).

[2] Voorberg W. Co-Creation and Co-Production as a Strategy for Public Service Innovation: A study to their appropriateness in a public sector context. Layout and printed by: Optima Grafische Communicatie, Rotterdam, the Netherlands. 2017. // URL: https://repub.eur.nl/pub/102915/w.voorberg.pdf (дата обращения: 29.07.2025).

государственных услуг[1]. Причем такой подход к сопроизводству довольно распространен. Суть его заключается в следующем: граждане рассматриваются как пассивные получатели услуг, «потребители», а органы власти имеют активную роль – предоставляют публичные услуги[2]. От граждан ожидается преимущественно обратная связь в виде оценки услуг и процессов, реализуемых властью. Основная идея такого подхода к совместному производству – в том, что люди лучше могут определить, что изменить в процессах оказания услуг, какие нововведения им нужны, а что остается невостребованным, «посоветовать» властным органам, какое решение принять. Все это помогает улучшить качество услуг и в то же время сохранить личностную ориентацию процесса. При таком подходе совместное производство – это способ взаимодействия публичной администрации и граждан, пользующихся государственными услугами, подразумевающий добровольные усилия отдельных лиц или их групп, когда они привлекаются для проектирования, разработки публичных услуг, их оценки, по повышению качества и/или количества.

Реализация парадигмы совместной деятельности, которой можно именовать и производство, и руководство, и управление, предполагает, что общество включается в работу по реализации функций государства значительно больше, чем при модели сервисного государства. Начиная со сферы оказания государственных услуг, где требуется оценка работы государственных органов, мнения по качеству и необходимости услуг, граждане и власть взаимодействуют, определяют проблемы, обсуждают пути их решения, делятся информацией. При модели совместной деятельности общество начинает разделять ответственность с

---

[1] Parks R. B., Baker P. C., Kiser L., Oakerson R., Ostrom E., Ostrom V., Wilson R. Consumers as coproducers of public services: Some economic and institutional considerations // Policy Studies Journal. 1981. № 9 (7). 1001–1011. Приводится по: Voorberg W. Co-Creation and Co-Production as a Strategy for Public Service Innovation: A study to their appropriateness in a public sector context. Layout and printed by: Optima Grafische Communicatie, Rotterdam, the Netherlands. 2017. // URL: https://repub.eur.nl/pub/102915/w.voorberg.pdf (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Hartley, J. Innovation in governance and public services: Past and present // Public Money & Management. 2005. № 7 (1). P. 27–34. // URL: https://www.researchgate.net/publication/4779518_Innovation_in_Governance_and_Public_Services_Past_and_Present (дата обращения: 06.02.2025).

государством за реализуемую политику, вкладывать в решение общих задач свои знания, навыки и опыт.

Ограничивать совместную работу общества и власти только сферой услуг в настоящее время уже неактуально. Требуется куда более активное и широкое привлечение граждан к решению общих задач. Надо заметить, что роль гражданина меняется и приобретает новое наполнение: помимо оценки качества услуг, он должен развивать компетенции, способствующие предоставлению услуг[1], вырабатывать новые идеи, определять сферы, которые требуют решения проблем, предлагать эти решения и пр. Обозначить широкое участие общества в делах государства представляется уместным другим термином.

Учитывая сказанное выше («неудачность» термина «совместное производство» для русского языка, так как есть определения «совместное предприятие»/«совместное производство», а также распространившийся в литературе подход связывать этот термин, в основном, со сферой оказания государственных услуг), для российской практики представляется более удобным называть сотрудничество между государственной администрацией и обществом в разных формах по поводу решения общественных задач и проблем, выработки решений, оценки качества проводимых мероприятий и реализуемых услуг «совместным управлением» или «совместной деятельностью». Можно использовать также синоним слова «управление» – «администрирование».

Для завершения диспута по поводу употребления в русском языке слов «управление», «руководство», «администрирование» в настоящей работе предлагается понятие «совместное управление». Совместное управление – более широкое понятие, чем совместное производство, и шире, чем даже то, что

[1] Sharp, E. B. Toward a New Understanding of Urban Services and Citizen Participation: The Coproduction Concept // Midwest Review of Public Administration. 1980. № 14 (2). P. 105–118. // URL : https://doi.org/10.1177/027507408001400203 (дата обращения: 11.04.2025).

Ш. Арнштейн (Sh. Arnstein) называла «гражданской властью»[1]. Представляется, что под термином можно понимать совместную деятельность общества и государства по выработке публично-значимых решений за счет вовлечения граждан в государственное управление, в том числе с возможностью самостоятельно и творчески создавать солидарные общественные ценности, призванные удовлетворять социальные потребности, формирующую оптимальные взаимоотношения органов власти и общества. Этим термином также следует именовать новый принцип взаимодействия власти и общества в процессе государственного управления, а также новую модель взаимоотношений органов власти и граждан.

Характеристиками модели «совместного управления» (на основе анализа научных источников[2] и практики) будут:

– вовлечение членов гражданского общества (граждане, их объединения, рабочие коллективы, общественные организации и пр.) в активную работу по выработке, принятию решений и оценке их реализации;

– партнерские отношения между властью и обществом;

– инициатива (ведущая роль) не всегда у властного субъекта;

– участие в принятии публично-значимых решений непосредственно, а не в виде оценки качества оказанных услуг;

– принятие решений консенсусом;

---

[1] Voorberg W. Co-Creation and Co-Production as a Strategy for Public Service Innovation: A study to their appropriateness in a public sector context. Layout and printed by: Optima Grafische Communicatie, Rotterdam, the Netherlands. 2017. // URL : https://pdfs.semanticscholar.org/9d33/f2d7f05f8e86eedfada4c4156503eba43bfc.pdf?_ga=2.64306671.1370810909.1595088624-1050787729.1595088624 (дата обращения: 29.07.2025).

[2] См., например: Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // Journal of Public Administration Research and Theory, 2008. Vol. 18. № 4. P. 543-571; Voorberg W. Co-Creation and Co-Production as a Strategy for Public Service Innovation: A study to their appropriateness in a public sector context. Layout and printed by: Optima Grafische Communicatie, Rotterdam, the Netherlands. 2017. // URL: https://pdfs.semanticscholar.org/9d33/f2d7f05f8e86eedfada4c4156503eba43bfc.pdf?_ga=2.64306671.1370810909.1595088624-1050787729.1595088624 (дата обращения: 29.07.2025).

– совместная деятельность граждан и власти охватывает разные сферы, не исчерпываясь сферой предоставления государственных услуг;

– совместная работа общества и государства: сотрудничество, сотворчество;

– активность со стороны общества – участие.

В настоящее время происходят существенные изменения совместного управления: наблюдается его возрождение, при котором граждане выполняют роль партнера, а не клиента, оно приобретает особое наполнение в эпоху социальных сетей и интерактивности. Первоначально это было особенно заметно в сфере государственных услуг, но довольно быстро взаимодействие было расширено и теперь охватывает разные сферы функционирования государства.

Участие граждан обладает (или должно обладать) следующими свойствами: добровольность, коллективность, целеустремленность, преобразующая природа, активность, регулярность. Участие граждан можно поощрять, поддерживать, стимулировать, делать более привлекательным, но, по сути, это свободный выбор граждан, который должен быть сделан без принуждения. Люди вовлекаются в участие, потому что хотят этого, желают получить определенный результат таких действий. Связанность подразумевает, что участие лица, даже если и носит индивидуальный характер, является частью чего-то. Например, в случае подписания онлайн-обращения, действия граждан объединены общей целью – добиться решения проблемы, быть услышанными по конкретному вопросу, а сам акт подачи петиции имеет коллективное влияние. Все действия по участию имеют цель, значение для отдельного участника и для сообщества, они помогают изменить мир вокруг. Активная гражданская позиция, которая выражается в участии граждан, имеет преобразующее воздействие, как на самого участника, так и на общество в целом. Это выражается в пропаганде точки зрения, повышении осведомленности о проблемах, изменении законодательства, содействии благотворительным проектам, снижении воздействия на окружающую среду и др. Участие – это всегда действие. Оно может быть ограничено по времени и масштабу, но любое участие требует активности. Даже относительно пассивная форма участия, такая, как указана выше, – подписание онлайн-петиции, подразумевает

выражение мнения и применения определённых усилий. Участие граждан в управлении делами государства исследователи рассматривают как форму правомерного поведения[1].

Тотальная цифровизация неизбежно влияет и на новую философию взаимодействия общества и государства. Ожидается, что использование технологий сделает возможным более активное участие граждан, расширит вовлечение общества в реализацию функций государства. Участие в удаленном формате, через сайты, приложения, социальные сети, мессенджеры (чаты и чатботы) облегчит гражданам взаимодействие с государством, удешевит и упростит процедуры участия. Такое общение и взаимодействие назовем «электронное участие» (е-участие), относя этот термин к процессу взаимодействия с гражданами посредством ИКТ, в выработке политики, принятии решений, а также в разработке и предоставлении услуг, чтобы сделать эти процессы совместными, инклюзивными и совещательными[2].

Страны, которые лидируют, по данным ООН, в области е-участия, реализуют различные инициативы и начали нормативное регулирование этих процессов: как минимум, приняты программные документы. Так, в Дании последовательно реализовывались стратегии в области цифровизации (например, Стратегия на 2016-2020 гг.[3], в настоящее время действует цифровая стратегия на 2022-2025 годы[4]), в Австралии был принят Австралийский стандарт цифровых услуг[5], в Бразилии

---

[1] Титова Е. В. Правомерное поведение в российском конституционном праве: дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Титова Елена Викторовна. Челябинск, 2021. С. 217.

[2] Исследование ООН: электронное правительство 2018 применение электронного правительства для формирования устойчивого и гибкого общества. // URL: https://publicadministration.un.org /egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/ EGovernment% 20Survey%202018_Russian.pdf. С. 141. (дата обращения: 03.04.2025).

[3] A stronger and more secure digital Denmark. Digital Strategy 2016-2020. // URL: https://digst.dk/media/1klnop14/ds_singlepage_uk_web.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

[4] Danish Agency for Digital Government. The current Joint Government Digital Strategy runs from 2022 until 2025. // URL: https://en.digst.dk › strategy (дата обращения: 11.01.2025).

[5] Сайт правительства Австралии. Страница «Digital Service Standard». // URL: https://www.digital.gov.au/policy/digital-experience/digital-service-standard (дата обращения: 11.01.2025).

утверждена и реализуется цифровая стратегия трансформации E-Digital[1] и т. д., сообразно с программными документами принимаются необходимые нормативные акты.

В России также началось нормативное оформление совместного е-управления. Практика нашей страны не отличается от практики стран мира – стратегические документы обозначали программы развития информационного общества, где косвенно говорилось и об е-участии граждан в различных процессах. В 2021 году процесс принятия региональных стратегий цифровой трансформации, в том числе и сферы государственного управления, был завершен под руководством Минцифры, которое предложило типовую форму такой стратегии для субъекта федерации[2]. Ревизия данных документов запланирована на 2030 г.

Однако наступает время регулирования нормами права, причем нормами уровня законов, и такая работа начата. Так, летом 2025 года был принят Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3]. В декабре 2024 года внесены изменения в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[4], где в первой статье в определении обращения уточнили возможность обратиться в форме электронного документа с помощью не только портала государственных услуг (что, кстати, было предусмотрено довольно давно),

[1] Brazilian Digital Transformation Strategy (E-Digital) 2022-2026 Cycl. // URL: https://www.gov.br/mcti/pt-br/acompanhe-o-mcti/transformacaodigital/arquivosestrategiadigital/digitalstrategy_2022-2026.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

[2] Цифровизация субъектов российской федерации. Официальный сайт Минцифры. // URL: https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/czifrovizacziya-subektov-rossijskoj-federaczii/regionalnye-strategii-czifrovoj-transformaczii (дата обращения: 11.01.2025).

[3] Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.06.2025. № 26 (часть I). Ст. 3486.

[4] Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060; 2010. № 31. Ст. 4196; 2017, № 49. Ст. 7327; 2023. № 32. Ст. 6212.

но и иной информационной системы или сайта органа власти, главное условие – чтобы была обеспечена идентификация и (или) аутентификация лица[1].

Что же касается правового регулирования совместного управления в целом, то его уместно пока называть стихийным – принятые в разные годы разрозненные акты как будто и связаны общей идеей, но это не всегда очевидно. К таким актам отнесем: Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»[2], Федеральный закон от 6 мая 2011 г. № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране»[3], Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»[4] и др. Акты регионального и местного законодательства также регулируют вопросы электронного взаимодействия, однако их нормы, содержание, как и сами возможности для взаимодействия в отельных субъектах РФ, реализуемые проекты, различаются. Например, в г. Москве принято Постановление Правительства Москвы от 27 февраля 2018 г. № 117-ПП «О проекте «Активный гражданин»[5], в Татарстане Портал «Официальный Татарстан» работает на основании Положения «О государственной информационной системе Республики Татарстан «Официальный портал Республики Татарстан»[6].

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2024 № 547-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494840/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100010 (дата обращения: 22.11.2025).

[2] Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства РФ. 07.04.2014. № 14. Ст. 1536.

[3] Федеральным законом от 06.05.2011 № 100-ФЗ О добровольной пожарной охране» // Собрание законодательства РФ. 09.05.2011. № 19. Ст. 2717.

[4] Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.

[5] Постановление правительства г. Москвы от 27.02.2018 № 117-ПП «О проекте «Активный гражданин» // URL: https://www.mos.ru/authority/documents/doc/38285220/ (дата обращения: 22.11.2025).

[6] Указ Президента Республики Татарстан от 27.05.2011 № УП-295 «Об утверждении Положение «О государственной информационной системе Республики Татарстан. // URL: https://tatarstan.ru/file/pub/pub_95630.pdf (дата обращения: 22.11.2025).

Следует заметить, что во всех странах требуется обширная работа над методами и техниками вовлечения общественности в электронное участие, поскольку граждане остаются неактивны. Небольшой процент участия дает нерепрезентативные результаты.

Важно и то, как государственные чиновники реагируют на участие граждан, что часто можно назвать негативной реакцией. Им требуется представлять доказательства использования информации от граждан, принятия мер по обращениям, создания улучшений в результате использования ресурсов участия. Это создает определённое напряжение в работе служащих, требует дополнительных усилий.

Определим модель взаимодействия общества и государства «модель участия» как организацию взаимоотношений с широким совместным управлением, что предполагает активное включение негосударственных субъектов в процессы управления (или принятия решений), непосредственное участие в этих процессах, принятие решений консенсусом, стимулирование самостоятельности в принятии решений и ответственности за свои действия.

Участие общества в принятии государственных решений и их реализации, в выражении своего мнения исторически традиционно. Менялись лишь степень разрешенного участия, формы и инструменты участия. В современном мире фактическое (физическое) взаимодействие дополнено электронным форматом участия. Формы для обратной связи на сайтах государственных органов, электронные обращения, специально созданные цифровые платформы участия, приложения для телефонов, варианты реакций на страницах в социальных сетях – все это стремительно и довольно заметно поменяло инструментарий участия, сделало его дистанционным, более доступным, простым, быстрым. Но и в прежние времена, и в современном цифровизованном мире общественное участие представляет собой обязательную необходимость для существования демократического режима.

Теперь у граждан значительно больше способов участия в государственном управлении и проявления гражданской активности: начиная от традиционных,

используемых десятилетиями и даже веками (участие в выборах, референдумах, сходах, собраниях, общественных слушаниях, подача петиций, обращений и пр.), заканчивая теми, которые появились в связи с развитием технологий (выражение мнения и голосование на порталах госуслуг и сайтах государственных органов, подача информации, комментариев и реакций в приложениях, в социальных сетях и пр.).

Новые инструменты взаимодействия общества и государства в цифровой форме еще не получили подробного правового регулирования, они находятся в стадии апробации. Однако они уже внесли существенные корректировки во взаимоотношения общества и государства, меняют подход к государственному управлению и методам деятельности публичных институтов. Согласимся с Е. Ю. Киреевой, что современные тенденции заключаются в увеличении процента вовлеченности граждан в процессы принятия решений, в стремлении получить обратную связь и в повышении открытости деятельности органов власти[1]. Преобразования нуждаются в теоретическом анализе, обосновании, мониторинге, статистических изучениях, рефлексии уже используемых практик и экспериментальном внедрении новых идей.

Некоторую часть материала (опыта и идей) дает сфера бизнеса. Как уже указывалось выше, в государственном управлении интенсивно стали применяться приемы из бизнес-практики. Особенно активно идеи частного сектора внедряются в сферу государственного управления в странах с переходной экономикой[2]. Несмотря на популярность заимствования бизнес-опыта, высказываются мнения, с которыми, как показывает практика, следует согласиться: правительство не должно чрезмерно полагаться на литературу (и опыт) по частному сектору – у

[1] Киреева Е. Ю. Цифровая демократия: мифы и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 29–32.

[2] Batley R., Larbi G. A. The Changing Role of Government : The Reform of Public Services in Developing Countries // Publisher Name Palgrave Macmillan. London, 2004. // URL: https://pure-oai.bham.ac.uk/ws/portalfiles/portal/3773722/Chapter6_wwpp.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

государственного управления особые контексты и цели[1]. Копирование и внедрение бизнес-технологий в сферу взаимоотношений государства и общества, государственного управления требует анализа и аккуратности.

Учет мнения общества, оценка работы властных структур, выявление проблем, получение иной обратной связи сегодня осуществляются через социальные сети, порталы государственной информации и оказания услуг, специально созданные ресурсы и приложения, предполагается использовать и национальный мессенджер. И следует говорить уже не просто об участии в деятельности государства или в управлении, а об электронном участии как превалирующем виде взаимодействия в этой сфере.

Взаимодействие граждан и государства в современном мире – это участие граждан в реализации функций государства, в делах общества, обмен информацией, мнениями, идеями, оценками между людьми и органами власти. В результате такой деятельности общество в целом и граждане в частности совместно создают общественную ценность, а еще получают убеждение в собственной «частной ценности»[2]: создается впечатление о своей значимости, гражданин получает удовлетворение, понимает, что он решает отдельные проблемы, в том числе относящиеся лично к нему. А. И. Сажина справедливо указывает на то, что вовлечение жителей в организацию и проведение региональных событий является важным условием для повышения привлекательности территорий, формирует сопричастность граждан этому региону и его власти и способствует повышению ценности территории в глазах общественности, уверенности в правильно сделанном выборе места жительства[3].

---

[1] Hartley, J. Innovation in governance and public services: Past and present // Public Money & Management. 2005. № 7 (1). P. 27–34. // URL: https://www.researchgate.net/publication/ 4779518_ Innovation_in_Governance_and_Public_Services_Past_and_Present (дата обращения: 06.02.2025).

[2] Ju J., Liu L., Feng Y., Public and private value in citizen participation in E-governance: Evidence from a government-sponsored green commuting platform // Government Information Quarterly. Vol. 36, Is. 4. October 2019. 101400. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.101400. (дата обращения: 06.02.2025).

[3] Сажина А. И. Совершенствование инструментов маркетинга территорий на основе вовлечения жителей в сопроизводство масштабных событий: автореф. дис. … канд. эконом. наук. Екатеринбург, 2022. С. 4.

Однако новые инициативы по участию граждан в решении государственных задач не лишены противоречий. Еще в 80-х гг. XX в. концепция совместного производства критиковалась за то, что она несколько лицемерна, не отражает реально «оживление гражданского общества» и даже была названа «высшим оправданием плохого правительства»[1]. Это частное мнение отдельных исследователей, которое не подкреплено системными данными и глубоким анализом. Возможно, такая позиция связана с тем, что правительство зачастую берет на себя чрезмерно активную роль в организации граждан, стремясь расширить взаимодействие, интенсифицировать участие общества в решении общих задач. В результате таких действий со стороны государства можно предположить, что оно, принимая на себя инициативы по активизации граждан, будет способствовать созданию гражданского общества, которое мало имеет общего со спонтанным гражданским обществом, сложившимся естественно. Поэтому в данной сфере государство должно найти баланс между поощрением и сдерживанием, не брать на себя чрезмерно активную роль в стимулировании взаимодействия.

При этом следует учитывать, что новые инициативы по вовлечению граждан во взаимодействие часто начинаются в виде экспериментов с использованием ИКТ. Они дают эмпирическую основу для политиков и практиков, однако требуется еще и аналитическая основа для осмысления и оценки введенных инициатив от академического сообщества. Феномены совместного производства и совместного управления, тем более при помощи ИКТ, систематически до сих пор не изучались.

Итак, совместное производство и/или совместное управление в настоящее время являются основами реформы государственной политики во всем мире. Более того, они стали принципами планирования и реализации эффективных государственных услуг, государственного управления и путем к активной гражданственности и активным сообществам. Совместное производство обычно

[1] Brudney, J. L., England, R. E. Toward a Definition of the Coproduction Concept // Public Administration Review. 43(1). P. 59–65. // URL: https://doi.org/10.2307/975300; https://www.jstor.org/stable/975300 (дата обращения: 12.02.2025).

связано с услугами, которые получают граждане. Совместное управление – более широкое понятие и не ограничивается только лишь сферой услуг. Возможность участия граждан и их объединений в определении политики, принятии решений, выражении мнения является ключевым фактором, определяющим вклад общества в развитие страны, характеризует политико-правовой и государственный режимы. При участии в делах государства граждане, по сути, участвуют в реализации его функций, становятся сопричастными происходящим событиям, проводимым в жизнь решениям. Формируется позитивное общественное мнение об органах власти, о государстве в целом, у населения создается убеждение, что оно может влиять на принимаемые решения, мнение граждан будет услышано. Все это повышает доверие к власти, способствует гармонизации отношений общества и государства, налаживает благоприятный климат в стране. Эта возможность общества заявить свое мнение предполагает переход от формулы «со стороны предложения» на формулу «со стороны спроса», помогая гражданам, их сообществам формулировать свои проблемы и участвовать в процессах развития государства. Такая деятельность проходит в настоящее время стадию апробации, которая должна завершиться принятием норм права, регулирующих электронное взаимодействие, – юридико-цифровым регулированием.

3.2 Мировой опыт юридико-цифрового регулирования участия граждан в реализации функций государства

Возрождение интереса к активизации участия граждан в делах государства, создание условий для такой деятельности наблюдаются практически во всех странах мира. Выражается это в том, что государства создают инструменты участия, предоставляют гражданам новые возможности для выражения мнения, подачи идей, опосредованные ИКТ, которых прежде никогда не было. При этом государство кажется более заинтересованным в привлечении общества, чем само общество желает участвовать. Отношения между государством и обществом во многих странах мира являются уникальными с точки зрения истории,

любопытными для изучения опыта, анализа особенностей участия граждан в решении социальных задач и управлении государством.

Новые явления – результат сочетания изменений в преобладающих парадигмах взаимодействия, которые к тому же еще и сменяют друг друга довольно быстро. Ряд переплетающихся и иногда противоречащих друг другу тенденций формируют очередной новый тип отношений между государством и обществом, при этом изменения происходят слишком интенсивно. Например, еще в 2004 г. построение e-government для некоторых стран заключалось в создании электронной почты сотрудников и организации внутреннего взаимодействия между отделами в электронном виде[1]. Но спустя двадцать лет, в 2024 г., – это совсем другая картина: порталы информации, объединенные в платформы, взаимодействие в социальных сетях, через формы обратной связи, через приложения и редко – по электронной почте, цифровые и частично проактивные государственные услуги.

Граждане повсеместно участвуют в предоставлении услуг, давая обратную связь и важную информацию об этих услугах и государственных процессах. Современные технологии с онлайн-платформами, приложениями создали условия для цифровой прозрачности, содержат ориентированные на граждан правительственные данные. Пользователи могут получать индивидуализированную информацию, общую информацию, отслеживая в реальном времени обновления своих запросов на обслуживание и запросов других, а также отправляя комментарии и вопросы. Посетители онлайн-платформ одновременно являются и зрителями, и потребителями, и создателями открытых данных, поскольку они вносят вклад в предоставление услуг, дают информацию для сотрудничества, ставят оценки, предлагают идеи к реализации в стране и в своем регионе.

Зарубежных проектов внедрения новых инструментов для взаимодействия с гражданами (в том числе краудсорсингового типа), которые дали хороший эффект,

[1] Revolutionary e-government Strategies across Asia-Pacific. // URL: https://www.unapcict.org/sites /default/files/2019-01/E-Government-Strategies-Asia-Pacific.PDF (дата обращения: 14.02.2025).

довольно много. Приведем несколько примеров из опыта тех стран, которые считаются лидерами модели участия и пионерами этой сферы:

– концепция «открытое правительство» США с ее направленностью не только на прозрачность, но также на расширение участия граждан и сотрудничество с обществом[1];

– проект Соединенного королевства «Большое общество», где превалирует идея делегировать больше власти и полномочий обществу, предоставлять необходимую информацию для такой работы и решений проблем[2];

– «творческая» стратегия электронного правительства «Правительство с вами» в Сингапуре, когда государство совместно «творит» (co-create) с гражданами, в том числе при помощи платформы краудсорсинговых технологий CrowdTaskSG[3].

Положительные и масштабные примеры использования технологических инструментов электронной демократии в виде отдельных платформ есть во многих странах: например, в Бразилии[4], в Индии[5] и др.

Конечно, опыт США интересен в первую очередь, поскольку, по оценке ООН, на 2002 г. они уже имели самое развитое е-правительство в мире[6]. Тогда, в 2002 г., были приняты законодательные, организационные, процедурные

---

[1] Linders D., Wilson S. What is open government? One year after the directive. // ACM International Conference Proceeding Series. 2011. P. 262–271. // URL: https://www.academia.edu/4503913/What_is_open_government_one_year_after_the_directive (дата обращения: 25.08.2025); См. об этом: Минервин И. Г. Эволюция электронного правительства в США // Экономичес.кие и социальные проблемы России. 2015. № 2. С. 48–75.

[2] Building the Big Society. Информация с сайта правительства Великобритании. // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a797771ed915d07d35b5be9/building-big-society_0.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

[3] Сайты и платформы Сингапура, связанные с участием граждан: Цифровые государственные услуги описаны на https://www.smartnation.gov.sg/; цифровая трансформация правительства описывается на https://www.tech.gov.sg/products-and-services/crowdtasksg/ Краудсорсинговый веб-портал Сингапура: https://www.crowdtask.gov.sg/ // URL: https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/dgb-public-document_30dec20.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

[4] Сайт e-Democracia Câmara dos Deputados (Палаты представителей электронной демократии). // URL : https://edemocracia.camara.leg.br/ (дата обращения: 29.01.2025).

[5] Платформа Правительства Индии MyGov. // URL: https://www.mygov.in/ (дата обращения: 29.01.2025).

[6] Баркин А., Дрожжинов В., Травкин Ю. США вводят электронное правительство в рамки закона. // URL: https://www.hse.ru/news/1163613/1100497.html (дата обращения: 29.01.2025).

изменения для достижения поставленных государством целей открытости, расширения взаимодействия с обществом и вовлечения граждан. Закон об электронном правительстве 2002 г.[1] предусмотрел создание специальных органов – Управления электронного правительства и Главного информационного совета, которые должны действовать в области электронных технологий, в том числе по вопросам взаимодействия с обществом. Для финансирования проектов потребовался Фонд электронного правительства, призванный облегчить общественный доступ к информации, улучшить государственные услуги и транзакции, а также осуществлять координацию и планировать проекты в области информационных технологий. В США приняты и Законы об обеспечении защиты информации[2], что характерно для всех стран, расширяющих цифровое взаимодействие с обществом[3].

Развитие е-правительства и е-участия в США шло поступательно и не сильно отличается от российского опыта, разве что более ранней реализацией инициатив. Веб-контент правительственных сайтов был сделан удобным для мобильных устройств, далее, чтобы помочь пользователям находить контент на сайтах Госдепартамента, был развернут поиск (Digitalgov Search), появилась опция «Свяжитесь с нами», показываются ответы на часто задаваемые вопросы. В целях привлечения аудитории дизайн сайта state.gov в 2009-2017 гг. заметно менялся. Был обеспечен быстрый доступ к социальным сетям, внедрили карту Google, и теперь в

[1] H.R.2458 – E-Government Act of 2002 / Закон США об электронном правительстве 2002 года. // URL: https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/2458 (дата обращения: 29.01.2025).

[2] См. например: S.2521 – Federal Information Security Modernization Act of 2014 (FISMA) / Федеральный закон США о модернизации информационной безопасности 2014 года. Закон № 113-283 (18.12.2014). // URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2521 (дата обращения: 20.04.2025).

[3] В США нет единого закона о защите информации, но действует секторное законодательство для разных типов данных (медицинских – HIPAA, финансовых – GLBA, образовательных – FERPA, детских – COPPA), а также федеральные законы для управления безопасностью IT-систем (FISMA). Штаты принимают свои законы о конфиденциальности информации, потребителей.

реальном времени можно отследить события правительства, перемещения госсекретаря и др.[1]

Еще в 1979 г. в США было проанализировано участие граждан в делах государства: граждане штатов имели разные возможности участвовать в работе американского правительства: голосование оставалось фундаментальной формой участия граждан, основой демократии, граждане являлись членами групп и комитетов, могли обращаться в государственные органы, получали и отправляли информацию, посещали слушания, отвечали на опросы, могли звонить на «горячие линии»[2]. В начале 80 х гг. они так же, как и сейчас, участвовали в принятии решений, таких, например, как закрытие школ, строительство новых дорог, помогали разрабатывать бюджеты, нормативные акты, добровольно предлагали свои услуги государству. С 1972 года Национальная программа «Соседский дозор» (входящая в состав Национальной ассоциации шерифов) объединяет правоохранительные органы, частные организации и отдельных граждан в общенациональной инициативе по снижению уровня преступности и улучшению жизни местных сообществ[3].

Университетом штата Аризона были проведены исследования[4] участия граждан и выяснено, что отдельные граждане чаще всего участвуют в принятии государственных решений, в то время как некоммерческие организации сферы социальных услуг участвуют реже; при этом чем выше уровень образования, доходов населения, тем более высокий уровень участия граждан в принятии правительственных решений можно ожидать от них. Интересно, что А. П. Косицын еще в 1970 году указывал на необходимость высокого достатка как на условие для

---

[1] Архивированный контент веб сайта State.gov // URL: https://2009-2017.state.gov/r/pa/wm/egov/index.htm (дата обращения: 15.02.2025).

[2] Краткий отчет выводов Комиссии и Рекомендации из отчета ACIR «Участие граждан в американской федеральной системе», принятого Консультативным советом Комиссии по межправительственным отношениям 23 марта 1979 г. // URL: https://library.unt.edu/gpo/ACIR/Reports/brief/B-3.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

[3] National Neighborhood Watch.A Division of the National Sheriffs' Association. // URL: https://nnw.org/ (дата обращения: 15.02.2025).

[4] Zhang F. Citizen participation in U.S. local governments. Опубликовано в 2022 году. // URL: https://csteps.asu.edu/sites/default/files/policymemo_citizenparticipation.pdf (дата обращения 15.02.2025).

участия граждан, которые будучи освобождёнными от бытовых забот смогут принять общественную нагрузку и выполнить ее, и такая деятельность постепенно станет внутренней потребностью[1].

В отчете университета Аризоны, также было замечено, что чем больше население города, тем шире участие в городском самоуправлении. Вероятно, это связано с тем, что крупные города имеют больше финансовых возможностей, ресурсов, а значит, и более высокий потенциал для реализации участия граждан, тогда как власти небольших городов могут быть ограничены в этом. В этом же отчете указывается, что важны правила и положения, регулирующие участие граждан. Если штат имеет закон или приняты местные постановления, которые требуют вклада общественности в принятие решений, то такие территории имеют более высокий уровень участия граждан, т. е. правовые нормы помогают увеличить участие граждан. Городские власти, которые реагируют на обращения сообщества, отчитываются о проделанной работе, получают в ответ более высокий уровень участия населения территории. Это говорит о том, что если правительства ценят участие и вклад со стороны своего сообщества, то граждане с большей вероятностью приложат усилия и ресурсы для взаимодействия с властью.

В 2020 г. в Конгресс был внесен законопроект об участии граждан[2], который затем был принят. В нем, в частности, говорится о том, что сообщения, информация, мнения, отчеты, показания, утверждения и аргументы, которые отдельные лица, организации и предприятия предоставляют правительству, необходимы для принятия мудрых правительственных решений и государственной политики, общественного здравоохранения, безопасности и благосостояния, эффективного обеспечения правопорядка, функционирования правительственных программ, повышают авторитет и доверие, оказываемые правительству, а также служат на благо представительной демократии Америки. Участие отдельных лиц, коллективных субъектов в вопросах, вызывающих общественный интерес, и

[1] Косицын А. П. Указ. соч. С. 401.
[2] H.R.7771 – Citizen Participation Act of 2020 116th Congress (2019-2020) BILLHide Overview. // URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7771/text (дата обращения: 15.02.2025).

предоставление информации государственным организациям и другим гражданам по общественным вопросам, которые их затрагивают, отвечают общественным интересам и не должны вызывать репрессий и злоупотреблений в судебном процессе. Лица, обращающиеся к правительству и участвующие в делах общества и государства, получают иммунитет (должны быть защищены от гражданской ответственности)[1].

Перед администрациями штатов стоит задача составлять план участия граждан в делах штата, где излагаются процедуры участия граждан, предусматривается поощрение участия граждан. Причем специально указано, что государство должно предпринимать соответствующие действия для поощрения участия всех своих жителей, включая меньшинства и лиц, не говорящих по-английски, а также лиц с ограниченными возможностями. Властям штата рекомендовано изучить альтернативные методы вовлечения общественности, которые способствуют выработке общего видения изменений в обществе и анализу эффективности программы.

В США правительство каждого штата использует порталы электронного здравоохранения для передачи населению больших объемов информации с подробным описанием важных тенденций в области здравоохранения в своих сообществах[2]. Например, портал здравоохранения штата Нью-Джерси предоставляет «Информационную панель опиоидных данных», на которой визуализируются данные о смертности от передозировки наркотиков по годам, тогда как портал здравоохранения штата Флорида предоставляет интерактивную карту, показывающую пользователям количество беременных женщин, инфицированных вирусом Зика, за определенный период. Ожидается, что

[1] H.R.7771 – Citizen Participation Act of 2020 116th Congress (2019-2020). // URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7771/text (дата обращения: 14.02.2025).
[2] Martin, E.G., Helbig, N., Birkhead, G.S. Opening health data: What do researchers want? Early experiences with New York's open health data platform (Article) // Journal of Public Health Management and Practice. September 2015. Vol. 21, Is. 5. P. E1-E7.

ознакомление с этой информацией повысит осведомленность о рисках для здоровья и спровоцирует поведение, направленное на смягчение таких рисков[1].

Как и во всем мире, наибольший эффект участие граждан имеет на местном уровне. Рассмотрим отдельный пример из опыта США – организацию участия граждан в городе Сакраменто (штат Калифорния, 525 т. чел.). Этот город может служить площадкой для изучения вопросов электронного взаимодействия власти и общества, повышения цифровой прозрачности и ее влияния на участие граждан. «Система 311 города Сакраменто»[2] – это сайт и мобильное приложение для жителей города, которые позволяют легко решать вопросы, получать услуги, сообщать о проблемах. Причем постоянно происходят обновления системы, что делает ее еще более открытой и удобной. Администрация Сакраменто работает под девизом, что это город, где граждане открыто и интерактивно связываются с правительством, когда и где они хотят[3]. Интересны для изучения опыта и отдельные проекты, реализуемые в этом городе. Например, в полиции реализуется проект/исследование «Человеко-ориентированный дизайн» (HCD), предназначен он для поиска инструментов, которые могут помочь построить доверительные отношения между полицейским управлением Сакраменто и обществом. Предполагается, что основанный на эмпатии подход с использованием HCD может помочь сотрудникам полиции победить свои неявные предубеждения, преодолеть сложившуюся атмосферу недоверия. В ответ на обеспокоенность по поводу расово-мотивированной работы полиции проводится обучение для преодоления скрытой предвзятости (занятия идут и в классе, и на основе моделирования, объем занятий более 100 часов)[4].

---

[1] Porumbescu G. A., Cucciniello M., Gil-Garcia J. R., Accounting for citizens when explaining open government effectiveness // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37, Is. 2. 101451. ISSN 0740-624X. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.101451 (дата обращения: 11.04.2025).

[2] Сайт «Система 311 города Сакраменто». // URL: https://www.cityofsacramento.gov/information-technology/311 (дата обращения: 14.02.2025)

[3] Сайт «Система 311 города Сакраменто». // URL: https://www.cityofsacramento.gov/information-technology (дата обращения: 14.02.2025).

[4] Innovation, Transformation and Best Practices at the Sacramento Police Department. // URL: https://www.cityofsacramento.gov/content/dam/portal/police/Transparency/Innovation-Transformation-and-Best-Practices/Innovation-Transformation-and-Best-Practices-at-SPD.pdf (дата обращения: 14.02.2025).

Современное состояние демократического участия в Великобритании вызывает озабоченность исследователей, парламентариев и чиновников. Оно не настолько активно, каким должно было быть при учете усилий, приложенных правительством и парламентом в этой области. Показательны цифры участия в выборах в стране. С 1922 по 1997 г. явка на всеобщих выборах в Великобритании оставалась выше 71%[1]. В 2001 г. явка упала (до 59,4%), и далее росла очень медленно – достигла 68,8% в 2017 году. Этот показатель приближен к среднему показателю по ЕС (66,1 %), при этом Великобритания занимает 11-е место из 28 стран ЕС. Явка же на местных выборах 2016 года колебалась и была не выше 35 %. Только 16 % людей чувствуют, что имеют влияние на принятие решений на национальном уровне, и 23 % верят в это на местном.

В Великобритании, как и других странах мира, в последние двадцать лет произошел взрывной рост возможностей для участия общественности в принятии решений, но, несмотря на потенциальные возможности, лишь небольшая часть населения принимает активное участие во взаимодействии с государством. По крайней мере, исследование «Аудит политической активности»[2] за 2007 г. показывает, что лишь 12 % британского населения активна и почти половина не принимала участия ни в каких формах политической деятельности (в самом широком смысле)[3]. В 2019 г. 47 % опрошенных указало, что они не имеют влияния на общенациональные решения, 32 % сообщило, что они не хотят быть привлечены

[1] Здесь и далее цифры по данным парламента Великобритании, указанные в материалах Специального комитета по гражданству и гражданской активности «Связывающие узы: гражданственность и гражданская активность в 21 веке». Отчет о сессии 2017–2019 гг. – опубликован 18 апреля 2018 г. – Документ HL 118. // URL: https://publications.parliament.uk /pa/ld201719/ldselect/ldcitizen/118/11802.htm (дата обращения: 14.02.2025).

[2] Аудит политической активности, проводившийся ежегодно в период с 2004 по 2019 г.г., представлял собой исследование временных рядов, которое служило ежегодным ориентиром для измерения политической активности в Великобритании.

[3] Audit of Political Engagement 5 The 2008 Report with a special focus on the Constitution. // URL: https://assets.ctfassets.net/rdwvqctnt75b/5SzglVa4vKeKeIs8mQMsoK/9059afcae6331ae286931742ec92a6f2/Audit_of_Political_Engagement_5__2008_.pdf?utm_source=HansardSociety (дата обращения: 15.02.2025).

к решению местных проблем[1]. При анализе указанных отчетов видно, что образование респондентов имеет важное значение, те, у кого низкая квалификация, не хотят участвовать в решении государственных и общественных задач.

Вообще приведённые данные должны вызвать некоторую тревогу у государственной администрации и требуют анализа: почему это происходит в условиях, когда правительство создало много новых возможностей для участия граждан, участие стало доступным благодаря ИКТ, большое количество людей имеет достаточное образование чтобы внести свой вклад в решение важных общественных вопросов, но граждане не хотят участвовать. Хотя предоставленные правительством и нормами права возможности имеют важное значение, сами по себе они не могут гарантировать, что более широкие слои общественности будут принимать участие[2].

Правительство Великобритании анализирует проблему неучастия. Очередное исследование общественной жизни, предпринятое Департаментом цифровых технологий, культуры, медиа и спорта в 2020-21 гг.,[3] заключалось в опросе для домохозяйств среди лиц в возрасте от 16 лет в Англии. Вопросы были связаны с гражданской активностью и социальными действиями. И это исследование опять показало, что необходимо решать проблему низкой активности граждан. Результаты были сходными с теми, которые приведены выше. 41% респондентов заявил, что участвовал в той или иной форме гражданского участия (участие в демократических процессах как лично, так и онлайн, включая обращение к местному чиновнику (например, депутату местного совета или депутату), подписание петиции или участие в публичном митинге (исключая

---

[1] Отчет Об аудите политической активности за 2019 г. // URL : https://assets.ctfassets.net/rdwvqctnt75b/7iQEHtrkIbLcrUkduGmo9b/cb429a657e97cad61e61853c05c8c4d1/Hansard-Society__Audit-of-Political-Engagement-16__2019-report.pdf?utm_source=HansardSociety (дата обращения: 15.02.2025).

[2] Potter D., Public Participation in the UK: Lessons from the UK experience. Background paper for a SIGMA workshop on consultation. Bucharest, Romania, 14th October, 2008. // URL: https://www.sigmaweb.org/publicationsdocuments/41838063.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

[3] Civic Engagement and Social Action - Community Life Survey 2020/21 (Official Statistics) Published 29 July 2021. // URL: https://www.gov.uk/government/statistics/community-life-survey-202021-civic-engagement-and-social-action/civic-engagement-and-social-action-community-life-survey-202021 (дата обращения: 03.04.2025).

голосование)) хотя бы один раз за последние 12 месяцев. Респонденты в Лондоне с большей вероятностью участвовали в общественной жизни (47%), так же, как и более обеспеченные люди продемонстрировали более высокую вовлеченность (46%), чем жители бедных районов (37%). При этом гражданская консультация (определяется в опросе как участие в консультации о местных услугах или проблемах в местном районе путем заполнения анкеты, посещения общественного собрания или участия в личной или онлайн-группе) привлекла лишь 19% респондентов. Гражданский активизм, определяемый в опросе как участие в деятельности местного сообщества, например, работа членом местного совета, школьным директором, волонтером специального констебля или магистратом (для лиц в возрасте 18 лет и старше), привлек еще меньше респондентов – 7%. При этом жители зачастую выбирали вариант участия в виде «подписать онлайн-петицию», «связаться с советом/должностным лицом совета», указывая, что они не знают о том, какие вопросы рассматриваются, либо что у них не хватает времени на такую деятельность.

Итак, участие граждан в Великобритании не сбалансировано и нерепрезентативно, неоднородно, но имеющиеся систематические обзоры позволяют предположить, что принятие решений, качество обслуживания и чувство общности все же улучшились. И как верно, указывает Кл. Чвалиц (Cl. Chwalisz), «репрезентативность» пусть и желательна, но она неуловима, и с увеличением разнообразия участников вряд ли станет легче достичь запланированных властями целей[1].

Описанная выше проблема не должна отменить попытки поиска новых инструментов взаимодействия государства и общества, способов вовлечения граждан в сотрудничество. Одной из интересных форм участия в Великобритании является совещательное участие – объединение граждан для обсуждения проблемы и выражения мнений по ней.

[1] Chwalisz Cl. Citizen engagement in politics and policymaking: Lessons from the UK APRIL 2017. // URL: https://www.oidp.net/docs/repo/doc214.pdf (дата обращения 15.02.2025).

За последние годы активность британского парламента и его информационно-пропагандистская работа значительно расширились. Специальный комитет по гражданству и гражданской активности парламента на своей сессии в 2018 г. пришел к выводу о ценности активных граждан и их вклада в том числе в законодательный процесс[1]. Вовлечение общественности в законодательный процесс является непростой задачей, поскольку он непонятен и непрозрачен для тех, кто не принимает в нем непосредственного участия, законодательные процедуры относятся к той сфере, за которой трудно следить. Основным методом участия в законодательном процессе для многих людей и организаций является обращение к парламентариям с целью информирования или лоббирования законопроектов. В качестве возможных вариантов участия в Великобритании предлагаются онлайн-форумы. Парламент совершенно справедливо указывает, что технологии являются ключом к поощрению участия общественности в законодательном процессе.

В Великобритании основой для участия граждан в жизни государства является Закон о правах человека 1998 года[2]. В 2022 года был принят Закон о выборах, который особе внимание уделил идентификации граждан при избирательных процедурах[3]. Для расширения участия граждан в Национальной стратегии по вопросам инвалидности (2021 г., 2023 г.)[4] были предусмотрены элементы механизма, позволяющие организациям инвалидов в полной мере участвовать в разработке и реализации политики, затрагивающей права инвалидов.

Что же касается именно электронного взаимодействия, то эту сферу регулирует ряд актов. И последние несколько лет принятие новых норм и правка

---

[1] Узы, которые связывают: гражданственность и гражданская активность в XXI в. Отчет о сессии 2017–2019 гг. – опубликован 18 апреля 2018 г. – Документ HL 118 Глава 4: Общественное понимание и участие. // URL : https://publications.parliament.uk/pa/ld201719/ldselect/ldconst/393/39307.htm (дата обращения: 15.02.2025).

[2] Human Rights Act 1998. // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/42/contents (дата обращения: 01.11.2025).

[3] Elections Act 2022. // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/37/introduction (дата обращения: 01.11.2025).

[4] National Disability Strategy. // URL: https://www.gov.uk/government/publications/national-disability-strategy (дата обращения: 01.11.2025).

уже действующих, связаны с идеей усиления регулирования цифровой среды (тенденция заметна с 2010-х годов). Так, летом 2025 года в Великобритании был введен в действие «Закон о безопасности в интернете» (Online Safety Act)[1], который установил правила об обязательной верификации возраста, и, по сути, легализовал цифровой надзор за всем интернет-пространством страны. Основной платформой для взаимодействия граждан с государством в Великобритании остается единый портал GOV.UK, предоставляющий доступ к электронным услугам. Эта платформа приглашает принять участие («Get involved!») в работе правительства. Гражданам дается возможность высказать свое мнение о новых или изменяющихся государственных решениях, ответив на вопросы в рамках консультаций[2]. Специально указано, что государственные ведомства учитывают эти ответы при принятии решений. На страницах отдельных проектов, по которым правительство запрашивает консультацию граждан указана целевая аудитория, к которой обращается государство. Элементов стимулирования участия нами обнаружено не было.

Интересен тот факт, что лишь летом 2025 года была выпущена первая версия мобильного приложения GOV.UK. По состоянию на конец ноября 2025 года количество скачиваний было около 260 000[3].

В ноябре 2025 года в Великобритании было запущено новое правительственное подразделение GDS Local, задача которого помочь местным советам сделать повседневные услуги проще, быстрее и доступнее для жителей[4].

Таким образом, в Соединённом королевстве наблюдается стремительное развитие механизмов взаимодействия общества и государства, развитие юридико-

---

[1] The Online Safety Act 2023. // URL: https://www.gov.uk/government/publications/online-safety-act-explainer/online-safety-act-explainer (дата обращения: 01.11.2025).

[2] Платформа правительства Великобритании GOV.UK. // URL: https://www.gov.uk/government/get-involved (дата обращения: 01.11.2025).

[3] Insights from the first five months of the GOV.UK app public beta. // URL: https://gds.blog.gov.uk/2025/12/01/insights-from-the-first-five-months-of-the-gov-uk-app-public-beta/ (дата обращения: 01.11.2025).

[4] People across UK to benefit from easier access to local services as councils get digital boost. // URL: https://www.gov.uk/government/news/people-across-uk-to-benefit-from-easier-access-to-local-services-as-councils-get-digital-boost (дата обращения: 01.11.2025).

цифрового регулирования при одновременном усилении государственного контроля за интернет-пространством. Перечисленные выше факты (введение мобильного приложения основного портала лишь в 2025 году, отсутствие стимулирования участия граждан и др.) в совокупности с непривлекательным дизайном ресурсов, на наш взгляд, не могут свидетельствовать о том, что опыт данной страны следует брать за образец, определение его как передового несколько преувеличено.

Представляется, что опыт Индии значительно более интересен. В этой стране была создана специальная платформа для взаимодействия с гражданами при разработке политики – MyGov (запущена в 2014 г.)[1]. Почти все правительственные ведомства используют эту платформу для своей деятельности и для вовлечения граждан во взаимодействие, для консультаций с гражданами, информированию общества о государственных решениях и программах. MyGov входит в число самых активных профилей в социальных сетях, в том числе индийских (имя пользователя @MyGovIndia). MyGov внедрила такие формы взаимодействия, как дискуссии, опросы, блоги, викторины и мероприятия на местах. Используются мобильные приложения, технологии IVRS, SMS и звонков.

Считается, что MyGov добилась значительных успехов в сфере взаимодействия с гражданами. Даже логотипы и слоганы ключевых национальных проектов были собраны через краудсорсинг этой платформы. MyGov неоднократно запрашивал у граждан предложения по проектам политики (они были учтены в национальной политике в области образования[2], политике центров обработки данных, защиты данных, национальной портовой политике и др.).

Учреждения могут формировать или создавать группы интересов на основе различных инициатив, предпринятых в каждом секторе правительства. Внутри каждой группы могут быть инициированы дискуссии по актуальным и значимым

[1] MyGov: An Overview (MyGov: обзор). // URL: https://www.mygov.in/overview/ (дата обращения: 17.02.2025).
[2] Национальная политика в области образования (НЭП) National Education Policy 2020. // URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

темам. Граждане могут участвовать в онлайн-задачах и задачах на местах через платформу, таких как написание исследовательских документов, концептуальных записок, отчетов, фотографирование/видеосъемка и т. д. Задачи не только приведут к краудсорсингу идей, но и помогут учреждениям понимать специфику региона, отрасли, а также показать отдельные истории успеха, передовой опыт и/или проблемы. Еще одной особенностью платформы являются «Творческий уголок» и «Открытый форум», которые дают государственным органам возможность организовывать конкурсы творческих вкладов в предстоящие инициативы или открывать дискуссии по конкретной теме/вопросу национального значения. Для поощрения участия на платформе используются элементы игрофикации – значки для активных участников[1].

Проблемой Индии является неравенство в цифровой инфраструктуре между различными социально-экономическими демографическими группами[2]. Правительство работает в направлении обеспечения недорогого доступа в Интернет в Единых центрах обслуживания и почтовых отделениях по всей Индии, реализуется «Инициатива премьер-министра по сетям доступа к Wi-Fi» (Prime Minister’s Wi-Fi Access Network Initiative или PM WANI) за счёт частно-государственного партнёрства[3].

В Индии нет единого закона для регулирования е-участия граждан, но есть нормы законов и правил о цифровой среде (Закон об информационных технологиях (IT Act 2000), Правила IT 2021 года, Закон о защите персональных данных (DPDP

[1] Страница с информацией о значках (званиях). Платформа MyGov (Ministry of Electronics & Information Technology, Government of India). // URL: https://www.mygov.in/badges/ (дата обращения: 15.02.2025).

[2] Praharaj S., Hoon Han J., Hawken S., Innovative Civic Engagement and Digital Urban Infrastructure: Lessons from 100 Smart Cities Mission in India // Procedia Engineering. 2017. Vol. 180. P. 1423–1432. // URL: https://doi.org/10.1016/j.proeng.2017.04.305 (дата обращения: 17.02.2025).

[3] Кулик Л., Коровкин В. Цифровизация Индии. От локального феномена – к фактору глобального влияния Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО (IEMS) 2021. С. 25. // URL: https://ftp.skolkovo.ru/web_team/Research/2025/India%20Lab/%D0%A6%D0%98%D0%A4%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF-%D0%98%D0%9D%D0%94%D0%98%D0%98-skolkovo-iems-report-RUSSIAN-sm.pdf (дата обращения: 01.11.2025)

Act 2023[1]) и др.), которые направлены на регулирование онлайн-платформ, ИИ-контента и обеспечение безопасности данных, что косвенно влияет на электронное участие граждан.

Анализ зарубежной практики показывает, что практически все страны стремятся увеличить процент участия граждан в делах общества и государства. Используют для этого современные технологии, преимущественно специализированные платформы. Зачастую эти платформы вырастают из сайтов государственных услуг. Все они относятся к краусорсинговым (англицизм crowdsourcing, от англ слов crowd – толпа и sourcing – использование или привлечение ресурсов). Лидерами в деятельности по расширению гражданского участия считаются США, Великобритания, Сингапур, Дания, высокие показатели у Нидерландов. Однако анализ деятельности правительства Великобритании показал, что мнение о лидерстве этой страны может быть оспорено. Специализированные краудсорсинговые платформы, которые используются органами власти и имеют достаточно высокую эффективность, созданы в Индии, Бразилии и других странах. Регулирование цифрового взаимодействия выстраивается по-разному. В ряде стран приняты специальные нормативные акты (законы), в иных же принимаются лишь программные и стратегические документы. Последние берутся за основу при упорядочении деятельности по взаимодействию государства и общества в новых условиях, по стимулированию участия граждан, по формированию компетентности населения[2]. Во всех странах наблюдается тенденция к усилению контроля со стороны государства за интернет-пространством в целом, социальными сетями в частности, идет работа по

[1] Закон Индии о защите персональных данных (DPDP Act 2023). // URL: https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/06/2bf1f0e9f04e6fb4f8fef35e82c42aa5.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

[2] Например, в Дании последовательно принимаются Стратегии, но в соответствии с ними реализуются конкретные действия правительства, которые принесли заметные результаты, некоторые из них требуют издания подзаконных актов. Например, приняты Технологический пакт о навыках, которые обеспечат технологическое и цифровое будущее, а также тестовая программа для улучшения понимания технологий в начальном и неполном среднем образовании и др. // Jākobsone M. Denmark – Digital Growth Strategy 2025. // URL: https://digital-skills-jobs.europa.eu/en/actions/national-initiatives/national-strategies/denmark-digital-growth-strategy-2025 (дата обращения: 23.11.2025).

идентификации пользователей, что должно привести к частичному разрушению «анонимности», свойственной виртуальному миру. Довольно активно страны пытаются организовать работу на местном уровне, помочь местным властям стимулировать граждан к взаимодействию.

3.3 Право граждан на обращение и его обеспечение в модели участия

Конституционное право гражданина на обращение (ст. 33 Конституции РФ) подразумевает обращение лично и/или направление обращений (индивидуальных/коллективных) в органы власти, учреждения и организации, выполняющие публично значимые функции. Конституционное право конкретизируется в специальных нормах закона[1], где установлены принципы для выстраивания отношений этой сферы (такие как свобода обращения, добровольность, бесплатность рассмотрения и др.).

Право на обращение относится к политическим правам[2] и, по мнению Е. В. Гриценко, является частью комплекса прав, которые она называет правами «на хорошее административное управление» (кроме права на обращения, в этой группе право быть заслушанным, право на доступ к информации, право на защиту частной жизни и персональных данных и др.)[3].

Значимость права на обращение для государства и общества продемонстрирована уровнем правового регулирования и количеством норм, ему посвящённых, в том числе наличием специализированного закона. А. В. Савоськин выделяет три группы законов, так или иначе регулирующих отношения, связанные

[1] Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

[2] Уваров А. А. Проблемы правового регулирования и реализации права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 31.

[3] Гриценко Е. В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. С. 16.

с правом на обращение[1]. Кроме того, по поводу обращений могут быть приняты нормы в субъектах федерации.

Федеральный закон № 59-ФЗ, который для настоящего исследования имеет б**о**льший интерес, исключает из орбиты своего регулирования обращения, подлежащие рассмотрению в порядке, установленном федеральными конституционными законами и иными федеральными законами. Например, Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает правила обращения в КС РФ. В ст. 36 данного закона говорится о том, что обращение в Конституционный Суд возможно в форме запроса, ходатайства или жалобы. В процессуальных отношениях закон № 59-ФЗ также не применяется – свой порядок установлен федеральными законами – кодексами, например, ГПК РФ и КАС РФ.

С. М. Зубарев и С. В. Сабаева обращают внимание, например, на то, что жалобы к Уполномоченному принципиально отличаются от обращений граждан в государственные и муниципальные органы, организации и к лицам, на которых возложено осуществление публично значимых функций[2]. Особый порядок рассмотрения таких жалоб обусловлен предметом обращения и тем, что к Уполномоченному обращаются после того, как заявители подавали жалобу в рамках закона № 59-ФЗ в государственные органы и должностным лицам. Обращение к Уполномоченному имеет специфику по срокам и подачи, и рассмотрения.

Функции права на обращение верно выделила М. В. Головацкая: 1) участие граждан в управлении делами государства; 2) восстановление нарушенного права; 3) источник информации для органов власти; 4) способ устранения нарушения законности и предотвращения правонарушений[3]. Следует с ней полностью

---

[1] Савоськин А. В. Система законодательства об обращениях граждан // Lex russica. 2014. Т. 97. № 12. С. 1422–1423.

[2] Зубарев С. М., Сабаева С. В. Электронные обращения граждан в системе общественного контроля // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 12–17.

[3] Головацкая М. В. К вопросу о порядке рассмотрения обращений граждан // Юрист. 2007. № 5. С. 11–12.

согласится, разделив функции права на обращения, которые вытекают из Закона 59-ФЗ (2 и 4 в приведенном списке), и функции права на обращение в широком смысле.

Вариации обращения по закону 59-ФЗ – это предложение, заявление, жалоба и устное обращение. У зафиксированных в законе видов обращений разное целевое, мотивационное, психологическое, содержательное предназначение и социальная природа, на что обращают внимание исследователи[1]. Например, жалоба как социальный феномен отражает состояние общества, общественной жизни, демонстрирует эмоциональное состояние лица, ее подающего, имеет особый предмет, поводом для нее служат исключительно действия (бездействие), но не события. Исследователи природы жалобы как обращения И. В. Ростовщиков и А. В. Косолапов предполагают, что возможно появление и иных смысловых юридических характеристик жалобы, их комбинаций[2].

Соглашаясь с указанными авторами, учитывая определенную вариативность обращений, которую дает закон, все же следует заметить, что этот ряд представляется неполным. Например, не хватает такого вида обращения, как «запрос на консультирование». Довольно часто гражданам необходимо получить разъяснение по какому-либо вопросу, то есть консультацию. Ближе всего такое обращение будет к заявлению, где гражданин выражает просьбу о содействии в реализации прав, однако по своей сути обращение за консультацией – это нечто другое.

Нет в предложенном ряду видов обращений тех, которые, наоборот, «консультируют» органы власти: граждане могут выступать добровольными «экспертами» по каким-либо темам, например, старожилы – рассказать об истории места, профессионалы – сообщить мнение по вопросам их специфики и т. д. В случае такого обращения его, видимо, классифицируют как предложение. Но закон

---

[1] Уваров А. А. Проблемы правового регулирования и реализации права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 31.

[2] См. об этом: Ростовщиков И. В., Косолапов А. В. Жалоба в юридическом смысле и ее правозащитная функция // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 1. С. 14, 15, 16.

определят предложение как рекомендацию гражданина по совершенствованию норм права, деятельности органов, развитию общественных отношений, улучшению сфер деятельности государства и общества. Если же рекомендаций в такой инициативной консультации от гражданина не будет содержаться (например, будет лишь констатирован факт, что в данном здании девяносто лет назад проживал известный писатель или что нашествие тутового шелкопряда на леса средней полосы не опасно для растений), то и относить такое обращение к предложениям не имеет смысла. Консультацию граждан можно определить как экспертную информацию от гражданина об известных ему фактах, обстоятельствах в связи с профессиональной деятельностью, имеющимся образованием, жизненным опытом, в том числе с оценкой событий.

Не предусмотрено в законе и сообщений с какой-либо информацией (не связанной с профессиональными знаниями). Например, о проблеме, о ставшем известным факте: разрушено ограждение на таком-то участке, в конкретном доме проживает неблагополучная семья, на территории парка не проводится уборка или участились случаи обнаружения клещей и т. п. Нельзя классифицировать по предложенным законодателем видам и мнение гражданина или групп граждан (допустим, о плане застройки территории, о сносе задания и т. п.).

Указанные примеры более всего подпадают под определение предложения, однако как такового предложения или рекомендации по совершенствованию деятельности они могут не содержать.

Дополнение нормы закона видами обращений (консультация, выражение мнения, передача/предоставление информации) должно стимулировать гражданское участие и придать иной характер взаимодействию общества и власти при обращениях. Предложенные виды основаны на инициативности граждан, которые обращаются по своей воле, проявляя гражданскую активность, неравнодушие, креативность, тратя свое личное время и применяя свои навыки. Они могли бы этого не делать, их права не ущемлены. Не все граждане психологически хотят подавать жалобу или заявление, поскольку эти виды

обращений уже изначально имеют просительный характер, негативный подтекст, предполагая, что нарушены права и лицо просит об их восстановлении и защите.

Введение новых видов обращений будет способствовать тому, что можно назвать «потребительской информацией» и «политическим вкладом»[1], тому, что в целом стремятся собирать правительственные администрации. Результатом взаимодействия общества и государства с новыми видами обращений будет получение информации, в том числе оценочных суждений, от населения, независимых или, наоборот, субъективных точек зрения, но в любом случае ценных за счет того, что они были получены от заинтересованных субъектов, которые ближе к проблеме. Все это поможет принять верное решение, учитывающее общественные интересы. Инициатива, как предполагается, должна исходить от гражданина, а не от органа власти. Очевидно, что большого количества таких обращений ожидать не стоит, поскольку не каждый гражданин обладает временем, знаниями и компетенциями, чтобы выступить с информацией, не все мотивированы на активное участие в общественной жизни.

Появились и отдельные виды обращений, которые, можно сказать, имеют статус самостоятельного правового института. Например, общественная инициатива (существует с 2013 г.[2]). А. В. Безруков и А. В. Савоськин установили, что общественная инициатива является разновидностью предложений[3] по принятой законом классификации, однако ощущается необходимость ее отдельного законодательного регулирования.

Российская общественная инициатива (РОИ) как раз была введена для развития гражданского общества, для привлечения общественности к

---

[1] Townley Ch., Koop Ch., Exploring the potential and limits of digital tools for inclusive regulatory engagement with citizens // Government Information Quarterly. 2024. Vol. 41. Is.1. 101901. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101901 (дата обращения: 12.04.2025).

[2] Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.

[3] Безруков А. В., Савоськин А. В. Российская общественная инициатива как разновидность обращений граждан и фактор укрепления конституционного правопорядка // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 56–60.

правотворчеству[1], основывается на активности граждан и стимулирует ее повышение. Проблемы, связанные с РОИ (снижение интереса к подаче инициатив, нереализация поданных инициатив со стороны власти, отсутствие доступа и компетенций у части населения для такой работы[2], порядок рассмотрения инициатив органами власти и пр.) требуют отдельного исследования. Впрочем, и юридическая природа РОИ не совсем соответствует такому виду обращений, как предложение, предусмотренному в законе 59-ФЗ, несмотря на то, что в Указе Президента РФ она определена как «…предложение …по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления…». На наш взгляд, общественная инициатива предложением не является и ее нельзя отнести ни к одному из видов обращений, перечисленных в законе. Следует заметить, что виды обращений установлены законом, а российская общественная инициатива введена Указом Президента РФ. Таким образом, согласимся с авторами, которые считают, что институт российской общественной инициативы не вписывается ни в систему законодательства об обращениях граждан, ни в юридическую доктрину о формах прямой демократии[3].

Опаздывает закон 59-ФЗ и при регулировании обращений через социальные сети и мобильные приложения. Эти обращения подаются в электронной форме, которая в целом предусмотрена с 2010 г. в законе. Однако в нем речь идет об электронном документе, который поступил по адресу электронной почты (и ответ также будет дан по адресу электронной почты), то есть обращение, сделанное через сети и приложения, не может быть формально отнесено к электронным, да и вообще к обращениям, и получается, что оно не требует ответа государства.

Определённые новшества в сфере электронных обращений, опробованные в ходе эксперимента, появились осенью 2023 г. Были установлены правила

---

[1] Давыдова М. Л., Гончарова А. А. Проблемы и перспективы реализации проекта «Российская общественная инициатива» // Legal Concept. 2015. № 2. С. 58.

[2] Давыдова М. Л., Гончарова А. А. Указ соч. С. 58–67.

[3] Безруков А. В., Савоськин А. В. Российская общественная инициатива как разновидность обращений граждан и фактор укрепления конституционного правопорядка // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 56–60.

использования Единого портала госуслуг для направления обращений в госорганы, органы местного самоуправления и госучреждения[1]. Были продуманы процедуры использования ресурса госуслуг для направления обращений и сообщений, порядок их обработки органами и организациями, подготовки и направления ответов.

Непонятна правовая природа комментариев, которые оставляют посетители страниц государственных органов и учреждений, например, в ВКонтакте. Некоторые из этих комментариев содержат просьбу, сообщают о нарушенных правах, предлагают решения проблем. Встает вопрос, как реагировать на такие сообщения, в какой срок и являются ли они обращениями.

В закон необходимо ввести нормы, которые бы регулировали обращения всех видов и сообщения через сайты, мобильные платформы, приложения, социальные сети. Очевидно, что граждане, обладающие возможностями ИКТ, могут сделать больше для себя и для общества. Они уже привыкли к взаимодействию с контрагентом (магазинами, банками и пр.) в приложениях, на специальных платформах и в социальных сетях. Экономические субъекты все больше полагаются на цифровое взаимодействие с гражданами, приобрели большой опыт в этой сфере. Однако в случае с государством цифровое взаимодействие несколько опаздывает, как и его правовое регулирование. Тем временем, как верно заметил Д.

[1] Постановление Правительства РФ от 27.12.2023 № 2334 «Об утверждении Правил использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами, лицами без гражданства, объединениями граждан, в том числе юридическими лицами, обращений и сообщений в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам, а также для получения и обработки такими органами и организациями указанных обращений и сообщений и направления ответов на такие обращения и сообщения». Настоящее постановление вступило в силу с 1 января 2024 г. Оно применяется с учетом положений статьи 2 Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

В. Пожарский, на вызов со стороны цифровых технологий и искусственного интеллекта государству и праву придется отвечать совместно[1].

Надо заметить, что поиск пути правового регулирования характерен практически для всех сфер, связанных с новыми технологиями, как для сложных – квантовых коммуникаций[2], так и для более простых в «бытовом» плане – социальных сетей.

Особенность сообщений в социальных сетях заключается, например, в том, что они не обладают формой, предусмотренной анализируемым в данном параграфе законом об обращениях в ст. 7. Их нельзя квалифицировать как обращение ни письменное, ни в электронной форме, а значит, и ответа на сообщения может не быть, скорее, он зависит от доброй воли органа/организации, того служащего, которые ведут аккаунт в социальных сетях. Однако реакция на такие сообщения все же должна быть не случайной и не вероятностной, хотя бы в отдельных случаях.

Для того чтобы государственные органы реагировали на обращения в социальных сетях, помимо правовой легитимации таких сообщений, важно идентифицировать лиц в интернете. Однако идентификация лиц, получающих и передающих информацию, включая определение их статуса, остается проблемой, которая в Интернете изначально не предусматривалась, что принципиально не изменилось за все время существования всемирной сети Интернет[3].

В связи с изложенным предлагается дополнить статью 4 «Основные термины, используемые в настоящем Федеральном законе» Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской

---

[1] Пожарский Д. В. Вызовы XXI в. – фактор развития функций государства // Российская государственность и вызовы XXI века : Сборник статей Всероссийского круглого стола, Москва, 15 декабря 2021 года. М.: Академия управления МВД России, 2022. С. 6.

[2] Методы и подходы к регулированию формирующейся отрасли квантовых коммуникаций в условиях современного информационного общества / А. В. Минбалеев, А. А. Ефремов, М. Б. Добробаба, С. Г. Чубукова // Информационное общество. 2024. № 4. С. 112–120.

[3] См. об этом, например: Касенова М. Б. Идентификации лиц в Интернете и киберпространство социальных сетей // Право и кибербезопасность. 2014. № 2. С. 44–50; Якушев М. В. Международно-политические проблемы идентификации в Интернете // Индекс Безопасности. 2013. № 1(104). С. 87–102.

Федерации», дополнительными видами обращений: консультация (от гражданина), мнение, информация, сообщение в социальных сетях, суть которых была описана выше, а также изменить само понятие обращения.

Предлагается следующая дефиниция: «Обращение гражданина (далее – обращение) – направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, в организации, выполняющие государственные и муниципальные функции, в письменной форме, в форме электронного документа, в том числе с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – Единый портал), в форме сообщения в социальных сетях/мессенджерах/приложениях, формах обратной связи на сайтах указанных органов и организаций предложение, заявление, жалоба, сообщение, мнение, информация, консультация, а также устное обращение гражданина в указанные выше органы и организации».

Конечно, лицо, которое обращается через каналы социальных сетей, приложений и мессенджеров для получения ответа и/или принятия решения по его вопросу, и учета поступающей информации, должно быть идентифицировано. Очевидно, что при обращении через социальные сети и мессенджеры не всегда возможно выполнить требования к обращению в письменной форме (указать свои фамилию, имя, отчество, адрес, личную подпись и дату). Специфика рассмотрения сообщений в социальных сетях и мессенджерах может быть отражена в ст. 10 анализируемого закона «Порядок рассмотрения отдельных обращений».

Итак, порядок реализации права граждан на обращение (в том числе в форме электронного документа) предусмотрен нормами федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и еще рядом нормативных правовых актов. Установлены виды обращений (предложение, заявление, жалоба) и даны их дефиниции. Предложенные законодателем варианты обращений частично устарели, не отражают возможных видов обращений граждан и не учитывают современную интерпретацию концепции совместного управления. Закон был принят в период

построения сервисного государства (2006 г.), лишь спустя 17 лет он воспринял элементы сервисно-платформенной модели (2023 г.), когда были введены нормы о подаче обращений через платформу – Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)). Представляется, что для эффективного взаимодействия общества и государства необходимо ввести в закон и применять на практике такие виды обращений, как консультация, мнение, информация, сообщение в социальных сетях.

Е. В. Гриценко справедливо замечает, что в условиях цифровизации особым содержанием наполняются все конституционные права, в том числе и те, которые она относит в упомянутый выше комплекс прав на хорошее управление. Право на обращение теперь возможно реализовать и в электронной форме с использованием информационных систем[1]. В определение обращения гражданина (ст. 4 закона 59-ФЗ) в 2010 году была введена возможность обратиться в госорганы в электронной форме[2]. Однако обращение в электронной форме изначально подразумевало написание письма по электронной почте, к которому теперь добавилась возможность обратиться через портал госуслуг. В то же время эволюция коммуникации в эпоху социальных сетей, интерактивности и повсеместного подключения к сети Интернет требует реагирования законодателя путем введения не только новых видов обращений, но и новых возможностей для связи с органами власти и определения правовой природы новых видов сообщений (например, в социальных сетях и мессенджерах). Социальные сети впервые за историю предоставляют каналы не только для массового распространения информации, но также для массового взаимодействия, совместного управления и сотрудничества власти и общества. До их появления и развития инструменты взаимодействия были значительно более ограниченными, а методы – трудоемкими, дорогостоящими, что

[1] Гриценко Е. В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 4. С. 16.

[2] Федеральный закон от 27.07.2010 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 23.04.2025).

в том числе поднимало вопрос о репрезентативности мнений граждан, поскольку в связи с небольшим участием многие группы населения были недостаточно представлены, например, молодые граждане. Последние, кстати, в связи с цифровым образованием, навыками и привычками «отталкивают» традиционные методы взаимодействия с государственными органами, что требует повысить внимание государства к более современным и цифровым каналам связи.

3.4 Правовое регулирование электронных сервисов органов власти в механизме обеспечения прав граждан при взаимодействии с государством

Электронное участие граждан в делах государства выгодно как правительству, так и самим гражданам. Оно дает последним более широкие возможности реализовать свои права, предоставляет государству дополнительные источники информации для принятия обоснованных решений, экономит ресурсы сторон. Оно также может быть источником энергии («социальной правообразующей энергии» – используем довольно яркую метафору В. В. Трофимова и В. Ю. Самородова[1]) для государства. В процессе взаимодействия общества и власти традиционные формы взаимодействия отнимают много времени (посещение офисов, собраний, написание обращений, их отправка/доставка и т. д.), требуют создания площадок и наличия сотрудников для приема граждан, которые еще должны добраться до этого места, оставив свою работу и дела. Достижения в области ИКТ значительно облегчили процесс участия и привели к появлению новых возможностей и терминов, их обозначающих («электронное участие», «е-участие», «цифровое участие» и др.).

Понятие «электронное участие», по мнению О. Н. Демушиной, включает в себя взаимодействие населения с органами власти с помощью электронных технологий, инициаторами которого, как правило, выступают граждане,

[1] Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Правовое сотворчество власти и общества как проявление культуры правотворческого процесса в современном государстве // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 46.

пытающиеся влиять на процесс принятия управленческих решений[1]. Такое определение предполагает, что любая инициатива гражданина, например, обращение, в том числе и с жалобой по личному вопросу, и с иском в суд, будет являться электронным участием, если она реализуется с помощью цифровых технологий. В зарубежной литературе «электронное участие» понимается как использование ИКТ для принятия решений, поддержки уже принятых, получения отзывов граждан о проблемах в обществе и государстве[2]. Главным критерием при отнесении действия гражданина к электронному участию является использование ИКТ.

Представляется, что при синтезе приведенных определений мы получим комплексную и более обоснованную дефиницию данного термина. Электронное общественное участие – это взаимодействие граждан с публичной администрацией по поводу общественных дел и проблем, оценки работы органов власти, принятия и поддержки решений, информации о проблемах в обществе, как правило, инициированное гражданами, основанное на принципах применения цифровых технологий и добровольности.

Цифровое общественно-государственное взаимодействие в целом можно определить как отношения граждан с государством по поводу общественных, государственных и политических дел и проблем, оценки работы органов власти, принятия и поддержки решений, получения и передачи информации, решения индивидуальных вопросов, основанное на применении цифровых технологий.

Тема и ее терминология все еще находятся в процессе своего развития как на теоретическом уровне, так и в практической сфере, несмотря на то, что исследования данной области стимулируются уже более десяти лет. Изменения происходят постоянно и довольно стремительно. Так, О. Н. Демушина в 2016 г.

---

[1] Демушина О. Н. Анализ сервисов и платформ электронного участия граждан (на примере Волгоградской области) // Вопросы управления. 2017. № 2 (45). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-servisov-i-platform-elektronnogo-uchastiya-grazhdan-na-primere-volgogradskoy-oblasti (дата обращения: 02.03.2025).

[2] См., например: Porumbescu G. A., Grimmelikhuijsen S. Linking decision-making procedures to decision acceptance and citizen coice: Evidence from two studies // The American Review of Public Administration. 2018. Vol. 48. № 8. P. 902–914.

участвовала в исследовании электронных сервисов регионального уровня, и уже тогда были сделаны выводы об использовании технологий в процессе е-участия[1]. В список инструментов для взаимодействия, приведенный в исследовании, с момента которого прошло почти десять лет (в данном перечне: сервисы на сайтах/страницах органов власти, блоги политиков и представителей органов власти, краудсорсинговые платформы, ресурсы для направления электронных петиций/обращений, технологии для электронного голосования), следует добавить площадки социальных сетей, о которых речь шла выше. Кроме того, значительное распространение за последние годы получили официальные каналы в мессенджерах (например, Телеграм, в настоящее время актуален переход в MAX), разработаны и применяются приложения для мобильных устройств.

Очевидно, что в современных условиях возможностей сайтов органов власти, которые еще несколько лет назад считались прогрессивным достижением в деле взаимодействия, недостаточно для информирования граждан, а тем более для расширения их участия в общественной и политической жизни страны. Появились дополнительные ресурсы, которыми стали приложения, страницы в социальных сетях, специализированные платформы. Выбор новых инструментов осуществлялся по признакам удобства, сложившихся привычек граждан, объема пользовательской аудитории (по нему лидируют социальные сети и мессенджеры), учитывалась возможность пользоваться с телефона.

Таким образом, современными инструментами взаимодействия и площадками участия становятся цифровые пространства, к которым относятся сайты органов власти, социальные сети, мессенджеры, приложения для телефонов (мобильных устройств), специально созданные ресурсы (платформы идей, сервисы петиций и пр.). Особенное значение приобретают социальные сети (стихийно сложившееся обстоятельство, поддержанное законодательным закреплением «госпабликов) и мессенджеры (что в настоящее время связано и с развитием национального мессенджера MAX). Выше уже была приведена общемировая статистика:

[1] Грант РГНФ 16-13-34002 «Электронное участие граждан: анализ ...». // URL: http://grant.rfh.ru › sys (дата обращения: 03.04.2025).

социальными сетями пользуются более 60 % населения мира (почти 6 млрд человек). В 2018 году ВЦИОМ сообщил российскую статистику – 45 % опрошенных пользуются хотя бы одной из социальных сетей почти каждый день[1]. Опрос по тематике социальных сетей в 2023 году дал результат, что этот показатель составил уже 86 % (был опрошено 1600 человек) [2]. Итак, почти 100% населения пользуются хотя бы одной социальной сетью или мессенджером и проводят в них время практически ежедневно.

Социальные сети в настоящее время захватывают первенство по популярности использования, в том числе и для получения официального контента. Однако возможности е-участия в них пока ограничены. Как правило, они используются, в виде каналов информирования, где часто не предусмотрены даже комментарии публикуемых материалов. Такая ситуация характерна для многих стран, особенно развивающихся. Например, в Пакистане органы власти используют площадки социальных сетей в первую очередь для объявлений и новостей, проявляя при этом минимальный интерес к сотрудничеству с гражданами[3].

Органы власти пока игнорируют тот факт, что под влиянием растущих ожиданий граждан, развития технологий, формирования новых привычек и потребности в инновациях социальные сети становятся центральным компонентом взаимодействия общества и государства. Возможно, это также временное явление, поскольку обстоятельства меняются очень динамично и все указанные выше изменения произошли за очень короткий срок. Но стало очевидно, что отношения, связанные с взаимодействием в социальных сетях, требуют регулирования и контроля. Все новые интерактивные каналы взаимодействия имеют потенциал и необходимо переосмыслить сложившиеся границы во взаимоотношениях между

---

[1] Каждому возрасту – свои сети. Пресс-выпуск № 3577 от 12 февраля 2018 г. // ВЦИОМ. // URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691 (дата обращения: 20.04.2025).

[2] Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения. Выпуск 10 августа 2023. // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija (дата обращения: 20.04.2025).

[3] Arshad S., Khurram S., Can government's presence on social media stimulate citizens' online political participation? Investigating the influence of transparency, trust, and responsiveness // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37, Is. 3. 101486. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101486 (дата обращения 12.04.2025).

гражданами, сообществами, органами власти[1]. В настоящее время существенно меняются способы взаимодействия населения и правительства, что влияет на разработку и принятие решений, качество предоставления государственных услуг и прочие процессы.

Социальные сети, мессенджеры и платформы для взаимодействия уже оказывают влияние на демократические процессы. В них происходит информирование граждан, формирование идей, их сбор, обсуждение вопросов, представляющих общественный интерес. Таким образом, значение электронных инструментов взаимодействия растёт, а регулирование их деятельности становится необходимым и актуальным вопросом, который, как уже указывалось, является предметом изучения, дискуссий и решается по-разному.

Факторы, влияющие на активное развитие взаимодействия общества и государства в социальных сетях, – это, во-первых, популярность социальных сетей у граждан, их регулярное и повседневное использование в бытовых и профессиональных целях. Во-вторых, это нормативно закрепленная обязанность органов власти вести аккаунты в социальных сетях («госпаблики»). В-третьих, удобство, доступность и простота взаимодействия с помощью данных ресурсов. В-четвертых, это достаточно дешевый инструмент для использования с точки зрения бюджета, поскольку наполнение страниц не подразумевает профессиональных знаний в ИТ-технологиях, платы за использование ресурса. В-шестых, публикации в социальных сетях осуществляются в рамках предложенной владельцами сетей технологии и не предполагают создание специальных программ, их обновления и поддержки.

Создание национального мессенджера, организация его работы и популяризация инструмента в настоящее время обещает заметно расширить набор возможностей для пользователей при взаимодействии с государством. Так, спустя десять месяцев от даты запуска мессенджера MAX уже возможно предъявлять

[1] Bertot J. C., Jaeger P. T., Munson S., Glaisyer T. Engaging the public in open government: The policy and government application of social media technology for government transparency IEEE // Computer. 2010. № 43 (11). P. 53–59.

электронные документы с помощью мессенджера, чтобы подтвердить возраст, статус[1]. Кроме того, можно создать свой цифровой ID (сделать селфи и загрузить его в MAX) или оформить цифровой ID при помощи водительских прав. В то же время пока в официальных каналах органов государственной власти подписчиков значительно меньше, чем было накоплено в Телеграм (для сравнения: официальный канал ФТС России в Телеграм имеет более 90 000 участников[2], а в MAX – пока около 10 000).

Однако многие преимущества, которые способны предоставить социальные сети, мессенджеры, пока не применяются органами власти. Так, не все органы используют тот диалогический потенциал, который несут в себе эти инструменты. В комментариях под постами пользователи могут высказывать свою точку зрения, вести диалог с автором материалов, но публичные органы часто закрывают возможности комментариев, удаляют написанное пользователями либо не отвечают на высказанное мнение. Многие страницы в социальных сетях и посты в мессенджерах используются для размещения информации, позиционирования действий органа, формирования политического профиля и имиджа, для саморекламы, а возможности взаимодействия в них не используются, обратная связь ограничена, иногда закрывается даже возможность «реакций». А ведь указанные электронные инструменты формируют идеальную среду для взаимодействия, весьма удобны для участия и его активизации, позволяют консолидировать общество, обсуждать актуальные проблемы и искать их решения. Но, как показывает практика, довольно часто сети и мессенджеры оказываются «модным» или навязанным законом инструментом, который не выполняет своего предназначения полностью. Особенно это относится к органам местной власти. Например, мониторинг аккаунтов органов местного самоуправления Владимирской области в социальных сетях показал, что органы местного самоуправления в 2019 г. уже были представлены хотя бы в одной из социальных

[1] См.: URL: https://max.ru/ (дата обращения: 24.11.2025).
[2] См.: URL: https://web.telegram.org/a/#-1001747092651; https://web.max.ru/-68119882451485 (дата обращения 24.11.2025).

сетей, активностью отличались органы крупных населенных пунктов, часть небольших муниципалитетов была представлена формально, активность на их страницах отсутствовала[1]. В 2025 году мониторинг аккаунтов тех же органов власти Владимирской области показал, что существенно увеличилось количество официальных страниц в социальных сетях, постепенно прибывает и количество подписчиков (УМВД – более 5000 человек (создано в 2014 г.), УФНС – более 1000 человек (создано в конце 2022 года)[2], Администрация города – более 37000 человек (создано в 2017 г.)[3], администрации районов активно ведут свои страницы, пусть даже и при небольшом количество подписчиков. Теперь вопрос остается в том, чтобы использовать эти каналы как инструмент взаимодействия с обществом.

Публичная администрация пока довольно часто оправдывает свое присутствие в социальных сетях и мессенджерах аргументом, что она должна быть там, где находится гражданин. Рассматриваемые электронные инструменты выступают проводником принципа прозрачности и предоставляют органам власти возможности, необходимые для своевременного информирования и довольно широкого охвата населения, причем разного возраста, пола и статуса. Они выполняют информационную функцию, которая должна стать как минимум информационно-контрольной, поскольку полученная из сетей «обратная» информация представляет ценность и может быть использована государством. Мониторинг реакций, ответов, комментариев и публикаций со стороны граждан должен стать источником для понимания происходящих в обществе процессов. На основе полученных данных государство может корректировать свою повестку. Среди задач нахождения органов власти в социальных сетях задача коммуникации с населением должна быть тоже достигнута, что поможет создать положительный имидж государственного органа.

Социальные сети и мессенджеры обладают потенциальными преимуществами, к которым отнесем быстроту взаимодействия, простоту

---

[1] Авдеев Д. А. Делиберативная демократия на местном уровне: возможности социальных сетей // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. № 4. С. 7–10.
[2] См.: URL: https://vk.com/ufns33?from=search (дата обращения: 26.10.2025).
[3] См.: URL: https://vk.com/vladimir_adm (дата обращения: 26.10.2025).

использования, возможность широкого участия, легкость вовлечения участников, диалогический характер. Они предполагают сотрудничество и участие уже по самой своей природе и концепции, которая заложена в них при создании, поскольку они организованы для социального взаимодействия. И социальные сети, и мессенджеры можно использовать как вспомогательные инструменты при реализации задач взаимодействия государства и общества, так и в качестве основных.

Итак, социальные сети и мессенджеры стали мощной платформой для интерактивного участия в делах государства благодаря их широкому использованию и легкому доступу для большой аудитории, что позволяет представителям общественности выражать свои взгляды и чувства по интересующим темам, поэтому органы власти используют эту возможность для расширения участия граждан в социальных и политических делах[1].

Исследование, проведенное Кр. Реддик (Cr. Reddick) и др. (2005-2017 г.г.) обнаружило[2], что люди, которые используют Интернет (сайты, социальные сети и пр.) для контакта с правительством, испытывают более высокий уровень удовлетворенности, а это означает, что если органы власти будут более широко использовать цифровые инструменты (как минимум – для информирования граждан, как максимум – для получения обратной связи, сбора идей), то уровень удовлетворенности проводимой политикой властей у граждан, проживающих на данной территории, вероятно, возрастет.

К инструментам электронного взаимодействия относятся и мобильные приложения. Как представляется, они более эффективны на местном уровне, когда,

---

[1] См. например, об Испании в работе: Haro-de-Rosario A., Sáez-Martín A., del Caba-Pérez C. Using social media to enhance citizen engagement with local government: Twitter or Facebook? // New Media & Society. 2018. № 20(1). P. 29–49. URL: https://doi.org/10.1177/1461444816645652 (дата обращения: 04.04.2025).

[2] Reddick Ch. Citizen-Initiated Contacts with Government // Journal of E-Government. 2005. № 2. P. 27–53. // URL : https://doi.org/10.1300/J399v02n01_03; Reddick Ch. Citizen-Initiated Contacts with Government // Journal of E-Government. 2005. № 2. P. 27-53. // URL: https://doi.org/10.1300/J399v02n01_03; Chatfield A. T., Reddick Ch. A longitudinal cross-sector analysis of open data portal service capability: The case of Australian local governments // Government Information Quarterly. 2017. Vol. 34, Is. 2. P. 231-243. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2017.02.004 (дата обращения: 13.04.2025).

используя информацию от граждан, выявляются местные проблемы (повреждение коммуникаций, отсутствие электричества, неубранный мусор и пр.). В приложениях же дается реакция и обратная связь по решению выявленных проблем, что позволяет пользователям (всем, а не только сообщившим о проблеме) оценить проделанную работу, показать свою удовлетворенность результатом. Данные из приложения, как правило, поступают в местную базу данных и распределяются соответствующему органу.

Но разработка, внедрение и использование специальных платформ, приложений, технические решения на сайтах органов власти все еще являются проблемой, особенно на региональном и местном уровнях. Понимание факторов, которые влияют на намерение осуществлять электронное взаимодействие с течением времени, мотивируют граждан продолжать использовать электронные инструменты взаимодействия, имеет решающее значение для разработки стратегий распространения и продвижения.

К электронным инструментам взаимодействия относятся и персональные страницы, блоги, аккаунты политиков. Одним из первых среди политиков в 2008 г. Д. А. Медведев создал собственный блог как президент страны, его примеру последовали другие политические деятели, в том числе регионального и местного уровня. Однако блоги и живые журналы политиков в настоящее время ведутся нерегулярно и, как правило, не пользуются популярностью.

С. А. Ревякин, рассмотрев почти сорок российских электронных сервисов, созданных органами публичной власти, только у девяти обнаружил признаки электронных платформ общественного участия[1]. Среди них есть сайты, созданные

[1] См. об этом: Ревякин С. А. О рекомендациях по конфигурации электронных платформ общественного участия: обзор российского и международного опыта // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2018. № 3. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-rekomendatsiyah-po-konfiguratsii-elektronnyh-platform-obschestvennogo-uchastiya-obzor-rossiyskogo-i-mezhdunarodnogo-opyta (дата обращения: 13.04.2025); Ревякин С. А. Функциональность электронных платформ общественного участия: причем здесь социальные сети? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnost-elektronnyh-platform-obschestvennogo-uchastiya-prichem-zdes-sotsialnye-seti (дата обращения: 13.04.2025).

как федеральными органами исполнительной власти, так и органами власти субъектов РФ и органами местного самоуправления.

При использовании социальных сетей, приложений и онлайн-платформ для совместной работы значительно проще организовать коллективные действия по сравнению с работой в традиционных формах, включая тот факт, что гораздо проще находить и привлекать участников с общими интересами, обмениваться информацией, принимать групповые решения в более широком масштабе, интегрировать вклад отдельных лиц, контролировать группу. Вопрос, требующий исследования, заключается в том, способны ли эти свойства цифровых инструментов повлиять на отношения между правительством и гражданами и каким образом. Ответ на этот вопрос важен, поскольку использование этих новых инструментов не лишено противоречий. Однако отсутствие систематической оценки сводит дебаты по данному вопросу к предположениям, а не к аргументированному анализу. Очевидно, что по мере того, как государство начинает экспериментировать с новыми формами взаимодействия с гражданами при помощи технологий и Интернета, необходим теоретический анализ от ученых и статистические данные от практиков, изучение накапливаемого опыта, чтобы должным образом оценивать эффекты от применения инструментов, выявлять противоречия, делать предположения.

Цифровые решения (социальные сети, мессенджеры, приложения, платформы):

– способствуют увеличению прозрачности работы органов власти;

– помогают генерировать идеи, которые могут улучшить процесс принятия решений, в т. ч. в процессе разработки политики;

– повышают доверие граждан к власти;

– позволяют визуализировать и понять предложения;

– дают возможность гражданам выразить недовольство, описать проблемы, а властям ответить на них или принять меры;

– помогают установить долгосрочные «устойчивые» отношения с пользователями;

– создают диалоговую среду для своих пользователей, создавая ощущение исключительности, общительности и «личного» контакта.

Определённой проблемой при внедрении цифровых инструментов может стать так называемый «цифровой разрыв». Все описываемые решения рассчитаны на технически подготовленных граждан. Потребуются дополнительные действия органов власти, чтобы сделать инициативу общения в социальных сетях более инклюзивной и открытой для всех граждан. В этой связи актуален поиск решения проблемы цифрового разрыва[1].

Характер контента на платформах, сайтах и в социальных сетях органов власти имеет значение для вовлечения граждан во взаимодействие. Исследования показали, что мультимедийный контент, особенно фотографии и видео, повышает уровень вовлеченности. Исследование Marino V. и Lo Presti L. (2018 г.), проведённое на платформах социальных сетей европейских организаций (в основном, в Твиттере), подтверждает, что граждане заинтересованы в большем участии там, где типы контента касаются качества жизни, повседневной жизни и их системы ценностей[2]. В исследовании также подчеркивается, что «язык», посредством которого передается содержание, может быть ключевым элементом, влияющим на уровень участия граждан.

Становится очевидным, что очень важна работа модератора социальных сетей, мессенджеров, сайтов и платформ, который играет центральную роль в ориентации и вдохновении сообществ на поддержание взаимодействия на ресурсе. Чтобы успешно управлять ресурсом, модераторам необходимо понимать свои целевые группы и их поведенческие и социальные факторы, узнавая, как и почему они имеют интерес к странице.

Потенциальные преимущества социальных сетей по сравнению с другими ресурсами заключаются в удобстве использования, простоте распространения

---

[1] Погодина И. В. Препятствия вовлечению граждан в государственное управление // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 11. С. 46–48.

[2] См. например: Marino V., Lo Presti L. Engagement, satisfaction and customer behavior-based CRM performance: An empirical study of mobile instant messaging // Journal of Service Theory and Practice. 2018. June. // URL: DOI:10.1108/JSTP-11-2017-0222 (дата обращения: 22.11.2025).

информации и функциях обмена мультимедиа, а также более широком спектре возможностей для выражения реакции граждан (настроений). Однако, несмотря на свой потенциал, на довольно широкое вовлечение граждан в социальные сети, в том числе и опосредованно-принудительное (как это произошло со «Сферум» и тысячами школьников и их родителей, которым пришлось зарегистрироваться во «ВКонтакте»), по-прежнему остается проблемой активность общества, ответ государства, неучастие части граждан из-за цифрового разрыва и др., поскольку эта форма социального взаимодействия в Интернете является относительно новой и все еще развивается.

Потенциальные сферы для работы органов власти, которые могут принести пользу в деле вовлечения граждан в обсуждение, выработку решений, оценку действий власти, что в первую очередь важно для органов местного самоуправления следующие. Во-первых, график или частота публикаций могут не быть важным фактором для привлечения б**о**льшего числа подписчиков или обеспечения более высокого уровня вовлеченности, поскольку вовлеченность зависит от содержания, качества и подачи сообщений. Во-вторых, для поощрения более высокого уровня электронного участия страницы органов власти должны содержать креативно оформленные посты, которые привлекают внимание, предполагают участие и ориентированы на действия. В-третьих, органы власти должны активно набирать подписчиков на свои страницы, потому что большее количество подписчиков может привести к более высокому уровню участия и точно способствует достижению целей взаимодействия.

Как уже было неоднократно сказано, правовое регулирование данной сферы заметно опаздывает, однако оно уже началось. Учитывая изложенное выше, нормативные акты, которые бы регулировали данную сферу, как представляется, должны учитывать ряд принципиальных положений: государственные органы обязаны иметь страницы в социальных сетях и мессенджерах; вести их с учетом рекомендаций самой сети/мессенджера, практики коммуникации, правил и приемов, которые бы активизировали взаимодействие (указаны выше); учитывать комментарии и иные реакции пользователей, отвечать на них; комментарии при

определённых условиях (идентификация лица как одно из основных) считать обращениями.

В России нет закона о социальных сетях, несколько нормативных правовых актов, регулируют отдельные стороны их деятельности. Федеральный закон № 530-ФЗ от 2020 года ввел понятие «владелец социальной сети» и определил обязанности такого лица (модерация контента, рассмотрение обращений пользователей и др.)[1]. Государственные органы (с 1 декабря 2022 года) обязаны создавать и вести официальные страницы в социальных сетях для информирования граждан – «госпаблики». Каналы с числом подписчиков более 10 000 человек должны быть зарегистрированы на «Госуслугах» (с 2025 года), а в описании канала или страницы необходимо разместить ссылку на запись в реестре Роскомнадзора[2]. В 2025 году вступил в силу закон о запрете рекламы в запрещенных на территории РФ соцсетях (Instagram, Facebook (продукты компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), что сделано с целью ограничить финансовые поступления Meta.

Специальные законы, регулирующие социальные сети, приняты в нескольких странах мира. Но более распространена практика, когда отдельные нормы, которые регулируют деятельность сетей и их контент, взаимодействие с помощью сетей государства и общества, так же, как и в России, содержатся в нескольких актах. Такие нормы отличает динамичность, поскольку постоянно меняется ситуация, эмпирический опыт дает новые данные. Так, в Австралии в ноябре 2025 года были приняты правила (закон), по которым владелец социальных платформ принимает меры для предотвращения регистрации несовершеннолетних

[1] Статья 10.6. Особенности распространения информации в социальных сетях. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)

[2] Реестр социальных сетей на сайте Роскомнадзора. // URL: https://530-fz.rkn.gov.ru/information/ (дата обращения: 23.11.2025)

без согласия родителей, а также для удаления или деактивации уже существующих аккаунтов детей[1].

Специальный закон, посвященный социальным сетям, все же необходим, учитывая то значение, которое они приобрели в современном мире. В данном законе следует предусмотреть статьи (раздел) о взаимодействии общества и государства через социальные сети.

Летом 2025 года в России был принят специальный акт – федеральный закон «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Им предусмотрено создание мессенджера, который среди прочего смог бы обеспечить безопасное подписание документов с использованием электронных подписей, взаимодействие участников образовательных отношений, оказание проактивных услуг, предоставление информации, выполнял бы функции «документа» гражданина и пр. Национальный сервис собираются развивать на базе мессенджера MAX, разработанного компанией VK, его бета-версию запустили в конце марта 2025 года. Активная работа за полгода действия закона показала, что многие из задач выполнимы, количество пользователей мессенджера MAX достигло 50 млн. в октябре 2025 года[2].

Платформы, специально созданные для электронного взаимодействия, также требуют правовой основы. Так, в нашей стране Указом Президента РФ от 04.03.2013 № 183 были регламентированы отношения, которые возникают при использовании интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»[3]. О

---

[1] Австралия запретит пользоваться соцсетями подросткам младше 16 лет. Это самое строгое ограничение в мире. Русская служба BBC. 28 ноября 2024 // URL: https://www.bbc.com/russian/articles/czd593nvylno (дата обращения: 23.11.2025).

[2] РБК Life и пресс-служба мессенджера. // URL: https://www.rbc.ru/life/news/68ff41b19a7947675b46d10c (дата обращения: 23.11.2025).

[3] Указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (вместе с «Правилами рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива») // Собрание законодательства РФ. 11.03.2013. № 10. Ст. 1019.

проблемах, связанных с регулированием и использованием данного ресурса, было сказано выше.

Новые инструменты взаимодействия с обществом – платформы – используются и для привлечения граждан к созданию норм права. Как правило, такие ресурсы многофункциональны и выполняют, среди прочих, задачи по обеспечению граждан государственными услугами. Реже создают специализированные платформы, предназначенные непосредственно для цели взаимодействия законодательных органов и общества. Примерами специализированных сайтов являются порталы Чили («Congreso Virtual») и Бразилии («e-Democracia»). Обе платформы обладают технологическими возможностями проводить в онлайн-режиме публичные консультации с гражданами, обсуждать законопроекты и поправки к ним, рассматривать гражданские инициативы о проведении консультаций в отношении разработки законопроектов. Надо заметить, что обсуждения на РОИ (которая подвергается критике) идут более активно[1], но справедливо и то, что население нашей страны значительно больше, чем Чили, и активность (количество участников) объяснима.

Значительно более востребована в мире практика, когда создаются многофункциональные порталы, такие как отечественный ресурс – Госуслуги. Он позволяет собирать мнения и идеи граждан, информирует население, но его главное предназначение все же – предоставление услуг.

Таким образом, электронные инструменты, используемые органами власти при взаимодействии с обществом, – это на сегодняшний день социальные сети, мессенджеры, платформы государственных услуг, специально созданные ресурсы (например, краудсорсинговые платформы сбора идей, платформы для обсуждения законопроектов и выдвижения инициатив), а также коммуникация по электронной почте. Не все из применяемых инструментов получили правовое регулирование, поэтому, формально расширив права граждан при взаимодействии, они не

[1] См., например: Инициатива № 77Ф127049 (Уровень инициативы: Федеральный) Ужесточение уголовной ответственности за многократный рецидив преступлений. // URL: https://www.roi.ru/127049/ (дата обращения: 20.04.2025).

обеспечили их фактически. Только нормы права смогут гарантировать и обеспечить права участников, а в данном случае граждан при организации взаимодействия общества и государства.

Выводы по главе:

Модель взаимодействия общества и государства «модель участия граждан в реализации функций государства» определим как организацию взаимоотношений общества и власти с широким совместным управлением, что предполагает активное включение негосударственных субъектов в процессы управления (или принятия решений), непосредственное участие в процессах администрирования, принятие решений консенсусом, стимулирование самостоятельности в принятии решений и ответственности за свои действия.

В расширении участия граждан заинтересованы все современные страны мира, лидерами в этих процессах признаны Великобритания и США. Их опыт, в том числе и в правовом регулировании сферы, полезен для анализа, несмотря на разницу в подходах, традициях.

Доказано практикой, что инструменты вовлечения граждан способствуют совместному принятию решений, когда граждане могут обсуждать вопросы, связанные с их жизнью, влияющие на их будущее. Органы власти последние десять лет используют широкий спектр инструментов электронного взаимодействия для расширения участия граждан в государственном управлении и непосредственного удовлетворения их потребностей. К ним относятся веб-сайты с возможностью обратной связи, электронная почта, е-опросы, социальные сети, приложения, специальные платформы, виртуальные встречи, SMS, мессенджеры и др. Хотя эти инструменты не могут решить все проблемы вовлечения граждан, они значительно облегчают взаимодействие государственной администрации с гражданами. Указанные инструменты повлияли и на институт обращений.

Право граждан на обращение относится к конституционным и имеет существенное значение в сфере взаимодействия. Федеральный закон от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской

Федерации» нуждается в дополнении норм видами обращений, такими как консультация, выражение мнения, передача/предоставление информации, что должно стимулировать участие граждан и придать иной характер взаимодействию общества и власти при некоторых обращениях (когда не нарушены права граждан, а речь идет об активном гражданском участии в делах общества и государства). Предложенные виды основаны на инициативности граждан, которые обращаются к государственной администрации по своей воле, проявляя гражданскую активность, неравнодушие, креативность, тратя свое личное время и применяя свои навыки. Введение новых видов обращений будет способствовать тому, что можно назвать «потребительской информацией» и «политическим вкладом» граждан[1]. В связи с изложенным предлагается дополнить статью 4 указанного закона № 59-ФЗ «Основные термины, используемые в настоящем Федеральном законе» нормативного правового акта видами обращений и изменить само понятие обращения.

В целом, вовлечение общественности в принятие решений воспринимается как ресурсоемкий и дорогостоящий процесс, однако быстрое внедрение технологий, в том числе технологий социальных сетей, привело к существенным изменениям в том, как происходит (или может происходить) взаимодействие, гражданское участие, как быстро и относительно просто привлечь и активизировать население.

Новые технологии, такие как специальные платформы, мобильные приложения, социальные сети и другие цифровые инструменты, повлияли на то, как органы власти взаимодействуют с обществом, информируют граждан, оказывают государственные услуги, демонстрируют свою работу и ищут идеи для политической повестки. Цифровизация взаимодействия подразумевает большие возможности для сотрудничества государства с гражданами. Меняется характер взаимоотношений граждан с администрацией: расширяется вовлеченность

[1] Townley Ch., Koop Ch., Exploring the potential and limits of digital tools for inclusive regulatory engagement with citizens // Government Information Quarterly. 2024. Vol. 41, Is. 1. 101901. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101901 (дата обращения: 01.09.2025).

населения в принятие решений, соответственно, должен измениться порядок принятия решений, их качество, прозрачность. Взаимодействие общества и государства становится сотрудничеством, роль общества увеличивается, граждане принимают на себя часть ответственности за выбранные решения, их реализацию. Реакции граждан как пользователей сетей и приложений увеличивают уровень разрешенных проблем. При этом замечено, что электронное участие оказывает более сильное влияние на сложные проблемы, чем на более простые[1].

Технико-технологическая сторона взаимодействия общества и государства влияет на социально-экономическую и требует оформления правовой стороны отношений. Доказано, что правительства не могут оставить цифровое пространство без регулирования. Акты, принимаемые в этой сфере, отличаются программным характером и динамизмом норм.

Общемировая практика заключается в том, что приняты разрозненные законы, которые касаются разных аспектов, например, возрастных ограничений для пользователей социальных сетей и мессенджеров (Австралия, Германия, Бельгия) или требований к платформам по удалению противозаконного контента (Германия, Китай).

Вероятно, пришло время принятия единого акта (закона) о социальных сетях, где можно было предусмотреть и правила взаимодействия государства и общества. Конечно, принятие специального закона об электронном взаимодействии (с нормами и о социальных сетях, и о мессенджере, и о работе сайтов, специальных платформ) было бы идеальным правовым регулированием вопросов. Однако пока в условиях апробирования инструментов электронного взаимодействия такое решение реализовать затруднительно. Как известно, перечень инструментов электронного взаимодействия государства и граждан довольно обширен, постоянно появляются новые инструменты.

---

[1] Allen B., Tamindael L. E., Bickerton S. H., Cho W. Does citizen coproduction lead to better urban services in smart cities projects? An empirical study on e-participation in a mobile big data platform // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37. Is. 1. 101412. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.101412 (дата обращения: 31.08.2025).

Глава 4 ЮРИДИКО-ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

4.1 Сущность юридико-цифровой культуры взаимодействия общества и государства и механизмы ее реализации

Взаимодействие общества и власти претерпевает существенную трансформацию, связанную с изменением философии выстраивания взаимоотношений в современном государстве, изменчивостью политико-правового режима в результате общественного развития. Все это происходит на фоне процессов глобализации, появления новых информационных технологий, небывалого ускорения их внедрения и при этом парадоксальной неактивности граждан, которым созданы уникальные условия не только для удобных и дистанционных актов взаимодействия с государством, но и для участия в решении социальных задач и проблем.

Новый подход к взаимодействию общества и государства, да и к государственному управлению в целом, основан на привлечении общества к сотрудничеству. Аксиоматичным стало утверждение, что участие общества в реализации функций государства, принятии решений, может изменить качество управления, качество жизни граждан. Кроме того, активизация гражданского участия, усиление общественного контроля, демонстрация обратной связи, оценка работы органов власти потенциально должны сделать деятельность органов власти еще более прозрачной, а государственных служащих – подотчетных гражданам[1]. Но, как уже говорилось выше, вовлечение населения в сотрудничество при разрешении общественных дел, да и просто во взаимодействие, когда у лица нет

[1] Погодина И. В. Вовлеченность граждан в государственное управление или «совместное руководство»: методы и формы // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 6–8.

нужды решать собственные проблемы, остается сложной задачей для государственной власти. Причем такая ситуация характерна для всех стран мира. Тем не менее органы власти пытаются вовлечь население в диалог, повысить гражданскую активность, создают условия для участия граждан, ведут поиск новых инструментов взаимодействия и активно их внедряют.

Препятствий для регулярной и эффективной «совместной» деятельности довольно много, и одно из существенных, которое невозможно преодолеть за короткий срок точечными действиями, внедрением новых инструментов или принятием тематического закона, является отсутствие или низкий уровень так называемой «культуры взаимодействия» гражданина с государством.

Под словосочетанием «культура взаимодействия» гражданина с государством подразумевается целый спектр социальных явлений (ценностные установки, поведенческие модели, исторические нарративы, воспитание и его принципы и др.), которые демонстрируются в отношениях с государством, основанных на потребностях человека, в том числе коммуникативных, на необходимости решить свои проблемы, достигнуть своих интересов, а также на его желании быть услышанным, вовлеченным и включенным в дела общества. Сходные понятия, например, «культура участия», «электоральная культура», используются в более узких значениях не только в политологии и юриспруденции, но и в музеологии, педагогике[1] и других сферах.

Представляется, что термин «культура взаимодействия общества и государства» – более общий для указанных и иных видов культуры граждан, которую проявляют члены общества во взаимоотношениях с государством, и способен охватить такие виды культуры, как культура участия, культура обращений, культура в избирательном процессе и др.

Культура участия рассматривается специалистами в области политических наук как один из основных типов политической культуры – активистская культура. Кроме этого типа, выделяют такие типы культуры граждан, как подданническая

[1] Короткова М. В. Культура участия и партиципаторные стратегии в музейной педагогике // Наука и школа. 2020. № 4. С. 97–102.

культура и патриархальная культура[1]. Культура участия от других типов отличается отчетливой ориентацией гражданина на роль в жизни общества, особенно политической, на обретение достаточного личного статуса в политической системе. В то же время в контексте нашего исследования политологический подход к описанию «культуры участия» представляется не очень продуктивным, поскольку участие граждан не ограничивается исключительно сферой политики. Как показывает социальная практика, участие граждан возможно в сфере осуществления исполнительной власти (например, посредством функционирования общественных советов при органах власти, участие в работе комиссий по кадрам, общественном контроле и др.), осуществления правосудия (отправление правосудия судом присяжных). Эти проявления гражданской активности тоже должны охватываться термином «культура участия» и/или еще более широким – «культура взаимодействия». Подходы к понятию «культура участия» очень разные, его соотношение с иными терминами («политическая культура», «гражданская культура», «правовая культура» и др.) не установлено. Вероятно, будет правильным определить, что ключевым моментом при отнесении социальных явлений к культуре участия будет активность граждан, а культура взаимодействия – более широкое понятие, которое включает и те случаи, когда граждане не активны в социальном смысле, не ориентированы на проблемы общества, но участвуют во взаимоотношениях с государством (например, решают свои личные проблемы, обращаются за получением государственных услуг).

После работ Г. Алмонда и С. Вербы распространился и стал весьма популярен термин «гражданская культура»[2]. В их трактовке гражданская культура

[1] Г. Алмонд и С. Верба выделили три «идеальных» типа политической культуры, которые позволили многим политологам проанализировать отношения граждан и государства в разных странах: приходская, подданническая, активистская политическая культура. См., например, ресурс Учебно-методического Объединения (УМО) по классическому университетскому образованию МГУ. // URL: http://www.umo.msu.ru/russia_xxi_new/book/section0131.html (дата обращения: 22.03.2025).

[2] Almond G. A., Attitudes, Political and Civic Culture / Editor(s): James D. Wright // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), 2015. P. 190–192. URL: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.93017-4 (дата обращения: 22.03.2025).

– разновидность политической культуры и предпосылка возникновения и устойчивости современной формы демократии[1]. Словосочетание появилось еще до работы «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти нациях» (1963 г.) указанных авторов, но стало популярно благодаря именно ей. Г. Алмонд и С. Верба рассматривали гражданскую культуру как тип смешанной политической культуры, некий сбалансированный вариант, характеризующийся сочетанием патриархальных и подданнических политических установок.

В отечественной литературе о гражданской культуре пишут разное. Так, гражданская культура в понимании Д. И. Плетнева трактуется как идеальное образование – «социальная форма», – упорядочивающая («формующая») общество в соответствии с принципами гражданского общества[2]. С. В. Петрова под гражданской культурой понимает тип политической культуры и отмечает, что она не существует в своем идеальном виде, а является нормативной моделью[3]. А. А. Васюк обращает внимание на то, что подходы к выделению сущностных признаков и функций гражданской культуры остаются дискуссионными, несмотря на многолетнее изучение феномена[4].

Представляется уместным вывод, что в современном обществе гражданская культура, скорее, не тип политической культуры, а ее модификация. Если гражданскую культуру понимать как тип политической культуры, учитывая, что ее остальные типы – это культура участия (активистская культура), патриархальная культура, подданническая культура, то нарушается логика рассуждений. По нашему мнению, гражданская культура – это либо модификация политической, либо нечто более широкое.

---

[1] Статья «Гражданская культура». Большая российская энциклопедия. // URL: https://bigenc.ru/c/grazhdanskaia-kul-tura-c47445 (дата обращения: 22.03.2025).

[2] Плетнев Д. И. Гражданская культура как культура согласия общества и государства: автореф. дис. … канд. философ. наук. Томск, 2005. С. 5.

[3] Петрова, С. В. Гражданская культура: теоретическая модель и практическая реализация в процессе демократических реформ в России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 7, 9.

[4] Васюк А. А. Гражданская культура: подходы к определению и основные функции // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. 2019. № 2 (28). С. 90–96.

В правовых исследованиях (прежде всего, выполненных в рамках общей теории государства и права, конституционного и муниципального права) главным образом рассматривается культура участия граждан в электоральных процедурах (выборах и референдумах), которая обозначается термином «электорально-правовая культура». Данное понятие включает правовые нормы, ценности, юридические институты, методы и формы, функционирующие в рамках избирательного процесса[1]. Электорально-правовая культура рассматривается в двух значениях: широком (правовая культура всех участников избирательного процесса) и узком (культура избирателей-граждан)[2].

Социологи тоже обращаются к понятию электорально-правовой культуры населения. Так, И. В. Игнатушко предлагает авторскую трактовку электорально-правовой культуры как подсистемы политической культуры, исторически сформированной в условиях конкретного социально-политического пространства и как медиаторный механизм поля политики, направленный на преодоление социальных противоречий интересов участников политического процесса[3].

Продолжая высказанную выше мысль, укажем, что современные граждане остаются неактивны, предпочитая пассивно наблюдать за происходящими событиями, что россиянам свойственны подданнические настроения и приверженность к политической культуре «наблюдателей»[4]. Т. Н. Самсонова и Е. С. Шпуга отмечали, что у нас несколько снижен гражданский потенциал культуры, недостаточно развит средний класс, являющийся основой активного общества[5].

---

[1] Навальный С. В. Электорально-правовая культура, вопросы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 30 с.

[2] Артамонова Н. В. Правовая культура избирателей как базовая конституционно-правовая ценность // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 3 (53). С. 92–95.

[3] Игнатушко И. В. Электорально-правовая культура населения в условиях трансформации избирательного процесса в странах постсоветского пространства: автореф. дис. … канд. соц. наук. Майкоп, 2018. С. 8–9.

[4] Самсонова Т. Н. Формирование гражданской культуры в современной России // Россия и мусульманский мир. 2013. № 8 (254). С. 5-11.

[5] Самсонова Т. Н., Шпуга Е. С. К вопросу о консолидации современного российского общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 98-118.

Возвращаясь к вопросу о соотношении предлагаемого понятия «культура взаимодействия» и уже используемых «культура участия» и «электорально-правовая культура», констатируем, что они соотносятся как целое и части. Электорально-правовая культура – один из видов культуры участия, проявляющийся в формировании выборных органов власти. Культура участия – у́же понятия культуры взаимодействия, поскольку подразумевает активные действия граждан, направленные на решение общих задач социума, реализации функций государства, оставляя за своими границами случаи решения индивидуальных вопросов, получения государственных услуг и др.

Сама культура взаимодействия входит в более широкое понятие «гражданская культура». При этом она несколько шире, чем политическая культура, а потому нельзя обойтись понятием «политическая культура», не вводить новые термины «культура взаимодействия» и «культура участия». Дело в том, что культура взаимодействия, равно как и культура участия, – это понятие, связанное с участием граждан не только в политике, но и в других сферах общественной жизни. Имеется в виду, что люди действуют в различных областях жизни общества, независимо от своего отношения к политике. Деятельность граждан предполагается при подготовке решений из самых разных сфер, обсуждении важных вопросов и участии в политических, общественных, правореализационных, правоохранительных и финансовых процессах. Примеры участия граждан в жизни общества и государства включают разные формы деятельности граждан в общественной жизни. Например, политическое участие, оценка государственных услуг, диалог с властью и обмен мнениями в соцсетях по конкретным вопросам, соавторство проектов и др. Эти примеры демонстрируют разнообразие сфер и форм взаимодействия, которые обеспечивают осознанное влияние граждан на решение личных, общественных и государственных задач.

Для интерпретации термина «культура взаимодействия общества и государства» следует основываться на позиции, что он производный от категории «культура», которая, в свою очередь, сложна и неоднозначна. Феномен культуры относится к междисциплинарной области знания. При этом каждая из дисциплин

предлагает свои трактовки понятия, его наполнения[1]. Так, Н. В. Карпова указывает на особенность социологического подхода в исследовании культуры, который, по ее мнению, заключается в рассмотрении этого явления как совокупности норм, ценностей, традиций, опыта, разделяемых конкретным сообществом людей и регулирующих их жизнедеятельность[2]. Культура рассматривается философией как творческая деятельность людей во всех сферах бытия и сознания, все рукотворное и социальный процесс[3].

В англоязычной литературе под «культурой участия» (culture of participation) понимают создание и распространение своих творений на основе гражданской активности и художественной свободы[4]. При соединении смыслов культуры, гражданского активизма, участия и политики появляются новые термины, например «политическое участие», имеющие новое наполнение. Поиск в базе данных Скопус (Scopus) по ключевым словам «Political participation» AND «culture» дал более 70000 результатов. Ограничение по социальным и поведенческим наукам сузило это число примерно до 1300 наименований статей. Это, в частности, свидетельствует о том, что тема культуры участия и ее формирования, повышения весьма волнует ученых разных стран мира. Поиск в разделе «объявления о защитах» на сайте Высшей аттестационной комиссии за двадцатилетний период (с 2004 по 2024 г.) по запросу «правовая культура» (в названии диссертации) дает более десяти работ, большая часть из которых не подходит для контекста настоящего исследования. И ни в одной из полученных таким поиском работ не анализируется культура участия или культура взаимодействия.

Учитывая сказанное выше, особенно сложность категории «культура», принимая во внимание философский подход, считая определение «гражданской

---

[1] Карпова Н. В. Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22, № 1. С. 182–199.

[2] Карпова Н. В. Указ. соч.

[3] См., например: Дзевенис А. А. Философия культуры // Дальневосточный аграрный вестник. 2013. № 1 (25). Р. 47-52; Статья «Культура» Философский словарь // URL: https://www.harc.ru/slovar/1070.html (дата обращения 10.02.2025).

[4] Jenkins, H. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. J. D. and C. T. MacArthur Foundation. Chicago, 2006. P. 5–7, 19–20, 3–4.

культуры» Г. Алмонда и С. Вербы классическим и основываясь на распространенном у юристов подходе, согласно которому правовая культура представляет собой совокупность правовых ценностей (Л. А. Петручак[1], В. Н. Карташов, М. Г. Баумова[2]), сформулируем определение культуры взаимодействия общества и государства. Культура взаимодействия – совокупность ценностей, норм, традиций, опыта, ориентаций, разделяемых конкретным сообществом людей, а также паттерны (образцы) поведения, находящие выражение в моделях поведения, при которых граждане участвуют в отношениях с государством: при получении/оказании государственных услуг, при обращении в органы власти, при участии в осуществлении функций государства и местного самоуправления, при решении общественно значимых вопросов, при оценке работы органов власти.

Видами культуры взаимодействия являются культура участия, культура обращения, электоральная культура, культура общественного контроля, культура оценки решений и действий органов власти и пр. Классификацию целесообразно проводить по сферам взаимодействия общества и государства. При этом культура участия – термин во многом синонимичный культуре взаимодействия, но он охватывает ту ее часть (на наш взгляд, большую), где требуется гражданская активность, инициативность, где на первом месте стоят интересы общества, а не конкретного лица (Рис. 4).

[1] Петручак, Л. А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2012. 453 с.

[2] Карташов, В. Н. Правовая культура: понятие, структура, функции : монография / В. Н. Карташов, М. Г. Баумова ; В. Н. Карташов, М. Г. Баумова ; редкол.: В. Н. Карташов [и др.] ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : Ярославский гос. ун-т, 2008. 200 с. (Ярославская юридическая школа начала XXI века).

Рисунок 4 – Соотношение культуры взаимодействия общества и государства, культуры участия и иных видов культуры (источник: составлено автором)

В зависимости от сфер, где строятся взаимоотношения и требуется гражданская активность, можно выделить несколько видов культуры участия: культура взаимодействия в публичном управлении (осуществлении функций исполнительной власти), культура участия граждан в формировании выборных органов власти (электорально-правовая культура), культура участия граждан в осуществлении судебной власти, культура участия граждан в осуществлении законодательной власти, культура участия в общественной жизни и др. Ю. В. Самородов много работает над понятием «правотворческая культура», отмечая, что цифровизация во многом определяет ее в настоящее время[1].

Культуру взаимодействия общества и государства характеризуют такие признаки, как: диалогичность, открытость, прозрачность, доверие, законность, взаимная ответственность участников отношений, толерантность, компромисс,

[1] Самородов В. Ю. Цифровизация в современной культуре правотворчества: тренд на обновление и позитивная тенденция правовой жизни // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4, №. 14. С. 166, 168.

низкие барьеры для самовыражения и гражданской активности, обмен мнением с другими, убеждение участников, что их вклад имеет значение, социальная связь участников друг с другом.

Функции культуры взаимодействия определяют ее значение и включают в себя:

– контроль за деятельностью власти со стороны общества;

– выявление и решение социальных проблем;

– образование и просвещение (участие в общественной жизни способствует повышению уровня грамотности и информированности граждан, которые становятся более осведомленными о своих правах, о работе государственных институтов, об экономике и пр.);

– развитие гражданского общества (культура взаимодействия способствует формированию активной гражданской позиции, укрепляет социальную сплоченность и солидарность, делая общество более устойчивым к внешним угрозам, создаются условия для развития некоммерческих организаций и инициатив);

– формирование идентичности (граждане осознают свою принадлежность к определенной социальной группе или сообществу, чем, в свою очередь, укрепляется национальная и культурная идентичность, развивается чувство ответственности за будущее своей страны);

– стимулирует новые подходы к решению социальных и экономических проблем;

– защита прав и свобод (граждане могут защищать свои права и свободы, требовать соблюдения законов и гарантий, что предотвращает злоупотребления властью и обеспечивает соблюдение принципов правового государства).

Взаимодействие общества и государства существовало всегда, с тех пор как можно говорить об образовании государств, соответственно, культура взаимодействия также сопровождает общество всю его «государственную» историю. Внедрение цифровых технологий меняет культуру взаимодействия. В

связи с тем, что все более популярной формой взаимодействия общества и государства становится цифровая форма, можно констатировать, что культура взаимодействия может быть разделена на виды: традиционную и цифровую. Цифровая культура взаимодействия – это совокупность ценностей, норм, традиций, опыта, ориентаций, разделяемых конкретным сообществом людей, а также паттерны (образцы) поведения, находящие выражение в моделях поведения, при которых граждане участвуют в отношениях с государством в цифровой форме, при помощи технологий. Поскольку взаимодействие большинстве случаев регулируется нормами права (или должно регулироваться), регламентировано, то можно говорить о юридико-цифровом взаимодействии и культуре юридико-цифрового взаимодействия.

Элементами культуры юридико-цифрового взаимодействия будут: ценностные и исторически обусловленные установки (например, общественное обсуждение и диалог с властью, участие в избирательном процессе, доступ к информации), поведенческие модели (например, неравнодушие, волонтерство, активная гражданская позиция, традиция участия), воспитание, просвещение, образование (они вместе формируют политическую, правовую, цифровую грамотность). Элементы культуры взаимодействия и сегодня, и много лет назад, когда об электронном взаимодействии еще не шло речи, по сути, остаются одинаковыми. Цифровизация привнесла в культуру взаимодействия новые поведенческие модели, связанные с использованием технологий, новые компоненты образования и просвещения, обусловленные теми же технологиями и направленными, в том числе, на сокращение цифрового разрыва.

Определим и препятствия, которые сдерживают формирование юридико-цифровой культуры взаимодействия: отсутствие повсеместного свободного доступа к информации, в том числе о деятельности органов власти, доступа к интернет-ресурсам и связи, консервативный менталитет российских граждан, низкий уровень правового сознания и компьютерной грамотности.

Как уже указывалось выше, у большинства граждан нет привычки, образования и/или компетенций для взаимодействия с органами власти, особенно

для участия в публичном управлении, в решении общественных и государственных задач. В то же время наблюдается недоверие к власти, скептицизм насчет принимаемых ею решений, неверная оценка своего участия. Повышение уровня культуры взаимодействия должно сподвигнуть граждан потратить свое личное время и жизненный опыт, чтобы внести вклад в жизнь своего сообщества.

Культура взаимодействия – это словосочетание, которое может быть использовано в различных сферах и с разными значениями. В настоящей работе в большей мере говорится о политической и гражданской активности в обществе, реализуемой, в том числе, в цифровой форме. Очевидно, что культура взаимодействия — это комплексное явление, которое пока не представляет собой монолитной концепции. В настоящее время созданы разнообразные возможности для граждан, для реализации их прав, достижения личных интересов и удовлетворения потребностей, для участия в жизни общества и страны. Соответственно, необходимо вырабатывать привычку и потребность взаимодействовать, показывать, как это делать, демонстрировать результаты взаимодействия, его ценность, тем самым стимулировать к активной составляющей взаимодействия – участию – и прививать культуру взаимодействия. Высокий уровень культуры, помимо понимания и знания правил взаимодействия, привычки участвовать, умения выражать свое мнение, обращаться к власти, понимания важности активной гражданской позиции, также должен помочь привлечь новые практики использования медиа, связанные, прежде всего, с обменом информацией, ее публикацией, дачей рекомендаций, комментированием, эффективным использованием цифрового контента.

Содержательные характеристики конституционной категории «участие граждан в управлении делами государства», ее новые формы требуют проведения теоретического исследования. Отдельного обсуждения требуют вопросы правовой и политической пропаганды и правового гражданского просвещения.

Итак, термин «культура взаимодействия» довольно широкий и не определён в литературе. «Культура участия» – основная часть культуры взаимодействия, как термин используется чаще в политологии, но уже встречается и в юриспруденции.

Политологи считают ее [культуру участия] одним из основных типов политической культуры. Последняя, в свою очередь, – это одно из базовых и уже классических понятий для политической науки. Но участие граждан возможно и необходимо не только в политической сфере, но и в области исполнительной власти, осуществления правосудия, а также в решении дел региональных и местных сообществ. Проявления гражданской активности в данных сферах, на наш взгляд, тоже должны охватываться термином «культура участия».

Приемы и принципы формирования активистской культуры в литературе упоминаются, но обзорно и не конкретно (организация контроля снизу, обсуждение местных проблем, контакты политической элиты с населением, пропаганда участия и пр.). Для повышения уровня культуры взаимодействия в обществе необходимо изучить механизм ее формирования, определить его элементы и использовать их. Сфере взаимодействия общества и государства в цифровой форме будет свойственна некоторая специфика, связанная с цифровыми инструментами.

Термин «механизм» используется в гуманитарных науках много десятков лет, но, несмотря на частоту использования и широту применения, единой общепринятой трактовки данного понятия так и не выработано. Да и в технических науках заметны разные подходы к термину, которые могут варьироваться в зависимости от контекста, в котором понятие используется. Различные области знания анализируют конкретные механизмы формирования того или иного явления, связанные с их предметами. Изучение механизма формирования имеет решающее значение в дисциплинах для понимания того, как явления возникают или развиваются.

Ю. В. Горбунов на основании экономической литературы приводит такое понятие механизма: «целенаправленно функционирующая система методов, инструментов, рычагов и процедур взаимодействия различных субъектов и объектов представляет собой сложную по природе, интегральную по форме, динамично функционирующую организацию»[1]. Приведенный подход к понятию

[1] Горбунов Ю. В. О понятии «механизм» в экономических науках // Экономика. Профессия Бизнес. 2018. № 2. С. 17–21.

довольно широкий и подходит для целей настоящего исследования. Кратко определим механизм формирования юридико-цифровой культуры взаимодействия общества и государства как совокупность инструментов и процессов, связанных с ее появлением и развитием. Мы определили культуру взаимодействия как совокупность ценностей, норм, традиций, опыта, ориентаций и образцов поведения, вместе с моделями поведения, при которых граждане коммуницируют с государством, обращаются к власти, оценивают ее работу, участвуют в осуществлении функций государства, решении общественно значимых вопросов. Чтобы формировать культуру взаимодействия в обществе, необходимо принять во внимание много аспектов, которые оказывают влияние на развитие и функционирование общества. Культура в целом играет решающую роль во взглядах на ценности, нормы и образ жизни людей, она начинается с воспитания в семье и распространяется на институты общенациональной культуры. Культура взаимодействия как часть общей культуры общества имеет определяющее значение в отношениях граждан и власти, влияет на поведение людей в процессах взаимодействия. Ее начало также следует искать в семье, но на ее формирование заметное влияние оказывает система образования и иные социальные институты.

Рассмотрим процессы появления и развития культуры взаимодействия общества и государства, в том числе и той ее части, которую в настоящей работе именуем юридико-цифровой культурой взаимодействия. Процессы должны быть устойчивыми на протяжении длительного периода, повторяемыми.

Описывая механизмы формирования «культуры недоверия», И. В. Бояринова и Ж. А. Шаповал выделяют их типы в зависимости от ключевых оснований функционирования: социально-психологические, социоэкономические, социокультурные, политические, криминологические[1]. Следует заметить, что исследователи в основном описывают факторы, влияющие на формирование культуры недоверия, а не сами механизмы. Однако следует признать, что избранный классификационный подход к механизмам формирования культуры

[1] Бояринова И. В., Шаповал Ж. А. Механизмы формирования «Культуры недоверия» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 5. С. 22–24.

довольно обоснованный и можно применить предложенное деление и для механизмов культуры взаимодействия. Вслед за указанными авторами разделим механизмы культуры взаимодействия (как цифровой, так и традиционной) на психологические, экономические, культурные, политические, образовательные и правовые.

Первая группа механизмов воздействует на участников отношений за счет влияния на ценности и установки индивидов. При этом транслируются образцы поведения, связанные с активной гражданской позицией. Паттерны могут демонстрировать участники (особенно лидеры) социального сообщества, в которое входит человек. Например, руководитель организации/подразделения сообщает о том, что он идет на выборы, выбирает голосование в форме ДЭГ, обсуждает работу на краудсорсинговой законодательной платформе, рассказывает, как посетил общественные слушания и какой результат получен. Сообщать данную информацию можно устно (в личных беседах, на совещаниях), в социальных сетях и др. Помимо руководителей такой пример могут демонстрировать известные люди (певцы, спортсмены, блогеры и т. д.). Роль общества в формировании «культуры взаимодействия» велика, влияние проявляется часто в «спонтанном» социализирующем воздействии. Если в социальной среде доминируют практики, связанные с активным поведением, выражением своей позиции, участием в выборах и т. п., то лица, находящиеся в такой среде, как правило, тоже будут приобщаться к подобным поступкам, которые позже могут превратиться в привычки. Любая культура, в том числе и культура взаимодействия, имеет особенность проявляться через значимое поведение членов сообщества, которое идентифицируется через набор управленческих и надзорных практик. Культура подобна конфигурации усвоенного поведения, элементы которого разделяются и передаются членами организации/сообщества. Культура взаимодействия — это интегрированный набор поведенческих моделей. Они типичны для социальной группы, усваиваются внутри группы и передаются новым поколениям. Культура служит ориентиром для членов сообщества и дает рекомендации о том, как люди должны себя вести.

К психологическим механизмам отнесем и социальную рекламу. На билбордах, в СМИ, в Интернете и в видеороликах можно транслировать «правильное» поведение граждан, объяснять пути и правила взаимодействия с государством. При проектировании пространств (фасадов зданий, помещений, парков, общественных мест) можно учитывать психологические аспекты: призывать к участию, демонстрировать успешный опыт, размещать информационные таблички, информацию, куда можно обратиться, в том числе с предложениями и т. д. Выстроенная система признания заслуг активных граждан также должна быть отнесена к психологическим инструментам формирования культуры участия.

К экономическим механизмам формирования культуры взаимодействия относятся экономические меры поддержки, в том числе финансовые (выплаты участникам взаимодействия, предоставление льгот, устройство и организация пунктов для взаимодействия и т. д.), то есть посредством рыночных отношений и государственного вмешательства. Эти механизмы включают как прямое финансирование исследуемой сферы государством, так и косвенное стимулирование через налоговые льготы, гранты и субсидии.

Бюджетное финансирование с выделением средств на поддержку мероприятий и объектов, которые необходимы для организации взаимодействия (МФЦ, специально созданные пункты и др.), обеспечивает доступность взаимодействия для широких слоев населения. Налоговые льготы могут предоставляться организациям, занимающимся правовым просвещением, помощью в защите прав граждан, выдвигающим и реализующим социальные инициативы, а также частным лицам, активно участвующим в общественных и государственных делах. Гранты и субсидии предоставляются для поддержки отдельных проектов организаций, и частных лиц, участвующих в реализации функций государства. Такие средства могут использоваться, в том числе, для проведения исследований, организации образовательных программ и т. д. Развитие инфраструктуры подразумевает инвестиции в разные объекты, которыми могут быть центры (многофункциональные), библиотеки, избирательные участки и иные

общественные пространства, что способствуют созданию условий для эффективного взаимодействия. К экономическим механизмам отнесем и материальное поощрение активных участников общественных и государственных процессов (подарки, призы, поощрения за участие, налоговые льготы, предоставление билетов на мероприятия, путевок и т. п.) и, конечно, проведение связи во все регионы страны, предоставление бесплатного доступа к Интернету в библиотеках, КТОСах, домах культуры, больницах. На экономические механизмы формирования культуры взаимодействия влияют социальная поляризация населения, нехватка средств на хорошую связь, Интернет, технику, необходимость работать в нескольких местах, что дает усталость и нехватку времени на взаимодействие с государством, особенно на активное – гражданское участие. Для преодоления указанных негативных факторов также нужны экономические меры поддержки. Государственная власть, задействовав различные ресурсы, должна взять на себя усилия, которые позволят ей достичь целей и задач построения эффективного взаимодействия с обществом.

Результаты исследования по 96 странам, проведенного М. Цизисено (M. Ciziceno) и П. Пиззуто (P. Pizzuto), подтверждают идею о том, что благополучие, как правило, положительно связано с моральной честностью граждан в целом[1]. Иными словами, благополучное в экономическом плане население значительно больше доверят правительству, платит налоги, откликается на правительственные инициативы.

Культурные механизмы формируются достаточно медленно и связаны с историей, традициями, общественной моралью, религией, этикой и сами во многом обусловлены факторами, перечисленными выше. Представляется, что демонстрация активного гражданского поведения в кинофильмах, мультфильмах, в спектаклях, в литературе будет способствовать формированию гражданского общества в его идеальном представлении. Религиозные деятели также могут и

[1] Ciziceno M., Pizzuto P., Life satisfaction and tax morale: The role of trust in government and cultural orientation // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 2022. Vol. 97. 101824. // URL: https://doi.org/10.1016/j.socec.2021.101824 (дата обращения: 28.03.2025).

должны демонстрировать активное гражданское поведение, объяснять прихожанам необходимость и ценность их вклада в общественную и даже государственную жизнь.

Политические механизмы связаны с политической коммуникацией. Имеются в виду встречи народных избранников с избирателями, институт наказов, предоставление информации о решении вопросов депутатами, их выступления в СМИ, открытие приемных депутатов и партий и др. Сложился стереотип, что политическая коммуникация имеет одностороннюю направленность, что гражданам невозможно влиять на политические решения. Такое преобладающее мнение способствует отказу от любых форм общественного активизма и пассивного взаимодействия. К негативным факторам политической сферы относятся также непрозрачность власти и процесса принятия решений, отрицательный эффект отдельных политических действий. Для устранения данных причин требуется открытость власти, встречи депутатов с избирателями, реальное решение вопросов, сообщение об этом в СМИ и соцсетях.

Образовательные факторы, влияющие на формирование культуры взаимодействия, – это недостаток компетенций и знаний у населения о том, как взаимодействовать с государством, зачем участвовать в общественной жизни, в решении государственных задач, какова структура и компетенция органов власти. Соответственно, механизмами в сфере образования должны стать образовательные программы и их элементы, которые повышают правовую и политическую грамотность населения, показывают правильные установки, учат гражданственности. Программы должны быть построены на принципах непрерывности и начинаться на дошкольном уровне образования. Систематичность образования заключается в наличии разных уровней его организации, научности методологии и многоплановости контекста.

Правовые механизмы культуры взаимодействия относятся к процессам, посредством которых культура развивается, передается и поддерживается в обществе. Культура взаимодействия общества и государства включает в себя совокупность конкретных правовых идей, норм и ценностей, которые формируют

правосознание и влияют на отношение общества к праву, политике, созданию законов, выборам, работе органов власти, государственным услугам. К этому виду механизмов относятся письменные правовые памятники, действующие правовые акты, международные договоры, правоприменительные акты и т. п. Ведущая роль, конечно же, у действующих норм права. Самым эффективным механизмом правовой группы будут являться принятые нормы права, которые устанавливают и гарантируют права и свободы граждан, регулируют обращения граждан, ответственность за неявку на выборы, льготы за активное участие в жизни общества и информирование власти и т. п.

Официальные заявления о принимаемой философии и идеологии, миссии государства и общества также отнесем к правовым механизмам, поскольку на их основе строятся стратегии, национальные проекты, дорожные карты развития и принимаются нормы права. Согласимся с С. В. Плетниковым, что формулировка и принятие «новых идеологем», которые будут приняты населением и далее применены государством для отстаивания интересов страны, позволят объяснять происходящее в обществе и укажут направления движения для развития, то есть выполнят ориентационную функцию[1].

Культура взаимодействия общества и государства строится посредством различных процессов, формирующих правосознание и регулирующих поведение личности внутри общества. У механизма формирования культуры участия разные составляющие, в том числе и политическое образование, и правовое просвещение. Формирование культуры взаимодействия предполагает передачу демократических идей, моральных норм и ценностей, лежащих в основе государства и правовой системы. При формировании культуры участия юристы играют важную роль, знакомя граждан с правовыми нормами и ценностями общества, готовя людей к самостоятельным действиям в правовых рамках. Кроме того, чувство безопасности, обеспечиваемое правовыми механизмами, существенно влияет на

[1] Плетников В. С., Шарф В. А. Идеологическая основа современного российского государства: необходимость и некоторые особенности формирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5(221). С. 104.

развитие правовой культуры в обществе. Реализация норм права и установление правопорядка органами власти способствуют формированию правовой среды и чувства правовой защищенности у граждан, что, в свою очередь, влияет на правовую культуру общества в целом и на культуру взаимодействия.

Хорошо развитая культура взаимодействия прививает ценности справедливости, равенства, которые необходимы для эффективного функционирования демократических институтов и защиты прав граждан. Отношения между людьми и сообществами взаимны, целостны и эмерджентны – люди участвуют в практиках, доступных предыдущим поколениям, и в процессе такой деятельности они и их поколение вносят вклад в поддержание, трансформацию и/или отказ от культурных практик сообществ.

Перечисленные и иные механизмы продуцируют культуру взаимодействия и могут быть весьма эффективными, образуя все вместе матрицу социокультурного вида. Они способны преодолеть негативные факторы (примеры были приведены выше), которые влияют на формирование привычек у граждан и на действия населения.

Формирование культуры взаимодействия государства и общества должно начинаться с раннего возраста в силу ее важного значения для построения гражданского общества. Она дает знания и умения, способствующие развитию социальных институтов, демократии, правового государства. Ее следует рассматривать как важную основу развития современного общества. Современная культура взаимодействия пронизана духом свободы и коммерциализации, ожиданием участия и реальностью неучастия. За последние пятьдесят лет изменились правила взаимодействия и даже возникла новая «экономика участия». Одной из ключевых тенденций, нашедшей свое отражение во всех сферах жизни, является использование цифровых технологий. Цифровые технологии, такие как платформы, социальные сети, мессенджеры, меняют традиционные схемы взаимоотношений общества и государства, способы участия граждан в осуществлении публичного управления. Эти технологии позволили преодолеть ограничения физического взаимодействия по времени и расстоянию.

Участие граждан в реализации функций государства непостоянно, ограничено различными обстоятельствами. Несмотря на наличие исследований, посвящённых факторам гражданского участия, мало какие из них учитывают, почему одни граждане участвуют в совместном управлении, а другие нет. Остро стоит проблема гражданского абсентеизма в общественной жизни: граждане не всегда используют инструменты участия, в том числе электронные, предлагаемые (созданные) органами власти, кроме того, их использование не всегда регулярно и тем более активно.

Заметная роль в процессе формирования культуры взаимодействия, формировании активного гражданина и в итоге современного гражданского общества принадлежит учреждениям образования, среди которых особое значение имеют университеты. Компетенции, необходимые для взаимодействия, можно условно разделить на три группы: компетенции, необходимые для коммуникации с государством, компетенции для гражданского участия и компетенции, связанные с владением информационно-коммуникационными технологиями.

4.2 Повышение юридико-цифровой культуры и компетентности граждан для взаимодействия

Для построения партисипативной демократии, и «модели участия», для активизации общества в работе по решению социальных задач страны, для организации влияния (со стороны государства) на общественное мнение требуются целенаправленные и системные действия со стороны правительства, нацеленные на формирование культуры взаимодействия общества и государства. Т. Н. Самсонова более десяти лет назад писала о том, что «вопрос формирования гражданской культуры стоит весьма остро»[1], актуален он и сегодня. Частью гражданской культуры является культура взаимодействия, которая, в свою очередь, включает в себя культуру участия. Она подразумевает понимание со стороны

[1] Самсонова Т. Н. Формирование гражданской культуры в современной России // Россия и мусульманский мир. 2013. № 8 (254). С. 5.

субъектов взаимодействия значения такой работы и ее результатов, привычку взаимодействовать, которая становится основой для эффективной деятельности обеих сторон, привлечение граждан к решению государственных и общественных задач, их активное и регулярное участие во взаимодействии с правительством, отзывчивость на инициативы власти, понимание государственной политики, непосредственный вклад в управление, в том числе в виде генерации идей и решений в социальной и политической областях, совместный выбор лучших проектов и их реализация. Сфера управления здесь понимается широко и охватывает такие области, как формулирование политики, законотворчество, практика правоприменения, контроль за выполнением решений.

В настоящее время для социальной и политической активности граждан большое значение имеют информационно-коммуникационные технологии, в том числе применение различных инструментов и платформ, которые облегчают такую деятельность. Считается, что технологии играют решающую роль в обеспечении участия граждан и их развитие будет прямо пропорционально влиять на активизацию взаимодействия. Однако практика показывает, что требуется формирование культуры взаимодействия и привычки участия. Кроме того, опыт дает аргументы и в пользу того, что технологии не являются единственным (или даже предпочтительным) средством расширения участия общественности в делах государства. Например, мобильный банкинг, проектирование инфраструктуры с поддержкой искусственного интеллекта и использование виртуальной реальности в других сферах стали стандартными чертами современной жизни, но в ходе выборов электронное или онлайн-голосование по-прежнему используется в небольшой степени. Несмотря на то, что существуют сотни примеров и сложилась практика того, как правительства используют онлайн-механизмы для содействия участию граждан, включение новых технологий в круг законотворчества (выявление проблем, определение вариантов, разработка проектов, принятие решений, реализация и обзор) на местных уровнях власти немногочисленны и далеки друг от друга.

Необходимо сочетание развития патриотических настроений с гражданским воспитанием населения страны, популяризация различных форм соуправления, ресурсов, которые помогают это реализовать, возможностей, предлагаемых гражданам, правовое и политическое просвещение, поощрение таких форм поведения, которые демонстрируют активную гражданскую позицию. С. В. Плетников, М. С. Плетникова придают большую ценность правовому просвещению, указывая, что оно – основа предупреждения угроз российской государственности[1]. Следует согласиться, что деидеологизация и запрет цензуры не укрепляют общество, особенно в сложившихся условиях гибридной войны (информационных атак, дезинформации, санкций, угроз и пр.), требуется создание единого идеологического и смыслового пространства[2], основанного на патриотизме, национальной идее, активной гражданской позиции. При этом процесс повышения культуры взаимодействия и особенно культуры участия требуется ускорить, чтобы сократить негативные проявления их отсутствия (такие как, например, низкая явка на муниципальные выборы), иными словами, придать ей акселеративный рост[3]. Такая работа не имеет быстрого результата, эффект от нее довольно отсроченный, рост идет постепенный, в том числе поэтому ее надо начинать как можно раньше.

Проблема влияния государства на «народный дух» восходит к трудам М. М. Сперанского, который стал одним из первых юристов-исследователей феномена общественного мнения. Он верно определил, что общее мнение имеет влияние на государство и реализацию им политики. М. М. Сперанский более двухсот лет назад сделал вывод, что правительству необходимо влиять на общее мнение, создавать условия для его формирования, а средствами такой работы выступают просвещение общества, образование, которое должно быть

---

[1] Плетников В. С., Плетникова М. С. Угрозы российской государственности: понятие, виды и предупреждение // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4 (44). С. 35.

[2] Жильцов Н. А., Чердаков О. И. Конституционно-правовые аспекты обеспечения устойчивости российского государства. // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 48.

[3] Акселера́ция – слово латинского происхождения (acceleratio) означает ускорение и обычно применяется в биологии и антропологии.

подконтрольно государству или стать государственным и воспитание в тех же образовательных учреждениях[1].

Следует помнить, что воздействие учебного процесса и учебной литературы на правовое сознание взрослеющих граждан очень велико. Е. А. Певцова указывает, что такое воздействие проявляется через многие годы в будущем и эффект заметен не сразу[2].

Нагрузка по выполнению работы – формированию культуры взаимодействия, активизации гражданского участия – лежит на государстве и образовательных организациях. При этом у учреждений образования весьма заметная, если не ведущая, роль в перечисленных процессах. Результаты зарубежных исследований, показывают, что уровень образования прямо пропорционален гражданской вовлеченности, повышению внимания к социальным задачам, пониманию государственной политики, явке на голосование и участию в значимых для общества, региона и страны делах. Возникает стойкая убежденность, что образование может оказывать серьезное влияние на гражданскую активность.

В Российской Федерации в стандарты высшего образования нового поколения (ФГОС ВО+++) введена универсальная компетенция «гражданская позиция», однако трактуется она весьма узко: первоначально это было лишь «формирование нетерпимого отношения к коррупционному поведению», а в 2023 году ее содержание несколько расширили и были добавлены слова «нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению

[1] Сперанский М. М. Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. Ленинград: изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 77–80.

[2] Певцова Е. А. Современная теория права о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 189.

и противодействовать им в профессиональной деятельности»[1]. Очевидно, что такого наполнения компетенции недостаточно для выпуска из вуза активного современного гражданина, тем более «е-гражданина». Под последним понимается то лицо, которое для взаимодействия с властью использует цифровые технологии. Гражданское участие посредством цифровых технологий относится к числу цифровых компетенций. Следует заметить, что такие навыки были предложены в отчете Европейского союза «Модель цифровых компетенций для граждан» (The Digital Competence Framework for Citizens)[2]. По сути, наступило время так называемой «новой грамотности», которая включает в себя традиционную грамотность, развивавшуюся вместе с печатной культурой, а также новые формы грамотности в массовых и цифровых медиа.

Стандартизация образования, несомненно, пошла на пользу в деле повышения правовой культуры, грамотности и гражданского воспитания учащихся, поскольку способствовала введению дидактических единиц для

[1] Приказ Минобрнауки России от 27.02.2023 № 208 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.03.2023 № 72833). Начало действия документа – 01.09.2023 // СПС Консультант Плюс. См, например, ФГОСы: Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 N 954 (ред. от 27.02.2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 38.03.01 Экономика»; Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 (ред. от 27.02.2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция», Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 № 987 (ред. от 27.02.2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 21.05.04 Горное дело»; Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 № 969 (ред. от 27.02.2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика»; Приказ Минобрнауки России от 12.08.2020 № 988 (ред. от 27.02.2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - специалитет по специальности 31.05.01 Лечебное дело» и др.

[2] Vuorikari R., Kluzer S., Punie, Y., DigComp 2.2: The Digital Competence Framework for Citizens - With new examples of knowledge, skills and attitudes, EUR 31006 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2022. ISBN 978-92-76-48883-5, doi:10.2760/490274, JRC128415. URL: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC128415 (дата обращения: 12.04.2025).

формирования правовой культуры подрастающего поколения[1]. Однако формулировка стандартов ФГОС требует доработки.

Гражданская позиция в литературе понимается как целенаправленное, сознательное участие личности в общественной жизни с целью реализации основных гражданских ценностей, формируется в процессе образования и воспитания под влиянием внешних и внутренних воздействий на познавательную, мотивационно-нравственную и поведенческую сферы личности[2]. Л. А. Липская и К. В. Куиру, рассуждая о содержании гражданской позиции, делают вывод о том, что в современной педагогической науке не уделяется должного внимания проблеме формирования этой компетенции, не анализируется практика гражданского образования, нет условий и опыта для развития гражданской культуры обучающихся[3].

Представляется, что компетенция «гражданская позиция», с точки зрения требований времени, условий развития общества и обстоятельств (ведущими из которых являются цифровизация и развитие технологий), должна широко трактоваться и подразумевать примерно такое наполнение:

– знать о гражданственности, гражданской позиции, гражданских правах и обязанностях, а также нормы социального поведения[4], о возможности участия в делах общества и государства, в том числе в цифровой форме, виды обращений к органам власти;

– уметь реализовать свои права и выполнять обязанности, анализировать социальные проблемы, обращаться к органам власти, осуществлять социально значимую деятельность для общего блага, пользоваться цифровыми ресурсами

[1] Певцова Е. А. Современная теория права о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 193.
[2] Васюк А. А. Гражданская культура: подходы к определению и основные функции // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. 2019. № 2 (28). С. 90–96.
[3] Липская Л. А., Куиру К. В. Гражданская компетенция студентов вуза: проблемы и особенности формирования // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 2. С. 141–143.
[4] Плотникова Е. Ю. Понятие и сущность гражданской позиции в педагогике и психологии // Pedagogical Review. 2019. № 6 (28). С. 221.

органов власти, проявлять инициативу, предлагать идеи для общественного и государственного развития, оценивать работу органов власти;

– владеть навыками обращений к государству в разных формах, работы на платформах, в приложениях и др. ресурсах, создаваемых органами власти, участия в институтах гражданского общества, в том числе в выборах, создания социальных проектов для общественного блага.

Указанные выше профессора Л. А. Липская и К. В. Куиру детально описывают планируемые результаты формирования компетенции «гражданская позиция», разбивая их на уровни сформированности[1]. И лишь на третьем уровне, самом высоком («высоком» в терминологии авторов), студент будет обладать навыками участия в различных институтах гражданского общества, осознанного участия в выборах органов государственной власти и местного самоуправления. В предлагаемой авторами таблице еще не говорится о знаниях, умениях и навыках пользования электронными ресурсами в сфере взаимодействия, поскольку работа была написана в 2012 г.

Для формирования компетенции «гражданская позиция» в системе высшего образования представляется важным реализовать следующие меры:

1) ввести курс, посвящённый гражданскому обществу, современным формам взаимодействия общества и государства, возможностям участия в общественной жизни;

2) добавить в имеющиеся курсы элементы, формирующие активную гражданскую позицию, понимание обязанности участия в жизни общества и государства;

3) проводить практикумы, в том числе в игровой форме для популяризации платформ общественного участия, выборов (избирательных компаний), проводить мастер-классы для студентов по пользованию государственными сайтами/платформами;

[1] Липская Л. А., Куиру К. В. Указ соч. С. 146.

5) создавать формы электронного участия студентов в жизни университета для формирования привычки участия, навыков общения в цифровой среде с администрацией;

6) привлекать студентов для разъяснений и обучающих мероприятий гражданам по возможностям платформ публичной власти.

Введение специальной дисциплины о взаимодействии общества и государства должно обеспечить обучающимся понимание необходимости участия, владение терминологическим аппаратом этой области, навыками обращения в государственные органы, работы с электронными сервисами участия, а также, что, вероятно, даже более важно, объяснить значимость взаимодействия, ценность демократии, сформировать привычку участвовать в решении государственных, региональных и местных проблем. Такая дисциплина может называться: «Гражданская позиция», «Государство и гражданское общество», «Права и обязанности гражданина» и пр. Предлагаемые знания и формируемые компетенции должны способствовать снижению политического абсентеизма, продемонстрировать, что разработка и реализация государственной политики не может быть успешно осуществлена, если невозможно привлечь к этой деятельности граждан, их группы и объединения.

На занятиях по такому предмету должны быть раскрыты формы взаимодействия структур общества с властью в современном государстве, проанализирована реальная отечественная и зарубежная практика, обучающиеся должны быть ознакомлены с площадками для проведения голосований в электронной форме, принятия решений по вопросам городского/местного развития, т. е. с инициативами по участию граждан в публичном управлении, краудсорсинговыми площадками. Для проведения занятий по дисциплине следует использовать информационно-коммуникационные технологии, в частности, формировать у студентов навыки пользования государственными интернет-сайтами.

Введение предмета в университетскую программу профессионального образования должно стать инструментом формирования универсальной

компетенции УК-10 (нумерация по ФГОС ВО+++), а также мотивационным фактором к использованию предлагаемых инструментов участия[1].

Конечно, формирование «активного гражданина» требуется начать уже на этапе школьного образования, не возлагая всю ответственность на университеты. Во-первых, необходимо заложить фундамент для успешной реализации образовательной концепции высшей школы. Во-вторых, не все граждане получают высшее образование, и довольно большая часть населения получает его в заочной форме, где концентрация и внимание к предмету/темам правового воспитания, «о демократии», несомненно, будут снижаться. В дальнейшем высшее образование может оказывать серьезное влияние на гражданскую активность. Обучение компетенциям «цифровых граждан» именно в университете важно в связи с тем, что университеты несут ответственность за подготовку своих студентов к тому, чтобы они стали активными гражданами в демократическом обществе. Но те лица, которые не получают высшего образования, должны также уметь взаимодействовать с властью, понимать необходимость и ценность своего участия. Как минимум те, кого затрагивают решения, принятые в процессе деятельности органов власти, должны быть вовлечены в их создание, а как максимум все члены общества должны быть причастны к решению общественно значимых задач с той или иной степенью интенсивности.

Представляется верной позиция, которая предлагает включать вопросы изучения права в разные гуманитарные дисциплины образовательной программы, поскольку право метапредметно (например, читать тексты данной тематики по литературе, записывать их в виде упражнений по русскому языку, решать задачи про бюджет и выборы на математике и т. д.)[2]. На наш взгляд, такой подход будет ненавязчиво и постоянно делать вклад в развитие гражданского воспитания, нести

---

[1] См. об этом: Погодина И. В. Гражданское участие: движение по лестнице вверх // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 10. С. 14–19.

[2] См., например: Курмашева А. Р. Методика преподавания вопросов права в школьном курсе обществознания // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2024. № 1 (21). С. 63–70; Фокеева И. Система правового образования в школе: ценностный аспект. // URL: https://magarif-uku.ru/news/teachers-room/sistema-pravovogo-obrazovaniya-v-shkol (дата обращения: 25.11.2025).

функцию по правовому просвещению и, как отмечает Е. А. Певцова, активизирует учебный процесс. Однако она же верно указывает на то, что авторские коллективы учебников по предметам не имеют юридического образования и могут неверно трактовать юридические конструкции и испытывать другие проблемы при подборе заданий с «правовой компонентой»[1].

Изменение (уточнение) стандартов образования – это часть общей работы по формированию федеральной молодежной политики. Проанализировав стратегические документы в области молодёжной политики нескольких субъектов федерации, Е. А. Певцова и И. А. Алешкова сформулировали ряд специальных принципов для этой сферы[2]. Среди них поддержка участия детей и молодёжи в общественной жизни, повышение правовой культуры.

Обучение молодых людей демократии, взаимодействию с государством и активному участию имеет важное значение для будущего общества. Для людей, уже получивших образование, необходимо при формировании культуры взаимодействия вести разъяснительную работу по поводу ценности участия и пропагандировать возможности, которые предлагаются властью. Одним из вариантов пропаганды является социальная реклама и популяризация историй успеха тех людей, которые внесли значительный вклад в дело общественного участия и достигли заметных успехов в данной сфере.

Следует согласиться с Т. Н. Самсоновой, что необходима разработка специальных программ и циклов радио- и телевещания, привлечение к обсуждению проблем патриотического и гражданского воспитания ученых, государственных и общественных деятелей, представителей культуры и искусства, также ветеранов войны, военной службы и труда, активно противодействовать фактам искажения и фальсификации истории России[3].

---

[1] Певцова Е. А. Современная теория права о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 193.

[2] Певцова Е. А. Принципы государственной молодёжной политики: тенденции и особенности развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 56.

[3] Самсонова Т. Н. Формирование гражданской культуры в современной России // Россия и мусульманский мир. 2013. № 8 (254). С. 5–11.

Необходимо обеспечить обществу информацию о том, как эффективно участвовать в процессе принятия решений. Это включает в себя, в том числе, объяснение процедур и каналов взаимодействия. Недостаточная осведомленность – это одно из основных препятствий для активного взаимодействия власти и граждан, которые часто не знают о возможностях и путях коммуникации и участия. Требуется активная пропаганда мероприятий и платформ взаимодействия. Важно запустить кампании по повышению осведомленности о вариантах и важности участия граждан. Можно использовать социальные сети, местные мероприятия и другие каналы, чтобы информировать сообщество о том, как они могут влиять на решения, затрагивающие их жизнь.

Направлениями для работы государственных органов являются проведение учебных семинаров, онлайн-консультаций, поощрение общественного волонтерства, создание рабочих групп (с гражданами, интересующимися конкретными вопросами), опросы удовлетворенности, награды за участие. Перечисленные мероприятия являются лишь отправной точкой и помогают установить отношения власти с населением, создать среду, способствующую взаимодействию, поскольку коммуникация с обществом – это непрерывный процесс, требующий постоянных усилий. Внедрение методов и стратегий, которые способствуют этому процессу, приводит к созданию культуры взаимодействия с детства, а также формирует пространство для диалога-коммуникации.

Наличие активных и вовлеченных граждан является признаком эгалитарного и демократического общества. Организованное участие граждан имеет значение для социальной сплоченности общества. Поэтому крайне важно с ранних лет внедрять в жизнь ценности и убеждения, связанные с этими установками. Поощрение участия несовершеннолетних является компонентом этих необходимых действий и фундаментальным элементом, когда речь идет о привитии такой практики.

От детских садов до высших учебных заведений образовательные центры различных категорий становятся идеальным местом для содействия взаимодействию общества и государства в долгосрочной перспективе посредством

образования. Поэтому обучение взаимодействию должно рассматриваться как ключевая часть обучения детей и молодых людей построению общества, в котором равенство, солидарность и поиск общего блага имеют приоритет над остальными общими вопросами.

Требуется разработать и внедрить учебный материал по определенным предметам, где социальная сфера имеет особую актуальность, изучается. Так, в курсы истории, экономики, обществознания следует включить темы, тексты, примеры, связанные с гражданским обществом, волонтерством, разработкой социальных проектов, активной гражданской позицией, избирательным процессом и пр.

К мерам по развитию культуры взаимодействия относится расширение и продвижение контента, ресурсов и возможностей в вопросах участия граждан и коллективных ценностей. Участие граждан является инструментом расширения социальных прав и возможностей. Все эти аспекты повышают общее благосостояние посредством предложения идей и проектов социального характера. Важность, которую участие граждан может иметь в принятии ключевых решений для будущего общества, трансцендентна. Вовлечение сообщества в процесс принятия решений и участие в мероприятиях, связанных с социальными проблемами, является способом организации сосуществования посредством позитивных и полезных кодексов поведения.

Таким образом, необходима выработка программных решений и упорядоченность работы по нескольким направлениям: активизация взрослого населения, образование детей и молодежи, формирование привычки участия, создание удобных платформ/сервисов и др. возможностей для взаимодействия. Проблема выработки стратегии совместного управления и вовлечения граждан в процессы реализации функций государства является, в том числе, научной. Видится несколько направлений для комплексной работы по проблеме вовлечения граждан. Во-первых, разработка мероприятий по активизации участия граждан в общественно значимых делах (просвещение, социальная реклама, геймификация и пр.); во-вторых, это внедрение «гражданского» компонента в образовательные

программы для формирования культуры взаимодействия; в-третьих, потребуется правовое обеспечение возможностей реализации гражданской активности.

Дорожную карту изменений необходимо выстроить по нескольким направлениям: обучение взрослого населения взаимодействию с органами власти, мотивация к активному взаимодействию, в идеале – к участию, воспитание культуры участия у всех слоев населения, введение образовательного компонента для снижения цифрового разрыва и повышения правовой и политической культуры населения. Цифровой разрыв является значимым препятствием на пути формирования культуры участия: распространение онлайн-участия может исключить тех, у кого нет доступа к технологиям. Образование и просвещение также поможет преодолеть сопротивление переменам. Эффективное идейно-политическое воспитание студентов требует синтеза педагогических направлений, соблюдения определённых правил и адаптации образовательной практики.

Значительно больше, чем десять лет, ведутся дискуссии о пределах участия граждан в делах государства. Например, о целесообразности и эффективности привлечения граждан к правотворчеству. В этой сфере требуется довольно высокая квалификация «авторов» инициатив и самих правовых норм, специальное образование, жизненный опыт. В. М. Баранов указывает на отсутствие в России тех людей, которых специально подготовили для правотворческой работы, как на значимую проблему[1], поскольку широкое участие общественности (не готовой для такой деятельности) в этой сфере может принести вред качеству норм права[2].

В то же время привлечение общества к созданию норм права потенциально может изменить сложившийся тренд, что законодательство стало ассоциироваться с антидемократической узкокорыстной политикой элит[3]. В. В. Трофимов и

---

[1] Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6(119). С. 16.

[2] См., например: Р. Б. Головкин указал на то, что реализация принципа демократизма правотворчества на практике может причинить вред правовой регламентации общественных отношений. Головкин Р. Б. Идеальная привлекательность и практическая несостоятельность принципа демократизации правотворчества // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 117.

[3] Баранов В. М. Принцип демократизации современного российского правотворчества: сущность, ценность, технико-юридические проблемы реализации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 27.

В. Ю. Самородов убеждены, что общество фактические ежеминутно прямо или опосредованно участвует в правовом творчестве, формируя изначально предпосылки для регулирования тех или иных отношений[1]. Но правы и В. М. Баранов, и Р. Б. Головкин в том, что правотворчество (в узком смысле слова) должно осуществляться профессионалами[2]. Качественное законодательство уже много лет является дефицитом в нашей стране, и попытки вовлечь в нормотворческую деятельность широкие массы неподготовленных людей лишь усугубят проблему. Угрозами качеству нормативных правовых актов при привлечении слишком большого количества участников в процессы создания норм права будут: некомпетентность субъектов правотворчества, низкий уровень правовой культуры граждан, их правовой нигилизм, сложившийся достаточно давно и связанный с бюрократией[3], возможность лоббирования своих интересов, нерегулярность работы над проектом.

Следует оговориться, что речь идет о создании норм права, термин «нормотворчество» в настоящем исследовании употребляется как синоним правотворчества. В целом, не споря с В. В. Мамчуном, который определял нормотворчество как деятельность, связанную с созданием всех норм в обществе (правовых, социальных, технических)[4], представляется, что часто есть необходимость использовать указанные понятия как синонимы, не прибегая к термину «правовое нормотворчество».

Несомненно, есть граждане, которые обладают высоким уровнем правовой культуры, образованны, имеют необходимые компетенции для того, чтобы участвовать в создании норм права (юристы, опытные государственные служащие, руководители, преподаватели и т. п.). Определённая часть из них, вероятно, желает

---

[1] Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Правовое творчество и его роль в юридической жизни современного общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. 4. С. 10.

[2] Баранов В. М. Принцип демократизации современного российского правотворчества: сущность, ценность, технико-юридические проблемы реализации. С. 16-18.; Головкин Р. Б. Указ. соч. С. 114, 115.

[3] Ростовщиков И. В. Законность и демократия // Право и практика. 2014. № 3. С. 5.

[4] См. об этом: Мамчун В. В. Проблема соотношения понятий правотворчества и нормотворчества // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1 (50). С. 176–182.

и может участвовать в работе законодательных органов. Представляется, что задача состоит в том, чтобы выявить таких граждан, стимулировать их к участию в нормотворческом процессе, поощрять их инициативы, использовать их опыт и компетенцию, то есть требуется привлечь наиболее активных и способных к законотворчеству граждан[1]. Поиск баланса между демократизмом и профессионализмом правотворчества – проблема для государства, которое должно определить пределы участия граждан в правотворчестве.

Пользуясь определением правового сотворчества А. В. Малько[2], отметим, что правовое сотворчество – это форма эффективного взаимодействия – сотрудничества в правовой сфере между государством и обществом, причём форма самая высокая, которая демонстрирует «степень цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума»[3].

Таким образом, для взаимодействия общества и государства, пусть даже самого простого (получение государственных услуг, их оценка, решение частных вопросов, подача обращений и пр.), которое еще нельзя назвать ни активным, ни конструктивным, ни эффективным [для развития страны, социума] требуется определенный уровень культуры и образования граждан, а также наличие навыков для осуществления взаимодействия. Индивидуальный и коллективный опыт в совокупности со знаниями даст необходимый уровень подготовленности для взаимодействия. Все это вместе позволит говорить о компетентности граждан, а в отдельных случаях о профессионализме. «Профессионалов от общества» можно и нужно привлекать для правового сотворчества, стимулируя такую деятельность, несмотря на то, что пределы участия граждан в некоторых сферах все же должны быть определены.

---

[1] Баранов В. М. Указ соч. С. 36.

[2] Малько А. В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3(58). С. 111; Малько А. В. Правовое сотворчество государства и общества и юридическая аномия // Правовая культура. 2025. № 1 (60). С. 6–8; Трофимов, В. В. Правовая жизнь и правовое сотворчество органов публичной власти и институтов гражданского общества / В. В. Трофимов, А. В. Малько // Правовая культура. 2024. № 3 (58). С.12.

[3] Малько А. В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3 (58). С. 111.

4.3 Юридико-цифровое регулирование стимулирования граждан к участию в решении общественных и государственных задач

Несмотря на стремительные, исторически важные и долгожданные изменения в выстраивании концепции и практической работы органов власти, реконструкцию способов и форм взаимодействия с гражданами, современные государство и общество по-прежнему сталкиваются с ростом пассивизма и неактивности граждан. Около двадцати лет назад на это указывали зарубежные авторы[1] и российские[2], актуально утверждение и сейчас. Граждане предпочитают роль «клиента» и не хотят трудностей и ответственности, коллективного участия и совместного управления. Несмотря на эту превалирующую позицию общества во всех странах мира, прогресс направлен на расширение сотрудничества и партнерства между органами власти и населением. В этих отношениях все больше участвуют, кроме непосредственно граждан, другие социальные силы – средства массовой информации, научные круги, общественные организации.

Принято за основу, что разработка и реализация государственной политики не может быть успешно осуществлена, если нельзя привлечь к этой деятельности граждан, их группы и объединения. Государство создает новые возможности для участия граждан в выработке решений, привлечении общества к выполнению функций государства. Как правило, современные инициативы связаны с использованием новых технологий. Одним из факторов, ограничивающих развитие гражданского участия, является низкая мотивация граждан использовать предлагаемые инструменты, в том числе и электронные. Последние, включая сайты социальных сетей, специальные платформы, приложения имеют большой потенциал и могут помочь мобилизовать избирателей, расширить участие граждан

[1] См., например: Vigoda E. From Responsiveness to Collaboration: Governance, Citizens, and the Next Generation of Public Administration // Public Administration Review. 2002. 200262. P. 527–540.
[2] См., например: Краевой Ю. Г. Гражданская пассивность как социальный феномен: природа и особенности проявления в современной России: дис. … канд. соц. наук: 22.00.04 / Краевой, Юрий Григорьевич. Екатеринбург, 2006. 188 с.

в решении общественных вопросов, улучшить предоставление государственных услуг, стимулировать инновации, а также укрепить демократию.

В связи с цифровизацией государственного управления в сфере правового регулирования появляются новые группы отношений, в том числе сопряженные с переводом в цифровую форму процессов, посредством которых обеспечивается взаимодействие современного общества и государства, электронное участие граждан в управлении обществом и государством[1] (например, электронное голосование на выборах). Требуется активизация граждан в этих процессах.

Вопросы электронного общественного участия находятся в фокусе внимания политологов, юристов, социологов, специалистов по государственному (муниципальному) управлению. Несмотря на большое количество работ, подготовленных учеными разных областей научного знания, проблематика электронного участия остается актуальной. В частности, требуют анализа причины неучастия граждан, мотивации участия, культуры участия, ее формирования и пр. Сегодня, несмотря на усилия правительств, общество не в полной мере использует потенциал инструментов электронного участия, так как не понимает социальную значимость такой практики. Надо помочь гражданам осознать это, вести разъяснительную и образовательную работу и доказать важность их участия, продемонстрировать пользу от деятельности, стимулировать и поощрять их регулярную активность на электронных ресурсах органов власти.

Электронное участие (как часть электронного взаимодействия) – это вид общественного участия, поэтому его мотивы, причины активного поведения граждан в цифровых процессах и процедурах практически такие же, как и при традиционном участии. Однако при е-участии обществу предлагаются удобные, быстрые и малозатратные по ресурсам инструменты для коммуникации и деятельности, но будут ли они использованы, зависит от тех стимулов, которые есть у гражданина. Под стимулами, составляющими суть социального регулирования, понимаем побудительные факторы, которые выступают средством

[1] Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5–14.

правового регулирования, а значит, управленческого процесса, которые служат личному интересу, дают свободу выбора поведения[1]. А. В. Малько, ссылаясь на В. М. Бехтерева, указывает, что именно социальные стимулы, среди которых похвала старших, высокая оценка поступка, общественное мнение, побуждают человека к деятельности на пользу общества[2].

Стимулы для взаимодействия связаны с тем, насколько лицо убеждено в пользе своего участия, в его эффективности, каковы его интересы, требуется ли ему лично решение властного субъекта[3], удовлетворяет ли его сам акт участия[4]. Исследователи также утверждают, что при мотивации к участию важным фактором является принадлежность к сообществу[5]. И действительно, если члены сообщества позиционируют себя как активные граждане, интересуются политикой, ведут диалог с властью, то и лица, которые входят в этот круг, будут привержены таким действиям.

Мотивы традиционно делят на две группы – внутренние и внешние[6]. Именно внутренние мотивы, когда деятельность интересна сама по себе, решает проблемы индивида, тем и ценна, дадут обществу и государству искренне заинтересованного и активного гражданина, работа которого будет эффективной и полезной. Представляется, что именно на них надо сделать акцент при разработке

---

[1] Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 3 (222). С. 135-136.

[2] Там же.

[3] Чем больше человек воспринимает государственную деятельность как соответствующую его собственным потребностям, тем больше вероятность того, что он попытается участвовать в политической жизни.

[4] Verba S. Democratic Participation // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 373. Social Goals and Indicators for American Society. Vol. 2. P. 53–78, 64.

[5] Zhao, L., Lu, Y., Wang, B., Chau, P. Y. K., Zhang, L. Cultivating the sense of belonging and motivating user participation in virtual communities: A social capital perspective // International Journal of Information Management. 2012. № 32 (6). P. 574–588.

[6] Гордеева Т. О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 38–53; Тэн Ю. Мотивация учебной деятельности // Сибирский психологический журнал. 2008. № 30. С. 75-76; Авдеев Д. А. Мотивация граждан к электронному общественному участию (некоторые пути повышения) // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений : Сборник научных статей по итогам работы седьмого круглого стола со Всероссийским и международным участием, Шахты, 30–31 июля 2020 г. Шахты: Общество с ограниченной ответственностью «КОНВЕРТ», 2020. С. 149–151.

стимулирующих мероприятий. Внутренняя мотивация может быть подключена путем регулярного информирования граждан в СМИ, в том числе через социальную рекламу, демонстрацию историй других людей, примеров из жизни либо иными путями повышения интереса общества.

Одной из основных причин неучастия в делах государства является отсутствие веры в то, что вклад данного гражданина будет учтен и реально повлияет на принятие решения[1]. Этот негативный фактор может быть нейтрализован тем, как доводится до граждан информация о выполнении совместного решения. В частности, это может быть персональное информирование участников отношений, а также социальная реклама, которая бы показала результаты работы на площадках электронного участия.

Внешние мотивы в виде некоего материального вознаграждения также могут быть довольно эффективны, о чем свидетельствует, например, опыт по вовлечению пользователей в работу портала «Активный гражданин» (г. Москва)[2].

Е. М. Мухаметкалиева и А. Ж. Бастаубаева, рассматривая способы вовлечения общественности в нормотворческую деятельность Казахстана посредством технологии «краудсорсинг», уделили особое внимание вопросам мотивации граждан на участие в правотворческом процессе. Указанные авторы предлагают использовать нематериальный вид мотивации – «вручение официальной грамоты или объявление благодарности самым активным пользователям портала по результатам полугодия, года»[3]. Кроме этого, исследователи приводят в качестве иллюстраций успешные примеры механизмов мотивации персонала и клиентов, принятых в международных бизнес-корпорациях («Uber Technologies Inc», «Burger King»). Любопытным представляется

---

[1] Голубева А. А., Ишматова Д. Р. Электронная демократия в России: формирование традиции политической осведомленности и участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 50–65.

[2] О проекте // Активный гражданин. URL: https://ag.mos.ru/about-new#about (дата обращения: 11.03.2025).

[3] Мухаметкалиева Е. М., Бастаубаева А. Ж. Вовлечение общественности в нормотворческую деятельность Казахстана посредством использования краудсорсинга // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 138–163.

предложение казахстанских учёных предоставлять привилегии при получении государственных услуг гражданам, участвующим в обсуждении и подготовке нормативных правовых актов. Разновидностью такой льготы, например, может стать возможность получения государственной услуги в ускоренном порядке и/или без уплаты государственной пошлины.

Инструменты электронного участия могут быть смоделированы так, чтобы стимулировать вовлечение граждан в коммуникацию посредством игрового дизайна. В таком случае принято говорить о геймификации (игрофикации) – проектировании систем, сервисов, процессов с использованием игровых технологий в неигровом контексте, чтобы обеспечить участникам положительный опыт, аналогичный тому, который дают игры. Технологии геймификации успешно применяются в маркетинге, менеджменте, а с недавних пор внедряются и в управление, а также в сферу взаимодействия общества и государства. Как верно указывается в литературе, «базовая отличительная особенность геймификации состоит в том, что она создает контекст для деятельности, который способен поощрять и мотивировать сам по себе, в то время как большинство традиционных систем мотивации лишь использует внешние стимулы»[1]. Отдельные подходы из сферы бизнеса могут быть имплементированы в практику взаимодействия государства и общества. Предложение дополнительных вознаграждений пользователям порталов электронной демократии, социальных сетей, приложений и сайтов государственных органов может способствовать повышению их вовлеченности. В этом смысле элементы игровых технологий, внедренные в управленческую практику, могут рассматриваться как стимулы для граждан активно участвовать в кампаниях, организуемых органами власти всех уровней. Поощрения могут варьироваться от простого символического звания (например, «лидер» при составлении списка участников) до более значимых наград (например, чествование в муниципалитете, регионе, на работе, отбор активных граждан для

[1] Ребров А. В., Черкасов А. Ю., Геймификация и автоматизация KPI: очередная управленческая мода или новые методы стимулирования? // Российский журнал менеджмента. Russian Management Journal. 2017. Том 15, № 3. С. 305.

дальнейшего консультирования органов власти по разработке стратегии развития государственной политики в той или иной области). При продуманном проектировании таких персонализированных и интерактивных игровых систем некоторые современные проблемы, возникающие в практике органов публичной власти при взаимодействии с обществом, могут быть полностью или частично устранены. Интеграция во взаимодействие государства и общества элементов игрофикации позволит также поддерживать интерес граждан к коммуникации и участию в течение длительного времени.

Использование игровых технологий может способствовать привлечению новых пользователей (в основном, молодых людей) к взаимодействию с властными органами, участию в проектах, инициированных органами власти. Иными словами, в сфере электронного взаимодействия игрофикация обладает необходимым потенциалом для расширения спектра возможностей участия граждан, что может привести к повышению легитимности принимаемых решений. В то же время анализ опыта России и зарубежных стран позволяет заключить, что практические работники недооценивают значение игровых технологий в сфере электронного взаимодействия, что не способствует внедрению и развитию инструментов геймификации[1]. В связи с этим видится важным осмыслить имеющийся опыт использования игрового подхода к развитию электронного взаимодействия, а особенно участия, оценив при этом реальные и потенциальные результаты от его внедрения.

Проведенный контент-анализ российских платформ электронного участия на наличие элементов игрофикации (геймификации)[2] позволил сделать вывод об использовании некоторых элементов игрофикации (баллы/очки, рейтинги), внедренных с целью повышения мотивации граждан участвовать в публичном

[1] См. об этом: Погодина И. В., Авдеев Д. А. Геймификация платформ общественного участия граждан в публичном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 84–110.

[2] Погодина И. В., Авдеев Д. А. Геймификация платформ общественного участия граждан в публичном управлении. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 84–110

управлении. На порталах созданы условия для конкуренции (пользователей-граждан, идей, проектов). Очевидно, что конкуренция способствует вовлечению граждан и их повторному участию, в то же время конкуренция может иметь негативные последствия (например, соревнование может стать самоцелью пользователей или, напротив, неподдержанная идея, несмотря на ее качество, может демотивировать ее автора). Принимая данное обстоятельство во внимание, целесообразно делать акцент на конкуренции между идеями (предложенными инициативами, проектами), а не на конкуренции между пользователями.

Здесь же важно учесть и то обстоятельство, что «развитие системы цифрового профилирования и социального рейтингования … неизбежно ведет к необходимости защиты прав гражданина в части получения информации о том, как происходят сбор и оценка его цифрового профиля; как осуществляется формирование его рейтинга … какие технологии и средства использовались в этом процессе … не было ли дискриминационных параметров оценки…»[1]. Подобные сложности несколько затрудняют работу в данном направлении, учитывая, что ее, как правило, проводят местные и региональные власти, которые зачастую не имеют достаточных компетенций и ресурсов, чтобы организовать ее правильно. Определенным преимуществом обладают платформы, созданные на основе технологии распределённых реестров (blockchain). Её особенности делают невозможной искажение данных. Так, проект «Я решаю» (г. Тюмень) функционирует на основе блокчейна CITYCHAIN[2]. Данная технологическая основа обеспечивает запись защищенной информации, регистрацию пользователей и проведение голосований.

Несмотря на обоснованную эффективность игрового подхода, его применение в рамках публичного управления ограниченно, следует рекомендовать

---

[1] Минбалеев А. В. Рекомендации по развитию законодательства Российской Федерации о цифровом аватаре // Информационное право. 2024. № 2 (80). С. 9–12.

[2] О проекте // Администрация города Тюмени. // URL: https://dom.tyumen-city.ru/ir/o-proekte/ (дата обращения: 10.03.2025); Вагин В. В., Шаповалова Н. А., Паксиваткина В. А., Петрова И. В., Кураколов М. В., Филиппова Н. М. Лучшие практики инициативного бюджетирования в Российской Федерации в 2017-2020 годах. М. : Издательство ООО «Сам Полиграфист», 2021. С. 261.

органам власти использовать возможности подхода для вовлечения граждан в процессы публичного управления. Одновременно с этим необходимо изучать потенциал некоторых элементов игрофикации (категорий «награды и призы», «конкурсы», «цели и миссии» и т. п.) в сфере взаимодействия общества и государства, который не раскрыт должным образом.

Следует учитывать, что удовлетворенность участников приложениями электронного взаимодействия напрямую связана с качеством их разработки, интерфейсом, доступностью и понятностью для пользователя. В силу этого наиболее полная реализация игрового подхода возможна при соблюдении следующих условий: портал электронного участия имеет понятный, «дружественный пользователю» интерфейс (в том числе интуитивно понятную навигацию); функционирует система статусов пользователей (например, на портале г. Москвы по достижении определённого количества баллов гражданину присваивается статус «Активный гражданин»); разработана и внедрена система поощрений.

Вполне очевидно, что игрофикация имеет потенциал для мотивации граждан к совместному управлению и активному электронному участию и необходимо распространять лучшие практики геймификации электронного участия в нашей стране. Для этого целесообразно принять на федеральном уровне методические указания для органов публичной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, описав в них виды и возможности различных элементов игрофикации. Конечно, геймификация является вспомогательным элементом при мотивации людей к активному участию, но она способна заинтересовать граждан, привлечь их к деятельности на длительное время либо на постоянной основе и даже сформировать лидерское пространство среди наиболее активных жителей, например, муниципального образования или даже региона.

Помимо указанных трудностей, описанных в связи с анализом игрофикации сферы е-участия (отсутствие базы лучших практик, методических разработок федерального центра, незнание чиновниками потенциала инструмента и др.), к

теоретико-практическим проблемам в области стимулирования граждан к взаимодействию относятся:

– непонимание социальной значимости своего участия и своего вклада, вообще такой практики, как работа на специальном ресурсе по выдвижению идей, выражению мнения и т. п.;

– нехватка времени на работу с платформами и анализ информации: чтение материалов и комментирование их отнимает очень много времени;

– отсутствие компетенций и образования, чтобы понять поставленную органами власти задачу: например, информация, которая дается экономическими регуляторами, сложна и непонятна лицам без соответствующей подготовки и образования;

– недооценка проблем, описываемых гражданами на специальных ресурсах, со стороны государственных служащих и/или трудности в выделении значимой информации из всей массы сообщений.

Конкретный человек может иметь более чем одну из приведенных проблем–причин неактивности, существуют также дополнительные, сложные взаимодействия и петли обратной связи между этими факторами и более широкими социально-экономическими причинами. Указанные проблемы могут усугубляться низким доходом, техническими трудностями отдельных граждан, что создает порочный круг, в котором офлайновое неравенство усиливает цифровое неравенство, а далее, в свою очередь, увеличивается социальное неравенство.

Кроме того, каждая из перечисленных проблем влияет на доверие к ресурсам, на их репутацию. Некоторые из приведённых причин также оказывают воздействие на общественные обсуждения, которые, как показывает мировая практика, обычно ориентированы на популярные запросы граждан, а не на решение более спорных и сложных проблем общества[1]. При анализе зарубежными авторами также было замечено, что инициативы в интересах инвалидов, мигрантов и др.

[1] Ranchordás, S. Digital agoras: Democratic legitimacy, online participation and the case of Uber-petitions // Theory and Practice of Legislation. 2017. 2 January. Vol. 5, Is. 1. P. 31–54.

меньшинств, как правило, получают меньшую поддержку[1]. Нет оснований не применить эти выводы и к российской практике, они представляются обоснованными.

Ряд из перечисленных причин можно объединить под заголовком «некачественная информация». С. Аршад (S. Arshad) и С. Хуррам (S. Khurram) исследовали связь качества информации, предоставляемой государственным учреждением в социальных сетях, с электронным участием граждан[2]. Они основывались на опыте Пакистана. В Пакистане, в основном, используют социальные сети для распространения информации (о политике, текущих проектах, будущих перспективах и других событиях), новостей и важных публичных объявлений, то есть использование правительством социальных сетей в Пакистане находится на «информационной стадии», говорить об активном и полноценном участии граждан этой страны в делах государства пока рано. Результаты исследования приведённых авторов показывают, что предоставление органом качественной информации в значительной степени связано с воспринимаемой прозрачностью, доверием к этому органу, воспринимаемой оперативностью, то есть, чем качественнее информация (своевременная, понятная, содержит иллюстрации, важная для граждан), тем выше уровень воспринимаемой прозрачности и отзывчивости органа власти. С другой стороны, они сделали весьма парадоксальный вывод о том, что «воспринимаемая отзывчивость и прозрачность» негативно влияют на участие граждан в политической жизни в Интернете: чем они выше, тем меньше граждане будут участвовать, полагая, что орган власти работает хорошо, сам справится с решением задач (Рис. 5). Это утверждение требует эмпирической проверки.

---

[1] Cantador I., Cortés-Cediel M. E., Fernández M., Exploiting Open Data to analyze discussion and controversy in online citizen participation // Information Processing & Management. 2020. Vol. 57, Is. 5. 102301. // URL: https://doi.org/10.1016/j.ipm.2020.102301 (дата обращения: 01.09.2025).

[2] Arshad S., Khurram S., Can government's presence on social media stimulate citizens' online political participation? Investigating the influence of transparency, trust, and responsiveness // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37, Is. 3. 101486. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101486 (дата обращения: 01.09.2025).

Рисунок 5 – Обратная зависимость участия и доверия к власти (источник: составлен автором)

Инструменты для поиска проблем данной сферы – это проведение опросов, работа с фокус-группами, организация цифровых форумов. Последние часто проводятся по принципу открытого общения, и граждане могут задавать вопросы властным органам – на основе центральной темы – и вести свободное обсуждение своих проблем.

Дизайн сайтов, страниц в соцсетях и информационных сообщений имеет большое значение для организации эффективного взаимодействия и активизации гражданского участия. Инструменты визуализации могут и должны использоваться для представления информации и процессов. Видео и презентации показано использовать для передачи информации, которую воспримут люди, ограниченные во времени, чтобы читать информацию, менее уверенные в своих способностях к чтению (тяжело воспринимать сложные тексты), или люди с ограниченными возможностями. Кроме того, платформам краудсорсинга и даже онлайн-опросов необходимо предусмотреть некоторую компенсацию за время

респондентов, которое было потрачено на работу с этими ресурсами. Какой именно станет эта компенсация и в чем она будет выражаться, решать следует в каждом конкретном случае.

Таким образом, одна из самых больших проблем в организации взаимодействия общества и государства сегодня заключается в том, что граждане неактивны и не стремятся участвовать, несмотря на созданные для этого возможности. Органы власти предполагают, что существует огромный неиспользованный резерв активных людей, которые хотят сотрудничать. Однако фактически участвует лишь небольшая часть населения. Каким образом повысить этот показатель, рассуждают ученые разных сфер научного знания. Рост структурных и институциональных механизмов для расширения возможностей граждан во взаимодействии с государством должен сопровождаться действиями по развитию субъективного чувства ответственности, долга и необходимости относительно участия в делах общества и государства. Зная о причинах неучастия, нужно создать стимулы для активизации граждан. В сочетании с программами по формированию культуры взаимодействия в долгосрочной перспективе эти шаги должны принести результат.

Не вызывает споров утверждение, что институты представительной демократии и активного гражданского участия необходимы для успешного развития модели взаимодействия общества и государства с широким гражданским участием. Аксиоматично и то, что народ должен участвовать в создании законов, формировании политики и принятии важных решений для страны. Еще у Аристотеля читаем, что для «хорошего правления» есть необходимость участия граждан в деятельности власти: в выборах, в приемке отчета, в собраниях, в обсуждениях, в отправлении судопроизводства[1].

Общество может и должно принимать участие в оценке работы органов власти, проводимой политике, принятии общественно значимых решений, иной деятельности по публичному управлению. Граждане и организации платят налоги,

[1] Политика / Аристотель; [перевод с др.- греч. С. М. Роговина]. М.: РИПОЛ классик, 2010. С. 426–427.

которые формируют бюджет страны для того, чтобы государство выполняло свои задачи и функции, в том числе по защите прав, свобод и законных интересов людей. Участие общества в реализации отдельных функций государства, принятии решений, поиске новых идей и путей развития, оценке работы органов власти свидетельствует о демократическом режиме в государстве[1], потенциально может изменить качество управления[2], а затем и качество жизни, снизить уровень коррупции и/или других негативных явлений.

ИКТ существенно расширили варианты коммуникации между государством и обществом, предложив набор новых инструментов взаимодействия, тем самым расширив права граждан, а точнее будет сказать, предоставив вариации их осуществления. Такие слова, как расширение прав и возможностей, часто довольно расплывчаты. Расширение прав и возможностей, в отличие от расширения способов взаимодействия или участия, является результатом, а не деятельностью. Измерить уровень участия путем подсчета тех, кто принимает участие, относительно просто, но гораздо труднее оценить расширение прав и возможностей. Государство может создавать структуры и осуществлять действия, повышающие вероятность расширения прав и возможностей или устранения барьеров в их осуществлении. Например, в странах с обязательной явкой на выборы правительство обеспечивает массовое обязательное участие, но не расширяет права и возможности – сделать это принудительно все же нельзя.

Цифровизация правительства, государственного управления, сферы государственных услуг предусматривает различные варианты для активного и адаптивного взаимодействия, совместного управления с гражданами. Последнее может принимать формы краудсорсинга, участия в предоставлении услуг, предложения идей для планирования и реализации государственной политики в той или иной области, предоставления гражданам отчетности, мониторинга проблем местного сообщества, региона и всего государства. Большая часть этих

---

[1] Клишас А. А. Юридический код государства. М.: Международные отношения, 2019. С. 38

[2] Погодина И. В. Вовлеченность граждан в государственное управление или «совместное руководство»: методы и формы // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 4. С. 6–8.

форм становится цифровой. Внедрение электронного взаимодействия может и должно иметь положительные результаты в долгосрочной перспективе.

Анализ отечественной и мировой практики показывает, что правительства делают многое для создания условий эффективного взаимодействия, идет упор на внедрение ресурсов с информацией, сайтов, платформ и приложений, где ожидается участие общества, но мало внимания уделяется пониманию поведения граждан, мотивам их действий и способам привлечения их к активному взаимодействию, к совместной работе. Фактические данные свидетельствуют о том, что инициативы правительств часто не достигают поставленных целей, а неудачи в привлечении населения порождают скептицизм в необходимости открытого правительства и построения государства участия.

Интернет-сайты публичных администраций должны являться, в том числе, площадкой для участия граждан в государственных делах и принятия социально значимых решений. Между тем, очевидно, что в настоящий момент органы власти не в полной мере используют возможности демократического участия посредством веб-сайтов, сосредоточив внимание на предоставлении государственных (муниципальных) услуг в электронной форме и простом информировании населения через эти же сайты и социальные сети, в то время как Интернет-ресурсы органов государственной власти и местного самоуправления должны способствовать более широкому обсуждению проблем, развитию взаимодействия.

Взаимодействие общества и государства не следует рассматривать как акты разовой деятельности, оно должно быть постоянным. И оно также требует постоянного мониторинга и изучения. Оценка должна быть сосредоточена на реальных изменениях, которые совместное производство/управление вносит в жизнь людей.

В последние годы были реализованы многочисленные инициативы по участию граждан, некоторые из которых основаны на использовании информационно-коммуникационных технологий с целью оживления демократии, повышения прозрачности в государственном управлении и создания нового политического пространства для общения и участия. Одним из направлений

развития ИКТ и одновременно последствием их внедрения является вовлечение граждан в процессы управления через приложения, социальные сети, электронное голосование, создание специальных платформ для предложений и обсуждений.

Важно понимать, что к взаимодействию привлекаются разнородные группы пользователей с различными ожиданиями и требованиями, в том числе к дизайну площадок взаимодействия, что и влечет за собой организационные и культурные барьеры на пути внедрения электронных технологий. С другой стороны, участие граждан из разных слоев общества способствует тому, чтобы потребности каждого человека не остались без внимания при принятии решений. Для преодоления проблем разницы в образовании граждан, цифрового разрыва предлагается создать офисы участия граждан и/или на первоначальном этапе выделить персонал (в МФЦ, в офисах крупных политических партий) для поддержки усилий по участию граждан, предоставив им ресурсы, технические возможности, чтобы они могли принять участие во взаимодействии, эффективно направлять свои гражданские инициативы и оказывать поддержку управленцам, законодателям по разным вопросам. Конечно, работа офисов участия/взаимодействия требует нормативной основы и дополнительного финансирования.

Неоднократно повторяя, что привлечение общества к выполнению функций государства, поиску решений социальных проблем – это необходимое условие демократического режима, а участие граждан в делах государства – это реализация их прав и свобод, это условия легитимации власти, необходимо поддержать эти постулаты правовым и цифровым регулированием. Про элементы цифрового регулирования е-взаимодействия (дизайн цифровых площадок для коммуникации, введение элементов игрофикации и пр.), которые можно варьировать и менять, ориентируясь на реакции общества и полученные эффекты, было сказано выше. Правовое регулирование требует доказательной и теоретической основы. В период апробации инструментов следует опираться на методические рекомендации, принятые правительством, предусмотреть экспериментальные площадки (например, офисы участия) с экспериментальным правовым регулированием.

Следует учитывать, что в ряде сфер при привлечении слишком большого круга участников к процессам взаимодействия в целом и государственного управления в частности могут возникнуть определенные трудности. К таким сферам относится правотворчество. Здесь же следует указать еще на одну проблему в деятельности государственной администрации при активизации граждан во взаимодействии. Н. А. Власенко пишет, что постоянное подталкивание государством общественной динамики не имеет смысла и даже способно навредить[1]. Он же указывает на то, что часто государственные служащие сами не заинтересованы в передаче отдельных функций, особенно контрольных, институтам общества. Очевидно, следует искать некое равновесие в организации взаимодействия государства и общества, учитывая это при правовом регулировании.

Укажем и еще на одну проблему, которая мешает при взаимодействии. Она, скорее, относится к психологическим: ожидания граждан в отношении государственных органов часто выше, чем последующая оценка результатов их деятельности, что может снижать эффективность процессов взаимодействия с обществом: у граждан пропадает желание участвовать, возникают отрицательные эмоции в отношении своих представителей, чиновников, с которыми происходило взаимодействие. Видится, что данную проблему можно частично решить в рамках системы образования, государственные органы также могут предпринять усилия по информированию граждан об их роли, функциях, достижениях и влиянии на жизнь общества, повышению осведомленности граждан о возможностях участия. Информирование может быть в виде отдельной передачи по ТВ, упрощенных схем (в том числе в виде инфографики) в СМИ, публикации информации о работе в социальных сетях. Все это, по крайней мере, создаст основу для понимания работы государственных органов, процесса нормотворчества и иных процессов и покажет значение участия граждан в них.

---

[1] Власенко Н. А. Современное Российское государство. Очерки. М.: Норма ИНФРА-М, 2023. С. 9; Власенко Н. А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 481–482.

Примером популяризации деятельности парламента с перспективой вовлечения граждан в работу законодательных органов является проект стран Америки «ParlAmericas»[1], который поддерживает парламентскую открытость посредством инновационных программ, диалогов и партнерств, предназначенных для парламентариев стран Америки и Карибского бассейна с целью продвижения законодательной работы и парламентской открытости в западном полушарии.

Положительная практика по взаимодействию с обществом парламентов стран Америки заключается в том, что организованы офисы участия граждан, проводятся специальные встречи с организациями гражданского общества, граждане могут быть приглашены для выступления перед парламентариями, созданы также специальные органы, которые ведут прием граждан и распространяют информацию о новых законах, проводятся публичные слушания по законопроектам или другим вопросам, представляющим общественный интерес, идет работа с фокус-группами. Аналогичные работы депутатов разных уровней с населением ведутся и в России.

Интересным опытом, который еще не реализован у нас, является работа «офисов участия». Офисы участия граждан могут предоставить гражданам точку контакта с органами власти для получения информации, обмена мнениями и подачи предложений. Офис по участию граждан должен располагаться доступно, скорее всего, отдельно от органа власти, например, при МФЦ, чтобы облегчить доступ гражданам. Можно в дальнейшем развить офисы участия в инкубаторы общественных инициатив. Целью такого проекта могла бы быть поддержка самоорганизации, активизация общественного участия, усиление факторов, которые мотивируют, поощряют и позволяют гражданам участвовать в делах государства, эффективно взаимодействовать.

В идеале работа должна быть организована с демографически разнообразными фокус-группами по конкретным законодательным предложениям

[1] Сайт «ParlAmericas»: объединяет 35 национальных законодательных органов из Северной, Центральной и Южной Америки и Карибского бассейна. // URL: https://parlamericas.org/ (дата обращения: 28.01.2025).

или в рамках исследований по интересующим вопросам. Это может помочь выявить основные опасения граждан по поводу отдельных проблем и оценить общественное мнение о предлагаемых властью проектах, реформах.

Взаимодействие с гражданами особенно важно при обсуждении и решении вопросов местного и регионального значения. Довольно часто «заинтересованные лица» могут предоставить значимую информацию в дополнение к использованию официальных, научных и иных данных. Граждане могут оказаться специалистами в какой-то области, где у них есть опыт и/или знания, по крайней мере, столь же актуальные, как и официальная экспертиза: они живут на данной территории, знают ее историю, наблюдают ежедневные проблемы, например, экологические. И в России, и других странах традиционно именно местные проблемы являются «плохо структурированными», многозначными, сложными для анализа и обработки[1]. Например, в литературе обращают внимание на то, что сотрудники фонда общественных инициатив, не понимая проблем конкретных населённых пунктов, часто отклоняют поданные идеи на сайте «Российская общественная инициатива» (www.roi.ru)[2].

Конечно, при вовлечении общества во взаимодействие, государству необходимо оценить, кто стоит за предложениями и поддержкой тех или иных проектов, учтены ли интересы всех групп населения территории. Проблема репрезентативности, как ни странно, была обнаружена при широком привлечении населения с помощью ИКТ, которые, казалось бы, должны ее снять. Идеи, выдвигаемые в сети Интернет, онлайн-обращения, петиции и голосование за проекты законов имеют определенную специфику, и ее надо учитывать при принятии решений. На спорный характер онлайн-петиций обращают внимание

[1] Louren R. P., Paulo Costa Jo.Jo., Incorporating citizens' views in local policy decision making processes // Decision Support Systems. 2007. Vol. 43, Is. 4. P. 1499–1511. // URL: https://doi.org/10.1016/j.dss.2006.06.004; URL: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167923606000856 (дата обращения: 11.04.2025).

[2] Галиев, Р. С., Васильков К. А. Электронная демократия и право на участие граждан в управлении государством // Права и свободы человека в контексте развития современного государства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 09 декабря 2016 года. Краснодар: ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД РФ», 2017. С. 55.

зарубежные авторы[1]. Выяснилось, что при работе с онлайн-петициями следует учитывать, что часто в обсуждение проблем вовлекаются граждане, которые обычно не склонны участвовать, при этом, как правило, поднимаются нетипичные темы. Таким образом, при е-участии на практике были довольно неожиданно выявлены нерепрезентативность и предвзятость.

Несмотря на эти результаты, государство пытается обращаться к мнению и опыту каждого человека. Важной становится «качественная социология, позволяющая понять, что думают люди»[2]. Но до сих пор влияние общества на качество принимаемых государством решений неясно. Для обозначения ситуации, в которой государственные администраторы взаимодействуют с общественностью, но не как эксперты с доминирующей ролью и правильными ответами, а как люди, которым поручено развивать гражданское участие, коллективные процессы обсуждения, которые определяют приоритетные проблемы, возможные направления действий и лучший способ их реализации, можно именовать словом «сотрудничество».

Итак, с 90-х гг. XX в. началось существенное расширение использования информационных технологий для обеспечения взаимодействия общества с государством. Новые инструменты в дополнение к традиционным и трансформированные ИКТ традиционно направлены на то, чтобы сделать граждан активными партнерами в государственном управлении, предложить им вносить свой вклад в социально-экономические преобразования, расширить возможности в реализации их прав.

Несмотря на общий тренд – максимально вовлечь общество во взаимодействие с государством, – роль участия граждан в делах государства вызывает дискуссии. В какой степени граждане должны участвовать в деталях государственной политики? Способны ли граждане делать мудрый выбор в

---

[1] Об он-лайн мобилизации см.: Ranchordás, S. Digital agoras: Democratic legitimacy, online participation and the case of Uber-petitions // Theory and Practice of Legislation. 2017. Vol. 5, Is. 1. P. 31–54.

[2] Государство как платформа: люди и технологии. Доклад РАНХиГС, ЦПУР. 2019 г // URL: https://cpur.ru/research_pdf/GovPlatform2019.pdf (дата обращения: 28.08.2025).

узкоспециализированных, сложных вопросах политики, или эксперты правительственных учреждений должны принимать решения, основанные на профессиональных знаниях, изолированные от общественного мнения? Эти и подобные вопросы ставятся перед учеными, политиками и чиновниками вот уже более двадцати лет[1]. Несмотря на указанные сомнения, абсолютное большинство стран внедряет не просто цифровые услуги с возможностью оценки их оказания, а специальные ресурсы для взаимодействия, расширяя участие граждан, привлекая их даже в законодательный процесс. Мировой термин для обозначения последней тенденции – CrowdLaw. Ее пытаются встроить в ежедневную практику, сделать привычной частью взаимодействия государства и общества.

Задача современного государства – организовать эффективное и инклюзивное участие граждан, причем всех слоев населения, устраняя барьеры и трудности в доступе к информации и возможностях для участия, учитывая разные аспекты (язык, компетенции, цифровой разрыв, доступность объектов или мест встреч, расписание, дифференцированные потребности граждан по признаку пола/возраста, иные переменные факторы). Для эффективной работы необходимо разнообразить демографический профиль людей, привлекаемых к такой деятельности, насколько это возможно.

В связи с этим предлагается:

– организовать «офисы участия»;

– внедрять элементы игрофикации (геймификации) в работу сайтов государственных органов, специальных ресурсов, где осуществляется взаимодействие с гражданами;

– консолидировать программы и инициативы гражданского образования в целях облегчения понимания гражданами парламентской работы, работы исполнительных органов власти и их значение для демократической системы;

[1] См., например, публикацию 1999 г.: Koontz T. M. Citizen participation: conflicting interests in state and national agency policy making // The Social Science Journal. 1999. Vol. 36, Is. 3. P. 441–458. // URL: https://doi.org/10.1016/S0362-3319(99)00016-6 (дата обращения: 11.04.2025).

– содействовать использованию информационных и коммуникационных технологий и социальных сетей для вовлечения в обсуждение и участие широких слоев общества. Информация, собираемая через эти каналы, может быть систематизирована, в том числе, с помощью искусственного интеллекта;

– урегулировать взаимодействие государства и общества нормами права.

4.4 Правовое регулирование коммуникации власти и общества в социальных Интернет-сетях

Интернет является экономически эффективным и доступным средством, которое облегчает коммуникацию не только граждан между собой, но и с публичной администрацией, а также взаимодействие общества и государства. Теперь граждане могут взаимодействовать с государственными учреждениями из любого места нахождения, в любое время суток. Использование Интернета для участия в политической и общественной жизни привело к появлению термина «электронная демократия»[1]. По сути – это восходящий канал связи, по которому сообщения передаются от граждан к правительству. Иногда ему противопоставляют «электронное управление», которое понимается как канал связи сверху вниз[2].

[1] См., например: Голычев А. А. Электронная демократия как фактор повышения политического участия граждан современной России : 23.00.02 : дис. … канд. полит. наук / Голычев Андрей Андреевич. Москва, 2006. 238 с.; Обрывкова Н. О. Электронная демократия в современном постиндустриальном обществе : 23.00.02 : дис. … канд. полит. наук / Обрывкова Наталия Олеговна. СПб, 2006. 194 с.; Вершинин М. С. Электронная демократия: российские перспективы // Информационное общество. 2002. № 1. С. 17–18; Бобров А. М. Еще раз к вопросу об определении понятий «электронная демократия» и «электронное правительство» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2009. № 2. С. 26-36.; Стырин Е. М. Электронная демократия. Перспективы развития России // Управление мегаполисом. 2010. № 2. С. 80-92; Лолаева А. С. Право на информацию и электронная демократия (конституционно - правовое исследование). М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021. 254 с.

[2] Arshad S., Khurram S. Can government’s presence on social media stimulate citizens’ online political participation? Investigating the influence of transparency, trust, and responsiveness // Government Information Quarterly. 2020. Vol. 37, Is. 3. 101486. // URL: https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101486 (дата обращения: 03.04.2025).

Используя Интернет, граждане получают быстрый и удобный доступ к новостям, политической информации, к любым источникам, содержащим политический, социальный, правовой и иной значимый контент. Могут подписывать онлайн-петиции, вести политические дискуссии на форумах или в блогах, участвовать в онлайн-протестах, онлайн-голосованиях. Благодаря своему удобству, низкой стоимости и доступности Интернет потенциально способствует вовлечению даже тех людей, которые ранее не интересовались политикой и общественными делами. А социально-интерактивный и сетевой характер социальных сетей позволяет пользователям стать частью сообщества, информируя их о различных проблемах, и способствует участию в политической жизни. Следует констатировать, что увеличивается важность Интернета как инструмента в реализации прав и свобод граждан (на участие, на обращение, на выражение мнения).

В отчете «Global digital report 2024»[1] сообщается, что число пользователей Интернета на начало 2024 г. – 5,35 миллиарда человек, что составило более 66 % всех людей на Земле (по данным ООН, жителей Земли – 8,08 миллиарда человек, и население увеличивается примерно на 1 % каждый год). В конце 2025 года количество интернет-пользователей по данным этого же источника существенно возросло – более 6 млрд человек[2]. Большинство из этих более чем 6 миллиардов человек пользуются социальными сетями: количество активных пользователей социальных сетей на 2024 год превысило 60 % населения мира. В отчете от 15.10.2025 г. приведены данные, согласно которым более двух третей людей на Земле теперь пользуются социальными сетями: 5,66 миллиарда активных

[1] Глобальный обзорный отчет «Цифровые технологии 2024», опубликованный в сотрудничестве с Meltwater и We Are Social (global-overview-report digital-2024). // URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report (дата обращения: 27.02.2025).
[2] Отчет «Digital 2026: internet users pass the 6 billion mark», 15.10.2025 г., S. Kemp. // URL: https://datareportal.com/reports/digital-2026-six-billion-internet-users (дата обращения: 29.10.2025).

«пользователей социальных сетей» составляют 68,7 процента от общей численности населения мира[1].

Приведенные цифры обзорных отчетов 2024, 2025 гг. и иные исследования, показывают несколько предикторов: увеличение количества пользователей Интернета и социальных сетей, увеличение времени, которое люди проводят в сети, изменение превалирующей в мире социальной сети, обостряющееся соперничество между сетями, например, Instagram[2] и TikTok, снижение количества телезрителей и падение интереса к традиционным СМИ.

Рисунок 6 – Диаграмма количества пользователей сетью Интернет в мире по данным Our World in Data and Data Reportal, «Global digital report 2024», «Digital 2026: internet users pass the 6 billion mark» (источник: составлен автором)

Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ) является крупнейшей социальной сетью в мире с 2,96 миллиарда пользователей по состоянию на 2022 г.[3], несколько меньшее количество пользователей имеют другие ресурсы, в том числе WhatsApp, YouTube, X (Twitter), WeChat, Instagram (продукт компании Meta, деятельность которой

[1] Отчет «Digital 2026: 2 in 3 people on Earth now use social media», 15.10.2025 г., S. Kemp. // URL: https://datareportal.com/reports/digital-2026-two-in-three-people-use-social-media (дата обращения: 29.10.2025).

[2] Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

[3] Данные Википедии. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Facebook (дата обращения: 03.04.2025).

признана экстремистской и запрещена в РФ)[1]. Российская сеть ВКонтакте имеет общую месячную аудиторию (во всех странах мира) около 100 млн. пользователей[2].

Социальные сети (Facebook, Instagram (продукты компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), X (Twitter), ВКонтакте, Одноклассники и др.) – новое пространство для взаимодействия общества и государства. Их наличие, активное развитие, приобретенное значение обусловливают необходимость правового регулирования отношений, связанных с их использованием. Тема правового регулирования социальных интернет-сетей стала актуальной десять-пятнадцать лет назад[3], однако до настоящего времени регулирование социальных сетей все еще недостаточное, и связано это с рядом институциональных проблем и природой социальных сетей.

И. Л. Бачило довольно давно высказала, в общем-то, очевидную мысль о том, что в первую очередь необходимо определиться с содержанием термина «социальная сеть»[4], которого нет ни в нормах права – легального, ни общепризнанного в доктрине. При формулировке определения важно акцентировать внимание на слово «социальная», несмотря на то, что дефиниция будет применена к явлению интернет-среды. Важно помнить, что сети – это

---

[1] Facebook, X (Twitter), Instagram, WhatsApp, YouTube. Соцсети Instagram и Facebook заблокированы в России; принадлежат Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ. Google и принадлежащий ему видеосервис YouTube будут заблокированы в России после того, как в стране появится отечественный аналог.

[2] Данные Википедии. // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5 (дата обращения: 03.04.2025).

[3] Например, в феврале 2014 г. в Центральном доме ученых (под председательством Ю. А. Тихомирова) состоялось заседание Секции права Центрального дома ученых РАН по данной теме. В 2012 году коллектив ИЗиСП уже проводил исследование этой сферы. Источник информации: Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернетсети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5 (209). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-internetseti-pravovye-aspekty (дата обращения: 05.03.2025); Перчаткина С. А., Черемисинова М. Е., Цирин А. М., Цирина М. А., Цомартова Ф. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 14–24; см. также: Грачева С. А., Черемисинова М. Е., Цирин А. М., Цирина М. А., Цомартова Ф. В. Социальные интернет-сети в правовом пространстве // Правовое пространство и человек: Монография / Н. В. Власова, С. А. Грачева, М. А. Мещерякова и др.; Отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. В. Пуляева, Н. И. Хлуденева. М., 2012. С. 186–217.

[4] Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернетсети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5 (209). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-internetseti-pravovye-aspekty (дата обращения: 05.03.2025).

элемент развития гражданского общества. Все эти акценты не учтены, например, в определении Р. С. Селезенева и Е. И. Скрипак: платформа, онлайн-сервис, веб-сайт, предназначенные для обеспечения взаимодействия пользователей в интерактивном диалоге через Интернет[1], хотя в целом определение сформулировано верно.

Социальную сеть можно рассматривать как услугу, которая предлагает пользователям коммуникационную платформу в сети Интернет, чтобы они могли создать профиль со своими данными, создавать и размещать контент и информацию, создавать сообщество для целей общения. Однако платформы, созданные и действующие на данный момент, имеют разных потребителей и обрабатывают информацию из разных источников (например, LinkedIn собирает данные о занятости и образовании от своих пользователей, чтобы связать их с потенциальными работодателями; Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), располагает личными данными, которые могут помочь сети определить модели потребления людей и т. д.). Самая популярная социальная сеть России «ВКонтакте», охватывая значительную часть населения страны, также располагает личными данными своих пользователей (имя, номер телефона, адрес электронной почты), их технической информацией (IP-адрес и модель устройства), собирает данные об активности пользователей (переписки, звонки, фотографии, видео, геолокацию, лайки, подписки и историю посещений). Все платформы контролируют информацию пользователей. Обычно в пользовательских правилах и условиях указано, что платформа помогает связывать пользователей с группами, людьми и продуктами на основе их взаимодействий, таких как лайки и комментарии, а это означает, что сеть решает, что она показывает пользователю, основываясь на его поведении в сети.

Следует помнить, что социальные сети являются юридическими лицами, зарегистрированными в разных странах, что влечет ситуацию, когда сети и их

[1] Селезенев Р. С., Скрипак Е. И. Социальные сети как феномен информационного общества и специфика социальных связей в их среде // СибСкрипт. 2013. № 2 (54). С. 125–126.

пользователи оказываются в различных юрисдикциях, а значит, потенциально могут возникнуть «конфликт юрисдикций» и «конфликт квалификаций».

Характеристиками социальных сетей и отношений в них являются свобода, безадресность, частичная анонимность, обмен ресурсами, создание контента, высокая скорость передачи информации, отсутствие иерархии. Соответственно, преимуществами этих инструментов являются легкость общения, отсутствие привязки к географическому месту, возможность размещать, загружать, хранить информацию, делиться ею, частичная безответственность и т. д. С деятельностью социальных сетей связана такая трудность, как идентификация лиц в Интернете. Одновременно с этим есть и противоположная ей проблема – невозможность в ряде случаев отказаться от предоставления информации личного характера со стороны пользователей, которая в будущем может быть использована злоумышленниками. Некоторые сети (например, ВКонтакте, Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), LinkedIn) требуют от присоединившихся участников достоверных сведений о себе. Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ) предлагает подписать соглашение, где пользователь соглашается с тем, что его персональная информация будет перенаправлена в США и обработана там. Однако одновременно с этим при регистрации в социальных сетях можно указать любое имя. Таким образом, идентификация лиц в интернете в целом и в социальных сетях в частности – это проблема, решить которую представляется необходимым в интересах владельцев сетей и государств. Решение ее, как правило, связывают с построением национальных систем идентификации, которые потребуют затем взаимного признания. В то же время очевидна необходимость определения подходов для создания трансграничной (глобальной) системы

идентификации в Интернете[1].

Национальное правовое регулирование социальных сетей в России – это нормы разных правовых актов. Во-первых, это Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2]. Во-вторых, комплекс норм из следующих законов: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»[3], Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[4], Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»[5]. В-третьих, нормы об ответственности за правонарушения, связанные с несоблюдением требований к контенту в сети Интернет предусматривают КоАП РФ[6], УК РФ[7]. Комплексный нормативный акт, который бы регулировал деятельность социальных сетей в РФ,

---

[1] В этой связи представляет интерес Национальная стратегия идентификации в киберпространстве. Расширение сетевого выбора, эффективности, безопасности и конфиденциальности (National Strategy for Trusted Identities in Cyberspace. Enhancing Online Choice, Efficiency, Security, and Privacy, NSTIC). Этот документ разработан Администрацией Президента США с привлечением заинтересованных сторон: гражданского общества, технического сообщества, частного сектора, правительств. Проект Стратегии идентификации, неофициально названный «ObamaNet», был распространен в июне 2010 г. для широкого обсуждения. В 2011 г. была опубликована окончательная редакция документа. // URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/NSTICstrategy_041511.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

[3] Федеальный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

[4] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[5] Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (ч. I). ст. 7.

[6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[7] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

пока не принят. Отсутствие специализированного нормативного акта объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, не сформирована доктрина и терминологический аппарат юристов, для того чтобы были приняты законы данной сферы. С одной стороны, изменения в медиа-сценарии настолько стремительны, что исследования по этому вопросу отстают от скорости развития явления. С другой – отсутствие единой доктрины, к которой можно было бы прибегнуть при разработке законодательства в этом секторе, сопровождается еще и «неравномерностью» знаний между юристами, экономистами и специалистами ИТ. Доктрина могла бы дать набор теоретических элементов, которые позволят дискутировать о содержании и масштабах нормативных рамок в области коммуникаций.

Во-вторых, динамизм ИКТ быстро делает бóльшую часть законодательства по этому вопросу устаревшим.

В-третьих, оказалось весьма спорным предположение, что социальные сети станут благодатной почвой для появления альтернативных средств массовой информации, неограниченного распространения информации, популяризации различных идей, активного участия граждан в политической жизни. Предполагалось, что ИКТ будут способствовать демократизации, объединяя большие группы людей, общество в целом. Р. Порту, М. Йоханссон[1] и др. называют социальные сети «цифровой афинской агорой», делая вывод, что это была демократическая утопия горизонтального общения и участия в публичном пространстве при небольших затратах. Парадоксально, но увеличение циркуляции информации через различные устройства не привело, как многие думали, к улучшению качества общественных дебатов.

В-четвертых, особенность организации и владения социальными сетями во всем мире – это принадлежность их частным лицам. Монополистическое и олигополистическое положение отдельных сетей и поисковых систем поставили

[1] Johansson M. The Digital Agora of Social Media: Introduction // Discourse Context & Media 19. 2017. // URL: https://www.researchgate.net/publication/320402859_The_Digital_Agora_of_Social_Media_Introduction (дата обращения: 03.04.2025).

под угрозу общественное обсуждение. Риски, связанные с делегированием частным лицам права контролировать содержание публикуемых материалов, иллюстрируются разногласиями между Президентом США Д. Трампом и X (Twitter). Кстати, этот конфликт стимулировал исследования вопросов правового регулирования сферы социальных сетей. Например, после событий 2021 года исполнительная власть Мексики заказала исследование, мотивированное некоторыми опасениями по поводу огромной власти, которую приобрели социальные сети[1]. Фактически получилась медиа-схема, в которой доминирует небольшая группа глобальных корпораций, вмешивающихся в информационные потоки напрямую или посредством алгоритмического программирования, что снижает качество публичных обсуждений в условиях демократии либо вовсе их ликвидирует. Требуется регулирование контента некоторых пользователей (например, очень известных политиков, артистов и пр.), его охвата массами и прав, которые такие компании, как Facebook, Instagram (продукты компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), X (Twitter), ВКонтакте, имеют над информацией своих пользователей.

Компании, занимающиеся социальными сетями, как частные лица устанавливают свои собственные правила. Например, путем подготовки условий использования и обслуживания страниц/аккаунтов, которые отражены в договорах присоединения. В рамках своих полномочий по саморегулированию компании социальных сетей могут блокировать и удалять пользователей и информацию со своих платформ, чтобы выполнить свои обязательства по объективному освещению событий, исключению негативной информации и пр.

Как вариант решения некоторых из указанных проблем может рассматриваться институт саморегулирования, особенно для модерации и администрирования контента. Но и потенциальное наличие этого института пока не может гарантировать защиты прав и свобод участников и третьих лиц. Все равно потребуется законодательное решение вопроса. От современных средств массовой

[1] Rueda A. El complejo debate sobre la regulación de las redes sociales. // URL: https://www.c3.unam.mx/noticias/noticia186.html (дата обращения: 28.02.2025).

информации, от владельцев социальных сетей ожидают разработки прозрачных механизмов надзора, которые имеют гарантии независимости и привлекают заинтересованных лиц для соблюдения правил модерации частного контента, которые уважают права человека. От социальных сетей ждут прозрачности принятия их решений по удалению определенного контента и возможности пользователей обжаловать указанные меры.

Таким образом, законодательное регулирование социальных сетей в целом и взаимодействия в них общества и государства в частности сильно отстает от реально складывающейся практики в сфере социальных сетей. Как верно указывает М. Е. Черемисинова, отстает не только российское законодательство – нет однозначно позитивного опыта и за рубежом[1]. Процессы, происходящие на платформах Интернета, опережают правовое регулирование в России. Зарубежные эксперты высказываются так же о своих странах[2].

В то же время авторы аналитических статей указывают на тот факт, что отношения по поводу пользования социальными Интернет-сетями попадают в сферу всемирного стремления сохранить или восстановить контроль над Интернетом, выходя за рамки национального законодательства[3]. И задача регулирования данной сферы – общемировая. Более того, транснациональный характер компаний-владельцев ресурсов еще больше усложняет разработку национальных норм и стандартов и требует мировой интеграции. Цифровые платформы, социальные сети, мессенджеры, сервисы видео по запросу, системы поиска информации (Google, YouTube, Netflix, Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), X (Twitter) и

[1] Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернетсети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5 (209). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-internetseti-pravovye-aspekty (дата обращения: 05.03.2025).

[2] См., например: Porto R. El desafío de regular medios de comunicación tradicionales, redes sociales y plataformas (entre otros). // URL: https://www.observacom.org/amp/el-desafio-de-regular-medios-de-comunicacion-tradicionales-redes-sociales-y-plataformas-entre-otros/ (дата обращение: 28.02.2025).

[3] Гийо Д. Французское право и социальные сети - последние события // Право и цифровая экономика. 2020. № 4. С. 12.

др.) имеют разные технические, целевые характеристики, что заставляет задуматься о разных правилах для каждой из них или хотя бы для каждого вида.

В продолжение темы приведем точку зрения М. В. Залоило[1]. Он верно отметил, что государство как вертикальная бюрократическая структура проигрывает социальным сетям, которые влияют на современные революции (Египет, Ливия, Тунис и др.), поскольку имеют горизонтальное построение, пренебрегают правами и обязанностями участников в их классическом понимании, обладают высокой скоростью передачи информации и большей подвижностью участников.

Деятельность социальных сетей, права и обязанности участников отношений, содержание контента, размещаемого в сетях, должны регулироваться нормами права и быть под надзором государства. Право необходимо, когда общественная жизнь становится немыслимой без его норм. Вероятно, такой момент в отношении коммуникации в цифровом пространстве социальных сетей настал, в том числе коммуникации граждан и государства, которое тоже «ушло» в соцсети. В этой связи следует отметить, что телекоммуникационная отрасль исторически страдала от чрезмерного регулирования, и это в некоторых случаях приводило к возникновению негативной реакции на появление новых технологий, препятствующих предоставлению современных услуг, которые не совсем вписывались в рамки действующей нормативной базы. Более того, задержки в реформировании этих правил способствовали срыву инноваций. Традиционная модель регулирования СМИ также стремилась в основном сосредоточиться на эмитенте информации. По меткому выражению А. А. Воротникова, нормы права – это правила поведения, удобные для существующего в тот или иной период государственно-политического режима, но их появление и «вмешательство» в общественную жизнь не всегда оправданно[2].

---

[1] Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернетсети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5 (209). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-internetseti-pravovye-aspekty (дата обращения: 05.03.2025).

[2] Воротников А. А. Право как результат консенсуса государства и общества // Сущность права : сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / [под ред.

Еще одним сложным фактором при разработке нормативной базы в области связи и социальных сетей является то, что, с одной стороны, при их регулировании курс законодателя направлен на укрепление прав неприкосновенности частной жизни, на защиту чести и достоинства лиц, но тогда ограничивается свобода выражения мнений. С другой стороны, угрозы свободе выражения мнений и доступу к информации могут исходить как от ограничительного государственного регулирования, так и от злоупотреблений правом со стороны коммуникационных гигантов. В дополнение к этому следует добавить, что особенностью новых отношений, привнесенных информационными и коммуникационными технологиями, является то, что они не только означают появление новых возможностей и инструментов взаимодействия и реализации прав, но и ставят задачу адаптации предшествующих инструментов к цифровым технологиям.

При поиске баланса государственного регулирования и саморегулирования частными компаниями целесообразно применить экспериментальное регулирование сферы. Будет ли это эксперимент в виде «регуляторных (регулятивных) песочниц», режим которых, на первый взгляд, может быть использован в данной области, поскольку она испытывает трудности регулирования, зависит от технологических решений и подходит под характеристику тех случаев, когда без эксперимента трудно определить, работает решение или нет. Представляется, что, применив такой формат к работе отдельных площадок (например, в ВКонтакте), то есть протестировав его, можно будет сформулировать и распространить правила на всю сферу. Однако следует согласиться с М. Л. Давыдовой, что правовой режим, называемый «регулятивная песочница», – это не апробация правового решения имеющейся проблемы, а временное дерегулирование в целях тестового внедрения определенного технологического решения[1]. Подобная точка зрения имеет место и в зарубежной

В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина]; Саратовская государственная юридическая академия М. И. Байтина. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. С. 82.

[1] Давыдова М. Л. Экспериментальный правовой режим в российской правовой системе: теоретическая модель и практика реализации // Юридическая техника. 2025. № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на

литературе. Так, Р. Порто (R. Porto), размышляя о регулировании медиа и социальных сетей, под регуляторными песочницами для этой сферы справедливо понимает «ограниченную форму освобождения от регулирования или гибкости для компаний, позволяющую им опробовать новые бизнес-модели с уменьшенными нормативными требованиями»[1]. «Песочницы» включают в себя механизмы, которые пытаются обеспечить общие цели регулирования, включая защиту пользователей, поскольку постоянное развитие телекоммуникаций требует, чтобы регулирование было более гибким, чтобы регуляторный орган поддерживал инклюзивность и инновации, а не препятствовал им.

Подобная модель продвигается ЮНЕСКО. В рамках этой организации в 2022 г. был создан документ «Руководство по регулированию цифровых платформ»[2], где сделана попытка зафиксировать многосторонний подход к защите свободы выражения мнений и доступа к информации. Основная цель руководящих принципов заключается в содействии созданию нормативно-правовой базы, обеспечивающей эти права и в то же время предотвращающей распространение вредного контента, который может повлиять на демократию и права человека. Вышеупомянутые руководящие принципы предъявляют требования к государствам и платформам. Для первых – принятие норм, обеспечивающих свободу выражения мнений, доступ к информации, плюрализм и разнообразие голосов. Со своей стороны, от платформ требуется комплекс конкретных мер по уважению прав человека при модерации и курировании контента, прозрачность политики и мер реагирования на публикации и размещенный контент, расширение прав и возможностей пользователей.

тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2025. С. 33.

[1] Porto R. El desafío de regular medios de comunicación tradicionales, redes sociales y plataformas (entre otros). URL: https://www.observacom.org/amp/el-desafio-de-regular-medios-de-comunicacion-tradicionales-redes-sociales-y-plataformas-entre-otros/ (дата обращение: 28.02.2025).

[2] UNESCO Digital Library website. // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384031.locale=en (дата обращения: 05.03.2025).

Представляется, что, приняв за основу ряд международных инструментов и инициатив, направленных на регулирование ИКТ, социальных сетей и платформ, в том числе ресурсов взаимодействия, необходимо адаптировать их к национальным правилам по этому вопросу.

В национальных законах ряда стран также накопился опыт, который можно изучить и учесть при регулировании рассматриваемых отношений. Например, в 1996 году в США была принята статья 230 Закона о порядочности в сфере коммуникаций[1], которая освобождает онлайн-платформы от гражданской ответственности за то, что публикуют пользователи, и дает им право удалять контент. Лицом, ответственным перед законом, является пользователь.

В Германии принят Закон, регулирующий порядок в сетях (Netzwerkdurchsetzungsgesetz, NetzDG) в 2017 г.[2]. Он обязывает онлайн-платформы принимать жалобы от пользователей на информацию, которая считается незаконной согласно нормам Уголовного кодекса (Strafgesetzbuch)[3]. Хотя федеральное правительство определило, что это правило эффективно снижает уровень разжигания ненависти и уменьшает количество ложной информации в Интернете, члены правой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) выступают за его отмену, поскольку оно, по их мнению, нарушает права на информацию, позволяя частным компаниям удалять контент под различными предлогами[4].

---

[1] Section 230: An Overview. Статья 230 раздела 47 Кодекса США, являющийся частью кодификации Закона о связи 1934 года (раздел 9 Закона о порядочности в сфере связи / Раздел 509 Закона о телекоммуникациях 1996 года), был истолкован как означающий, что операторы Интернет-услуг не являются издателями (и, следовательно, не несут юридической ответственности за слова третьих лиц, использующих их сервисы). // URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46751#:~:text=Section%20230%20of%20the%20Communications,users%20of%20interactive%20computer%20services (дата обращения: 20.06.2025).

[2] Правила против ненависти в Интернете – Закон о сетевом правоприменении (NetzDG) Закон об улучшении правоприменения в социальных сетях (Network Enforcement Act – NetzDG) действует с 2017 года. // URL: https://www.bmj.de/DE/themen/digitales/digitale_kommunikation/netz_dg/netz_dg_artikel.html (дата обращения: 28.02.2025).

[3] Текст Уголовного кодекса Германии. // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/ (дата обращения: 13.04.2025).

[4] Sauter Odio S. La regulación de los derechos fundamentales en redes sociales: entre lo privado y lo public. // URL: https://dirajus.org/es/noticias/la-regulacion-de-los-derechos-fundamentales-en-redes-sociales-entre-lo-privado-y-lo-publico (дата обращения: 28.02.2025).

Органы государственной власти, держа курс на открытость, теперь ведут аккаунты в социальных сетях. Вовлечение пользователей в коммуникацию растет, несколько упростилось информирование граждан. Среди составляющих технологии Web 2.0 есть и ведение диалога специалистов органов власти с пользователями социальных сетей. Одним из первых органов, которые начали вести социальные сети, стало Правительство г. Москвы. В 2015 г. были созданы аккаунты Правительства в социальных сетях (ВКонтакте, X (Twitter), Facebook и Instagram (продукты компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ)[1], первоначальной целью которых стало информирование граждан об актуальных событиях города.

В 2022 году после принятия закона от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ (изменения в Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» вступили в силу 1 декабря 2022 г.) все госорганы должны вести официальные аккаунты в двух российских социальных сетях – ВКонтакте и Одноклассники. Обязанность возлагается и на органы местного самоуправления, подведомственные государственным органам организации и суды. Страница учреждения может быть создана в любой из сетей, список которых утверждает Правительство РФ (Распоряжение Правительства РФ от 2 сентября 2022 г. № 2523-р)[2]. Содержание информации таких страниц также очерчено.

Спустя несколько лет после введенных правил можно говорить о привычных для граждан и регулярно используемых ими способах коммуникации с органами власти, весьма популярными из которых являются именно социальные сети. Главная площадка для обратной связи с населением в настоящее время – «ВКонтакте». В этой сети на сегодняшний день есть аккаунты всех федеральных,

[1] Бабаева А. А. Органы государственной власти в социальных сетях: анализ аккаунтов правительства Москвы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 3. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organy-gosuarstvennoy-vlasti-v-sotsialnyh-setyah-analiz-akkauntov-pravitelstva-moskvy (дата обращения: 28.02.2025).

[2] Органы власти будут создавать и вести официальные страницы в соцсетях. // URL: http://duma.gov.ru/news/54785/(дата обращения: 28.02.2025).

региональных и муниципальных органов власти (так называемые «госпаблики»). С 2025 года национальный мессенджер MAX становится главным мессенджером для ряда сфер: государственных услуг, ЖКХ и др. Так, в ноябре 2025 года было заявлено[1], что сервис станет основной платформой для общения между управляющими компаниями, собственниками жилья и органами власти, что, как предполагается, сделает взаимодействие между жителями домов, управляющими компаниями и властями более прозрачным.

Работа государственных органов в социальных сетях стимулируется и поддерживается на уровне федеральной власти (в частности, Счетная палата РФ регулярно оценивает открытость федеральных органов исполнительной власти в России и проводит методические совещания на эту тему), закреплена в нормах права. За время действия этих норм в России создали более 175 тысяч госпабликов в соцсетях, их аудитория превысила 54 млн человек (на январь 2024 г.), которые читают более 7 млн публикаций в месяц[2]. Для сравнения: мессенджер MAX за почти 10 месяцев 2025 года приобрел 50 миллионов пользователей,[3] и на фоне создания официальных каналов государственных органов в нем имеется потенциал стать значимой, если не основной, площадкой для взаимодействия органов государственной власти и граждан.

Центральная идея проекта «Госпаблики» заключается в том, что созданные государственными органами и организациями страницы в социальных сетях позволяют получать актуальную и проверенную информацию о их деятельности, а также предоставляют возможность с помощью «Платформы обратной связи» обратиться в орган или организацию и получить оперативный ответ. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации ведет рейтингование субъектов Российской Федерации по внедрению «Платформы

---

[1] В Госдуме предложили закрепить понятие «домовой чат» в нормативных актах. // URL: https://realty.ria.ru/20251113/gosduma-2054809194.html (дата обращения: 20.11.2025).

[2] Паспорт проекта «Госпаблики». Сайт министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. // URL: https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/gospabliki (дата обращения: 01.11.2025).

[3] Число пользователей мессенджера MAX превысило 50 миллионов. // URL: https://ria.ru/20251027/max--2050872196.html (дата обращения: 20.11.2025).

обратной связи». По данным за 2025 год (1-3 кварталы), самые низкие показатели (красная зона) зафиксированы у Республики Бурятия, Томской области, Еврейской автономной области, Чукотского автономного округа, Республики Тыва, Республики Ингушетия (последнее место среди субъектов РФ)[1].

Итак, госпаблики – это удобный канал взаимодействия государства с обществом. В них всегда можно найти актуальную, достоверную информацию, форма которой, как правило, будет доступной и понятной большинству. Однако за время действия закона и реализации проекта можно сделать выводы и о проблемах, связанных с ведением аккаунтов в социальных сетях органами власти. Так, весьма распространенной практикой ведения веб-страниц является размещение публикаций, не адаптированных к специфике конкретной социальной сети, или публикаций бюрократического характера, написанных так называемым «канцеляритом». Иногда платформа обратной связи фактически таковой не является: органы и организации используют госпаблик лишь для передачи информации. Следовательно, мы можем говорить лишь об информационной стадии взаимодействия государства и общества через социальные сети, причем на самом первом ее этапе, когда информация передается от государства гражданам, обратные же потоки информации не принимаются.

Кроме того, создаются страницы частных лиц с названиями, аналогичными наименованиям госпабиков органов и организаций. Многие органы сталкиваются с риском выдачи третьего лица за себя. Причем такое лицо использует идентификационные символы или логотипы органа/организации, иногда с намерением обмануть пользователя. Пользователям необходимо убедиться, что страница госоргана – официальная. Для этого делаются специальные отметки «Госорганизация» и «Подтверждено через Госуслуги». Потенциальная угроза кражи данных, вероятно, будет постоянной проблемой цифровизованного мира.

---

[1] Рейтинг субъектов Российской Федерации по внедрению Платформы обратной связи за III квартал 2025 года. // URL: https://digital.gov.ru/documents/rejting-3 (дата обращения: 01.11.2025); графическая версия доступна URL: https://adm.digital.gov.ru/app/uploads/2025/10/71ad52_rejting-subektov-rossijskoj-federaczii-po-vnedreniyu-platformy-obratnoj-svyazi-za-iii-kvartal-2025-goda.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

И все же, несмотря на указанные проблемы, приход государственных органов и учреждений в социальные сети – это еще один шаг в процессе модернизации взаимодействия общества и государства. Государственная власть, также осознавая важность того, что особое значение приобретает мобильное подключение к Интернету (через «смартфоны»), предприняли попытку быть ближе к населению. Разработка собственных приложений в этом смысле – менее эффективный шаг, поскольку требуется скачивание этого приложения, у каждого государственного органа оно будет свое. Далее, чтобы узнать новости и информацию, пользователю необходимо заходить в приложение каждого органа отдельно, в то время как в социальной сети, например, ВКонтакте, он будет видеть государственную информацию различных органов среди прочих своих подписок, просто листая ленту новостей каждый день. Участие в социальной сети не представляет собой реальных затрат для пользователя, решившего создать профиль, также и для государственного органа и организации, в то время как разработка мобильного приложения подразумевает, по крайней мере, в большинстве случаев, необходимость инвестиций и оплату для сторонних компаний, которые разрабатывают эту технологию.

В зарубежных странах имеется опыт внедрения отдельных приложений для взаимодействия с государственными органами. Так, например, Министерство финансов и государственного управления Испании запустило мобильное приложение «eAdmon» с целью объединить информацию в удобной для пользователя среде[1]. В любом случае распространение такого типа мобильных приложений нельзя количественно сравнить с присутствием в социальных сетях – оно значительно ниже.

Итак, социальные интернет-сети сегодня – это один из инструментов взаимодействия государства и общества. Причем в последнее время его влияние существенно усилилось как на политику, так и на общественное мнение, заметна

[1] Las administraciones públicas en las redes sociales teresa pereyra caramé Agencia de Protección de Datos de la Comunidad de Madrid Máster en Derecho de las Telecomunicaciones y Tecnologías de la Información. // URL: https://core.ac.uk/download/pdf/58909583.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

его роль в сфере передачи и распространения информации. Владельцами сетей выступают частные компании, а наполнение контентом происходит, в том числе, с участием граждан. В связи с этими обстоятельствами характер и содержании того наполнения, которое приобретают социальные сети, судя по всему, требуют контроля со стороны органов власти. При этом необходимо найти баланс, чтобы контроль не превратился бы в цензуру и не была бы нарушена свобода слова. Приходится констатировать, что с появлением социальных интернет-сетей возникли новые правоотношения, которые, в свою очередь, потребовали правового регулирования. Стоит вопрос о целесообразности принятия специализированного закона.

Правовое оформление цифровизации взаимодействия государства и общества в России необходимо проводить с учетом регулирования социальных сетей, указанных тенденций и того обстоятельства, что меняются отношения между государством и обществом, государственными структурами и бизнесом, образуются новые уровни и виды правовых пространств. С их помощью становится возможным по-новому реализовывать права граждан, в том числе на свободу слова, свободу объединений, на обращение в органы государственной власти. Теперь также необходимы правила, которые регулировали бы не только присутствие, но и поведение государственных органов в социальных сетях, кроме обязанности создать аккаунт и вести его. Регулированию уже подверглись отношения по обеспечению доступа к информации о деятельности публичных органов, в то же время инструменты взаимодействия с общественностью остаются за пределами правового поля. К ним относятся социальные сети. Требуется разработать схему совместного регулирования, сочетающую в себе государственное регулирование и саморегулирование.

Выводы по главе:

Юридико-цифровая культура взаимодействия может быть определена как совокупность ценностей, норм, традиций, опыта, ориентаций, разделяемых конкретным сообществом людей, а также паттерны (образцы) поведения,

находящие выражение в моделях поведения, при которых граждане участвуют во взаимоотношениях с государством как по индивидуальным вопросам, так и в политике, общественной сфере, в том числе осуществлении государственной власти и местного самоуправления, решении социально значимых задач с помощью цифровых инструментов. Это комплексное понятие, включающее в себя совокупность социальных явлений, пока не представляет собой монолитной концепции.

Представляется, что культура взаимодействия – это более широкое понятие, нежели культура участия, последнее входит в исследуемое нами явление и выделяется тем, что по сути являет собой активное взаимодействие, сотрудничество, совместное управление граждан и власти. Взаимодействие же – более широкий термин потому, что охватывает случаи, когда лицо коммуницирует с властью в связи с решением собственных задач, не в интересах общества. Культура взаимодействия общества и государства существовала, по сути, всегда, но в настоящее время она получает определенную трансформацию в связи цифровыми технологиями.

Формируется культура взаимодействия при помощи инструментов и процессов, складывающихся в механизмы (экономические, политические, нравственные, образовательные, технические, правовые), связанные с ее появлением и развитием. Самым эффективным инструментом правового механизма будут являться принятые нормы права, которые регулируют обращения граждан, ответственность за неявку на выборы, льготы за активное участие в жизни общества и информирование власти и т. п. Официальные заявления о принимаемой философии взаимодействия, миссии государства и общества также отнесем к правовым механизмам, поскольку на их основе строятся стратегии, национальные проекты, дорожные карты развития и затем – нормы права.

Стимулами к участию граждан, к продуктивному взаимодействию с государством будут материальные (вознаграждение), моральные (поощрение, похвала), психологические (игрофикация), цифровые (дизайн ресурсов, удобство)

и др. В работе указано и на антистимулы, диагностика и нейтрализация которых поможет в деле привлечения граждан к сотрудничеству.

Социальная и политическая активность граждан во многом зависит от информационных и коммуникационных технологий: применения инструментов, платформ, возможностей соцсетей. Считается, что технологии играют решающую роль в обеспечении взаимодействия в отношениях государства и граждан и их развитие будет означать активизацию взаимодействия, особенно процессов участия. Однако практика показала, что это не совсем так и требуются дополнительные усилия для увеличения роста культуры взаимодействия и уровня участия. При этом работа по акселерации культуры взаимодействия не имеет мгновенного результата, эффект от нее отсроченный. Особая роль в формировании культуры принадлежит учреждениям образования, среди которых ведущее значение имеют университеты. Уровень образования прямо пропорционален гражданской вовлеченности, интересам к общим задачам, явке на голосование и участию в общественных делах. От дошкольных до высших учебных заведений образовательные учреждения становятся идеальным местом для содействия активным процессам взаимодействия и сотрудничества общества и государства посредством образования граждан для формирования культуры участия. Поэтому обучение взаимодействию должно рассматриваться как ключевая часть обучения детей и молодых людей построению общества, в котором равенство, солидарность и поиск общего блага имеют приоритет над остальными общими вопросами.

Формируемая на программах высшего образования универсальная компетенция выпускника «гражданская позиция», с точки зрения современных требований, условий развития общества и обстоятельств (ведущими из которых являются цифровизация и внедрение технологий), должна широко трактоваться и подразумевать несколько иное наполнение, чем предлагается вузам стандартами. На формирование культуры взаимодействия также влияет пропаганда активной гражданской позиции, популяризация историй участия, социальная реклама, пример известных людей.

Знания о политике, о праве, о гражданственности передаются через образование, «обучение демократии», а также через участие в политической и общественной жизни. Усвоение культуры осуществляется с помощью обучения. Культура создается, культуре обучаются. Изменяя культурные установки, которые допускали неучастие, государство может в конечном итоге достигнуть своих целей в данной сфере.

В связи с вариативностью каналов взаимодействия вопрос о деятельности социальных сетей должен стать делом государственной важности и подлежит регулированию нормами права. Вероятно, надо искать баланс государственного регулирования, саморегулирования частными компаниями и пространства для сотрудничества. Подобная модель продвигается ЮНЕСКО[1]. Правовое оформление регулирования социальных сетей необходимо проводить с учетом того, что меняются отношения между государством и обществом, образуются новые уровни и виды правоотношений. Необходимы правила, которые регулировали бы присутствие и поведение государственных органов в социальных сетях. Регулированию уже подверглись отношения по обеспечению доступа к информации о деятельности публичных органов, о ведении госпабликов, но деятельность социальных сетей в целом во многом остается за пределами правового поля.

Социальные сети формируют среду, удобную и почти идеальную для взаимодействия общества и государства, для участия граждан в государственном управлении. В настоящее время не все преимущества, которые способны предоставить социальные сети, применяются органами власти (например, слабо реализован диалогический потенциал, не принимаются обращения через такие каналы).

[1] UNESCO Digital Library website. // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384031.locale=en (дата обращения 05.03.2024).

Глава 5 ПЕРСПЕКТИВНАЯ ЮРИДИКО-ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

5.1 Концептуальные основы перспективной юридико-цифровой модели взаимодействия общества и государства

Изменения, длительное время развивающиеся в российской экономике, политике и социальной сфере, оказали значительное влияние и на подход государства к организации публичного управления, к взаимодействию с населением. Ключевыми факторами в глубоких трансформационных процессах стали темпы цифровизации экономики и общественной жизни, а также рост необходимости прямого взаимодействия власти и общества в России. Существенно увеличилось количество людей, пользующихся Интернетом ежедневно.

Рост пользователей Интернета в мире за 10-летний период с 2014 г. по 2024 г. выглядит так: 2,73 млрд человек и 5,35 млрд человек соответственно, то есть количество пользователей интернет-ресурсов возросло практически вдвое[1]. В отношении России за указанный период показатели таковы: по состоянию на январь 2024 г., уровень проникновения Интернета составил 90,4 % (более 130,4 млн человек на территории РФ ежедневно использовали электронные ресурсы для решения повседневных задач)[2]. В 2014 г. аналогичный показатель колебался на уровне 57 %[3].

Тенденция роста пользователей Интернета стала фактором ускоренного развития сервисной модели взаимодействия общества и государства в цифровом

---

[1] Digital 2024. С. 33 // URL: https://datareportal.com/global-digital-overview/ (дата обращения: 27.02.2025).

[2] Digital 2024: The Russian Federation. // URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-russian-federation (дата обращения: 27.02.2025).

[3] Исследования Яндекса: Развитие интернета в регионах России. // URL: https://yandex.ru/company/researches/2014/ya_internet_regions_2014?ysclid=lusjihoepf 925654470 (дата обращения: 27.02.2025).

контексте. С 2020 г. (после выступления В. В. Путина, подчеркнувшего необходимость расширения спектра предоставляемых государством электронных услуг,[1] и пандемии) министерства и ведомства, ответственные за реализацию цифровой повестки в РФ (в частности, Минцифры РФ), значительно нарастили количество сервисов, которыми российские граждане могли бы воспользоваться дистанционно[2]. Работа над устойчивостью и качеством процессов удаленного обслуживания нужд граждан ведется до сих пор. И ясно обозначилась тенденция к росту значимости электронных сервисов обратной связи от населения, которую уже отметили в литературе[3].

Вместе с тем необходимо указать на некоторую активизацию интереса населения России к взаимодействию и даже к участию в управлении государством (в рамках отдельных процессов оказания услуг, формирования условий развития общества и экономики и т. д.). Основной причиной роста общественного интереса к государственным делам в литературе называют дестабилизирующее влияние внешних факторов (пандемия коронавируса, нарастающие санкции, проведение специальной военной операции)[4].

Сочетание факторов тотальной цифровизации общества и роста стремления граждан внести вклад в реализацию отдельных процессов развития России формирует оптимальные условия для трансформации сервисной модели взаимодействия государства и общества в модель «участия». При этом основой для такого преобразования должен выступать достигнутый правительством прогресс в области цифровизации государственного управления, в том числе работающие

---

[1] Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 28.02.2025).

[2] Давыдов С. Г., Казарян К. Р., Сайкина М. В. Интернет в России / Под ред. М. В. Сайкиной. М., 2023. С. 39.

[3] Калганов И. С. Оценка результатов функционирования электронного правительства и цифровизации государственных услуг // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2024. № 1. С. 31.

[4] См., например: Шиняева О. В., Меркулов В. В. Гражданская активность российской молодежи в условиях новых глобальных и национальных вызовов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 103; Фахретдинова А. П., Ларионова А. В., Горчакова О. Ю. Гражданско-политическая активность молодежи: общая характеристика и особенности проявления в Интернет-среде // Социодинамика. 2022. № 2. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.2.37559. // URL: https//nbpublish.com/Hbrary_read_article. php?id=37559 (дата обращения: 28.02.2025).

сегодня платформенные решения – основные каналы взаимодействия власти и граждан.

Формальные признаки, ясно просматривающиеся в повестке деятельности Правительства РФ и неоднократно подчеркнутые в научно-исследовательской литературе, дают основание считать действующую модель взаимодействия общества и государства в России преимущественно сервисной. К таким признакам следует отнести, прежде всего, максимальную ориентацию власти на централизацию, цифровизацию, упрощение и ускорение предоставления гражданам необходимых услуг[1]. Атрибутами обозначенной модели, в свою очередь, выступают развитие межведомственного взаимодействия государственных органов и повышение значимости обратной связи от получателей государственных услуг – граждан.

Одновременно можно наблюдать тенденции к локальной децентрализации власти и усилению роли местных сообществ (например, в Москве и Казани), к наращиванию государственной поддержки некоторых форм общественной деятельности и инициатив (развитие форм волонтерства, общественных организаций и пр.), к активизации диалога с населением (в виде опросов об удовлетворенности граждан качеством государственных услуг, иных процессов, инициируемых властью), к модернизации образовательного процесса путем включения в него блоков информации, формирующих правовую, финансовую, политическую грамотность людей. Всё это не только можно, но и нужно относить к устойчивым предпосылкам развития в РФ модели взаимодействия, которая в настоящей работе обозначена как модель участия граждан в реализации функций государства.

Как было отмечено ранее, дополнительным стимулом активизации населения России к регулярному и эффективному взаимодействию с государством стал период экономической и политической турбулентности (2020-2024 гг.), в значительной мере обусловивший «встречу» стремления власти к построению

[1]Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Консультант плюс (дата обращения: 28.02.2025).

жизнеспособной модели государственного развития и желания граждан содействовать становлению России, независимой от внешнего давления. На этом фоне регулярно организуются офлайн- и онлайн-мероприятия, целью которых является выяснение потребностей общества в конкретной области жизнедеятельности либо консультации (обсуждения) по наиболее острым экономическим или социальным вопросам.

В этих условиях становится насущной дискуссия о развитии в РФ гражданского общества, которое активно взаимодействует с властью, берет на себя часть функций государства и ответственность за решения, а следовательно, и модели участия. На протяжении последних двадцати лет идет теоретическое исследование и осмысление взаимодействия общества и государства в новых условиях, гражданского общества как самостоятельного актора системы публичного управления. Принимая во внимание и признавая существование полярно разных взглядов исследователей на сущность рассматриваемого феномена, его роль в становлении прямой демократии, а также на уровень его развития в России и зарубежных странах, следует признать тот факт, что гражданское общество, выступая неформализованным институтом[1], так или иначе существует в любом государстве, с режимом правления, отличным от тоталитарного.

Население России, безусловно, можно считать гражданским обществом, основываясь, как минимум, на конституционных принципах и выстроенной в государстве системе взаимодействия с властью. В то же время полноценно и прямо реализовывать свою гражданскую позицию/инициативу удается немногим. Например, принять участие в прямом обсуждении текущей и будущей налоговой, внешнеторговой, таможенной политики России фактически могут только представители значимых бизнес-структур. С одной стороны, такая практика продиктована здравым смыслом и потенциальной пользой от обсуждения указанных вопросов с конкретными представителями общества, а с другой, не

[1] Фастович Г. Г., Кудашова И. В. Взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7. С. 91.

сложилось аналогичной системы, например, в социальной сфере, где интерес власти ожидаемо должен быть обращен на прямой контакт с типичными представителями социально незащищенных слоев населения. Такое положение указывает на некую неравномерность в развитии механизмов прямого участия граждан в публичном управлении, при, казалось бы, объективно равной необходимости (интересе государства) в таком участии.

Всё же справедливо будет подчеркнуть, что государство стремится к наращиванию диалога с гражданами, в том числе посредством формирования электронных каналов взаимодействия в рамках каждого вида публичной власти. Так, прямое и опосредованное удаленное участие граждан в реализации исполнительной власти доступно с помощью таких цифровых инструментов, как Платформа обратной связи, сайтов государственных органов, платформы госуслуг и портала дистанционного голосования.

Масштабным проектом в рассматриваемой сфере сегодня выступает Платформа обратной связи (ПОС)[1], представляющая собой цифровое решение для обеспечения гражданам возможности подавать обращения, участвовать в опросах и обсуждениях удаленно, без личного визита в госорганы. Данное решение призвано централизованно аккумулировать обращения граждан в любые государственные структуры, совершенные посредством Единого портала «Госуслуги», приложения «Госуслуги. Решаем вместе», официальных сайтов министерств и ведомств РФ и через их авторизованные аккаунты в социальных сетях. В течение 2022-2023 гг. количество обращений, поданных населением дистанционно, через Платформу обратной связи возросло более чем втрое, до 3,6 млн.[2] По состоянию на декабрь 2025 года 20 млн. обращений и сообщений направлено и обработано с использованием ПОС[3].

[1] Страница платформы обратной связи на портале госуслуг. // URL: https://pos.gosuslugi.ru/landing/ (дата обращения: 20.02.2025).
[2] Опубликован рейтинг регионов по работе на Платформе обратной связи за 2023 г. // URL: https://digital.gov.ru/ru/events/49285/ (дата обращения: 01.03.2025).
[3] Паспорт проекта ПОС на сайте Минцифры. // URL: https://digital.gov.ru/activity/gosuslugi/platforma-obratnoj-svyazi (дата обращения: 30.11.2025).

Отдельным цифровым инструментом участия граждан в управлении делами государства, действующим сегодня, выступает платформа электронного голосования (Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России[1]). Портал был запущен в 2021 г. и развивался как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов. С 2021 г. граждане голосовали удаленно по региональной повестке, а также на выборах государственного значения. По итогам состоявшихся в марте 2024 г. выборов Президента РФ, дистанционно проголосовало 9,2 % граждан (4,1 % в г. Москве[2] и 5,1 % в 28 субъектах, участвующих в проекте электронного голосования[3]).

Реализация права граждан на участие в законодательной деятельности государства сегодня осуществляется путем выдвижения собственных инициатив, участия в дистанционном оценивании, в обсуждении проектов нормативных правовых актов.

На основании Указа Президента Российской Федерации от 04 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» продолжает функционировать одноименный портал, где пользователи «могут удаленно размещать свои предложения по улучшению жизни в стране…, а также голосовать за предложения других граждан». По состоянию на 01.11.2025 г., на данном портале размещено 23453 инициативы, направленные на решение существующих проблем государственного управления[4].

Кроме того, выражение гражданской инициативы возможно в рамках проведения независимой антикоррупционной экспертизы и общественного

---

[1] Портал дистанционного электронного голосования ЦИК России. // URL : https://vybory.gov.ru/ (дата обращения: 02.03.2025).

[2] Геодокян А. В Москве почти 4,3 млн человек приняли участие в голосовании на выборах президента России. // URL: https://tass.ru/politika/20254121?ysclid=lutla9lnau793076590 (дата обращения: 02.03.2025).

[3] Протокол территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования об итогах дистанционного электронного голосования 17 марта 2024 г. // URL: https://vybory.gov.ru/resources/static/publication/DEG001/protocol/Results_17-03-2024_21-40-27.pdf (дата обращения: 02.03.2025).

[4] Российская общественная инициатива. // URL: https://www.roi.ru/ (дата обращения: 01.11.2025).

обсуждения проектов нормативных правовых актов на сайте Федерального портала проектов нормативных правовых актов www.regulation.gov.ru в сети Интернет.

Прямое участие общества в принятии нормативных правовых актов не рассматривается законодателем ввиду отсутствия у граждан специальных профессиональных навыков[1], но механизм законодательного волеизъявления народа всё-таки существует. Так, в соответствии с частями 1 и 2 статьи 10 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» право законодательной инициативы в законодательном органе субъекта Российской Федерации Конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации может быть предоставлено также гражданам, проживающим на территории данного субъекта Российской Федерации.

Наиболее ярким примером развития механизмов гражданского участия в России выступает территория Москвы, где действует особая философия управления, основанная на усилении роли местного самоуправления и активном участии граждан в решении многих вопросов в сфере администрирования, благоустройства и законотворчества[2]. Однако, с правовой точки зрения, можно усмотреть отсутствие конкретных и четко обозначенных в нормативных документах Москвы способов проявления гражданской инициативы. Прямое участие жителей в процессах благоустройства (его формы и методы) предусмотрено на разных территориях страны, например, в правилах благоустройства Южно-Сахалинска[3], хотя практическая реализация данных положений организована менее эффективно, по сравнению с Москвой.

---

[1] Министерство юстиции Российской Федерации: Обращения граждан. // URL: https://minjust.gov.ru/ru/appeals/faq/638/ (дата обращения: 04.03.2025).

[2] Открытая Москва. Москва – город, удобный для жизни. С. 6. // URL: https://pgu.mos.ru/common/broshura.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

[3] Решение Городской думы города Южно-Сахалинска от 31.10.2017 № 952/49-17-5 «О внесении изменений в Правила благоустройства территории городского округа «Город Южно-Сахалинск», утвержденные решением Городской Думы города Южно-Сахалинска от 24.06.2015 № 177/12-15-5». Ст. 4.

Необходимо отметить, что вопрос конкретизации способов гражданского участия в публичном управлении, а также обязательности такого участия всё чаще поднимается уполномоченными органами в контексте формирования государственной политики. Так, депутаты от партии «Новые люди» внесли в Госдуму законопроект, согласно которому нужно предусмотреть в законе обязательное участие граждан в проектах по благоустройству[1].

Граждане России имеют предусмотренные федеральным законодательством право и обязанность прямого участия в отправлении правосудия[2]. Данный процесс не предполагает региональных особенностей и применяется на всей территории России, представляя собой форму гражданского участия в реализации судебной власти, которая имеет прямой характер и не предусматривает применения цифровых решений (за исключением перспективной возможности получения электронных повесток в личном кабинете гражданина на платформе «Госуслуги»).

Таким образом, становится очевидным взятый государством курс на наращивание количества и качества форм, инструментов и механизмов участия граждан в публичном управлении. От базовых стандартов сбора обратной связи власти планомерно переходят к привлечению населения в процессы принятия решений, пока, в основном, на местном и региональном уровнях. Стоит отметить, что большинство рассмотренных способов гражданского участия основано на платформенных разработках и иных цифровых инструментах государственного администрирования. В данном случае становится заметной роль цифровизации управления, экономики и общества в переходе России к новой модели взаимодействия государства и общества.

Представляется, что формирование теоретических выводов о характере системы публичного управления в России и роли в ней действующей модели

---

[1] Законопроект № 600545-8 «О внесении изменений в статью 45.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/600545-8 (дата обращения: 13.04.2025).

[2] Конституция Российской Федерации. Ст. 32. Ч. 5; Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». Ст. 2.

взаимодействия государства и общества должно базироваться на качественном анализе эмпирических данных в рассматриваемой области. Роль практических данных в развитии теоретических размышлений и научной идеи является общепризнанной[1] и основана на достаточной степени автономности эмпирических сведений[2]. В связи с принятыми в науке концепциями построения и обоснования теоретических размышлений, в целях анализа влияния работы российского Правительства на вовлечение граждан в процессы взаимодействия проведена оценка корреляционной зависимости распространения и масштабирования цифровых сервисов удаленного участия и показателей активности населения в вопросах публичного управления.

Данное исследование автора базируется на гипотезе о том, что существует зависимость между масштабом и качеством цифровизации процессов взаимодействия государства и общества в России и степенью вовлеченности граждан в эти процессы. Методология проведения исследования включает:

1) сбор количественных данных о распространенности и использовании цифровых сервисов, а также о степени вовлеченности граждан в процессы управления (источниками данных выступают официальные отчеты Правительства РФ, Минцифры РФ[3], результаты официальных опросов населения[4], статистика использования цифровых платформ[5]) и их нормализация с сохранением исходного масштаба;

---

[1] См. например: Луценко Е. В. Проблемы и перспективы теории и методологии научного познания и автоматизированный системно-когнитивный анализ как автоматизированный метод научного познания, обеспечивающий содержательное феноменологическое моделирование // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 127. С. 1-60; Султанова Л. Б. Закономерности развития научного познания // Российский гуманитарный журнал. 2018. № 4. С. 245–259; Оботуров А. В. Консенсуальный подход к обоснованию истинности научных теорий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 58-67.

[2] Гришунин С. И. Роль исходных данных в научном познании // Идеи и идеалы. 2017. № 31. С. 36.

[3] Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: Статистика и отчеты // URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/ (дата обращения: 05.03.2025).

[4] Опросы. // URL: https://pos.gosuslugi.ru/lkp/polls/ (дата обращения: 05.03.2025).

[5] Абдрахманова Г. И., Васильковский С. А., Вишневский К. О. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник. М., 2023. 120 с.

2) применение линейных и нелинейных статистических методов и методов ранжирования для оценки корреляции между переменными (независимой – уровень развития технологий участия и зависимой – активность граждан);

3) анализ полученных значений коэффициентов корреляции для определения степени и направленности связи между уровнем цифровизации управления и активностью населения в государственных процессах в РФ.

Результатом проведенного анализа стала очевидная позитивная взаимосвязь между развитием цифрового правительства и степенью вовлеченности граждан во взаимодействие, в управление делами государства (Рис. 7). Так, с 2019 г., когда развитие электронных сервисов взаимодействия власти и граждан находилось в процессе развития, к 2023 г., когда цифровая среда государственного управления в РФ стала занимать ведущие места в мировых рейтингах, степень (индекс) активности гражданского общества в контексте публичного управления возросла на 0,36 пункта[1].

Рисунок 7 – Корреляционная зависимость цифровизации российской системы публичного управления и уровня гражданского участия в делах государства (источник: составлен автором)

[1] Оценка степени вовлеченности граждан в процессы управления государством базировалась на исследовании данных ЦИК РФ и аналогичных ведомств в регионах страны, отражающих долю политически активного населения за период 2019-2023 гг., собственных социологических исследованиях автора и результатах научных исследований, характеризующих состояние активности гражданского общества в исследуемом периоде.

Важно подчеркнуть, что интенсивная разработка представленных на рисунке 7 (и сопутствующих им) показателей на мировом (ООН) и национальном (РФ) уровнях пришлась на период до 2023 года включительно. Данную тенденцию иллюстрирует недостаток официальных или иных авторитетных данных о цифровизации системы публичного управления и электронном участии граждан с 2024 года (например, в ежегодном статистическом сборнике «Цифровая экономика» ИСИЭЗ ВШЭ за 2024[1] данные о электронном правительстве, онлайн-взаимодействии с гражданами, электронном участии ограничиваются 2023 годом, в Сборнике за 2025 гг.[2] – 2024 год проанализирован, но не по всем интересующим нас показателям).

Одновременно, достижение РФ в 2023 году высоких показателей доступности электронных государственных услуг и развития каналов мобильного взаимодействия граждан и власти обусловило новый этап развития данного сектора – расширение номенклатуры госуслуг и масштабирование проактивного формата их предоставления, запланированный на 2025-2027 гг. Однако, принятое в этой связи Постановление Правительства РФ от 19.06.2025 № 923[3] только предписывает разработать соответствующие показатели и индикаторы, определяя невозможность достоверной оценки рассматриваемых процессов в 2024 и 2025 гг. (в связи с отсутствием разрабатываемых ведомствами статистических показателей).

---

[1] Цифровая экономика: 2024 : краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 124 с. // URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf (дата обращения 14.10.2025)

[2] Индикаторы цифровой экономики: 2025 : статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; И60 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 296 с. // URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1026726402.pdf (дата обращения: 14.10.2025).

[3] Постановление Правительства РФ от 19.06.2025 № 923 «О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по повышению качества предоставления государственных, муниципальных услуг (сервисов, функций), реализации жизненных ситуаций, а также увеличению доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в том числе в целях реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Государство для людей» // Собрание законодательства РФ. 23.06.2025. № 25. Ст. 3435.

Отдельно стоит отметить, что цифровые технологии стали наиболее мощным стимулятором для деструктивных проявлений гражданской позиции некоторой части населения[1]. Если конструктивное участие граждан в процессах публичного управления требует значительных усилий со стороны государства (таких, как мотивация населения к участию, формирование технической и правовой возможности такого участия и т. д.), то негативные, а иногда и радикальные, настроения и проявления граждан не являются формализованными и с распространением электронных технологий (в том числе технологий взаимодействия) приобретают иногда стихийный характер (например, массовые акты протеста на фоне событий, связанных с задержанием и заключением А. Навального[2], движения граждан, выступающих против продолжения специальной военной операции[3] и др.).

Таким образом, рассмотренные и изученные факты и взаимосвязи позволяют с достаточной уверенностью констатировать этап перехода российской модели взаимодействия государства и общества от сервисной через платформенную к модели участия. Об этом свидетельствует активная работа представителей власти над расширением каналов прямого и опосредованного участия населения в решении государственных вопросов на местном, региональном и федеральном уровнях. Было установлено, что проводимые Правительством РФ мероприятия на протяжении последних лет с 2019 года обеспечили более чем 30%-ый рост степени вовлеченности российских граждан в активное взаимодействие с государством.

В то же время в условиях перехода к государству участия высокий уровень развития цифрового правительства РФ уже не является определяющим фактором, но выступает базисом для дальнейшего расширения каналов взаимодействия

---

[1] Патарая К. И., Крымова К. М. Национальные сценарии цифровизации политического протеста // Конфликтология. 2022. № 3. С. 56.

[2] Акции в поддержку Алексея Навального и столкновения с полицией. Главное. // URL: https://www.rbc.ru/politics/24/01/2021/600ae9859a794701e0e62558?ysclid=lutschxn6n638502395 (дата обращения: 07.03.2025).

[3] Майоров В. Роскомнадзор заблокировал 30 тысяч призывов к протестам против СВО. // URL: https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/roskomnadzor-zablokiroval-30-tysyach-prizyvov-k-protestam-protiv-svo/ (дата обращения: 07.03.2025).

граждан и власти. Основой государства участия является активное гражданское общество со сформированной культурой взаимодействия и соответствующими правовыми и техническими возможностями.

Сегодня наблюдается сосредоточение внимания власти на вопросах включения структур местного самоуправления и региональных администраций в процесс активизации гражданского общества. Данная тенденция прослеживается и в ходе формирования законодательной и организационной основы для проведения муниципальной реформы, где наиболее дискуссионным стал вопрос о принципах деятельности территориального общественного самоуправления[1]. Представляется, что курс, взятый государством в контексте реформирования и модернизации, базируется на основных постулатах демократии и учитывает определяющую роль взаимодействия граждан и власти для обеспечения открытости принимаемых решений.

Текущее реформирование модели взаимодействия общества и государства демонстрирует реализацию принципиально новых для России подходов и концепций, к которым можно отнести, прежде всего:

1) концепцию прозрачности государства и подотчетности деятельности власти обществу, которая прослеживается в устойчивом функционировании и непрерывном развитии электронных порталов (сайтов) органов государственной власти, региональных администраций, муниципалитетов, а также нормативного регулирования доступа граждан к информации о результатах публичного управления;

2) принцип бережливости и эффективности деятельности государственных учреждений, реализованный, прежде всего, в реформировании ряда госорганов (например, формирование Социального фонда России путем объединения Пенсионного фонда РФ и Служб социальной защиты населения), сопровождающемся не только доведением количества сотрудников до полезного

[1] Мухаметшина Е., Иванов М. Муниципальную реформу проведут после президентских выборов 2024 года // Ведомости. 2023. // URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/ 2023/05/10/974304-munitsipalnuyu-reformu-provedut-posle-prezidentskih-viborov (дата обращения: 09.03.2025).

оптимума, но и модернизацией показателей деятельности рассматриваемых органов, которые, в силу описанного выше принципа, находятся в общем доступе на официальных сайтах ведомств в сети «Интернет»;

3) экологичность органов власти, которая стала основной идеей в формировании подходов к работе на уровне муниципалитетов и регионов и выражается в привлечении граждан к обсуждению и участию в решении потенциальных или имеющихся проблем (на федеральном уровне данная тенденция прослеживается в концепциях межсекторального взаимодействия органов власти, развитии принципов гибкости, адаптивности, инклюзивности управленческих процессов);

4) сервисность, которая способствовала формированию текущих результатов цифровизации взаимодействия государства и общества, ориентированных на удобство населения в получении необходимых услуг, информации и пр.;

5) принцип совместного управления, реализуемый по вертикали «снизу вверх» – от муниципалитетов (совместное планирование благоустройства территории, мероприятий, применения инструментов экономической сферы и т. д.) к федеральному уровню (участие граждан в выборах, референдумах, обсуждении проектов нормативных правовых актов, возможность выражения мнения о работе федеральных органов исполнительной власти, возможность предложить собственную законотворческую инициативу, право и обязанность прямого участия в отправлении правосудия).

Реализация всех перечисленных принципов и концепций взаимодействия государства и общества в России сопровождается развитием цифровых платформ и инструментов, формирующих фактическую доступность управленческих инноваций для населения страны.

Однако формирование комплексного представления об основах трансформации действующей модели государственного управления в РФ (переход от сервисного государства к государству участия с акцентом на усиление роли общества в принятии административных решений) потребовало изучения большого количества локальных нормативных и нормативных правовых актов

федерального, регионального и местного уровней, что ясно указывает на отсутствие комплексного централизованного подхода власти к развитию института гражданского участия. Представляется, что формирование такого подхода должно стать базисом и определяющим условием эффективности в процессе дальнейшего развития модели государства участия в России.

5.2 Юридико-цифровые направления реформирования системы публичной власти во взаимодействии с обществом

Раскрывая тему трансформации взаимодействия населения и власти, представляется уместным обратиться к теме общественного договора, разработанной мыслителями несколько веков назад[1] и продолжающей выступать предметом научных изысканий в современный период[2]. Неизбежность обновления общественного договора как неформального соглашения между группами граждан и властью (обмен поддержки населением действующей политики на получение гарантированных ею благ) подчеркивается сегодня многими исследователями[3] и связана, прежде всего, с тотальной цифровизацией всех сфер общественной жизни и изменением геополитических условий развития российского общества (в том числе с актуализацией вопросов безопасности, суверенитета в условиях

[1] См. например: Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре: трактат. М., 1998. 416 с.; Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. Челябинск, 2020. 496 с.; Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева. М., 2016. 480 с.; Ролз Дж. Теория справедливости / пер. В. В. Целищева. М., 2017. 536 с.

[2] См. например: Балацкий Е. В, Екимова Н. А. Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. 2022. Т. 14, № 3. С. 74–90; Чертков А. Н. Конституция как особый вид правового акта и как форма «общественного договора» // Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики: материалы XV Международной научно-практической конференции / под ред. В. Н. Власенко. М., 2021. С. 73-77.

[3] Публичное управление в цифровом обществе: к новому общественному договору: монография / В. В. Зотов [и др.]. Курск, 2021. 236 с.; Винокуров А. В., Евсеева Н. В., Худякова М. А. Российская власть и общество: на пороге нового общественного договора // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 1. С. 53. // URL: https://doi.org/10.24158/spp.2024.1.5 (дата обращения: 19.04.2025).

проведения специальной военной операции)[1]. Представляется, что именно в рамках общественного договора закладывается потенциал очередного этапа развития общественно-властных отношений в новой социально-политической реальности. При этом именно неформальность рассматриваемого института может служить источником наиболее достоверных данных об общественных настроениях и потребностях, которые, полагаем, и должны стать отправной точкой в процессе построения государственной политики развития гражданского общества в России.

Дальнейшая эволюция модели взаимодействия государства с развитым и активным обществом (модель участия) требует от власти выработки новой концепции, отвечающей принципам открытости правительства, его подотчетности обществу, совместного управления. В то же время усиление роли цифровых технологий в процессах принятия решений и их исполнения диктует необходимость формирования новых и уточнения существующих правил и инструментов онлайн-взаимодействия государства и общества.

Представляется, что к числу концептуальных основ, составляющих новую систему отношений между российскими гражданами и властью, следует отнести открытую для граждан информацию, заинтересованность и осведомленность граждан как участников управленческих процессов.

Определённая на правовом, методологическом и техническом уровнях открытость информации о деятельности государственной администрации должна включать как перечень решений, принимаемых в рамках реализации функций государства, так и данные, характеризующие результаты фактической деятельности государственных органов (на всех уровнях власти). При этом неотъемлемыми качественными характеристиками рассматриваемой информации должны быть ее полнота и точность (первичная форма, а не кумулятивная или адаптированная), своевременность обнародования, доступность, интуитивно понятный формат.

[1] Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Общественный договор в России: дои после 2022 года // Журнал институциональных исследований. 2022. Т. 14, № 3. С. 76.

Указанные аспекты во многом нашли отражение в проводимой с 2012 г. в России политике «открытого правительства», задекларированной в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». Данный документ, в совокупности с нормативными правовыми актами, принятыми для его исполнения, позволил достичь довольно высокого уровня раскрытия информации о деятельности российской администрации, который мы можем наблюдать в настоящее время. Как уже было указано, аналогичная работа осуществлялась и за рубежом, примерно в тот же период времени[1]. Например, в 2011 г. было учреждено Партнерство по вопросам открытого правительства (Open Government Partnership, OGP) в США[2].

Следует также подчеркнуть важность использования цифровых технологий и электронных сервисов в процессе обеспечения государством «открытого» формата информации о публичном управлении. Уровень и качество цифровизации рассматриваемого элемента новой модели общественно-властного взаимодействия в значительной степени является залогом его эффективности.

Возвращаясь к российской действительности, следует, в первую очередь, подчеркнуть результаты, достигнутые государством в сфере обнародования важнейшей информации о деятельности органов власти. Однако в результате наблюдения и исследования стали очевидны факторы, препятствующие дальнейшему развитию концепции открытого правительства, эффективного взаимодействия государства и общества, «модели участия», которые так пока и не вызвали должного интереса и озабоченности со стороны государственной администрации.

---

[1] Несмеянова С. Э., Колобаева Н. Е., Мочалов А. Н. «Открытое правительство» и права человека // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 5. С. 7. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytoe-pravitelstvo-i-prava-cheloveka (дата обращения: 10.03.2025).

[2] Сайт Партнерства «Открытое правительство». // URL: https://www.opengovpartnership.org /about/(дата обращения: 10.03.2025).

К таким факторам следует отнести, в первую очередь, децентрализацию источников информации о деятельности государства. Моделируя ситуацию удаленного поиска заинтересованным гражданином актуальных данных о процессе банкротства физических лиц (такой предмет запроса был выбран умышленно в качестве примера общественно значимого повода для взаимодействия гражданина и власти в современных условиях), были выявлены следующие результаты, имеющие негативный окрас в контексте доступности гражданам открытой и понятной информации:

1). Ненормированное количество источников официальной и псевдоофициальной информации, которые не подвергаются какой-либо наглядной маркировке на странице выдачи результатов в поисковых сервисах (пользователь видит большое количество сайтов с размещенными документами в сфере банкротства физических лиц, без отметки о наличии среди них официального портала законодателя). Такое положение не только формирует риск получения гражданином неактуальных сведений, но и нарушает принцип безоплатности доступа граждан к официальным правоустанавливающим документам, поскольку ряд сервисов предусматривают оплату подписки за право лица на получение действующих редакций нормативных правовых актов (например, СПС «КонсультантПлюс», «Гарант» и пр.).

2). Сложность восприятия содержания нормативных правовых актов и необходимость учета дополнительных документов, на которые перенаправляют бланкетные нормы основного акта. Результатом этого становится необходимость поиска официальных разъяснений о порядке осуществления процедуры банкротства физических лиц в РФ, который снова обнаружил проблему, указанную в пункте 1 настоящего списка.

3). Алгоритмы поиска судебных прецедентов по конкретным вопросам в значительной степени несовершенны и не понятны пользователю без специальных компетенций (например, юридического образования). При должной законодательной урегулированности организации доступа граждан к информации

о деятельности органов судебной системы России[1], пользовательский опыт видится нерезультативным.

Перечень рассмотренных проблем не является исчерпывающим, но уже демонстрирует негативную тенденцию в контексте развития общественно-властного взаимодействия: невозможность для граждан самостоятельно, простым путем получить информацию о гарантированном государством праве на банкротство и, следовательно, воспользоваться таким правом, что в конечном итоге становится одним из факторов, поддерживающих исторически сложившееся недоверие российского народа к власти. Кроме того, принципы правоприменения, в целом, не всегда позволяют применять формулировки законодательных актов согласно их прямому значению, что указывает на низкую степень адаптивности закона для населения (например, положения абзаца 2 подпункта 3 пункта 1 статьи 223.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» на практике применяются не прямо, что делает вносимые законодателем изменения (упрощения для граждан) бездейственными). Зачастую для толкования правовых норм требуется профильное образование или (и) практический опыт правоприменения.

Предпринятая попытка нахождения сведений о результатах деятельности Социального фонда России за 2024 г. также не дала положительных результатов. По состоянию на 1 апреля 2025 г. данный отчет еще не размещен на официальном сайте ведомства. Становится очевидной несвоевременность опубликования официальных данных о соответствии работы государственного органа установленным показателям.

С точки зрения граждан-пользователей, ряд вопросов возникает и к инструменту «открытые данные», который представляет собой размещение на официальных сайтах государственных органов открытого набора первичных статистических данных. Хотя представление населению исходных некумулятивных показателей публичного управления и соответствует концепции

[1] Рагимханова К. Т. Доступ к информации о деятельности судов: перспективы и проблемы развития законодательства // Закон и право. 2024. № 3. С. 95.

открытого правительства, формат такого представления является абсолютно не ориентированным на граждан.

Думается, что основным условием реализации концепции открытых данных выступает беспрепятственная возможность населения знакомиться с ними, изучать и анализировать, на что, в итоге, и направлен данный инструмент открытого правительства (принцип подотчетности гражданам). Однако сегодня открытые данные представлены в формате многомерных таблиц со сложным интерфейсом и управлением.

Таким образом, основой новой концепции взаимодействия государства и граждан должна выступать доступная, точная, своевременная информация, представленная в некумулятивной (первичной) форме, размещаемая централизованно, интуитивно понятная для граждан с точки зрения изложения и пользовательского интерфейса. Для достижения такого результата сегодня предстоит решить ряд проблем организационного и технико-программного характера.

Другой концептуальной основой модели участия и соответствующей ей схеме общественно-властной коммуникации выступает заинтересованность и осведомленность граждан как соучастников управленческого процесса. Исследователи полагают, что концепция открытого правительства распространяется «далеко за пределы узкого понимания «права знать»[1] и охватывает также процесс вовлечения граждан в совместное управление[2]. В связи с этим определенные усилия для привлечения внимания общественности к вопросам участия в делах государства уже были приложены: например, цифровизация каналов взаимодействия администрации и граждан, поощрение к

[1] Шевердяев С. Н. Реализация стратегии «открытого правительства» в Казахстане: институциональный и законодательный контекст // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 75.

[2] Несмеянова С. Э., Колобаева Н. Е., Мочалов А. Н. «Открытое правительство» и права человека // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 5. С. 9. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytoe-pravitelstvo-i-prava-cheloveka (дата обращения: 10.03.2025).

участию в голосованиях на муниципальном, региональном и федеральном уровнях и пр.

В то же время участие граждан в процессах публичного управления сегодня недостаточно активное. Прибегая к опытным методам исследования, как наиболее информативным в вопросах выяснения параметров вовлеченности населения в дела государства, в рамках настоящего исследования был проведен социологический опрос 1630 граждан – представителей политически дееспособного слоя населения (подробные результаты опроса, включая социально-демографическую характеристику респондентов, материалы анкетирования и интервьюирования отдельных граждан представлены в Приложении А).

В контексте формирования модели участия, основанной, помимо прочего, на активном вовлечении граждан в управленческие процессы, показательными стали следующие результаты проведенного социологического исследования:

– информированность населения о возможностях и способах участия в публичном управлении на местном, региональном и федеральном уровнях составляет 31,6 %[1];

– доля граждан, принимающих инициативное участие в управлении делами государства, в зависимости от формы такого участия, колеблется от 0,1 % до 23,7 %[2];

– только 24,6 %[3] респондентов уверены, что их участие оказывает реальное влияние на принимаемые администрацией решения на всех уровнях управления, и 31,8 %[4] опрошенных считают результативным общегражданское участие (наблюдается тенденция к дискредитации собственной роли в гражданском обществе);

– более 82 %[5] опрошенных высказали мнение о необходимости специальной информации, знаний и ресурсов для результативного участия в публичном

[1] См. Таблицу А.11, Приложение А.
[2] См. Таблицу А.9, Приложение А.
[3] См. Таблицу А.11, Приложение А.
[4] См. Таблицу А.12, Приложение А.
[5] См. Таблицу А.11, Приложение А.

управлении, при том, что только 19,2 %[1] граждан признают наличие у себя данных атрибутов участия;

– доля респондентов, признавшихся в недоверии власти, составила 31,4 %, при том, что 40,7 %[2] опрошенных воздержались от прямого ответа.

Следовательно, можно сделать вывод, что сегодня наблюдаются системные проблемы вовлечения населения России в активное взаимодействие, в совместное управление. Данные проблемы обусловлены комплексом факторов разной природы: социально-демографической, правовой, методической, культурной и пр.

В то же время отсутствие активного интереса государства к преодолению отчуждения общества, которое было отмечено 60,8 % респондентов[3] и прослеживается в структуре принимаемых правительством решений, является наиболее значимым препятствием для дальнейшего развития в РФ модели активного взаимодействия-участия.

Третьей концептуальной основой модели общественно-властного взаимодействия в России должно стать усиление взаимной ответственности государства и граждан. Сегодня достаточно развит институт общественного контроля[4], в том числе наблюдается рост личной ответственности представителей власти за принимаемые управленческие решения и их последствия[5]. Однако представляется, что для достижения позитивных эффектов совместного управления необходимо развивать и гражданскую ответственность перед государством в контексте управления. Такой вопрос поднимается в теории

[1] См. Таблицу А.13, Приложение А.
[2] См. Таблицу А.11, Приложение А.
[3] См. Таблицу А.13, Приложение А.
[4] Сисакьян А. К. Общественный контроль как институт гражданского общества во взаимосвязи с конституционным правосознанием // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2(37). С. 33.
[5] Семичева А. С. Проблемы ответственности органов публичной власти в современной России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 186.

государственного управления более пятнадцати лет[1], однако так и не нашел отражения в формируемой государственной политике.

Итак, концепция современной модели взаимодействия государства и общества в условиях перехода от сервисного государства к государству участия, через использование платформ, должна базироваться, во-первых, на обеспечении доступности для заинтересованной общественности всей информации, формируемой в процессе публичного управления, в первичной, некумулятивной форме, в виде, понятном для восприятия. Во-вторых, базовым элементом формируемой концепции должна стать вовлеченность граждан, основанная на их информированности, интересе, желании участвовать и доступности соответствующих инструментов. В-третьих, важным концептуальным элементом представляется законодательно закрепленная и общественно признанная взаимная (двусторонняя) гражданско-государственная ответственность в контексте публичного управления.

Обоснование методологических основ формируемой модели взаимодействия граждан и власти базируется на разработанной концепции и учитывает определяющую роль цифровизации взаимодействия, управления и технологического развития общества в целом. К таким основам предлагается отнести:

1). Дальнейшее развитие инструментов цифровой демократии, соответствующих формам, направлениям и целям общественно-властного диалога. Стоит подчеркнуть, что сегодня, с точки зрения граждан, правительством достигнуты значимые результаты цифровизации управленческого процесса и диалога с общественностью: более 68 % респондентов знакомы с цифровыми инструментами участия, более 46 % из них воспользовались такими

[1] См., например: Патюлин Г. С. Взаимная юридическая ответственность государства и человека // Труды института государства и права Российской академии наук. М., 2010. № 6. С. 7–22; Галустян Н. В. Позитивная юридическая ответственность государства перед личностью в современных условиях развития правового государства и гражданского общества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Юридические науки. 02022. Т. 8 (74). № 3. С. 427–434.

инструментами в течение последнего года, 52-65 % опрошенных считают электронные каналы взаимодействия с администрацией эффективными, безопасными и предпочитают их традиционным формам общения с властью[1].

В то же время проведенное социологическое исследование выявило наличие некоторых проблем использования гражданами цифровых инструментов участия: сложность регистрации и совершения действий, технические проблемы, неэффективная коммуникация с органами власти, недоступность цифровых сервисов из-за проблем с Интернетом или технической необеспеченности (см. Рисунок в Приложении А).

Несмотря на наличие некоторых проблем цифрового инструментария управления, их распространение невелико, а эффективность участия населения в решении государственных проблем с их появлением существенно возросла (по мнению 688 респондентов[2]).

2). Применение образовательных возможностей в учебных заведениях, а также просвещение трудоспособного населения всех возрастов в плане возможностей взаимодействия, необходимости, важности и пользы участия в делах государства, в реализации его функций. Согласно данным, полученным в результате проведенного социологического исследования, дефицит информации признают у себя более 70 % респондентов, а элементы культуры участия развиты очень слабо, при наличии большого потенциала в виде высокой заинтересованности граждан в участии (67,7 % опрошенных[3]).

3). Формирование гибких правовых механизмов участия граждан в отношениях с государством, взаимной ответственности общества и власти в процессе разработки и реализации государственной политики на всех уровнях. Без должного нормативного закрепления невозможно становление и общественное принятие обновленной модели взаимодействия населения и государственной администрации. На принятых законодателем решениях будет основываться, в том

[1] См. Таблицу А.10, Приложение А.
[2] Там же.
[3] См. Таблицу А.13, Приложение А.

числе, и проводимая образовательная политика и мероприятия по лоббированию гражданского участия.

4). Акцентирование внимания на дальнейшем развитии проводимых в рассматриваемой области мероприятий, в частности, инициативного бюджетирования, государственной поддержки НКО, концепции открытого правительства, общественного контроля. При этом развитие данных инструментов должно производится с учетом цифровых возможностей и достижений, а также инновационных решений и вносимых инициатив.

5). Организация непрерывного мониторинга общественных потребностей, настроений, мнений, с их последующим анализом. Кроме того, существует необходимость в разработке системы и методики качественной и количественной оценки показателей гражданского участия.

Таким образом, переход к активному участию общества в делах государства предполагает выстраивание в России новой модели общественно-властного взаимодействия. Представляется, что концепция такой модели должна базироваться на доступности и открытости информации о государственном управлении, вовлечении граждан в управленческие процессы и формировании института взаимной ответственности общества и государства. При этом первостепенной задачей органов власти должно стать решение проблем, замеченных в научной литературе, выявленных опытным путем и отчетливо обозначенных гражданами, участвующими в социологических исследованиях, а основной рамкой построения новой концепции – цифровизация управления и общества.

Реализация рассмотренной концепции требует обновления методологических подходов, в частности, формирования новых или модернизации существующих цифровых инструментов информирования и участия граждан; законодательного закрепления механизмов участия и принципов взаимной ответственности общества и власти; обновления образовательных программ и подходов к информированию взрослого населения; включения новых трендов в дорожную карту развития текущих инструментов совместного управления;

организации системы мониторинга и оценки общественного мнения и гражданской активности россиян.

Особое место в предложенном концептуальном и методологическом обосновании новой модели государственного управления занимает необходимость правовой оценки и фиксации инновационных параметров взаимодействия граждан и власти, которая не только позволит установить границы совместного управления, но и сформирует основу для дальнейшей работы государства по вовлечению общества в дела государства.

5.3 Юридико-цифровой механизм регулирования перспективной модели взаимодействия государства и общества

Установлено, что основой для развития демократического государства (с любой моделью взаимодействия власти и граждан, в том числе моделью участия) является налаженный и результативный механизм общественно-властной коммуникации, основы которого должны быть закреплены на уровне центрального (для России – федерального) законодательства.

Вместе с тем сегодня еще не сложилась системная работа правительства по выработке программных или иных решений в рассматриваемой области. Отдельные законодательные инициативы, вынесенные на общественное обсуждение, касаются вопросов вовлечения граждан в публичное управление (например, инициатива о наделении граждан обязанностью участия в принятии решений на местном и региональном уровнях), но не являются достаточными в условиях перехода России к модели взаимоотношений власти и общества по типу «государство участия».

В связи с этим первостепенной задачей законодателя становится разработка комплексного механизма правового регулирования вопросов взаимодействия государства и граждан, основанного на фундаментальных научных исследованиях, оценке зарубежного и российского опыта общественно-властного диалога, анализе реальных параметров российского населения как субъекта участия.

Существование стран с развитой демократией, где воплощение модели взаимодействия участия граждан в реализации функций государства привела к существенному улучшению качества жизни и уровня экономического развития, предполагает возникновение научного и практического интереса в контексте развития российской модели взаимодействия государства и общества и ее правового регулирования.

В рейтинге ООН «World Happiness Report 2024» приводятся результаты социологических исследователей команды Оксфордского университета, согласно которым наиболее удовлетворенные качеством жизни люди проживают на территории Финляндии (7,74), Дании (7,58), Исландии (7,52), Швеции (7,34), Израиля (7,34), Нидерландов (7,31), Норвегии (7,30), Люксембурга (7,12), Швейцарии (7,06)[1].

При сопоставлении данных рейтинга с результатами научных исследований 2014-2024 гг., предметом которых был процесс развития модели публичного управления в зарубежных государствах[2], удалось прийти к заключению о наличии прямой связи уровня жизни населения и транспарентности государственного управления, достигаемой за счет открытия информации, ее доступности, а также участия граждан и реализации проектов государственно-частного партнерства.

При соблюдении определенных условий передовой зарубежный опыт может быть полезен для развития национальной идеи вовлечения граждан в активное взаимодействие с государством и на территории России. Наиболее интересным в контексте исследования зарубежного правового регулирования гражданского участия выступает возможность населения прямо участвовать в законотворчестве

---

[1] World Happiness Report 2024. // URL: https://worldhappiness.report/ed/2024/happiness-of-the-younger-the-older-and-those-in-between/#ranking-of-happiness-2021-2023 (дата обращения: 12.03.2025).

[2] См. например: Аксёнов И. В. Референдум как институт политической партиципации: опыт Швейцарии // Дискурс-Пи. 2022. № 2. С. 118–137; Лукушин В. А. Актуальные направления исследований эффектов применения онлайн-голосования: отечественный и зарубежный опыт // Власть. 2024. № 2. С. 68–74; Большаков С. Н., Большакова Ю. М. Эффективность реформирования государственного управления в Финляндии: подходы, методы, инструменты // Вопросы управления. 2018. № 2 (32). С. 7-13; Федулова С. И. Опыт Финляндии в вовлечении населения в городское планирование // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2016. № 1 (38). С. 106–110.

(в РФ данное право граждан несколько ограничено и на практике сводится к общественному участию в обсуждении проектов нормативных актов, в том числе с помощью специальных ресурсов – платформ, и иногда – к участию в создании актов на местном уровне). В ряде зарубежных государств – в Австрии, Испании, Италии, Швейцарии, Филиппинах – законодатель предусматривает право граждан на участие в законодательном процессе путем прямого осуществления законодательной инициативы[1].

С одной стороны, сопоставляя уровень развития демократии и качество жизни в перечисленных странах, можно говорить о результативности такого подхода и размышлять о потенциале его имплементации в российское законодательство, а с другой – представляется верным согласиться с исследователями[2] в том, что отнесение граждан к субъектам законотворчества должно быть основано на достаточности уровня их правовой грамотности и правовой культуры как необходимого минимума.

Анализируя законотворчество как набор прав и обязанностей его субъектов можно с уверенностью говорить о том, что рассматриваемая деятельность не ограничивается только лишь разработкой законопроекта (проекта любого нормативного акта) и его вынесением на рассмотрение. Законотворчество также предполагает обсуждение потенциала, эффектов и рисков, ожидаемых от практической реализации документа. Все это предполагает наличие у субъекта законотворчества не только развитых профессиональных и научных компетенций, но зачастую и особого статуса – статуса участника соответствующих правительственных органов, наделенных полномочиями по рассмотрению, одобрению и принятию нормативных правовых актов.

---

[1] Фомичева О. А. Законотворческий процесс в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 265.

[2] Crabbe V. The ethics of legislative drafting // Commonwealth Law Bulletin. 2010. № 36. P. 11–24; Добрынин Н. М. Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы С. А. Авакьяна «Точка отсчета – народ» // Государство и право. 2017. № 7. С. 26–27.

В науке высказываются мнения о необходимости законодательного закрепления за гражданами РФ статуса субъекта законотворчества[1]. Некоторые исследователи называют такой шаг свидетельством и обязательным атрибутом демократии[2], а другие разрабатывают концептуальные основы сосредоточения законотворческой и контролирующей инициативы в руках гражданского общества[3]. Основной идеей, прослеживающейся в данных научных трудах, является целесообразность заимствования опыта, практик и инструментов демократического режима, действующего в государствах с наиболее высокой степенью удовлетворенности населения качеством жизни.

Признавая обоснованность доводов и аргументов К. С. Гаджиева, Э. Т. Рамазановой, С. Э. Либановой и других исследователей, лоббирующих включение граждан РФ в перечень субъектов законотворчества, видится необходимым подчеркнуть влияние на результат такого включения как правовой культуры и грамотности российского общества, так и его менталитета[4], которые, при сопоставлении с аналогичными параметрами общества в странах с развитой демократией, демонстрируют совершенно иной уровень. Так, на территории России наблюдается перманентное снижение уровня правовой грамотности, даже в условиях роста числа дипломированных юристов[5].

Таким образом, прямое заимствование положительной зарубежной практики в области взаимодействия государства и общества, в том числе в области правового сотворчества, и построение на ее основе национальной демократической системы не всегда принесет ожидаемый результат. В этих условиях особую значимость приобретает оценка прогрессивного опыта, сложившегося в регионах России, в

---

[1] Рамазанова Э. Т. Роль института народной законодательной инициативы в формировании гражданского общества в Российской Федерации // Гражданское общество и правовое государство. 2011. Т. 1. С. 53; Абрамова А. И. Законодательная идея и форма ее реализации // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 69.

[2] Гаджиев К. С. Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 9. С. 25.

[3] Либанова С. Э. Демокурия: монография. Курган, 2014. С. 4, 65.

[4] Абдылдаев Ж. А. Философский анализ взаимосвязи политики и менталитета // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 1-3 (88). С. 10.

[5] Свистунов А. А., Шепанский И. С. Проблемные вопросы занятости юристов и ее структура // Юридический мир. 2016. № 4 (232). С. 57.

частности, в Москве. Так, возвращаясь к результатам проведенного социологического исследования, можно отметить удовлетворенность 43,6 % интервьюированных респондентов (100 % из которых – жители столицы) качеством, удобством и урегулированностью взаимодействия власти и населения, гражданского участия в управлении городом[1].

Проект «Активный гражданин», реализуемый в Москве с 2014 г. и не раз отмеченный в научно-исследовательской литературе как один из наиболее успешных в РФ[2], выступает одним из примеров удачного объединения традиционного нормативного регулирования деятельности правительства и инноваций гражданского участия. Данный подход демонстрирует активно развивающуюся платформу взаимодействия власти и граждан без серьезной модернизации законодательства. Согласно описанию проекта, представленному на официальном сайте, «на голосование в проекте «Активный гражданин» выносятся только те вопросы, которые относятся к компетенции Правительства и органов исполнительной власти города Москвы. При этом каждый из них действует в рамках полномочий, установленных нормативно-правовыми актами»[3]. Иными словами, проект Москвы «Активный гражданин» демонстрирует синергию традиционной правовой модели деятельности городского правительства и инновационного платформенного решения по вовлечению граждан в управленческие процессы.

В целом, формируемая в России модель взаимодействия общества и государства с широким участием граждан требует системной правительственной работы по формированию правовой среды для организации эффективного взаимодействия населения и власти. Основываясь на выявленных проблемах и потребностях нового механизма народно-властного диалога, представляется

---

[1] См. результаты интервьюирования граждан в блоке 2 Приложения А.

[2] См. например: Погодина И. В., Авдеев Д. А. Геймификация платформ общественного участия граждан в публичном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 94; Ревякин С. А. Функциональность электронных платформ общественного участия: причем здесь социальные сети? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3. С. 99.

[3] О проекте. // URL: https://ag.mos.ru/about (дата обращения: 27.03.2025).

целесообразным рекомендовать ревизионно-законотворческую работу в следующих направлениях, установить концептуальные цели:

1) формирование нормативной базы, регулирующей доступ граждан к информации о государственном управлении;

2) расширение каналов взаимодействия граждан и органов власти.

Представляется необходимым ограничить право неофициальных ресурсов на размещение официальной информации либо обязать делать отличительные отметки для легитимных ресурсов и сайтов, не имеющих отношения к обороту официальных данных. Так же важно четко сформулировать алгоритм доступа граждан к официальной информации, с учетом принципов защиты персональных данных, кибербезопасности и идентификации пользователей (важным элементом в данном случае будет применение современных технологий и наработок в сфере цифровых технологий).

Путем внесения дополнений в статью 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» закрепить принципы омниканальности и клиентоцентричности взаимодействия государства и граждан, а также проактивный порядок предоставления определенного набора социально значимых государственных услуг.

Кроме того, развитие диалога государства и общества требует актуализации основного действующего документа в этой сфере – Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». В связи с этим автором была обоснована необходимость изменения понятия «обращения», содержащегося в статье 4 рассматриваемого документа, путем расширения и включения в его дефиницию новых видов обращений (консультация гражданина, мнение, информация, консультация, сообщение) и способов их осуществления (социальные сети, мессенджеры).

Требуется и законодательное закрепление пределов участия граждан в совместном управлении. Представляется необходимым определить границы общественного участия в государственных делах, реализации государственных

функций, руководствуясь принципами «неусложнения» и достаточности компетенции. В частности, предлагается исключить участие граждан в решении вопросов национальной безопасности, требующих высокоспециализированного и/или научного исследования и знаний или (и) сложных финансовых решений (в этих случаях необходим вклад экспертов с соответствующими знаниями и опытом).

Кроме того, участие граждан недопустимо в вопросах управления, требующих незамедлительных ответственных решений, в кризисных ситуациях, таких как стихийные бедствия, военные конфликты или экономические кризисы (гражданское участие, очевидно, станет препятствием для быстрого реагирования).

Вопросы инициирования принятия, составления и формулировки правовых норм с участием граждан требуют отдельного обсуждения и разрешения.

Необходимо включение в российское законодательство принципов транспарентности и партисипативности, отвечающие современному направлению развития модели общественно-властного взаимодействия. Принятие нормативных правовых актов, где бы декларировались эти принципы, дополнительно подчеркивает важность трансформации системы правового регулирования сфер взаимодействия государства и общества, публичного управления в условиях всеобщей цифровизации и перехода к государству участия.

Наступило время для трансформации отраслевых и ведомственных документов в сфере образования в целях реализации системного подхода к формированию правовой и культурной природы участия граждан. В стандартах высшего образования нового поколения в РФ (ФГОС ВО+++) предлагается уточнить компетенцию «гражданская позиция», расширив ее до знаний и умений гражданина реализовать свою гражданскую позицию, гражданские права и обязанности, владеть навыками взаимодействия с органами власти.

Помимо уточнения категории «гражданская позиция» в рассматриваемых образовательных стандартах, представляется необходимым включить в ОПОП ряд мер, направленных на формирование у студентов такой компетенции (например, курс по исследованию гражданского общества, игровые практикумы для

популяризации платформ общественного участия, инструменты электронного участия в университетских делах).

Предложенные направления совершенствования законодательства о взаимодействии общества и государства помогут сформировать «правовой старт» для дальнейшего развития юридико-цифровой модели взаимодействия общества и власти – модели участия.

Дополнительной предметной областью, нуждающейся в комплексном законодательном регулировании, выступает процесс вовлечения российских граждан в реализацию функций государства. Сегодня необходима разработка нелинейной междисциплинарной модели побуждения граждан к участию в управлении делами государства и ее включение в перечень обязательных к реализации государственных программ. Такая модель должна базироваться на минимизации выявленных, эмпирически доказанных и проанализированных индикаторов сопротивления граждан к участию в делах государства, а также на принципах формирования культуры взаимодействия. В этих условиях определяющее значение приобретает опытное исследование особенностей российского гражданского общества как основы для развития «государства участия».

Проведенное автором социологическое исследование тенденций, вызовов и перспектив участия российских граждан в публичном управлении в условиях цифровизации (см. Приложение А) позволило выявить общественные настроения и параметры политической активности населения, на основе которых предложен проект Дорожной карты по вовлечению россиян в управление делами государства (далее Дорожная карта) (см. Приложение В).

Представляется, что в основе Дорожной карты должна лежать нелинейная модель вовлечения граждан в публичное управление, предусматривающая подход, согласно которому процессы участия не характеризуются строгой последовательностью шагов, а, скорее, представляют собой гибкую, динамичную систему, в которой могут возникать различные формы взаимодействия с властью, в разное время и в разных контекстах. Такая модель допускает, что гражданское

участие может быть разнообразным и изменчивым и подчеркивает важность адаптации к текущим условиям и потребностям общества. Исходя из этого, нелинейная модель вовлечения граждан в процессы публичного управления должна включать:

– многообразие форм и каналов участия (публичные слушания, онлайн-платформы для сбора мнений, участие в местных советах, голосования, опросы, консультации, референдумы и др.);

– гибкость процессов участия (возможность их адаптации к изменяющимся обстоятельствам, например, политической ситуации, технологическим новшествам или социально-экономическим изменениям);

– взаимодействие субъектов на разных уровнях участия (местном, региональном, национальном) для создания более сложных и многогранных форм общественного участия;

– адаптивность и динамичность, гарантирующая обновление стратегий и методов вовлечения граждан в ответ на обратную связь и изменения в общественных настроениях;

– ключевая роль технологий и инноваций (ввиду формируемых ими широких возможностей общественного участия, коммуникации, распространения информации).

Таким образом, нелинейная модель вовлечения граждан в публичное управление отличается от традиционных, более жестких подходов и признает, что общественное участие может быть инновационным, изменчивым и адаптивным[1].

Предложенный проект Дорожной карты как инновационной нелинейной модели вовлечения граждан в публичное управление предусматривает три основных раздела (направления):

1). *Мотивация граждан к взаимодействию*. Исследование мнений 1630 граждан РФ об их мотивации участвовать в публичном управлении показало однозначно низкий уровень заинтересованности респондентов и их окружения в

[1] Певная М. В., Шуклина Е. А. Институциональные ловушки нелинейного развития высшего образования в России // Интеграция образования. 2018. № 1 (90). С. 79.

проявлении гражданской позиции и выражении своего мнения. Так, важность собственного голоса для местных властей признают только 6,7 % опрошенных, а уделять свое личное время на участие в государственном управлении готовы не более 18,7 % граждан[1]. Одновременно более 61 % респондентов подтверждают возможность роста заинтересованности в общественном участии при условии внедрения дополнительных стимулов со стороны государства[2].

К наиболее предпочтительным стимулам, согласно мнению граждан[3], относятся:

– прямые материальные стимулы (58 % голосов) в форме денежных поощрений или надбавок к заработной плате/пенсии/пособиям;

– косвенные материальные стимулы (55 % голосов) в форме налоговых льгот или скидок на оплату услуг/товаров;

– виртуальные награды (34 % голосов) в виде баллов, купонов, рейтингов и иных призов в рамках соревновательного контекста (инструменты геймификации);

– общественные поощрения (30 % голосов) в форме признания гражданских заслуг индивида (например, размещение информации о нем в СМИ, на досках почета, сайтах государственных органов, платформах участия);

– административные поощрения (30 % голосов) в форме дополнительных дней отдыха, внеочередного предоставления благ (например, путевок на оздоровительный отдых, места в детском саду и т. д.).

Примечательно, что наблюдается прямая корреляция между мотивацией граждан к участию и их возрастом, образованием, сферой деятельности, типом занятости, уровнем дохода и составом семьи. Установлено, что наиболее мотивированным является население в возрасте 18-25 лет и 50-65 лет, учащиеся ВУЗов и государственные служащие, представители промышленности, науки и здравоохранения, а также лица, относящиеся к наименее защищенным слоям населения (многодетные родители, родители детей-инвалидов, пенсионеры).

[1] См. Таблицу А.12, Приложение А.
[2] Там же.
[3] См. Рисунок А.5, Приложение А.

Население сельской местности проявляет более интенсивное участие и/или желание участвовать по сравнению с жителями города, однако инструменты такого участия менее диверсифицированы.

Вместе с тем наиболее восприимчивыми к прямому и косвенному материальному стимулированию выступают граждане с доходом от низкого до среднего, имеющие детей, безработные, пенсионеры и временно нетрудоспособные.

Поощрения общественного и административного характера интересны группе людей в возрасте от 36 до 49 лет, представителям промышленности, науки, сельского хозяйства, предпринимателям и наемным работникам, госслужащим.

Виртуальные стимулы ожидаемо заинтересовали жителей города в возрасте до 25 лет, учащихся ВУЗов, представителей IT-сферы.

Предложенные в Дорожной карте мероприятия основываются также на том, что основными факторами сопротивления граждан к участию в управлении, выявленными в результате социологического исследования, выступают недоверие к власти (31,4 %), уверенность, что участие не изменит управленческих решений (37,9 %), дефицит информации о возможностях участия (55,8 %)[1].

Таким образом, целью и ожидаемым результатом реализации Дорожной карты в данном направлении является обеспечение правовых и организационных действий власти по формированию заинтересованности граждан в совместном управлении. Такие действия должны учитывать реальные потребности населения и актуальные для общества стимулы, диверсифицировать их, отслеживать эффективность.

Задействованными инструментами в данном случае будут являться социологические исследования, субсидирование материальных стимулов, формирование системы взаимосвязей и цифровых инструментов для назначения и распределения стимулов и пр.

[1] См. Таблицу А.11, Приложение А.

2). *Сокращение цифрового разрыва населения*. Мероприятия Дорожной карты в данном направлении охватывают преимущественно сельское население России и население предпенсионного и пенсионного возраста.

Целью реализации Дорожной карты в данном направлении является выстраивание целостной системы общественно-властных действий, направленных, с одной стороны, на устранение технических препятствий к цифровому участию (такие препятствия отметили 12 % фокус-группы[1]), а с другой – на повышение цифровой грамотности у обучаемых представителей общества (проблему подчеркнули 41 % респондентов[2]) и обеспечение сторонней помощи лицам, которые не имеют возможности (желания) использовать электронные инструменты участия.

Таким образом, ожидаемым результатом реализации данного блока Дорожной карты будет сокращение цифрового разрыва общества и увеличение доли участвующего населения в условиях цифровой эволюции.

Инструментарий Дорожной карты в рассматриваемом направлении включает технические мероприятия по обеспечению доступа к Интернету для сельских и удаленных территорий, технологические инновации, направленные на самостоятельное обучение граждан пользованию электронными инструментами участия, формирование пунктов участия в филиалах органов государственной власти (на всех уровнях), привлечение волонтеров.

3). *Формирование культуры взаимодействия, культуры участия, правовой и политической культуры граждан*. Данное направление Дорожной карты имеет особую значимость в условиях современного состояния российского гражданского общества.

Его целью выступает формирование гражданственности российского народа, изменение общественных установок неучастия (их наличие подтвердили 55,7 % опрошенных[3]), организация такой образовательной и воспитательной системы,

---

[1] См. Рисунок А.3, Приложение А.
[2] Там же.
[3] См. Таблицу А.13, Приложение А.

которая позволит в ненавязчивой форме прививать культуру участия подрастающему поколению и молодежи, а для взрослого населения станет напоминанием о значимости и престиже проявления своей гражданской позиции.

Среди потенциальных результатов реализации мероприятий дорожной карты в данном направлении следует назвать ликвидацию общественных настроений, дискредитирующих гражданское участие и его эффективность, воспитание гражданственности политически активного населения, формирование правовой грамотности населения и его политической культуры, формирование у населения «привычки участвовать».

Среди инструментов, предложенных в Проекте Дорожной карты, особую роль играют образовательные стандарты для школ и ВУЗов, интерактивные образовательные платформы, цифровые инструменты и сервисы, транслирующие информацию о правах граждан, способах их реализации, важности выражения мнения и участия в делах государства.

Реализация Дорожной карты должна осуществляться в три этапа: инициация (определение параметров, целей, участников), разработка (формирование перечня задач, мероприятий, показателей и т.д.) и внедрение/завершение (на этом этапе разработанные мероприятия находят практическое применение или принимается решение о прекращении внедрения разработанных мероприятий).

Таким образом, сегодня наблюдается неготовность (по крайней мере, неполная готовность) правовой среды к трансформации модели общественно-властного взаимодействия. В связи с этим предложено пять направлений для формирования базовых юридических условий перехода к совместному управлению, среди которых:

– формирование законодательства, регулирующего доступ граждан к информации о государственном управлении (условия доступа, централизация аккумулирования информации, регулирование размещения информации в Интернете);

– расширение каналов взаимодействия граждан и органов власти (закрепление новых форм обращений граждан и способов их осуществления,

принципов омниканальности и клиентоцентричности, норм, регулирующих общественные инициативы и правовой статус общения граждан с представителями органов государственной власти в социальных сетях);

– законодательное закрепление пределов участия граждан в совместном управлении (исключение/ограничение из совместного управления областей, требующих специальных знаний и умений субъектов участия, а также областей, требующих немедленного реагирования);

– включение в российское законодательство принципов транспарентности и партисипативности взаимодействия государства и общества и государственного управления;

– трансформация отраслевых и ведомственных документов в сфере образования в целях реализации системного подхода к формированию правовой и культурной природы участия граждан.

Предложенная концепция изменений (дорожная карта) по вовлечению российских граждан в процессы государственного управления как инструмент системного государственного регулирования общественного участия основана на результатах анализа литературы по теме, мировой практики, анализа функционала и работы российских платформ, проведенного социологического опроса, учитывает тенденции всеобщей цифровизации и охватывает направления мотивации населения к участию, сокращения цифрового разрыва и формирования правовой и политической грамотности граждан и культуры участия. Предложенные нововведения представляются необходимым шагом в системе государственных усилий по вовлечению граждан в совместное управление в условиях цифровизации.

5.4 Направления юридико-цифрового регулирования процесса вовлечения российских граждан в публично-властные отношения в условиях построения «цифрового государства»

На этапе перехода российской модели взаимодействия общества и государства от сервисной к модели участия необходимым шагом выступает концентрация усилий публичной администрации на процессе вовлечения населения в решение управленческих вопросов на местном, региональном и федеральном уровнях.

На фоне отсутствия системных решений правительства в рассматриваемой области, а также с учетом выявленных проблем участия граждан в совместном управлении, анализа отечественного опыта привлечения граждан к взаимодействию, пригодных к имплементации передовых зарубежных практик, предложенной в Дорожной карте инновационной модели вовлечения граждан в диалог с властью, видится необходимым выстраивание национальной стратегии вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения в условиях «цифрового государства». Несмотря на то, что высказываются мнения о некоторой бесполезности или низкой эффективности «разработки и принятия программ, концепций, проектов, направленных на развитие и совершенствование социально-правовой жизни»[1], принятие программного документа – это один из путей решения обозначенных выше проблем.

Основываясь на положениях Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и других нормативных правовых актах в области стратегического планирования предложен проект Стратегии вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения в условиях

[1] Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Правовое творчество и его роль в юридической жизни современного общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. 4. С. 9.

построения «цифрового государства» (далее Стратегия) (разработанный проект Стратегии представлен в Приложении Б).

Разработанный проект Стратегии учитывает результаты проведенного исследования, сделанные на их основе выводы и предложения и может рассматриваться как практический вклад автора в разработку правовых и организационных основ взаимодействия государства и общества в условиях всеобщей цифровизации и перехода России к модели государства участия.

Структура проекта Стратегии включает следующие элементы, выступающие концептуальными в контексте централизации усилий государства, направленных на вовлечение граждан в публично-властные отношения:

1). *Общие положения*. Раздел содержит сведения о сфере применения Стратегии, правовой основе ее формирования (Конституция РФ, федеральное законодательство в области стратегического планирования), основные понятия, среди которых дефиниции участия граждан, вовлечения граждан, государства участия, инструментов участия, игрофикации, цифровых инструментов участия, культуры участия, публично-властных отношений, пунктов участия, совместного управления, участия в публично-властных отношениях, цифрового разрыва и др.

Кроме того, рассматриваемый раздел включает положения о необходимости консолидации усилий, действий, инструментов всех субъектов общественно-властного взаимодействия и его популяризации (государственные органы, региональная власть, органы местного самоуправления, образовательные организации, иные некоммерческие организации, общественные объединения, граждане).

Предложенная Стратегия может выступать основой для дальнейшего развития федерального, регионального, местного и ведомственного законотворчества в рассматриваемой сфере.

2). *Роль информационных технологий в обеспечении модели взаимодействия общества и власти*. Обширная территория России и географические особенности размещения ее населения во все времена требовали от органов власти страны особого подхода к моделированию процессов. Необходимость широкого охвата и

одновременно оперативности публичного управления стали основными предпосылками к цифровизации, особенно в контексте перехода страны к рыночной экономике и увеличения количества и типов отношений, складывающихся внутри страны.

Основными драйверами развития отечественной IT-индустрии и модернизация публичного управления после распада СССР стали новая (инновационная) политика администрации, опора на зарубежный опыт, богатый кадровый и научно-исследовательский потенциал страны, сформировавшийся еще в союзный период.

Сегодня цифровизация выступает рамочной тенденцией развития публичного управления и становления государства участия. Вместе с тем отмечен ряд негативных тенденций, заслуживающих внимания при разработке государственной политики вовлечения граждан в совместное управление:

– недостаточное взаимодействие между государственными органами разных уровней в процессе внедрения технологических инноваций, формирующее неоднозначные общие результаты цифровизации публичного управления;

– технические, организационные и кадровые сложности в интеграции новых цифровых решений в существующие системы публичного управления;

– неоднородность уровня цифровизации по регионам России;

– концентрация инновационных цифровых управленческих решений в ограниченном числе регионов страны;

– следование глобальным трендам электронного администрирования без комплексной оценки и учета текущих и будущих запросов российского общества;

– наблюдаемый в отдельных социально-демографических группах цифровой разрыв, не позволяющий населению в должной мере использовать преимущества электронного правительства;

– сопротивление устоявшейся системы государственного управления внедрению цифровых инноваций, с организационной и кадровой точек зрения.

Представляется, что препятствия, выявленные в ходе исследования и обозначенные в проекте Стратегии, должны стать объектами пристального внимания государственной администрации и в дальнейшем – точками роста возможностей для включения граждан в процессы публичного управления.

3). *Стратегические ориентиры и возможности вовлечения граждан в публично-властные отношения*, которые определяются, в первую очередь, актуальными вызовами для гражданского общества и государства.

Выявленные в ходе исследования факторы влияния на процесс становления общественно-властного диалога в России представляется возможным и целесообразным категорировать в зависимости от источника:

– внешние (обусловлены развитием РФ в многополярном мире и включают частичную технологическую и программную зависимость от импорта, влияние на сознание россиян информации, поступающей по зарубежной инициативе[1], а также текущую политическую напряженность, провоцирующую некоторую конфронтацию населения страны и большой объем бюджетного финансирования внешних процессов (в ущерб внутренним));

– внутренние административные (связаны, прежде всего, с неготовностью правовой, научной и организационной среды для наращивания диалога между гражданами и властью);

– внутренние общественные (вызванные исторически сложившимся недоверием к власти, аполитичными общественными настроениями, отсутствием компоненты гражданственности в воспитательно-образовательной работе).

Установление и последующее закрепление в актах принципиальных ориентиров вовлечения граждан в публично-властные отношения должно основываться на выстроенной системе приоритетов. К последним отнесем обеспечение открытости информации о деятельности государственных органов, планах, решениях и их исполнении; развитие платформ общественного участия; повышение роли политического и правового образования; усиление механизмов

[1] Еремян В. В. Российский конституционализм в контексте кризиса либеральной модели демократии // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 194.

прямой демократии и обратной связи на всех уровнях управления; интеграцию общественного мнения в процесс принятия решений; развитие культуры диалога и участия.

Формирование и реализация государственной политики вовлечения граждан в публично-властные отношения, основанные на преодолении текущих внешних и внутренних вызовов и учете сформированной системы приоритетов, в перспективе позволят достичь ряда значимых для России стратегических целей: ускорения исполнения социально-демографических показателей за счет быстрого решения существующих проблем и наращивания качества жизни населения; открытости публичного управления, основанного на принятии решений, отвечающих потребностям общества; устойчивого экономического развития, в основе которого совместное, а значит, более эффективное распределение кадровых, административных и материальных ресурсов; укрепления национальной безопасности и роли России на международной арене.

При этом цифровизация будет выступать основным инструментом достижения стратегических ориентиров России в рассматриваемой области.

4). *Цель и основные задачи вовлечения граждан в публично-властные отношения*. В соответствии со сформированными в результате исследования представлениями о необходимой трансформации модели государственного управления под стратегической целью вовлечения граждан в публично-властные отношения на современном этапе подразумевается обеспечение транспарентного, социально-ориентированного, результативного и экологичного администрирования, которое обеспечит высокий потенциал развития России и сформирует ее устойчивость к внешним и внутренним угрозам и вызовам.

В соответствии с предложенной целью определены основные задачи реализации Стратегии, к которым относятся формирование эффективной системы взаимодействия граждан и власти, обеспечение роста восприимчивости обеих сторон к новым цифровым технологиям, создание условий для развития общественно-властного диалога, формирование научной и технической базы внедрения в систему государственного администрирования цифровых инноваций,

создание возможности для просвещения населения в сфере проявления гражданственности, разработка эффективной правовой системы в области совместного управления и пр.

В соответствии с целью и задачами, описанными в Стратегии, формируется политика РФ в рассматриваемой области регулирования.

5). *Государственная политика в области вовлечения граждан в публично-властные отношения*. В рамках данного раздела проекта Стратегии предложены основные принципы государственной политики в области вовлечения граждан в управление делами государства, среди которых принцип транспарентности принятия решений и их исполнения, принцип открытости информации, принцип партисипативности государственного управления на местном, региональном и федеральном уровнях, принцип взаимной ответственности администрации и граждан. Особенно важной установкой государственной политики вовлечения граждан в совместное управления представляется необходимость воспитания гражданской культуры и культуры участия, популяризации активности граждан в процессах совместного управления на основе инновационных нелинейных подходов.

С учетом предложенных принципов в проекте Стратегии сформулированы основные направления государственной политики в области вовлечения граждан в публично-властные отношения и меры по ее реализации.

Транспарентность принимаемых управленческих решений представляется возможным обеспечить как с помощью дальнейшего применения классических инструментов – открытых данных и обязательной публикации документов, так и прибегнув к более продвинутым мерам – трансляции совещательных мероприятий правительств муниципалитетов, регионов, государства. Также видится необходимость в актуализации графика общественных совещаний и слушаний по наиболее острым вопросам повестки государственного развития.

Для обеспечения свободного доступа граждан к государственной информации рекомендуется, во-первых, реализовать ее централизованное аккумулирование, во-вторых, использовать цифровые инструменты доступа с

понятным интерфейсом, в-третьих, определить безопасные для граждан и государственных информационных систем параметры доступа к информации и, в-четвертых, разработать стандарты публикации данных для органов государственной власти.

Партисипативность управления на местном, региональном и государственном уровнях во многом базируется на использовании инновационных цифровых решений и выверенной системы мотивации граждан к участию. Предложены меры вовлечения населения в активное взаимодействие, в решение государственных вопросов с помощью формирования пунктов участия в местах регулярного пребывания людей, в частности, в многофункциональных центрах, банках, поликлиниках, на вокзалах и т. д.

Кроме того, в данном контексте становится особенно значимой государственная поддержка общественных инициатив и их вклада в развитие общества, государства, региона, муниципалитета. Актуальной мерой реализации государственной политики вовлечения граждан в рассматриваемом направлении становится дальнейшее развитие инициативного бюджетирования и совместного бюджетного планирования.

Политика государства в направлении формирования взаимной позитивной ответственности власти и граждан является инновационной и предполагает применение таких инструментов, как нормативное закрепление обязанностей граждан принимать участие в решении общегосударственных и региональных (муниципальных) вопросов публичного управления, предоставление гражданам инструментария быстрого и простого участия в делах государства, поддержка функционирования института общественного контроля и пр.

Воспитание гражданской культуры и культуры взаимодействия, популяризация вовлеченности граждан в процессы совместного управления на основе инновационных нелинейных подходов требует от государства реализации нестандартных мер. Например, видится необходимым расширение содержания компетенции «гражданская позиция» в стандартах ФГОС ВО+++ путем включения в нее наполнения в виде навыков «демократической гражданственности», а также

конкретных мероприятий, направленных на формирование гражданственности и правовой грамотности студентов и развития у них «привычки участвовать», в том числе с применением цифровых инструментов. На предыдущей образовательной ступени (школа) необходимо также внедрять базовые элементы гражданственности в нестандартном и ненавязчивом формате (задания, конкурсы, игры, соревнования, культурные мероприятия). В данном контексте эффективными видятся мультимедийные инструменты формирования культуры участия у подрастающего поколения.

Следует сделать акцент на потенциале формирования культуры участия в рамках семьи[1]. Думается, что популяризация гражданской активности среди взрослого населения в совокупности с креативной государственной поддержкой «традиции участия» смогут сформировать ту среду, в которой основы гражданственности будут находить позитивный отклик и в процессе воспитания родителями своих детей.

Порядок взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации и организаций при реализации государственной политики в области вовлечения граждан в публичное управление предусматривает личный контроль Президента РФ и Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. При этом исполнительная роль отведена Правительству РФ и Комиссии по вовлечению граждан в публично-властные отношения. Роль основного консультанта предложено закрепить за Российской академией наук и Центром исследований проблем государственного управления при Институте экономики Российской академии наук.

6). *Ожидаемые результаты и этапы реализации Стратегии*. Ожидается, что в результате реализации предложенной Стратегии публичная власть и общество в РФ будут функционировать во взаимосвязи и синергии и обеспечат основу устойчивого развития и суверенитета страны.

---

[1] Шаброва Н. В. Родительское сообщество как субъект гражданского общества: ключевые элементы концепции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2022. № 2 (66). С. 127.

Можно утверждать, что на этапе, предшествующем формированию Стратегии (в 2010-2023 гг.), государство приложило много усилий для разработки и повсеместного внедрения цифровых инструментов администрирования. Так, в рассматриваемом периоде осуществилось становление многоцелевого портала «Госуслуги», который позволил быстро и качественно нарастить количество социально значимых услуг, которые граждане могли получить удаленно и в максимально короткие сроки. Кроме того, была проведена значительная работа по цифровизации межведомственного взаимодействия государственных структур, формированию таких электронных инструментов гражданского участия, как Платформа общественных инициатив, Платформа обратной связи, сервисы электронного голосования и региональные (местные) цифровые проекты (инструменты) взаимодействия с гражданами.

В то же время значительное количество предусмотренных проектом Стратегии шагов еще предстоит реализовать. Оптимальным периодом реализации Стратегии для фиксации первых ощутимых результатов представляются 2026 – 2029 гг., в течение которых целесообразно реализовать постепенное формирование системного нормативного правового регулирования реализации в РФ совместного управления, включая разработку юридических основ вовлечения граждан в публично-властные отношения и реализации ими своих полномочий, обеспечить развитие цифровых инструментов государственного участия, с применением инновационных моделей вовлечения граждан, и их популяризацию.

Кроме того, в рассматриваемый период необходим переход к новой системе подготовки квалифицированных кадров для сектора государственного управления, что, помимо прочего, решит проблему организационной и кадровой неготовности российской системы государственных органов к цифровизации и переходу к модели взаимодействия с активным участием общества.

До 2029 г. необходимо внедрить комплекс образовательных и воспитательных мероприятий, направленных на формирование культуры участия российского населения, осуществляемых путем изменения образовательных

программ и введения в рутинные процессы элементов информирования граждан о возможностях реализации своих прав на участие.

Вместе с тем решение проблем цифрового разрыва и согласованности цифрового развития всех управленческих структур, а также формирование системы непрерывного мониторинга удовлетворенности населения результатами публичного управления должны быть реализованы в первоочередном порядке после формирования соответствующих решений законодателя.

7). *Инструменты реализации Стратегии*. Согласно принципам стратегического планирования, его основными инструментами следует признать существующие и будущие нормативные правовые акты в области цифровизации государственного управления, трансформации его модели и механизмов, процессов совместного управления и развития в РФ гражданского общества.

К участию в нормативной, методической, методологической, научно-технической, консультативной и иной поддержке реализации Стратегии предлагается пригласить Президента РФ, Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, Правительство РФ, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Российскую академию наук.

Совокупность правовых основ, научных и технических (цифровых) разработок, и консультационного взаимодействия перечисленных субъектов позволит в полной мере реализовать доступный инструментарий вовлечения граждан в активное взаимодействие. Отметим, что основой для анализа и принятия решений в рассматриваемой области должны стать социологические исследования как единственный инструмент непосредственного выявления потребностей гражданского общества, факторов сопротивления участию, настроений и т. д.

8). *Финансовое обеспечение реализации Стратегии*, которое, как представляется, должно включать прямые федеральные бюджетные ассигнования (в частности, заложенные в федеральном бюджете на реализацию мероприятий в области цифровизации государственного управления и образования), средства из бюджетов субъектов РФ, финансы государственных научных корпораций, средства

Российского научного фонда и иных фондов поддержки научной, технологической и инновационной деятельности.

Кроме того, представляется целесообразным привлечение финансирования из частного сектора, в т. ч. путем реализации механизмов государственно-частного партнерства.

9). *Мониторинг реализации Стратегии*. Предложенный механизм мониторинга основывается на совокупности объективного анализа ситуации, складывающейся в области вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения, оценки эффективности мер и инструментов государственной политики в данной области, анализа вызовов, угроз и возможностей, которые определяют основные направления совершенствования рассматриваемой государственной политики.

Предложена система количественных и качественных оценочных показателей, которая, по нашему мнению, выступает неотъемлемым элементом любой стратегии действий правительства. К таким показателям отнесены: доля граждан, вовлеченных в публично-властные отношения по отношению к общей численности населения страны; частота использования цифровых инструментов участия; доля решений, принятых с учетом участия граждан в общем количестве принятых административных решений на всех уровнях государственного управления; степень открытости государственной власти и государственной информации; интенсивность вовлечения граждан в информирование и обсуждение вопросов в социальных сетях (например, количество подписчиков и реакций); динамика выдвижения общественных инициатив; результативность применения стимулов к вовлечению граждан в публично-властные отношения по каждому типу (прямые материальные, косвенные материальные, социальные, административные, цифровые); степень удовлетворенности граждан действиями правительства и качеством жизни; интенсивность разработки и внедрения новых цифровых решений; изменение общественных настроений по поводу участия в управлении государством; степень информированности граждан о возможностях и цифровых инструментах участия.

Таким образом, предложенная Стратегия учитывает современные вызовы в контексте государственного управления в РФ, продиктованные как назревшим этапом трансформации управленческой модели, так и влиянием внешних дестабилизирующих факторов (политическая напряженность, внутриобщественные настроения и противоречия, исторически сложившееся недоверие населения к власти и пр.).

Положения Стратегии раскрывают необходимость консолидации усилий власти и общества для реализации синергии совместного управления. Становится очевидной значительная роль культурных и образовательных инструментов реализации Стратегии, призванных изменить отношение населения к публичному управлению и сформировать в общественном разуме устойчивую связь гражданской активности и уровня жизни.

Цифровые рамки реализации Стратегии обусловлены преимущественно электронным характером рекомендованных к использованию инструментов, что подтверждает ее соответствие современным условиям.

Инновационные нелинейные модели вовлечения граждан в публично-властные отношения, не характерные для традиционных программных решений, учитывают социально-демографическую специфику населения России и соответствуют его ожиданиям.

Представляется, что предложенный подход, с присущими ему современностью, прогрессивностью, гибкостью, открытостью, экологичностью, позволит администрации выстроить качественно новые отношения с гражданами, основанные на непрерывном мониторинге потребностей общества и демонстрации ему результатов политического участия на всех уровнях публичного управления.

Итак, модель взаимодействия общества и государства в РФ сегодня находится на этапе перехода от сервисной модели к модели участия общества в реализации функций государства. Об этом свидетельствует растущая роль граждан в делах государства, прослеживающаяся в программных документах и планах на муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

Анализ действующих подходов к управлению государством в контексте наращивания гражданского участия позволил сделать вывод о значимой роли цифровых технологий взаимодействия населения и власти в развитии политической активности людей, повышении открытости принимаемых административных решений. Кроме того, был сделан вывод о локальном характере стимулирования участия граждан, который обоснован, прежде всего, законодательно закрепленной компетенцией регионов и муниципалитетов по наделению граждан правом волеизъявления в процессе принятия управленческих решений на местах. Наиболее показательным примером локализации гражданской активности и развития культуры участия выступает Москва.

Дополнительным свидетельством движения России к модели взаимодействия с активным участием населения в делах государства можно считать развитие на уровне законодательства закрепления за гражданами обязанности по вовлечению в управленческий процесс.

На современном этапе наблюдается установление новых основ, концепций и принципов взаимодействия общества и государства, преимущественно связанных с наращиванием гражданской активности населения и сопровождающихся расширением цифровых (в том числе платформенных) инструментов участия. К таким атрибутам модернизации публичного управления в России относятся прозрачность управления и подотчетность деятельности администраторов обществу (в развитии нормативного регулирования доступа граждан к информации о результатах публичного управления, а также электронных порталов (сайтов) органов государственной власти на всех уровнях), принцип бережливости и эффективности деятельности государственных учреждений (реализован в реформировании ряда государственных органов, полезном сокращении кадров и оптимизации показателей деятельности рассматриваемых органов), экологичность публичного управления (развитие принципов гибкости, адаптивности, инклюзивности управленческих процессов на всех уровнях), сервисность и принцип совместного управления.

Признавая роль общества и его участия в развитии демократии, администраторы, однако, не проводят централизованной системной политики, направленной на выработку и внедрение концепций, принципов и порядка прямого и опосредованного взаимодействия с гражданами в решении государственных вопросов.

Представляется, что разработка концептуальных и методических основ для дальнейшего развития современной модели взаимодействия общества и власти должна стать одной из первоочередных задач государства. При этом основными компонентами новой концепции гражданского участия должны стать доступность и достоверность информации о деятельности государственной власти (принцип «открытого правительства»), расширение практики привлечения граждан к политическому участию на всех этапах принятия управленческих решений и стимулирование гражданской активности с учетом социально-демографических параметров общества.

Неудобство пользовательского доступа к информации о деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти в РФ – одно из основных препятствий для масштабирования усилий по наращиванию гражданской активности. Опытным путем было установлено, что поиск информации о решениях, принимаемых на муниципальном и региональном уровне, а также в рамках судебной деятельности – длительный трудозатратный процесс, зачастую недоступный для граждан, не являющихся уверенными пользователями компьютера. Схожая ситуация сложилась и с доступом к данным о деятельности органов государственной власти на всех уровнях. Чаще всего данные не актуальны (представлены к общему доступу с опозданием от полугода до двух лет), отсутствуют либо сложны для использования непрофессионалом. Такое положение диктует необходимость сосредоточения государственных усилий на централизованном аккумулировании рассматриваемого набора данных и выстраивании безопасной и устойчивой системы доступа к таким данным для авторизованных граждан.

Достигнутый в рассматриваемой области прогресс значительно облегчает административные задачи власти по обнародованию принимаемых правительством решений и результатам деятельности за отдельно взятый период и стимулированию гражданской активности. Перспективным каналом взаимодействия с населением в данном случае становятся социальные сети, использование которых, однако, требует выработки набора правовых и организационных решений.

Существование передовой зарубежной практики эффективного взаимодействия государства и граждан хоть и является традиционным фундаментом модернизации национальных моделей публичного управления, но должно быть ограничено объективными особенностями конкретной страны. Так, кейсы стимулирования активности гражданского общества других стран не являются полностью пригодными для имплементации в России, поскольку наблюдаются критические различия в уровнях развития гражданского общества и менталитета людей.

В этих условиях особую значимость для формирования действенных механизмов привлечения российских граждан к участию в делах государства приобретают ретроспективный анализ прошлого опыта гражданской активности (рефлексия), оценка позитивных результатов регионального и местного гражданского участия и опытное уточнение «резервов» наращивания участия населения в публичном управлении (путем проведения социологических исследований).

Выводы по главе:

Междисциплинарная нелинейная модель вовлечения граждан в совместное управление, требующаяся на современном этапе развития российского государства и общества, с учетом возможностей цифровых и платформенных инструментов должна базироваться на минимизации выявленных, эмпирически доказанных и проанализированных индикаторов сопротивления граждан к участию в делах государства, а также на принципах формирования культуры участия.

Предложенная дорожная карта по вовлечению российских граждан в процессы государственного управления основана на выявленных опытно-аналитическим путем проблемах мотивации участия в делах государства в каждой возрастной группе, существующего цифрового разрыва, связанного с социальными и возрастными параметрами населения, неразвитой культурой участия, а также правовой и политической культурой, и, следовательно, включает три основных направления: мотивация к участию, сокращение цифрового разрыва и формирование культуры участия, правовой и политической культуры.

Реализация разработанной модели вовлечения граждан в публичное управление основана на применении цифровых возможностей, в том числе социальных сетей, в процессах просвещения, обучения и стимулирования населения разных возрастных и социальных групп. При этом представляется необходимым предусмотреть три последовательных периода жизненного цикла дорожной карты: период инициации, период разработки и период внедрения или отказа от такового (завершения).

Дорожная карта наращивания участия россиян в процессах государственного управления может выступать частью Стратегии по вовлечению российских граждан в публично-властные отношения в условиях построения «цифрового государства». Необходимость выработки такой стратегии обусловлена длительным игнорированием властью (в первые два десятилетия после распада СССР) назревших вопросов формирования правового механизма участия граждан в государственных делах.

Правительство РФ, теперь идя по пути постепенного вовлечения заинтересованных сторон в решение государственных вопросов и одновременной платформизации и цифровизации публичного управления, оказалось в той точке, когда требуется системное регулирование основного механизма демократии – участия народа. При этом установлено, что для эффективной работы механизма взаимодействия власти и граждан необходимо не только определить наиболее действенные инструменты и область их применения, но и установить границы

разумного сотрудничества, которые будут соответствовать основным принципам централизованного государственного управления.

Разработанный проект Стратегии по вовлечению российских граждан в публично-властные отношения в условиях построения «цифрового государства» охватывает такие предметные области, как информационно-коммуникационная (для обеспечения прямого оперативного контакта граждан с представителями власти, быстрого и простого поиска необходимой информации, данных), правовая (для формального закрепления полномочий отдельных групп граждан – в зависимости от процесса администрирования, для расширения возможностей применения социальных сетей в целях полноценного взаимодействия с государством), коммуникационная (для выстраивания непрерывной коммуникации власти и граждан, способствующей формированию взаимного доверия и взаимной ответственности), мотивационная (для уточнения стимулов гражданской активности в зависимости от социально-демографической принадлежности граждан) и образовательная (для формирования необходимой культуры участия, правовой и политической грамотности).

При этом неотъемлемым элементом реализации предложенной Стратегии должна выступать кадровая политика государства, как с точки зрения готовности персонала государственных органов к внедрению новой модели вовлечения граждан, так и с точки зрения привлечения квалифицированных кадров в процессе реализации Стратегии.

Таким образом, участие граждан в управлении делами государства – необходимость, продиктованная как основами демократического строя, так и текущим этапом развития модели публичного администрирования в РФ. При наличии определенного прогрессивного опыта, накопленного за рубежом и в отдельных регионах России, достаточного уровня развития цифровых технологий участия степень вовлеченности граждан в государственное управление остается сравнительно низкой, как и интерес власти к формализации, правовому и административному обеспечению института гражданского участия.

Представляется, что правительственная поддержка зарождающихся законодательных инициатив в сфере развития участия граждан в делах государства, а также внимание к данному вопросу в процессе разработки программных решений на всех уровнях позволят выстроить в РФ устойчивую систему перманентной гражданской активности как залога открытости принимаемых государственных решений и процветания общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трансформация отношений государства и общества обусловлена технологическими, экономическими и политико-социальными обстоятельствами, которые характерны для всех стран мира[1]. Особое значение среди них имеют процессы цифровизации. Важными факторами влияния является и необходимость экономии бюджетов, развитие кризиса доверия к власти со стороны населения. При этом некоторые страны, отставая в реформах государственного аппарата, сферы государственных услуг, все еще строят так называемое «новое государственное управление» (англ. «new public management»), а другие (в основном, благополучные в экономическом плане) как будто остановились в этом процессе. При этом ими уже накоплен требующий оценки опыт и собраны достаточные эмпирические данные для анализа в сфере построения человекоцентричного государства с возможностями для широкого участия граждан в решении государственных и общественных задач.

Несмотря на институциональную и политическую сложность, связанную с реализацией современной модели взаимодействия общества и государства в благополучных и экономически сильных странах, указанная выше концепция («постновая общественность»/«новая государственная служба») считается современной и прогрессивной. Она основывается на том, что в центре внимания при построении отношений власти и общества должны быть граждане, которые имеют возможности и даже обязаны участвовать в решении государственных и общественных задач. Обществу существенно расширен доступ к информации, ведется просветительская/информационная работа с населением для организации активного взаимодействия, для расширения гражданского участия, часть госуслуг предоставляется проактивно, данные оцифрованы, общение населения и власти

[1] Например, см. о кризисе легитимности демократических институтов, вызванным недоверием населения к власти и политическим элитам в странах Восточной Европы: Крастев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды: Почему Запад проигрывает борьбу за демократию / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2025. 354 с.

переводится в электронный формат, сокращаются расходы на содержание государственных органов и учреждений и др.

Происходящие изменения влияют на всю государственно-правовую систему; есть основания утверждать, что они могут стать началом «новой истории»[1], что эффект от них может повлиять на трансформацию систем в новый исторический тип. На основе эмпирических данных и реализации новых концепций в теории идет поиск некоей идеальной модели современного государства, которое, используя термин Н. А. Власенко, образно назовем «государством-гарантом», стоящим на «разумности и оптимальности отношений между обществом и государством»[2].

Предполагается, что широкое участие граждан должно способствовать демократическому управлению. Вовлечение общественности в процесс принятия государственных решений является важной ценностью и приоритетом в демократическом обществе. Государство получает свою легитимность через взаимодействие с гражданами и организованным, активным обществом. Традиционные и цифровые инструменты взаимодействия, сочетаясь между собой, предлагают гражданам удобные варианты для выражения своего мнения, решения своих проблем, получения государственных услуг, внесения своего вклада в жизнь государства. При этом цифровые инструменты взаимодействия могут снизить затраты власти на краудсорсинг и консультации с гражданами, уменьшить барьеры для участия, способствовать равенству и инклюзивности, а также создать прямые связи между гражданами и политиками, гражданами и органами власти, граждан между собой, способствовать самоорганизации общества. Пока указанные преимущества е-инструментов удалось использовать лишь частично.

Исследователи темы верно обращают внимание на то, что принимая во внимание политизацию современного общества (ее, кстати, следует направить в

---

[1] Используется терминология Р. А. Ромашова. Ромашов Р. А. Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику) // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 4 (78). С. 66.

[2] Власенко Н. А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 3. С. 482.

сторону конструктивного влияния общества на развитие государства), требуется более кардинальная трансформация подходов, открывающих возможность общества реально влиять на власть и процессы правового развития в государстве[1].

Кроме того, проблемы сферы взаимодействия общества и государства (вне зависимости от применения технологий) – это вовлечение в него граждан на постоянной основе и удержание их внимания, их интереса, организация участия маргинализированных групп, поддержание двусторонней связи между гражданами и властью и др. Применение новых технологий также обнаружило проблему цифрового разрыва, отделяющего группы, которые могут получить доступ к ИКТ и использовать их, от тех, кто не может получить такой доступ. Представление о том, что Интернет и социальные сети будут способствовать участию маргинализированных групп или меньшинств (например, людей с ОВЗ) наравне с другими, на практике еще не реализовано.

В новой реальности с широким использованием информационных технологий роль этих самых технологий во взаимодействии общества и государства еще предстоит выяснить. Требуются исследования влияния ИКТ и новых медиа на вовлечение различных групп жителей страны в процессы взаимодействия, реализации функций государства.

Трансформация взаимодействия общества и государства, тотальная цифровизация этой сферы позволяют исследователям расширить теоретические подходы, применяемые методы при ее изучении, анализе области государственных услуг и реализации государственных функций (например, применение маркетингового и процессного подходов). Междисциплинарность дает возможность прибегнуть при изучении явлений, институтов и практик современного взаимодействия общества и государства к методам, характерным для отдельных отраслей знаний: права, экономики, социологии, психологии и др. Настоящее исследование также базируется на сочетании методов из нескольких

[1] Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Правовое сотворчество власти и общества как проявление культуры правотворческого процесса в современном государстве // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 43–53.

наук. За последние десятилетия использование смешанных методов стало широко распространенным явлением в социальных науках, а для сферы политико-правового режима, правовой культуры и некоторых других стало обязательным.

Благодаря междисциплинарному подходу, а также учету зарубежных практик происходит обновление понятийного аппарата теории государства. Не только в СМИ, но и в специальной литературе употребляют новые термины, связанные с трансформационными процессами: «отзывчивая бюрократия», «сервисное государство», «бережливое правительство», «совместное управление», «платформенная демократия», «сетевое управление/государство», «госпаблики» и пр. Часть их них имеет эмоционально-экспрессивную окраску, что не годится для науки, в том числе, для теории государства и права, а также нормативных правовых актов. Однако заметно движение от обыденного употребления терминов к научному. Теоретически оформляясь, термины, характеризующие современное государство, встраиваются в категориальную структуру всего теоретического знания, взаимодействуя с понятиями правоведения. Необходимо осмысление появляющейся терминологической массы, связанной с реализацией концепций новых моделей взаимодействия общества и государства (сервисной, платформенной, модели участия), которые из политической сферы, области СМИ постепенно перемещаются в теорию государства и права.

Традиционная модель взаимодействия общества и государства довольно бюрократична, она почти не предоставляет гражданам вариантов выразить свое мнение, дать оценку процессам. Общество находится под управлением власти, которая принимает решения самостоятельно, определяя, как двигаться и развиваться дальше. Государственная служба в традиционном государстве – элитарная и довольно закрытая общность, находящаяся на дистанции от граждан. Новые модели общественно-властного взаимодействия предполагают повышение качества госуслуг, коммуникацию на дистанции, открытую информацию, сокращение затрат на содержание госаппарата, новые практики управления и изменение подхода к государственной службе. Изменения в указанных сферах начались более двадцати лет назад с «сервисизации» государственного управления.

Сервисным государством является и форма организации процессов управления, и технология управления, и модель построения взаимоотношений власти и общества, и парадигма, или концепция, организации власти в современном государстве, и программа реформ. Это многоуровневая характеристика государства нового, современного нам типа, многоуровневое явление государственно-правовой действительности, являющееся познавательной проблемой.

Сервисное государство можно определить как многогранное социально-правовое явление в сфере государственного управления, в центре которого лежит идея о «служении» государственных институтов обществу и индивиду, клиентоцентричности при осуществлении функций государства, предполагающая сервисизацию государственной власти, в частности, быстрое и комфортное оказание государственных услуг, опосредованное информационными технологиями.

Государство приобретает новую форму не только благодаря ориентации на граждан – человеко-/клиентоориентированности, но и становясь электронным (в зарубежной литературе используется термин «e-governance», что переводят и как «электронное правительство», и как «электронное государство»). Электронную форму государства обычно истолковывают как форму нового государственного управления при помощи ИКТ, ориентированного на эффективное, быстрое и прозрачное предоставление большого объема данных всем желающим, либо как часть электронного правительства – электронное управление, предполагающее управление информацией в сетевом пространстве, осуществляемое государственной системой.

Цифровизация, однако, помимо преимуществ, привнесла и дополнительные трудности в процессы взаимодействия общества и власти. Например, сохраняется разница между органами власти по качеству и количеству использования ИКТ, информационная и цифровая асимметрия между гражданами не только не сокращается, но зачастую и увеличивается, не распространены места публичного доступа населения к Интернет-ресурсам органов государственной власти и информационно-справочным порталам, не просто обеспечить информационную

безопасность данных, передаваемых при информационном взаимодействии. Но, несмотря на указанные и иные проблемы, процесс цифровизации неизбежен и только расширяется.

Всеобщая цифровизация стала основным стимулом к переводу взаимодействия общества и государства в электронный формат. С 2010 г. идет внедрение электронных сервисов, которые широко используются в настоящий момент. Интенсификация процессов информатизации продолжается, что связано и с возросшими ожиданиями общества, и с увеличением финансирования этих процессов и с обстоятельствами жизни: интенсивный переход государственных услуг в онлайн-среду был также связан в 2020 г. с карантинными мероприятиями в связи с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19).

В настоящее время сфера развивается далее. Тренды развития государственных услуг – это так называемый «умный город», расширенное электронное взаимодействие государства и общества, беззаявительный формат предоставления услуг – часть услуг становится проактивной. Проактивные услуги – это беззаявительные услуги, за получением которых человеку не требуется обращаться, по крайней мере, лично, государственные органы все делают самостоятельно. Такие услуги можно назвать автоматическими. Констатируем, что парадигма оказания государственных услуг опять меняется, это происходит уже как минимум третий раз за последние двадцать лет. В настоящее время мы наблюдаем реализацию идеи перехода от «притягивающей» (реактивной) к «толкающей» (проактивной) концепции в сфере государственных услуг, когда не граждане идут к государству за получением услуги, а оно само «ищет» гражданина и оказывает ему услуги, даже не заручаясь его согласием. Исследования показывают, что автоматические государственные услуги могут снизить воспринимаемую ценность предоставляемых благ и возможностей, создать новый цифровой разрыв и увеличить административное бремя некоторых граждан, особенно тех, кто маргинализирован. В настоящее время требуется создать правовую основу проактивных услуг, где бы была закреплена различная степень свободы действий граждан.

В сфере взаимодействия общества и государства в связи с оказанием государственных услуг есть еще одна проблема – это использование аутсорсинга. Резюме, которое следует сделать из анализа отечественного и зарубежного опыта в области аутсорсинга государственных услуг, заключается в том, что ГЧП применимо для тех услуг, качество которых легко измерить, которые, в основном, финансируются за счет пользователей, где есть убежденность, что участие частной компании приведет к существенным улучшениям процессов.

Сферу государственных услуг как основу сервисного государства характеризует и термин «сопроизводство» («совместное производство»), которое предполагает, что гражданам-потребителям предоставляются публичные услуги[1], при этом граждане «производят совместно» с администрацией работу по оценке этих услуг и процесса их оказания. Основная идея совместного производства базируется на том, что люди лучше могут определить, какая поддержка и услуги внесут позитивные изменения в их жизнь, «посоветовать» властным органам, какое решение принять, какой путь выбрать в этой сфере. Совместное производство помогает улучшить качество услуг и в то же время сохранить личностно-ориентированный подход.

В иностранной литературе совместным производством обозначают взаимодействие граждан и государства во многих сферах. Для разграничения понятий в русском языке предлагается под совместным производством понимать взаимодействие в сфере государственных услуг, а термин «совместное управление» использовать для взаимодействия во всех сферах.

Совместное производство – это способ взаимодействия публичной администрации и граждан, пользующихся государственными услугами, подразумевающий добровольные усилия отдельных лиц или их групп, когда они привлекаются для проектирования, разработки публичных услуг, их оценки, по повышению качества и/или количества. Совместное управление – более широкое

[1] Hartley, J. Innovation in governance and public services: Past and present // Public Money & Management. 2005. № 7 (1). P. 27–34. // URL: https://www.researchgate.net/publication/4779518_Innovation_in_Governance_and_Public_Services_Past_and_Present (дата обращения: 06.02.2025).

понятие, чем совместное производство – деятельность органов публичной власти вместе с индивидуальными или коллективными субъектами, не наделенными административными полномочиями, по выработке и реализации государственной политики, а также принятию публично значимых решений. Этим термином следует именовать и новый принцип государственного управления и взаимодействия власти и общества, а также новую модель взаимоотношений органов власти и граждан.

Для «совместного управления» характерно вовлечение негосударственных субъектов (граждане, их объединения, общественные организации и пр.) во взаимодействие с государством, построение партнерских отношений между властью и обществом, участие в принятии публично значимых решений непосредственно, а не только в виде оценки качества оказанных услуг.

Для организации процессов взаимодействия общества и государства, вовлечения граждан в решение государственных и общественных задач используют современные технологии, преимущественно специализированные платформы. Зачастую эти платформы «вырастают» из сайтов государственных услуг, либо создаются специальные краудсорсинговые ресурсы (англицизм, от англ. crowdsourcing, от слов crowd – толпа и sourcing – использование или привлечение ресурсов). Лидерами в деятельности по расширению взаимодействия с обществом, гражданского участия с помощью платформ считаются США, Великобритания, Сингапур и несколько других стран. Специализированные краудсорсинговые платформы, которые используются органами власти и имеют достаточно высокую эффективность, созданы также в Индии, Бразилии, Чили и других странах.

В то же время использование технологий краудсорсинга в некоторых сферах государственного управления (например, в законотворчестве) имеет ряд недостатков (отсутствие знаний у граждан, компетенций, их правовой нигилизм и др.). Несмотря на выявленные проблемы краудсорсинга в сфере взаимодействия государства и общества, предлагается организовать так называемые «офисы участия», которые могут предоставить гражданам точку контакта с органами

власти для получения информации, обмена мнениями и подачи предложений. Офис по участию граждан должен располагаться доступно, возможно, отдельно от органа власти, например, при МФЦ, чтобы облегчить доступ граждан. Можно в дальнейшем развить офисы участия в инкубаторы общественных инициатив. Целями такого проекта могла бы быть поддержка самоорганизации, активизация общественного участия, усиление факторов, которые стимулируют, поощряют и позволяют гражданам участвовать в делах государства.

И офисы участия, и создание краудсорсинговых платформ, и применение иного технологического инструментария взаимодействия имеет целью сделать граждан активными партнерами в государственном строительстве, предложить им внести свой вклад в социально-экономические преобразования, создать условия для того, чтобы такое взаимодействие стало удобным, быстрым, дешевым, чтобы граждане стали постоянными, заинтересованными участниками отношений, а взаимодействие было ценным и эффективным.

Конечно, использование новых технологий и реализация новых идей меняют систему традиционных взаимоотношений общества и государства и даже формируют высокие риски разрушения сложившихся веками общественных отношений, но они неизбежны. Например, многие сферы нашей жизни подверглись платформизации, которую можно определить как проникновение цифровых платформ в инфраструктуру, процессы и устройство. Начало платформизации положили современные технологические гиганты (Google, Facebook (продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), Майкрософт и др.), и буквально за несколько лет термин «платформа» был популяризован и теоретизирован.

Определить платформенную модель взаимоотношений власти и общества можно следующим образом: это экономическая и организационная модель государственного управления и взаимодействия государства и граждан, в основе которой лежит подход применения интернет-инфраструктуры и технологических платформ, а также открытые данные, с потенциалом улучшения работы

правительства, которая помогает разрешить проблемы предоставления государственных услуг, информации населению, учета мнений общества.

Платформы открыли перед государством и обществом новые возможности и поставили новые задачи, связанные с проблемой регулирования сложных процессов, скоростью обработки информации и получения результатов. В платформенном мире возникают явления, находящиеся на стыке права и информационных технологий, формируется массив общественных отношений и норм, связанных с этой новой для социума сферой. Но государственное регулирование несколько отстает. Сложностями для создания новых норм является и новая терминология, не полностью еще устоявшаяся, и новизна отношений, и сложность сферы технологий, не всегда понятная юристам.

Например, социальные сети впервые за историю предоставляют каналы не только для массового распространения информации, но также для совместного управления и сотрудничества власти и общества. До их появления и развития формы взаимодействия были значительно более трудоемкими, а значит, дорогостоящими, охватывали меньшее количество граждан, а значит, потенциально был актуален вопрос о репрезентативности учтенных мнений граждан. Правовая природа сообщений в социальных сетях, однако, не определена. Особенность таких сообщений заключается, например, в том, что они не обладают формой, предусмотренной законом об обращениях в ст. 7. Таким образом, их нельзя квалифицировать как обращение ни письменное, ни в электронной форме. Однако реакция на такие сообщения все же должна быть, хотя бы в отдельных случаях. Социальные сети принадлежат частным лицам. Монополистическое и олигополистическое положение отдельных сетей и поисковых систем поставили под угрозу общественное обсуждение. Сохраняются риски, связанные с делегированием частным лицам права контролировать содержание публикуемых материалов. В этом контексте медиа-схема, в которой доминирует небольшая группа глобальных корпораций, вмешивающихся в информационные потоки напрямую или посредством алгоритмического программирования, снижает

качество публичных обсуждений в условиях демократии либо вовсе их ликвидирует.

Новые отношения требуют правового регулирования. Уже существующая законодательная слабость усугубляется еще больше, так как при проектировании нормативных актов следует учитывать то, что при разработке правовой базы в области социальных сетей курс законодателя направлен на укрепление прав неприкосновенности частной жизни, на защиту чести и достоинства лиц, но тогда ограничивается свобода выражения мнений. С другой стороны, угрозы свободе выражения мнений и доступу к информации могут исходить как от ограничительного государственного регулирования, так и от злоупотреблений правом со стороны коммуникационных гигантов. В дополнение к этому следует добавить, что особенностью новых прав, привнесенных информационными и коммуникационными технологиями, является то, что они не только означают появление новых гарантий, но и ставят задачу адаптации поколений предшествующих прав к цифровым технологиям.

Кроме того, не сформирована доктрина и терминологический аппарат юристов, что влияет на принятие законов в анализируемой сфере. С одной стороны, изменения в медиа-сценарии настолько стремительны, что исследования по этому вопросу отстают от скорости развития явлений. С другой, отсутствие единой доктрины, к которой можно было бы прибегнуть при разработке законодательства, сопровождается еще и спецификой профессиональных знаний юристов, экономистов и специалистов ИТ. Доктрина могла бы дать набор теоретических элементов, которые позволят дискутировать о содержании и масштабах нормативных рамок в области коммуникаций. Следует признать, что динамизм ИКТ быстро делает большую часть законодательства по этому вопросу устаревшим. Тем не менее такая работа ведется, так, был принят закон о национальном мессенджере, который обещает быть значимым инструментом в деле взаимодействия общества и государства.

В то же время оказалось неверным предположение, что социальные сети станут благодатной почвой для появления альтернативных средств массовой

информации, неограниченного распространения информации, популяризации различных идей, активного участия граждан в политической жизни. Предполагалось, что достижения ИКТ, среди которых и социальные сети, будут способствовать демократизации, объединяя большие группы людей, общество в целом. Парадоксально, но увеличение циркуляции информации через различные устройства не привело, как многие думали, к улучшению качества общественного обсуждения и не всегда способствует активизации взаимодействия.

Для эффективного взаимодействия общества и государства необходим определённый уровень культуры взаимодействия. В современных условиях у граждан должны быть компетенции в области государствоведения, права, информатики, что дает основание назвать культуру взаимодействия юридико-цифровой. При формировании юридико-цифровой культуры взаимодействия общества и государства главная нагрузка лежит на образовательных организациях. «Гражданское образование» должно стать частью каждого предмета учебного плана. Потенциальная продуктивность такого подхода выражается в том, что он поможет преодолеть электоральный абсентеизм, повысить уровень гражданской активности и общий уровень правовой культуры.

В систему стимулов взаимодействия общества и государства следует включить те, которые обусловливает цифровизация (игрофикацию, дизайн ресурсов), и материальные (льготы для активных граждан).

Одна из основных тенденций в сфере взаимодействия общества и государства на сегодняшний день заключается в том, что власть предлагает гражданам самостоятельно создавать общественные ценности, предоставляя для этого условия, в том числе в виде социально-технических систем, которые объединяют данные, услуги, технологии и людей. Электронное общественное взаимодействие стало значимым, если не основным видом общественно-властного взаимодействия. Электронное общественно-властное взаимодействие – это взаимодействие граждан с публичной администрацией по поводу социальных дел и проблем, оценки работы органов власти, принятия и поддержки решений,

информации о проблемах в обществе, в идеале инициированное гражданами, основанное на принципах применения цифровых технологий и добровольности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Всеобщая декларация прав человека [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.] // Российская газета. – 05.04.1995. – № 67. – Текст : непосредственный.

2. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года]. // Российская газета. – 04.07.2020. – № 144. – Текст : непосредственный.

3. **Российская Федерация. Законы.** Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 63-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 28 февраля 2025 года : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 05 июня 1996 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954. – Текст : непосредственный.

4. **Российская Федерация. Законы.** Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 145-ФЗ Федеральный закон № 63-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 30 сентября 2024 года : [принят Государственной думой 17 июля 1998 года : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.1998. – № 31. – Ст. 3823. – Текст : непосредственный.

5. **Российская Федерация. Законы.** Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон № 195-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 12 ноября 2024 года : [принят Государственной думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1. – Текст : непосредственный.

6. **Российская Федерация. Законы.** О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон № 114-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 27 октября 2025 года : [принят Государственной думой 27 июня 2002 года : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3031. – Текст : непосредственный.

7. **Российская Федерация. Законы.** О противодействии терроризму : Федеральный закон № 35-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 28 февраля 2025 года : [принят Государственной думой 26 февраля 2006 года : одобрен Советом Федерации 01 марта 2006 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.03.2006. – № 11. – Ст. 1146. – Текст : непосредственный.

8. **Российская Федерация. Законы.** О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федеральный закон № 59-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 28 декабря 2024 года : [принят Государственной думой 21 апреля 2006 года : одобрен Советом Федерации 26 апреля 2006 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 08.05.2006. – № 19. – Ст. 2060. – Текст : непосредственный.

9. **Российская Федерация. Законы.** Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон № 149-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 24 июня 2025 года : [принят Государственной думой 08 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.07.2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448. – Текст : непосредственный.

10. **Российская Федерация. Законы.** О персональных данных : Федеральный закон № 152-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 24 июня 2025 года : [принят Государственной думой 08 июля 2006 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451. – Текст : непосредственный.

11. **Российская Федерация. Законы.** Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федеральный закон № 210-ФЗ : текст с

изменениями и дополнениями на 31 июля 2025 года : [принят Государственной думой 07 июля 2010 года : одобрен Советом Федерации 14 июля 2010 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 02.08.2010. – № 31. – Ст. 4179. – Текст : непосредственный.

12. **Российская Федерация. Законы.** О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон № 436-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 30 ноября 2024 года : [принят Государственной думой 21 декабря 2010 года : одобрен Советом Федерации 24 декабря 2010 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 48. – Текст : непосредственный.

13. **Российская Федерация. Законы.** О добровольной пожарной охране : Федеральный закон № 100-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 04 августа 2023 года : [принят Государственной думой 20 апреля 2011 года : одобрен Советом Федерации 27 апреля 2011 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 09.05.2011. – № 19. – Ст. 2717. – Текст : непосредственный.

14. **Российская Федерация. Законы.** Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон № 44-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 14 июля 2022 года : [принят Государственной думой 21 марта 2014 года : одобрен Советом Федерации 26 марта 2014 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.04.2014. – № 14. – Ст. 1536. – Текст : непосредственный.

15. **Российская Федерация. Законы.** О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы : Федеральный закон № 211-ФЗ текст с изменениями и дополнениями на 27 октября 2025 года : [принят Государственной думой 09 июля 2020 года : одобрен Советом Федерации 15 июля 2020 года] // Собрание законодательства РФ. – 27.07.2020. – № 30. – Ст. 4737. – Текст : непосредственный.

16. **Российская Федерация. Законы.** О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 156-ФЗ :

[принят Государственной думой 10 июня 2025 года : одобрен Советом Федерации 18 июня 2025 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 30.06.2025. – № 26 (часть I). – Ст. 3486. – Текст : непосредственный.

17. **Российская Федерация. Законы.** Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации : Федеральный закон № 289-ФЗ [начало действия документа – 01.10.2026] : [принят Государственной думой 22 июля 2025 года : одобрен Советом Федерации 25 июля 2025 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.08.2025. – № 31. – Ст. 4643. – Текст : непосредственный.

18. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» : Указ Президента Российской Федерации № 183 от 04.03.2013 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 11.03.2013. – № 10. – Ст. 1019. – Текст : непосредственный.

19. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации № 203 от 09.05.2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.05.2017. – № 20. – Ст. 2901. – Текст : непосредственный.

20. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента Российской Федерации № 326 от 11.05.2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.05.2024. – № 20. – Ст. 2590. – Текст : непосредственный.

21. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента России № 314 от 09.03.2004 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.03.2004. – № 11. – Ст. 945. – Текст : непосредственный.

22. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» : Постановление

Правительства Российской Федерации № 67 от 28.01.2002 г. // Собрание законодательства РФ. – 04.02.2002. – № 5. – Ст. 531. – Текст : непосредственный.

23. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по повышению качества предоставления государственных, муниципальных услуг (сервисов, функций), реализации жизненных ситуаций, а также увеличению доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в том числе в целях реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Государство для людей» : Постановление Правительства РФ № 923 от 19.06.2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 23.06.2025. – № 25. – Ст. 3435. – Текст : непосредственный.

24. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций : Постановление Правительства № 228 от 16.03.2009 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 23.03.2009. – № 12. – Ст. 1431. – Текст : непосредственный.

25. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О внесении изменений в Федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002 – 2010 гг.)» : Постановление Правительства РФ № 721 от 10.09.2009 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 21.09.2009. – № 38. – ст. 4476. – Текст: непосредственный.

26. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота : Постановление Правительства Российской Федерации № 754 от 22.09.2009 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.09.2009. – № 39. – Ст. 4614. – Текст : непосредственный.

27. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О государственной автоматизированной информационной системе «Управление» (вместе с «Положением о государственной автоматизированной информационной системе «Управление») : Постановление Правительства Российской Федерации № 1088 от

25.12.2009 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.01.2010. – № 1. – Ст. 101. – Текст : непосредственный.

28. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О плане перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1555-р от 17.10.2009 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 26.10.2009. – № 43. – Ст. 5155. – Текст : непосредственный.

29. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** Об утверждении Правил использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для направления гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами, лицами без гражданства, объединениями граждан, в том числе юридическими лицами, обращений и сообщений в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам, а также для получения и обработки такими органами и организациями указанных обращений и сообщений и направления ответов на такие обращения и сообщения : Постановление Правительства Российской Федерации № 2334 от 27.12.2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.01.2024. – № 1 (часть I). – Ст. 216. – Текст : непосредственный.

30. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 3684-р от 31.12.2020 г. – Текст : электронный // Правительство России : [сайт]. – 2021. – URL: http://government.ru/news/41288/ (дата обращения: 03.10.2025).

31. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1789-р от 25.10.2005 г. //

Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.11.2005. – № 46. – Ст. 4720. – Текст : непосредственный.

32. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О вводе в эксплуатацию модернизированной версии Единой системы идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме : Приказ Минкомсвязи России № 179 от 30.06.2014 г. – Текст : электронный // Минцифры : [сайт]. – 2024. – URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/4232/ (дата обращения: 21.03.2025).

33. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и реализации отраслевых (ведомственных) планов повышения эффективности бюджетных расходов : Приказ Минфина РФ № 182н, Минэкономразвития РФ № 674 от 23.12.2010 г. [Документ опубликован не был]. – Текст : электронный // СПС Консультант Плюс : [сайт]. – 2024. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 23.04.2025).

34. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О проекте «Активный гражданин» : Постановление Правительства г. Москвы № 117-ПП от 27.02.2018 г. – Текст : электронный // mos.ru : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.mos.ru/authority/documents/doc/38285220/ (дата обращения 22.11.2025).

35. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** Об утверждении Положение «О государственной информационной системе Республики Татарстан «Официальный портал Республики Татарстан» : Указ Президента Республики Татарстан № УП-295 от 27.05.2011 г. – Текст: электронный // Официальный Татарстан : [сайт]. – 2025. – URL: https://tatarstan.ru/file/pub/pub_95630.pdf (дата обращения 22.11.2025).

36. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [утратил силу] : Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.05.2018. – № 20. – Ст. 2817. – Текст: непосредственный.

37. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О некоторых мерах по повышению качества предоставления государственных (муниципальных) услуг на базе многофункциональных центров предоставления государственных (муниципальных) услуг» (вместе «Правилами организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных (муниципальных) услуг») [утратил силу] : Постановление Правительства Российской Федерации № 796 от 03.10.2009 г. // Собрание законодательства РФ. – 12.10.2009. – № 41. – Ст. 4782. – Текст : непосредственный.

38. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1815-р от 20.10.2010 г. [утратил силу] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.11.2010. – № 46. – Ст. 6026. – Текст : непосредственный.

39. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28.07.2017 г. [утратил силу] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.08.2017. – № 32. – Ст.5138. – Текст : непосредственный.

40. **Российская Федерация. Подзаконные акты.** О Требованиях к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальными сайтами федеральных органов исполнительной власти : Приказ Минэкономразвития России № 470 от 16.11.2009 г. [утратил силу] // Российская газета. – 27.01.2010. – № 15. – Текст : непосредственный.

41. **СССР. Подзаконные акты.** О государственной пошлине : инструкция Министерства финансов СССР № 236 от 11 июля 1960 г. [утратил силу] – Текст : электронный // СПС Консультант Плюс. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 12.01.2025).

42. **СССР. Подзаконные акты.** О ставках государственной пошлины : постановление Совета Министров СССР № 648 от 29 июня 1979 г. [утратил силу]

– Текст : электронный // СКБ Контур. Норматив : [сайт]. – URL: normativ.kontur.ru (дата обращения: 22.08.2025).

Нормативные правовые акты и официальные документы иностранных государств

43. Citizen Participation Act of 2020 : [Закон о гражданском участии 2020 года] : H.R. 7771, 116th Congress (2019–2020). – Текст : электронный // Congress.gov : [сайт]. – 2020. – URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7771/text (дата обращения: 15.02.2025).

44. E-Government Act of 2002 : [Закон США об электронном правительстве 2002 года] : Public Law No. 107-347. – Текст : электронный // Congress.gov : [сайт]. – 2002. – URL: https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/2458 (дата обращения: 29.01.2025).

45. Elections Act 2022 : [Закон о выборах 2022 г.]. – Текст : электронный // UK Public General Acts : [сайт]. – 2022. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/37/introduction (дата обращения: 01.11.2025).

46. Federal Information Security Modernization Act of 2014 (FISMA) : [Федеральный закон США о модернизации информационной безопасности 2014 года] : Public Law No. 113-283 (12/18/2014). – Текст : электронный // Congress.gov : [сайт]. – 2014. – URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2521 (дата обращения: 20.04.2025).

47. Federal Information Security Modernization Act of 2014 (FISMA) : [Федеральный закон США о модернизации информационной безопасности 2014 года] : Public Law No. 113-283 (12/18/2014). – Текст : электронный // Congress.gov : [сайт]. – 2014. – URL: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-bill/2521 (дата обращения: 20.04.2025).

48. Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG) = Закон об совершенствовании правоприменения в социальных сетях (Закон о защите сетей – NetzDG) :

[федеральный закон Германии] : [принят 01.09.2017]. – Текст : электронный // Gesetze im Internet : [сайт]. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html (дата обращения: 20.04.2025).

49. Human Rights Act 1998 : [Закон о правах человека 1998 г.]. – Текст : электронный // UK Public General Acts : [сайт]. – 1998. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/42/contents (дата обращения: 01.11.2025).

50. National Disability Strategy : [Национальная стратегия по делам инвалидов]. – Текст : электронный // GOV.UK : [сайт]. – 2021. – 28 July. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/national-disability-strategy (дата обращения: 01.11.2025).

51. National Education Policy 2020 : [Национальная политика Индии в области образования (НЭП) 2020]. – Текст : электронный // Ministry of Education : [сайт]. – 2020. – URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

52. Section 230: An Overview = Секция 230: Обзор : [статья]. – Текст : электронный // Congress.gov : [сайт]. – 2024. – URL : https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46751#:~:text=Section%20230%20of%20the%20Communications,users%20of%20interactive%20computer%20services (дата обращения 20.04.2025).

53. The Digital Personal Data Protection Act, 2023 : [Закон Индии о защите персональных данных (DPDP Act 2023)]. – Текст : электронный // Ministry of Electronics and Information Technology : [сайт]. – 2023. – 11 Aug. – URL: https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/06/2bf1f0e9f04e6fb4f8fef35e82c42aa5.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

54. The Online Safety Act 2023 : [Закон о безопасности в Интернете 2023 г.] : explainer. – Текст : электронный // GOV.UK : [сайт]. – 2023. – 26 Oct. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/online-safety-act-explainer/online-safety-act-explainer (дата обращения: 01.11.2025).

Монографические исследования

55. Политика / Аристотель ; [пер. с др.-греч. С. М. Роговина]. – Москва : РИПОЛ классик, 2010. – 592 с. : ил. – (Книги мудрости). – Текст : непосредственный.

56. **Васильев, А. М.** Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография / А. М. Васильев. – Москва : Юридическая литература, 1976. – 263, [1] с. – Текст : непосредственный.

57. **Васильева, А. Ф.** Сервисное государство: административно-правовое исследование оказания публичных услуг в Германии и России : монография / А. Ф. Васильева. – Москва : РАП, 2012. – 332 с. – ISBN 978-5-93916-332-3. – Текст : непосредственный.

58. **Власенко, Н. А.** Современное Российское государство : очерки / Н. А. Власенко. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 152 с. – ISBN 978-5-00156-193-4. – ISBN 978-5-00156-193-4. – Текст : непосредственный.

59. **Гриб, В. В.** Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : конституционно-правовые аспекты / В. В. Гриб. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юрист», 2011. – 400 с. – ISBN 978-5-91835-079-9. – Текст : непосредственный.

60. **Дьяченко, В. П.** История финансов СССР (1917–1950 гг.) : монография / В. П. Дьяченко. – Москва : Наука, 1978. – 490 с. – Текст : непосредственный.

61. **Дюги, Л.** Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства / [Лекции, прочитанные в 1908 г. в высшей Школе Социальных Наук в Париж] ; пер. А. Ященко ; изд. Н. Н. Клочкова. – Москва : Типографія Вильде, 1909. – 148 с. – Текст : электронный // Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета : [сайт]. – URL : https://dspace.spbu.ru/handle/11701/19747 (дата обращения: 09.07.2025).

62. **Исаев, И. А.** Воображаемая государственность. Пространство без территории : монография / И. А. Исаев. – Москва : РГ-Прогресс, 2024. – 224 с. – ISBN 978-5-9988-1633-8. – Текст : непосредственный.

63. **Карамзин, Н. М.** История государства Российского / Н. М. Карамзин. – Москва : Эксмо, 2007. – 1024 с. – ISBN 978-5-699-111170-1. – Текст : непосредственный.

64. **Карташов, В. Н.** Правовая культура: понятие, структура, функции : монография / В. Н. Карташов, М. Г. Баумова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федер. агентство по образованию, Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова ; редкол.: В. Н. Карташов [и др.]. – Ярославль : Ярославский гос. ун-т, 2008. – 200 с. – (Ярославская юридическая школа начала XXI в.). – ISBN 978-5-8397-0612-5. – Текст : непосредственный.

65. **Керимов, А. Д.** Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса : монография / А. Д. Керимов, И. Н. Куксин. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 96 с. – ISBN 978-5-91768-816-9. – Текст : электронный. – URL : https://znanium.ru/catalog/product/988662 (дата обращения: 20.04.2025).

66. **Керимов, Д. А.** Методология права: предмет, функции, проблемы философии права : монография / Д. А. Керимов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : СГА, 2003. – 521 с. – ISBN 5-8323-0318-0. – Текст : электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/347730 (дата обращения: 03.01.2025).

67. **Корнев, А. В.** Научно-методические основы формирования правовой культуры молодежи : монография / А. В. Корнев, Л. А. Петручак, С. С. Зенин. – Москва : Проспект, 2019. – 406 с. – ISBN 978-5-392-28434-4. – Текст : непосредственный.

68. **Крастев, И.** Свет, обманувший надежды: Почему Запад проигрывает борьбу за демократию / И. Крастев, С. Холмс ; пер. с англ. [А. Соловьева]. – Москва : Альпина Паблишер, 2020. – 352 с. – (Россия в глобальной политике рекомендует). – ISBN 978-5-9614-3608-2. – Текст : непосредственный.

69. **Либанова, С. Э.** Демократия : монография / С. Э. Либанова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Курган. гос. ун-т. – Курган : Изд-во

Курганского гос. ун-та, 2014. – 317, с. – Библиогр.: с. 229–287. – ISBN 978-5-4217-0244-3. – Текст : непосредственный.

70. **Локк, Дж.** Два трактата о правлении : монография / Дж. Локк ; пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. – 4-е изд. – Москва ; Челябинск : Социум, 2020. – 496 с. – ISBN 978-5-91603-701-2. – Текст : электронный. – URL : https://znanium.com/catalog/product/1204664 (дата обращения: 20.04.2025).

71. **Макиавелли, Н.** Государь. О военном искусстве / Н. Макиавелли ; [пер. с итал.]. – Москва : АСТ, 2015. – 416 с. – ISBN 978-5-17-09413-1. – Текст : непосредственный.

72. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий / А. В. Минбалеев, А. В. Мартынов, Г. Г. Камалова [и др.]. – Москва : Проспект, 2023. – 264 с. – ISBN 978-5-392-37577-6. – Текст : непосредственный.

73. **Певцова, Е. А.** Правовое просвещение в России : состояние, проблемы и перспективы развития : монография / Е. А. Певцова, Н. Я. Соколов. – Москва : Проспект, 2023. – 272 с. – Библиогр.: с. 248–269. – ISBN 978-5-392-38151-7. – Текст : непосредственный.

74. **Петтит, Ф.** Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева ; предисл. А. Павлова. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 488 с. – ISBN 978-5-93255-462-3. – Текст : непосредственный.

75. **Паршин, М. В.** Качество государственных и муниципальных услуг: на пути к сервисному государству / М. В. Паршин. – Москва : Статут, 2013. – 272 с. – ISBN 978-5-8354-0926-6. – Текст : непосредственный.

76. **Плетников, В. С.** Модель государства / В. С. Плетников. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 298 с. – ISBN 978-5-16-021307-1. – Текст : непосредственный.

77. Правовое пространство и человек : монография / [Н. В. Власова, С. А. Грачева, М. А. Мещерякова и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. В. Пуляева, Н. И. Хлуденева. – Москва : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : ИД «Юриспруденция», 2012. – 240 с. – ISBN 978-5-9516-0612-9. – Текст : непосредственный.

78. Публичное управление в цифровом обществе: к новому общественному договору : монография / В. В. Зотов, В. М. Захаров, В. А. Сапрыка [и др.] ; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Белгород. гос. нац. исслед. ун-т». – Курск : Университетская книга, 2021. – 235 с. : ил. – ISBN 978-5-907441-06-4. – Текст : непосредственный.

79. **Ролз, Дж.** Теория справедливости / пер. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко ; науч. ред. В. В. Целищев. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 534 с. – ISBN 5-7615-0365-4. – Текст : непосредственный.

80. **Руссо, Ж. Ж.** Об общественном договоре : трактаты / пер. с фр. – Москва : КАНОН-пресс : Кучково поле, 1998. – 416 с. – (Малая серия «CIVITAS TERRENA: Социальная теория, политика и право» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»). – ISBN 5-87533-113-5. – Текст : непосредственный.

81. **Сперанский, М. М.** Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. – Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 244 с. – Текст : непосредственный.

82. **Сперанский, М. М.** О законах. Избранные работы и письма. – Москва : Юрайт, 2024. – 206 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-07381-2. – Текст : непосредственный.

83. **Срничек, Н.** Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. – 128 с. – ISBN 978-5-7598-1786-4 (в пер.). – ISBN 978-5-7598-1854-0 (e-book). – Текст : электронный. – URL : https://id.hse.ru/data/2018/11/12/1141133657/Srnicek_text%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 09.07.2025).

84. **Тихомиров, Ю. А.** Государство: преемственность и новизна : науч. изд. / Ю. А. Тихомиров. – Москва : ИД «Юриспруденция», 2011. – 80 с. – ISBN 978-5-9516-0540-5. – Текст : непосредственный.

85. **Тихомиров, Ю. А.** Государство : монография / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 320 с. – ISBN 978-5-91768-379-9. – Текст : непосредственный.

86. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / под ред. А. А. Васильева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 432 с. – ISBN 978-5-7904-2500-4. – Текст : непосредственный.

87. **Lathrop, D.** Open Government / D. Lathrop, L. Ruma. – O'Reilly Media, 2010. – 430 с. – ISBN 9780596804350. – Текст : непосредственный.

Научные статьи отечественных авторов

88. **Абдылдаев, Ж. А.** Философский анализ взаимосвязи политики и менталитета / Ж. А. Абдылдаев. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 1-3 (88). – С. 9–12.

89. **Абрамов, Р. А.** Вопросы участия населения в осуществлении местного самоуправления / Р. А. Абрамов, С. В. Деревянко. – Текст : непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 11. – С. 53–58.

90. **Абрамова, А. И.** Законодательная идея и форма ее реализации / А. И. Абрамова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2010. – № 12. – С. 65–72.

91. **Авдеев, Д. А.** Делиберативная демократия на местном уровне: возможности социальных сетей / Д. А. Авдеев. – Текст : непосредственный // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2019. – № 4. – С. 7–10.

92. **Азнагулова, Г. М.** Вопросы теории государства в современной юридической доктрине / Г. М. Азнагулова, Д. А. Пашенцев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2023. – № 10. – С. 5–15.

93. **Аксёнов, И. В.** Референдум как институт политической партиципации: опыт Швейцарии / И. В. Аксёнов. – Текст : непосредственный // Дискурс-Пи. – 2022. – № 2. – С. 118–137.

94. **Алтухов, А. В.** Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине / А. В. Алтухов, С. Ю. Кашкин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 7. – С. 86–94.

95. **Алькина, Г. И.** Сущность государственных услуг / Г. И. Алькина, В. А. Герба. – Текст : непосредственный // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2009. – № 3 (14). – С. 129–134.

96. **Арзамасов, Ю. Г.** Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии / Ю. Г. Арзамасов, Е. А. Певцова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2022. – № 4. – С. 24–34.

97. **Артамонова, Н. В.** Правовая культура избирателей как базовая конституционно-правовая ценность / Н. В. Артамонова. – Текст : непосредственный // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 3 (53). – С. 92–95.

98. **Бабаева, А. А.** Органы государственной власти в социальных сетях: анализ аккаунтов правительства Москвы / А. А. Бабаева. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. – 2021. – № 3. – С. 198–215.

99. **Байтин, М. И.** Народные дружины / М. И. Байтин, В. С. Гольдман. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1969. – 207 с. – Текст : непосредственный.

100. **Балацкий, Е. В.** Общественный договор в России: до и после 2022 года / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова. – Текст : непосредственный // Журнал институциональных исследований. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 74–90.

101. **Баранов, В. М.** Норморайтер как профессия / В. М. Баранов. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6 (119). – С. 16–29.

102. **Баранов, В. М.** Принцип демократизации современного российского правотворчества: сущность, ценность, технико-юридические проблемы реализации / В. М. Баранов. – Текст : непосредственный // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 27–38.

103. **Баркин, А.** США вводят электронное правительство в рамки закона / А. Баркин, В. Дрожжинов, Ю. Травкин. – Текст : электронный // Высшая школа

экономики : [сайт]. – 2003. – 20 янв. – URL: https://www.hse.ru/news/1163613 /1100497.html (дата обращения: 29.01.2025).

104. **Бачило, И. Л.** Государство социальное или сервисное? (информационно-правовой аспект) / И. Л. Бачило. – Текст : непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2010. – № 1. – С. 3–11.

105. **Бачило, И. Л.** Правовая платформа построения электронного государства / И. Л. Бачило. – Текст : непосредственный // Информационное право. – 2008. – № 4. – С. 3–8.

106. **Безруков, А. В.** Российская общественная инициатива как разновидность обращений граждан и фактор укрепления конституционного правопорядка / А. В. Безруков, А. В. Савоськин. – Текст : непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 6. – С. 56–60.

107. **Белых, В. С.** Понятие, значение и тенденции развития цифрового права / В. С. Белых, М. О. Болобонова. – Текст : непосредственный // Юристъ. – 2020. – № 1. – С. 5–14.

108. **Бельский, В. Ю.** Цифровая трансформация личности в виртуальной реальности / В. Ю. Бельский, В. П. Майкова, Э. М. Молчан, А. А. Левицкая. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 4. – С. 131–137.

109. **Болтенкова, Л. Ф.** Формы народоправства в русском государстве: IX–XVI вв. / Л. Ф. Болтенкова. – Текст : непосредственный // Казачество. – 2016. – № 3 (16). – С. 33–46.

110. **Большаков, С. Н.** Эффективность реформирования государственного управления в Финляндии: подходы, методы, инструменты / С. Н. Большаков, Ю. М. Большакова. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2018. – № 2 (32). – С. 7–13.

111. **Борщевский, Г. А.** Применение количественных методов для исследования процессов реформирования государственной службы / Г. А. Борщевский. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2015. – № 2. – С. 147–170.

112. **Бояринова, И. В.** Механизмы формирования «Культуры недоверия» / И. В. Бояринова, Ж. А. Шаповал. – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 5. – С. 22–24.

113. **Быкова, А. Г.** Сход граждан как институт муниципального права / А. Г. Быкова. – Текст : непосредственный // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – № 3. – С. 12–17.

114. **Ван хук, М.** Методология сравнительно-правовых исследований / М. Ван хук. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2013. – № 3 (308). – С. 121–147.

115. **Васюк, А. А.** Гражданская культура: подходы к определению и основные функции / А. А. Васюк. – Текст : непосредственный // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. – 2019. – № 2 (28). – С. 90–96.

116. **Винокуров, А. В.** Российская власть и общество: на пороге нового общественного договора / А. В. Винокуров, Н. В. Евсеева, М. А. Худякова. – Текст : непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика. – 2024. – № 1. – С. 46–55.

117. **Власенко, Н. А.** Аналитика в исследовании отклоняющейся государственности и юридической надстройки / Н. А. Власенко. – Текст : непосредственный // Юридическая техника. – 2024. – № 18. – С. 63–66.

118. **Власенко, Н. А.** Отклоняющееся государство: методология исследования и основы теории / Н. А. Власенко. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 257–272.

119. **Власенко, Н. А.** Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность / Н. А. Власенко. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3. – С. 479–505.

120. **Воротников, А. А.** Право как результат консенсуса государства и общества / А. А. Воротников. – Текст : непосредственный // Сущность права : сб.

ст. к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / [под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина] ; Сарат. гос. юрид. акад. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. – 312 с. – ISBN 978-5-7924-1835-6.

121. **Гаджиев, К. С.** Гражданское общество и правовое государство / К. С. Гаджиев. – Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. – 1991. – № 9. – С. 5–18.

122. **Гаджиев, Х. А.** Политическая обратная связь в условиях цифровизации общества / Х. А. Гаджиев. – Текст : непосредственный // Наука. Культура. Общество. – 2021. – № 1. – С. 8–20.

123. **Галиев, Р. С.** Электронная демократия и право на участие граждан в управлении государством / Р. С. Галиев, К. А. Васильков. – Текст : непосредственный // Права и свободы человека в контексте развития современного государства : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 09 дек. 2016 года / Федер. гос. казен. образоват. учреждение высш. проф. образования «Краснодар. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации». – Краснодар : [б. и.], 2017. – С. 53–56.

124. **Галузо, В. Н.** О должности рекетмейстера в Российской Империи / В. Н. Галузо. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2010. – № 11. – С. 45–47.

125. **Галустян, Н. В.** Позитивная юридическая ответственность государства перед личностью в современных условиях развития правового государства и гражданского общества / Н. В. Галустян. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 427–434.

126. **Гийо, Д.** Французское право и социальные сети – последние события / Д. Гийо. – Текст : непосредственный // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 4. – С. 12–17.

127. **Гобозов, И. А.** Общество и государство: их взаимодействие / И. А. Гобозов. – Текст : непосредственный // Философия и общество. – 2011. – № 2. – С. 5–22.

128. **Головацкая, М. В.** К вопросу о порядке рассмотрения обращений граждан / М. В. Головацкая. – Текст : непосредственный // Юристъ. – 2007. – № 5. – С. 11–12.

129. **Головкин, Р. Б.** Идеальная привлекательность и практическая несостоятельность принципа демократизации правотворчества / Р. Б. Головкин. – Текст : непосредственный // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 113–117.

130. **Голубева, А. А.** Электронная демократия в России: формирование традиции политической осведомленности и участия / А. А. Голубева, Д. Р. Ишматова. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2012. – № 4. – С. 50–65.

131. **Горбунов, Ю. В.** О понятии «механизм» в экономических науках / Ю. В. Горбунов. – Текст : электронный // Экономика. Профессия Бизнес. – 2018. – № 2. – С. 17–21.

132. **Гордеева, Т. О.** Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации / Т. О. Гордеева. – Текст : непосредственный // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 62. – С. 38–53.

133. **Грачева, Е. Ю.** Актуальные вопросы научной экспертизы диссертационных правовых исследований / Е. Ю. Грачева. – Текст : непосредственный // Юридическое образование и наука. – 2023. – № 8. – С. 17–19.

134. **Гриценко, Е. В.** Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации / Е. В. Гриценко. – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 4. – С. 15–36.

135. Давыдова, М. Л. Проблемы и перспективы реализации проекта «Российская общественная инициатива» / М. Л. Давыдова, А. А. Гончарова. – Текст : непосредственный // Legal Concept. – 2015. – № 2. – С. 58–67.

136. **Давыдова, М. Л.** Экспериментальный правовой режим в российской правовой системе: теоретическая модель и практика реализации / М. Л. Давыдова. – Текст : непосредственный // Юридическая техника. – 2025. – № 19 : Материалы XXVI Междунар. междисциплинар. науч.-практ. форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)» (Нижний

Новгород, 25–28 сент. 2024 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород : ЮНИКОПИ, 2025. – С. 33–39.

137. **Демушина, О. Н.** Анализ сервисов и платформ электронного участия граждан (на примере Волгоградской области) / О. Н. Демушина. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2017. – № 2 (45). – С. 151–158.

138. **Деннингхаус, В.** На встречных курсах: политическая коадаптация власти и общества в брежневскую эру / В. Деннингхаус, А. И. Савин. – Текст : непосредственный // Диалог со временем. – 2015. – № 53. – С. 279–293.

139. **Добрынин, Н. М.** Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы С. А. Авакьяна «Точка отсчета – народ» / Н. М. Добрынин. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2017. – № 7. – С. 26–27.

140. **Еремян, В. В.** Российский конституционализм в контексте кризиса либеральной модели демократии / В. В. Еремян. – Текст : непосредственный // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 1. – С. 175–195.

141. **Жильцов, Н. А.** Конституционно-правовые аспекты обеспечения устойчивости российского государства / Н. А. Жильцов, О. И. Чердаков. – Текст : непосредственный // Юридическая наука. – 2016. – № 5. – С. 47–51.

142. **Зайковский, В. Н.** «Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? / В. Н. Зайковский. – Текст : непосредственный // Дайджест-Финансы. – 2014. – № 3. – С. 35–45.

143. **Залоило, М. В.** Междисциплинарное научное измерение эволюции правовой культуры / М. В. Залоило. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2025. – № 7. – С. 42–51.

144. **Залоило, М. В.** Социальные интернет сети: правовые аспекты / М. В. Залоило, Н. В. Власова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2014. – № 5 (209). – С. 140–145.

145. **Зенин, С. С.** Публичные слушания и народное вече (исторический аспект) / С. С. Зенин. – Текст : непосредственный // История государства и права. – 2008. – № 15. – С. 16–18.

146. **Зубарев, С. М.** Электронные обращения граждан в системе общественного контроля / С. М. Зубарев, С. В. Сабаева. – Текст : непосредственный // Административное право и процесс. – 2019. – № 5. – С. 12–17.

147. **Ирхин, Ю. В.** Принципы, возможности и проблемы реализации современного управленческого подхода «государство как цифровая платформа» / Ю. В. Ирхин. – Текст : непосредственный // Возможности и угрозы цифрового общества : сб. науч. ст. / под общ. ред. А. В. Соколова, А. А. Власовой. – Ярославль : Цифровая типография, 2019. – С. 38–43.

148. **Исаков, В. Б.** Проблемы обеспечения единства законодательства в Российской Федерации / В. Б. Исаков. – Текст : непосредственный // Законодательство. – 1997. – № 4. – С. 54–58.

149. К юбилею В. М. Глушкова, С. П. Никанорова, В. Н. Четверикова. Идеологи отечественных разработок в области автоматизированных систем управления. – Текст : непосредственный // Прикладная информатика. – 2009. – № 1. – С. 120–131.

150. **Кабашов, С. Ю.** Перемены в философии государственной и муниципальной службы: от «сильного государства» к «сервисному государству» / С. Ю. Кабашов. – Текст : непосредственный // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2016. – № 5 (133). – С. 69–75.

151. **Казакова, Т. В.** Процессный подход при предоставлении муниципальных услуг при использовании принципа «одного окна» / Т. В. Казакова. – Текст : электронный // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. – Екатеринбург : Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2015. – Т. 2. – С. 72–75. – URL : https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/38842/1/dn_2015_02_24.pdf (дата обращения: 01.03.2025).

152. **Кандрина, Н. А.** Основные принципы предоставления государственных и муниципальных услуг: понятие, классификация / Н. А. Кандрина. – Текст : непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 10. – С. 35–39.

153. **Карпова, Д. Н.** Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества / Д. Н. Карпова, А. С. Проскурина. – Текст : непосредственный // Власть. – 2020. – № 1. – С. 97–105.

154. **Карпова, Н. В.** Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем / Н. В. Карпова. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. – 2016. – № 1. – С. 182–199.

155. **Касенова, М. Б.** Идентификации лиц в Интернете и киберпространство социальных сетей / М. Б. Касенова. – Текст : непосредственный // Право и кибербезопасность. – 2014. – № 2. – С. 44–50.

156. **Киреева, Е. Ю.** Цифровая демократия: мифы и реальность / Е. Ю. Киреева. – Текст : непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 29–32.

157. **Кононов, П. И.** Правительствующий Сенат в период правления Петра Великого как орган административной юрисдикции / П. И. Кононов. – Текст : непосредственный // Правосудие. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 54–75.

158. **Кононов, П. И.** Формирование основ административного права Московского государства (вторая половина XIV–XV вв.) / П. И. Кононов. – Текст : непосредственный // Административное право и процесс. – 2023. – № 3. – С. 65–73.

159. **Корнев, А. В.** Какое государство нужно стране? / А. В. Корнев. – Текст : непосредственный // Российское государство и вызовы XXI века : сборник статей Международной научно-практической конференции (Москва, 12 декабря 2025 г.). – Москва : Академия управления МВД России, 2025. – С. 145–149. – ISBN 978-5-908091-23-7.

160. **Корнев, А. В.** Междисциплинарность в юридических исследованиях / А. В. Корнев. – Текст : непосредственный // Юридическое образование и наука. – 2023. – № 8. – С. 26–33.

161. **Корнев, А. В.** Методологические основания изучения истории политических и правовых учений / А. В. Корнев. – Текст : непосредственный // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 5 (186). – С. 127–136.

162. **Корнев, А. В.** Методологический инструментарий инновационной юриспруденции / А. В. Корнев. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76), № 1. – С. 438–448.

163. **Корнев, А. В.** Теория социального государства: становление и развитие / А. В. Корнев. – Текст : непосредственный // Проблемы развития теории социального государства : сб. ст. по материалам междунар. круглого стола, Москва, 23 марта 2024 года. – Москва : Акад. труда и социал. отношений, 2024. – С. 47–62.

164. **Короткова, М. В.** Культура участия и партиципаторные стратегии в музейной педагогике / М. В. Короткова. – Текст : непосредственный // Наука и школа. – 2020. – № 4. – С. 97–102.

165. **Крайнов, А. Л.** Индустрия 5.0 как торжество постгуманизма: от Homo Sapiens к Homo Digitals / А. Л. Крайнов. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 279–283.

166. **Кузнецова, Ю. В.** Концептуальные отношения между государством и гражданским обществом в исторической перспективе / Ю. В. Кузнецова. – Текст : электронный // Journal of society and the state school of governance and politics, MGIMO university, Russia. – 2019. – № 1 (4). – URL : https://sgpjournal.mgimo.ru/2019/2019-4/the-conceptual-relationship-between-the-state-and-civil (дата обращения: 05.04.2025).

167. **Кураев, А. Н.** Вечевая демократия в Великом Новгороде / А. Н. Кураев. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания : сб. материалов III Междунар. науч. конф., Красково, 25 апр. 2019 года. – Красково : Перо : Гуманитар.-социал. ин-т, 2019. – С. 70–73.

168. **Курмашева, А. Р.** Методика преподавания вопросов права в школьном курсе обществознания / А. Р. Курмашева. – Текст : электронный // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». – 2024. – № 1 (21). – С. 63–70.

169. **Лига, М. Б.** Человек в эпоху цифровизации общества / М. Б. Лига, И. А. Щеткина. – Текст : непосредственный // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 29–38.

170. **Липская, Л. А.** Гражданская компетенция студентов вуза: проблемы и особенности формирования / Л. А. Липская, К. В. Куиру. – Текст : непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 2. – С. 141–143.

171. **Лукушин, В. А.** Актуальные направления исследований эффектов применения онлайн-голосования: отечественный и зарубежный опыт / В. А. Лукушин. – Текст : непосредственный // Власть. – 2024. – № 2. – С. 68–74.

172. **Лукьянов, Ф.** Предисловие к книге (русскому изданию) / Ф. Лукьянов // Крастев, И. Свет, обманувший надежды: Почему Запад проигрывает борьбу за демократию / И. Крастев, С. Холмс ; пер. с англ. – Москва : Альпина Паблишер, 2025. – 354 с. – Текст : непосредственный. – С. 7–14.

173. **Лыскова, Е. И.** Становление и развитие института обращений граждан / Е. И. Лыскова. – Текст : непосредственный // Право и политика. – 2007. – № 3. – С. 121–125.

174. **Малько, А. В.** Правовое сотворчество государства и общества и юридическая аномия / А. В. Малько. – Текст : непосредственный // Правовая культура. – 2025. – № 1 (60). – С. 5–13.

175. **Малько, А. В.** Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества / А. В. Малько. – Текст : непосредственный // Правовая культура. – 2024. – № 3 (58). – С. 110–113.

176. **Малько, А. В.** Правовое сотворчество публичной власти и общества как совместная деятельность / А. В. Малько, В. В. Трофимов, В. Ю. Самородов. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 3 (67). – С. 43–53.

177. **Малько, А. В.** Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 3 (222). – С. 134–147.

178. **Мамчун, В. В.** Проблема соотношения понятий правотворчества и нормотворчества / В. В. Мамчун. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 1 (50). – С. 176–182.

179. **Милославов, А. С.** Цифровая революция: опыт периодизации и проблемы прогнозирования / А. С. Милославов. – Текст : непосредственный // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 3. – С. 1–9.

180. **Минбалеев, А. В.** Методы и подходы к регулированию формирующейся отрасли квантовых коммуникаций в условиях современного информационного общества / А. В. Минбалеев, А. А. Ефремов, М. Б. Добробаба, С. Г. Чубукова. – Текст : непосредственный // Информационное общество. – 2024. – № 4. – С. 112–120.

181. **Минбалеев, А. В.** Рекомендации по развитию законодательства Российской Федерации о цифровом аватаре / А. В. Минбалеев. – Текст : непосредственный // Информационное право. – 2024. – № 2 (80). – С. 9–12.

182. **Минервин, И. Г.** Эволюция электронного правительства в США / И. Г. Минервин. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные проблемы России. – 2015. – № 2. – С. 48–75.

183. **Михеева Т. Н.** К вопросу о правовых основах цифровизации в Российской Федерации / Т. Н. Михеева. – Текст : непосредственный // Вектор юридической науки. – 2019. – № 9. – С. 114–122.

184. **Морозова, Л. А.** Взаимоотношения личности и государственной власти в историко-правовой мысли России XIX–начала XX века / Л. А. Морозова. – Текст : непосредственный // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2018. – № 1. – С. 115–127.

185. **Мустафина, Л. С.** Государство как платформа / Л. С. Мустафина. – Текст : непосредственный // Вестник Института права БашГУ. – 2021. – № 4 (12). – С. 44–53.

186. **Мухаметкалиева, Е. М.** Вовлечение общественности в нормотворческую деятельность Казахстана посредством использования краудсорсинга / Е. М. Мухаметкалиева, А. Ж. Бастаубаева. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 3. – С. 138–163.

187. **Несмеянова, С. Э.** «Открытое правительство» и права человека / С. Э. Несмеянова, Н. Е. Колобаева, А. Н. Мочалов. – Текст : электронный // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2018. – № 5. – С. 5–14. – URL : cyberleninka.ru (дата обращения: 10.03.2025).

188. **Патюлин, Г. С.** Взаимная юридическая ответственность государства и человека / Г. С. Патюлин. – Текст : непосредственный // Труды института государства и права Российской академии наук. – Москва, 2010. – № 6. – С. 7–22.

189. **Певцова, Е. А.** Принципы государственной молодёжной политики: тенденции и особенности развития / Е. А. Певцова, И. А. Алешкова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 3. – С. 51–59.

190. **Певцова, Е. А.** Современная теория права о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания / Е. А. Певцова. – Текст : непосредственный // Теория государства и права. – 2024. – № 1 (35). – С. 188–214.

191. **Пелевин, С. И.** Постиндустриальное общество в условиях цифровизации / С. И. Пелевин. – Текст : непосредственный // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, № 7. – С. 101–104.

192. **Перепелица, Е. В.** Взаимодействие государства и общества: актуализация давней повестки / Е. В. Перепелица. – Текст : непосредственный // Журнал Белорусского государственного университета. Право = Journal of the Belarusian State University. Law. – 2022. – № 3. – С. 13–22.

193. **Перчаткина, С. А.** Социальные интернет-сети: правовые аспекты / С. А. Перчаткина, М. Е. Черемисинова, А. М. Цирина, Ф. В. Цомартова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2012. – № 5. – С. 14–24.

194. **Петрин, И. В.** Открытость информации в деятельности государственных органов / И. В. Петрин, Д. А. Авдеев. – Текст : непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 1. – С. 23–27.

195. **Петрин, И. В.** Ретроспектива правового регулирования электронных услуг, предоставляемых органами власти в РФ / И. В. Петрин, И. В. Погодина, С. Ю. Белоконев. – Текст : непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 5. – С. 3–7.

196. **Петров, М.** Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярук, А. Шаров. – Текст : электронный // Центр стратегических разработок : [сайт]. – Москва : Издательство Центра стратегических разработок, 2018. – 53 с. – URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/05/GOSUDARSTVO-KAK-PLATFORMA_internet_21.05.2018.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

197. **Плетников, В. С.** Идеологическая основа современного российского государства: необходимость и некоторые особенности формирования / В. С. Плетников, В. А. Шарф. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5(221). – С. 103–104.

198. **Плетников, В. С.** Угрозы российской государственности: понятие, виды и предупреждение / В. С. Плетников, М. С. Плетникова. – Текст : непосредственный // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 4(44). – С. 31–36.

199. **Плотникова, Е. Ю.** Понятие и сущность гражданской позиции в педагогике и психологии / Е. Ю. Плотникова. – Текст : непосредственный // Pedagogical Review. – 2019. – № 6 (28). – С. 218–226.

200. **Погодина, И. В.** Вовлеченность граждан в государственное управление или «совместное руководство»: методы и формы / И. В. Погодина. – Текст : непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 4. – С. 6–8.

201. **Погодина, И. В.** Геймификация платформ общественного участия граждан в публичном управлении / И. В. Погодина, Д. А. Авдеев. – Текст :

непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 4. – С. 84–110.

202. **Погодина, И. В.** Препятствия вовлечению граждан в государственное управление / И. В. Погодина. – Текст : непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 11. – С. 46–48.

203. **Погодина, И. В.** Современные технологии как средство вовлечения граждан в нормотворческую деятельность / И. В. Погодина, Д. А. Авдеев. – Текст : непосредственный // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2020. – № 2. – С. 6–8.

204. **Пожарский, Д. В.** Вызовы XXI в. – фактор развития функций государства / Д. В. Пожарский. – Текст : непосредственный // Российская государственность и вызовы XXI века : Сборник статей Всероссийского круглого стола, Москва, 15 декабря 2021 года. – Москва : Академия управления МВД России, 2022. – С. 5–8.

205. **Пожарский, Д. В.** Функции государства: пределы цифровых технологий / Д. В. Пожарский, Т. Н. Радько. – Текст : непосредственный // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 2(62). – С. 17–24.

206. **Понкин, И. В.** Киберметавселенные в государственном управлении: проблемы и риски / И. В. Понкин. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 240–243.

207. **Пономаренко, В. А.** Гражданское судопроизводство как услуга в электронном сервисном государстве / В. А. Пономаренко. – Текст : непосредственный // Lex russica. – 2016. – № 2. – С. 49–61.

208. **Попов, Д. А.** К вопросу о переводе государственных услуг в электронную форму / Д. А. Попов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2016. – № 7. – С. 41–44.

209. **Поспелова, Е.** Применение концепции New Public Management в России / Е. Поспелова, М. Казакова // Государственная служба. – 2015. – № 2 (94). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kontseptsii-new-public-management-v-rossii (дата обращения: 20.02.2025).

210. **Путин, В. В.** Демократия и качество государства / В. В. Путин. – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. – 2012. – 6 февр. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/1866753 (дата обращения: 03.08.2025).

211. **Рагунштейн, А. Г.** Правовой статус добровольных народных дружин по охране общественного порядка (1959–1991 годы) / А. Г. Рагуншейн. – Текст : непосредственный // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2020. – № 1. – С. 121–133.

212. **Рамазанова, Э. Т.** Роль института народной законодательной инициативы в формировании гражданского общества в Российской Федерации / Э. Т. Рамазанова. – Текст : непосредственный // Гражданское общество и правовое государство. – 2011. – Т. 1. – С. 51–54.

213. **Ребров, А. В.** Геймификация и автоматизация KPI: очередная управленческая мода или новые методы стимулирования? / А. В. Ребров, А. Ю. Черкасов. – Текст : непосредственный // Российский журнал менеджмента /Russian Management Journal. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 303–326.

214. **Ревякин, С. А.** Функциональность электронных платформ общественного участия: причем здесь социальные сети? / С. А Ревякин. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 3. – С. 88–106.

215. **Ромашов, Р. А.** Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику) / Р. А. Ромашов. – Текст : непосредственный // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4(78). – С. 64–81.

216. **Ромашов, Р. А.** Концептуальные подходы к пониманию генезиса государственно-правовой системы России / Р. А. Ромашов. – Текст : непосредственный // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : Материалы XXI международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 10–14.

217. **Ромашов, Р. А.** Современное государство: опыт теоретического моделирования / Р. А. Ромашов, Г. Т. Ромашова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект. – Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2024. – С. 21–37.

218. **Ростовщиков, И. В.** Жалоба в юридическом смысле и ее правозащитная функция / И. В. Ростовщиков, А. В. Косолапов. – Текст : непосредственный // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 1. – С. 14–19.

219. **Ростовщиков, И. В.** Законность и демократия / И. В. Ростовщиков. – Текст : непосредственный // Право и практика. – 2014. – № 3. – С. 4–9.

220. **Рыбакова, С. С.** Особенности и проблемы участия граждан в процессе принятия решений органами государственной власти / С. С. Рыбакова. – Текст : непосредственный // Московский экономический журнал. – 2020. – № 12. – С. 761–775.

221. **Савоськин, А. В.** Система законодательства об обращениях граждан / А. В. Савоськин. – Текст : непосредственный // Lex russica. – 2014. – Т. 97. – № 12. – С. 1422–1423.

222. **Самородов, В. Ю.** Цифровизация в современной культуре правотворчества: тренд на обновление и позитивная тенденция правовой жизни / В. Ю. Самородов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – Т. 4. – № 14. – С. 165–179.

223. **Самсонова, Т. Н.** Формирование гражданской культуры в современной России / Т. Н. Самсонова. – Текст : электронный // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 8 (254). – С. 5–11.

224. **Свистунов, А. А.** Проблемные вопросы занятости юристов и ее структура / А. А. Свистунов, И. С. Шепанский. – Текст : непосредственный // Юридический мир. – 2016. – № 4 (232). – С. 55–62.

225. **Седых, О. Г.** Оценка качества и эффективности государственных и муниципальных услуг: особенности и проблемы (на примере

многофункциональных центров г. Иркутска) / О. Г. Седых, А. А. Степанова. – Текст : электронный // Социодинамика. – 2020. – № 12. – С. 109–122. – DOI: 10.25136/2409-7144.2020.12.34633. – URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34633 (дата обращения: 01.03.2023).

226. **Селезенев, Р. С.** Социальные сети как феномен информационного общества и специфика социальных связей в их среде / Р. С. Селезнев, Е. И. Скрипак. – Текст : электронный // СибСкрипт. – 2013. – № 2 (54). – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-fenomen-informatsionnogo-obschestva-i-spetsifika-sotsialnyh-svyazey-v-ih-srede (дата обращения: 05.03.2025).

227. **Семенов, А. М.** «Будничные дни» Комиссии прошений в годы правления Александра I / А. М. Семенов. – Текст: непосредственный // История повседневности. – 2017. – № 2(4). – С. 22–30.

228. **Семичева, А. С.** Проблемы ответственности органов публичной власти в современной России / А. С. Семичева. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10 (226). – С. 185–187.

229. **Сисакьян, А. К.** Общественный контроль как институт гражданского общества во взаимосвязи с конституционным правосознанием / А. К. Сисакьян. – Текст : непосредственный // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 2 (37). – С. 29–35.

230. **Стенькин, Д. С.** Внедрение цифровых технологий в деятельность органов исполнительной власти (на примере контрольных и надзорных органов) / Д. С. Стенькин, Д. А. Чучадеев. – Текст : непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 4. – С. 64–75.

231. **Стус, Н. В.** Институт генерал-рекетмейстера: орган судебного надзора в Российской империи в XVIII веке / Н. В. Стус. – Текст: непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 1(27). – С. 21–25.

232. **Стырин, Е. М.** Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации / Е. М. Стырин, Н. Е. Дмитриева, Л. Х. Синятуллина. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 4. – С. 31–60.

233. **Стырин, Е. М.** Государственные цифровые платформы: ключевые особенности и основные сценарии развития : доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апреля 2021 г. / Е. М. Стырин, Н. Е. Дмитриева ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 32 с. – ISBN 978-5-7598-2516-6 (в обложке). – ISBN 978-5-7598-2276-9 (e-book).

234. **Сундиев, И. Ю.** Социальное государство как платформа для переквантования реальности / И. Ю. Сундиев, А. Б. Фролов. – Текст : непосредственный // Экономические стратегии. – 2019. – Т. 21, № 3 (161). – С. 116–123.

235. **Талапина, Э. В.** О возможностях правового регулирования Интернета / Э. В. Талапина. – Текст : непосредственный // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 3 (55). – С. 57–75.

236. **Тарасов, Н. Н.** Роль и значение юридической науки в современной России как предмет исследования (методологические основания) / Н. Н. Тарасов. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 2(66). – С. 226–231.

237. **Тарасова, Т. С.** Предпосылки возникновения государственных (муниципальных) услуг в России / Т. С. Тарасова. – Текст : непосредственный // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения : статьи III Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 3 марта 2016 г.) / редколлегия: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – С. 348–353.

238. **Титова, Е. В.** К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека / Е. В. Титова. – Текст : непосредственный // Lex russica. – 2018. – № 11. – С. 69–82.

239. **Трофимов, В. В.** Междисциплинарный вектор государственно-правовых исследований: проблемы и перспективы / В. В. Трофимов. – Текст :

непосредственный // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 107–112.

240. **Трофимов, В. В.** Правовая жизнь и правовое сотворчество органов публичной власти и институтов гражданского общества / В. В. Трофимов, А. В. Малько. – Текст : непосредственный // Правовая культура. – 2024. – № 3(58). – С. 7–15.

241. **Трофимов, В. В.** Правовое сотворчество власти и общества как проявление культуры правотворческого процесса в современном государстве / В. В. Трофимов, В. Ю. Самородов. – Текст : непосредственный // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (77). – С. 43–53.

242. **Трофимов, В. В.** Правовое творчество и его роль в юридической жизни современного общества / В. В. Трофимов, В. Ю. Самородов. – Текст : непосредственный // Правовая политика и правовая жизнь. – 2017. – № 4. – С. 8–15.

243. **Тэн, Ю.** Мотивация учебной деятельности / Ю. Тэн. – Текст : непосредственный // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 30. – С. 75–76.

244. **Тютин, Д. В.** Новое государственное управление: от управления эффективностью и результативностью к менеджменту публичных ценностей / Д. В. Тютин. – Текст : электронный // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2014. – № 4 (64). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-gosudarstvennoe-upravlenie-ot-upravleniya-effektivnostyu-i-rezultativnostyu-k-menedzhmentu-publichnyh-tsennostey (дата обращения: 14.04.2025).

245. **Уваров, А. А.** Проблемы правового регулирования и реализации права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления / А. А. Уваров. – Текст : непосредственный // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 2. – С. 26–31.

246. **Фалина, А. С.** Сервисное государство: истоки теории, элементы практики / А. С. Фалина. – Текст : непосредственный // Социология власти. – 2012. – № 1. – С. 132–140.

247. **Фёдоров, В.** Рецензия на книгу Н. Срничек «Капитализм платформ» (2020 г.) / В. Фёдоров. – Текст : электронный. – URL : https://wciom.ru/book-article/kapitalizm-platform (дата обращения: 18.07.2025).

248. **Федулова, С. И.** Опыт Финляндии в вовлечении населения в городское планирование / С. И. Федулова. – Текст : непосредственный // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2016. – № 1 (38). – С. 106–110.

249. **Филатова, А. В.** Аутсорсинг административно-управленческих процессов / А. В. Филатова. – Текст : непосредственный // Предпринимательское право. – 2009. – № 1. – С. 14–17.

250. **Фокеева, И.** Система правового образования в школе: ценностный аспект / И. Фокеева. – Текст : электронный // Магариф : [сайт]. – 2025. – URL: https://magarif-uku.ru/news/teachers-room/sistema-pravovogo-obrazovaniya-v-shkol (дата обращения: 25.11.2025).

251. **Чердаков, О. И.** О роли государства и бюрократии / О. И. Чердаков. – Текст : непосредственный // Право и образование. – 2012. – № 3. – С. 108–114.

252. **Чертков, А. Н.** Конституция как особый вид правового акта и как форма «общественного договора» / А. Н. Чертков. – Текст : непосредственный // Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики: материалы XV Международной научно-практической конференции / под редакцией В. Н. Власенко. – Москва, 2021. – С. 73–77.

253. **Шаброва, Н. В.** Родительское сообщество как субъект гражданского общества: ключевые элементы концепции / Н. В. Шаброва. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: социальные науки. – 2022. – № 2 (66). – С. 126–134.

254. **Шевердяев, С. Н.** Реализация стратегии «открытого правительства» в Казахстане: институциональный и законодательный контекст / С. Н. Шевердяев. – Текст : непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 7. – С. 73–80.

255. **Южаков, В. Н.** Эволюция смыслов и правового регулирования государственных услуг в России в 2004 – 2011 гг. / В. Н. Южаков – Текст :

непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2012. – № 2. – С. 5–22.

256. **Якушев, М. В.** Международно-политические проблемы идентификации в Интернете / М. В. Якушев. – Текст : непосредственный // Индекс Безопасности. – 2013. – № 1(104). – С. 87–102.

Научные статьи зарубежных авторов

257. **Afonso, A.** Public Sector Efficiency: Evidence for Latin America / A. Afonso, A. Romero, E. Monslave. – Текст : электронный // Inter-American Development Bank. Fiscal and Municipal Division. Discussion Paper. March 2013. IDB-DP-279. – URL : https://pdfs.semanticscholar.org/1813/45c574925f98850a0dd08440909c92e3dcf1.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

258. **Alonso, J. M.** The impact of New Public Management on efficiency: An analysis of Madrid's hospitals / J. M. Alonso, J. Clifton, D. Díaz-Fuentes. – DOI 10.1016/j.healthpol.2014.12.001 // Health Policy. – 2015. – Vol. 119, is. 3. – P. 333–340. – URL: https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2014.12.001 (дата обращения: 05.09.2025).

259. **Allen, B.** Does citizen coproduction lead to better urban services in smart cities projects? An empirical study on e-participation in a mobile big data platform / B. Allen, L. E. Tamindael, S. H. Bickerton, W. Cho. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2020. – Vol. 37. – Is. 1. – January 101412. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.101412 (дата обращения: 05.09.2025).

260. **Almond, G. A.** Attitudes, Political and Civic Culture / Editor(s): James D. Wright. – Текст : электронный // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition), 2015. – P. 190–192. – ISBN 9780080970875. – URL : https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.93017-4 (дата обращения: 22.03.2025).

261. **Ansell, C.** Collaborative Governance in Theory and Practice / C. Ansell, A. Gash. – Текст : непосредственный // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2008. – Vol. 18, № 4. – P. 543–571.

262. **Arshad, S.** Can government’s presence on social media stimulate citizens’ online political participation? Investigating the influence of transparency, trust, and responsiveness / S. Arshad, S. Khurram. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2020. – Vol. 37. – Is. 3. – 101486. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101486 (дата обращения: 02.06.2025).

263. **Arshad, S.** Can government’s presence on social media stimulate citizens’ online political participation? Investigating the influence of transparency, trust, and responsiveness / S. Arshad, S. Khurram. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2020. – Vol. 37, Is. 3. – Art. 101486. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101486 (дата обращения: 09.07.2024).

264. **Barabashev, A. G.** Handbook of research methods in public administration, management and policy / A. G. Barabashev, D. F. Kettl, G. Peters. – Текст : электронный. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2020. – URL : https://publications.hse.ru/chapters/439088126 (дата обращения: 02.06.2025).

265. **Batley, R.** The Changing Role of Government: The Reform of Public Services in Developing Countries / R. Batley, G. A. Larbi. – Текст : электронный. – London : Palgrave Macmillan, 2004. – ISBN 978-1-349-40857-3. – DOI: 10.1057/9780230001053. – URL : https://pure-oai.bham.ac.uk/ws/portalfiles/portal/3773722/Chapter6_wwpp.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

266. **Batley, R.** The Politics of Public Services: A Service Characteristics Approach / R. Batley, Cl. Mcloughlin. – Текст : электронный // World Development. – 2015. – Октябрь. – Vol. 74. – P. 275–285. – URL : https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.05.018 (дата обращения: 01.07.2025).

267. **Bender, B.** Government as a Platform? / B. Bender, M. Heine. – Текст : электронный // Constitutive Elements of Public Service Platforms. – 2021. – DOI: 10.1007/978-3-030-86611-2_1. In book: Electronic Government and the Information Systems Perspective (pp. 3–20). – URL : lswi.de (дата обращения: 09.07.2025).

268. **Bertot, J. C.** Engaging the public in open government: The policy and government application of social media technology for government transparency IEEE /

J. C. Bertot, P. T. Jaeger, S. Munson, T. Glaisyer. – Текст : непосредственный // Computer. – 2010. – № 43 (11). – P. 53–59.

269. **Bertrand, A.** How can digital government connect citizens without leaving the disconnected behind? / A. Bertrand, J. McQueen. – Текст : электронный // EY : [сайт]. – 2022. – 21 June. – URL: https://www.ey.com/en_gl/insights/government-public-sector/how-can-digital-government-connect-citizens-without-leaving-the-disconnected-behind (дата обращения: 15.03.2025).

270. **Bezes, Ph.** New public management and professionals in the public sector. What new patterns beyond opposition? / Ph. Bezes [et al.]. – DOI 10.1016/j.soctra.2012.07.001 // Sociologie du Travail. – 2012. – Vol. 54, suppl. 1. – P. e1–e52. – URL: https://doi.org/10.1016/j.soctra.2012.07.001 (дата обращения: 17.02.2025).

271. **Brown, A.** Appraising the impact and role of platform models and Government as a Platform (GaaP) in UK Government public service reform: Towards a Platform Assessment Framework (PAF) / A. Brown, J. Fishenden, M. Thompson, W. Venters. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2017. – Vol. 34, Is. 2. – P. 167–182. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2017.03.003 (дата обращения: 02.06.2025).

272. **Brudney, J. L.** Rethinking coproduction: amplifying involvement and effectiveness / J. L. Brudney. – Текст : электронный // Journal of Chinese Governance. – 2020. – № 5. – P. 27. – URL : https://www.semanticscholar.org/paper/Rethinking-coproduction%3A-amplifying-involvement-and-Brudney/ac212345a5d5e8573ee4d1bbc0b06d13e5b67e21 (дата обращения: 06.02.2025).

273. **Brudney, J. L.** Toward a Definition of the Coproduction Concept / J. L. Brudney, R. E. England. – Текст : электронный // Public Administration Review. – 1983. – 43(1). – P. 59–65. – URL : https://www.jstor.org/stable/975300 (дата обращения: 12.02.2025).

274. **Cantador, I.** Exploiting Open Data to analyze discussion and controversy in online citizen participation / I. Cantador, M. E. Cortés-Cediel, M. Fernández. – Текст : электронный // Information Processing & Management. – 2020. – Vol. 57, Is. 5. –

102301. – ISSN 0306-4573. – URL : https://doi.org/10.1016/j.ipm.2020.102301 (дата обращения: 09.07.2025).

275. Chapter in American Governance 3.0: Rebooting the Public Square? / National Academy of Public Administration. Ink, D., Balutis, A., & Buss, T., editors. – Текст : электронный // American Governance 3.0: Rebooting the Public Square? – 2011. – URL: https://icma.org/sites/default/files/301540_Johnston%20Hansen%20Gov%203%200%20chapter%20final.pdf (дата обращения: 12.02.2025).

276. **Chwalisz, Cl.** Citizen engagement in politics and policymaking: Lessons from the UK / Cl. Chwalisz. – Текст : электронный. – 2017. – Апрель. – URL : https://www.oidp.net/docs/repo/doc214.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

277. **Cinar, E.** Public sector innovation in a city state: exploring innovation types and national context in Singapore / E. Cinar, M. A. Demircioglu, A. Coskun Acik, C. Simms. – Текст : электронный // Research Policy. – 2024. – Vol. 53, Is. 2. – 104915. – ISSN 0048-7333. – URL : https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104915 (дата обращения: 13.04.2025).

278. **Cingolani, L.** The survival of open government platforms: Empirical insights from a global sample / L. Cingolani. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2021. – Vol. 38, Is. 1. – 101522. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101522 (дата обращения: 02.06.2025).

279. **Ciziceno, M.** Life satisfaction and tax morale: The role of trust in government and cultural orientation / M. Ciziceno, P. Pizzuto. – Текст : электронный // Journal of Behavioral and Experimental Economics. – 2022. – Vol. 97. – 101824. – ISSN 2214-8043. – URL : https://doi.org/10.1016/j.socec.2021.101824 (дата обращения: 28.03.2025).

280. **Crabbe, V.** The ethics of legislative drafting / V. Grabbe. – Текст : непосредственный // Commonwealth Law Bulletin. – 2010. – № 36. – P. 11–24.

281. **Dunleavy, P.** New public management is dead - Long live digital-era governance / P. Dunleavy, H. Margetts, S. Bastow, J. Tinkler. – Текст : электронный // Journal of Public Administration Research and Theory. – 2006. – Vol. 16, Is. 3 (July). – P. 467–494.

282. **Eloranta, V.** A complexity management approach to servitization: the role of digital platforms / V. Eloranta, M. Ardolino, N. Saccani. – Текст : электронный // International Journal of Operations & Production Management. – 2021. – Vol. 41, № 5. – P. 622–644. – ISSN 0144-3577. – URL : URL : https://doi.org/10.1108/IJOPM-08-2020-0582/ (дата обращения: 03.02.2025).

283. **Enders, J.** The Dutch way of New Public Management: A critical perspective on quality assurance in higher education / J. Enders, D. F. Westerheijden. — DOI 10.1016/j.polsoc.2014.07.004 // Policy and Society. – 2014. – Vol. 33, iss. 3. – P. 189–198. – URL: https://doi.org/10.1016/j.polsoc.2014.07.004 (дата обращения: 17.02.2025).

284. **Engel, E.** The Economics of Public-Private Partnerships: A Basic Guide / E. Engel, R. Fischer, A. Galetovic. – Текст : электронный. // Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – URL : https://www.cambridge.org/core/books/economics-of-publicprivate-partnerships/F11EFFBC514817689B4CABCCB7DDE9E5 (дата обращения: 05.06.2025).

285. **Fenger, H. J. M.** Conceptualizing new forms of volunteering in urban governance / H. J. M. Fender, P. M. Karré, S. N. Blok. – Текст : электронный // Urban Governance. – 2023. – Vol. 3, Is. 4. – P. 269–277. – ISSN 2664-3286. – URL : https://doi.org/10.1016/j.ugj.2023.09.002. (дата обращения: 05.06.2025).

286. **Fountain, J. E.** Paradoxes of Public Sector Customer Service / J. E. Fountain. – Текст : электронный. // Governance. – 2002. – Vol. 14, is. 1. – P. 55–73. – URL: https://doi.org/10.1111/0952-1895.00151 (дата обращения: 31.01.2025).

287. **Gawer, A.** Industry Platforms and Ecosystem Innovation / A. Gawer, M. A. Cusumano. – Текст : электронный // Journal of Product Innovation Management. – 2014. – Vol. 31, № 3 (May). – P. 417–418. – DOI: 10.1111/jpim.12105. – URL : https://www.researchgate.net/publication/261330796_Industry_Platforms_and_Ecosystem_Innovation (дата обращения: 19.01.2025).

288. **Gawer, A.** Platform Leadership: How Intel, Microsoft, and Cisco Drive Industry Innovation / A. Gawer, M. A. Cusumano. – Текст : электронный. – Boston : Harvard Business School Press, 2002. – URL : https://hbswk.hbs.edu/archive/platform-

leadership-how-intel-microsoft-and-cisco-drive-industry-innovation-do-you-have-platform-leadership (дата обращения: 09.07.2025).

289. **Gerhard, S.** Verwaltungsautomation / S. Gerhard, H. Brinckmann, Kl. Grimmer, K. Lenk, D. Rave. – Текст : электронный. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 1975. – Bd. 4, H. 3. – P. 278–279. – URL : doi.org (дата обращения: 14.04.2024).

290. **Gesk, T. S.** Artificial intelligence in public services: When and why citizens accept its usage / T. S. Gesk, M. Leyer. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2022. – Vol. 39, Is. 3. – 101704. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101704 (дата обращения: 14.04.2025).

291. **Haro-de-Rosario, A.** Using social media to enhance citizen engagement with local government: Twitter or Facebook? / A. Haro-de-Rosario, A. Sáez-Martín, C. del Caba-Pérez. – Текст : электронный // New Media & Society. – 2018. – Vol. 20, № 1. – P. 29–49. – URL : https://doi.org/10.1177/1461444816645652 (дата обращения: 02.06.2025).

292. **Harrison, T. M.** Transparency, participation, and accountability practices in open government: A comparative study / T. M. Harrison, D. S. Sayogo. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2014. – Vol. 31, Is. 4. – P. 513–525. – ISSN 0740-624X. – URL : doi.org (дата обращения: 05.04.2025).

293. **Hartley, J.** Innovation in governance and public services: Past and present / J. Hartley. – Текст : электронный // Public Money & Management. – 2005. – № 7 (1). – P. 27–34. – URL : https://www.researchgate.net/publication/4779518_Innovation_in_Governance_and_Public_Services_Past_and_Present (дата обращения: 06.02.2025).

294. **Hein, A.** Building open government data platform ecosystems: A dynamic development approach that engages users from the start / A. Hein, M. Engert, S. Ryu Schaffer, N. Hermes, H. Krcmar. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2023. – Vol. 40, Is. 4. – 101878. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101878 (дата обращения: 02.06.2025).

295. **Hovik, S.** Linkages Between Citizen Participation, Digital Technology, and Urban Development / S. Hovik, G. A. Giannoumis. – Текст : электронный // Citizen

Participation in the Information Society / Edited by S. Novik [et al.] – Cham : Palgrave Macmillan, 2022. – URL : doi.org (дата обращения: 14.03.2025).

296. **Janowskia, T.** Platform governance for sustainable development: Reshaping citizen administration relationships in the digital age / T. Janowskia, E. Estevezc, R. Baguma. – Текст : непосредственный // Government Information Quarterly. – 2018. – № 35. – P. 1–16.

297. **Jenkins, H.** Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / H. Jenkins ; John D. and Catherine T. MacArthur Foundation. — Chicago : MacArthur Foundation, 2006. — 72 p. — ISBN 978-0-262-51352-4. — Текст : непосредственный.

298. **Johansson, M.** The Digital Agora of Social Media: Introduction / M. Johansson. – Текст : электронный // Discourse Context & Media. – 2017. – № 19. – URL : https://www.researchgate.net/publication/320402859_The_Digital_Agora_of_Social_Media_Introduction (дата обращения: 03.04.2025).

299. **Johnston, E.** Design Lessons for Smart Governance Infrastructures / E. Johnston, D. Hansen. – Текст : электронный. – URL: https://www.academia.edu/2988968/Design_Lessons_for_Smart_Governance_Infrastructures (дата обращения: 12.02.2024).

300. **Ju, J.** Public and private value in citizen participation in E-governance: Evidence from a government-sponsored green commuting platform / J. Ju, L. Liu, Y. Feng. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2019. – Vol. 36, Is. 4 (October). – 101400. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.101400 (дата обращения: 06.02.2025).

301. **Juliani, F.** State of research on public service management: Identifying scientific gaps from a bibliometric study / F. Juliani, O. J. de Oliveira. – Текст : электронный // International Journal of Information Management. – 2016. – Vol. 36, Is. 6, Pt A. – P. 1033–1041. – URL : https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2016.07.003 (дата обращения: 01.07.2025).

302. **Katsonis, M.** Digital Government: A Primer and Professional Perspectives / M. Katsonis, A. Botros. – Текст : электронный. – 2015. – 04 March. – URL :

https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1467-8500.12144 (дата обращения: 09.07.2025).

303. **Koontz, T. M.** Citizen participation: conflicting interests in state and national agency policy making / T. M. Koontz. – Текст : электронный // The Social Science Journal. – 1999. – Vol. 36, Is. 3. – P. 441–458. – ISSN 0362-3319. – URL : https://doi.org/10.1016/S0362-3319(99)00016-6 (дата обращения: 09.07.2025).

304. **Kowalkowski, Ch.** Servitization and Deservitization: Overview, Concepts, and Definitions / Ch. Kowalkowski, H. Gebauer, B. Kamp, Gl. Parry. – Текст : электронный // Industrial Marketing Management. – 2017. – № 60 (1). – DOI: 10.1016/j.indmarman.2016.12.007 (дата обращения: 02.06.2025).

305. **Legard, S.** The Impact of Digital Participation on Democratic Urban Governance / S. Legard, S. Hovik. – Текст : электронный // Citizen Participation in the Information Society : [monograph] / Edited by S. Hovik [et al.]. – Cham : Palgrave Macmillan, 2022. – ISBN 978-3-030-99939-1. – URL : https://link.springer.com (дата обращения: 05.04.2025).

306. **Levine, Ch. H.** Citizenship and Service Delivery: The Promise of Coproduction / G. Fisher, Ch. H. Levine. – Текст : электронный // Political Science. Public Administration Review. – 1984. – DOI: 10.4324/9780429501036-19. (дата обращения: 08.02.2025).

307. **Linders, D.** What is open government? One year after the directive / D. Linders, S. Wilson. – Текст : электронный // ACM International Conference Proceeding Series. – 2011. – P. 262–271. – DOI: 10.1145/2037556.2037599. – URL : https://www.academia.edu/4503913/What_is_open_government_one_year_after_the_directive (дата обращения: 12.02.2025).

308. **Lindgren, I.** Exploring Citizens' Channel Behavior in Benefit Application / I. Lindgren, C. Madsen, H. Rydén and I. Heggertveit. – Текст : электронный // Proceedings of the 15th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance. – June, 2022. – P. 416–423. – URL : https://doi.org/10.1145/3560107.3560312; URL : https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/3543434.3543456 (дата обращения: 01.02.2025).

309. **Llobet, G.** Gestión pública o privada de servicios públicos? / G. Llobet. – Текст : электронный // Nada es Gratis : [сайт]. – 2011. – 21 nov. – URL: http://nadaesgratis.es/gerard-llobet/gestion-publica-o-privada-de-servicios-publicos (дата обращения: 01.06.2025).

310. **Louren, R. P.** Incorporating citizens' views in local policy decision making processes / R. P. Louren, J. Paulo Costa. – Текст : электронный // Decision Support Systems. – 2007. – Vol. 43, Is. 4. – P. 1499–1511. – ISSN 0167-9236. – URL : https://doi.org/10.1016/j.dss.2006.06.004 (дата обращения: 01.02.2025).

311. **Magalhães, C.** De Contracting out publicness: The private management of the urban public realm and its implications / C. de Magalhães, S. Freire Trigo. – Текст : непосредственный // Progress in Planning. – 2017. – Vol. 115 (July). – 48 p. – URL : https://doi.org/10.1016/j.progress.2016.01.001 (дата обращения: 01.07.2025).

312. **Marino, V.** Engagement, satisfaction and customer behavior-based CRM performance: An empirical study of mobile instant messaging / V. Marino, L. Lo Presti. – Текст : электронный // Journal of Service Theory and Practice. – 2018. – June. – DOI: 10.1108/JSTP-11-2017-0222 (дата обращения: 01.07.2025).

313. **Marjanovic, O.** Open government data platforms – A complex adaptive sociomaterial systems perspective / O. Marjanovic, D. Cecez-Kecmanovic. – Текст : электронный // Information and Organization. – 2020. – Vol. 30, Is. 4. – 100323. – ISSN 1471-7727. – URL : https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2020.100323 (дата обращения: 18.01.2025).

314. **Martin, E. G.** Opening health data: What do researchers want? Early experiences with New York's open health data platform : статья / E. G. Martin, N. Helbig, G. S. Birkhead. – Текст : непосредственный // Journal of Public Health Management and Practice. – 2015. – Vol. 21, Is. 5 (September). – P. E1–E7.

315. **Mathiasen, D. G.** The new public management and its critics / D. G. Mathiasen. – Текст : электронный // International Public Management Journal. – 1999. – Vol. 2, Is. 1. – P. 90–111. – ISSN 1096-7494. – URL : https://doi.org/10.1016/S1096-7494(00)87433-4 (дата обращения: 05.04.2025).

316. **Mattson, G. A.** The Promise of Citizen Coproduction: Some Persistent Issues / G. A. Mattson. – Текст : электронный // Political Science, Economics, Law. – 1986. – DOI: 10.2307/3380451. – URL : https://www.semanticscholar.org/paper/The-Promise-of-Citizen-Coproduction%3A-Some-Issues-Mattson/6e707f52480a57a9b5caf000d030e8699ff8b680 (дата обращения: 07.02.2025).

317. **Mcloughlin, Cl.** The effects of sector characteristics on accountability relationships in service delivery / Cl. Mcloughlin, R. Batley. – Текст : электронный // Working paper 350. – London, 2012. – URL : http://bitly.com/1E8UStF (дата обращения: 01.07.2025).

318. **Migdal, J. S.** A model of state-society relations / J. S. Migdal. – Текст : электронный // State in society: studying how states and societies transform and constitute one another / J. S. Migdal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – (Cambridge studies in comparative politics). – P. 41–57. – URL : www.cambridge.org (дата обращения: 19.02.2025).

319. **Ostrom, E.** Crossing the great divide: Coproduction, synergy, and development / E. Ostrom. – Текст : электронный // World Development. – 1996. – Vol. 24, Is. 6. – P. 1073–1087. – ISSN 0305-750X. – URL : https://doi.org/10.1016/0305-750X(96)00023-X. (дата обращения: 06.02.2025).

320. **Parks, R. B.** Consumers as coproducers of public services: Some economic and institutional considerations / R. B. Parks, P. C. Baker, L. Kiser, R. Oakerson, E. Ostrom, V. Ostrom, R. Wilson. – Текст : непосредственный // Policy Studies Journal. – 1981. – № 9(7). – P. 1001–1011.

321. **Pereyra Caramé, T.** Las administraciones públicas en las redes sociales / T. Pereyra Caramé ; Agencia de Protección de Datos de la Comunidad de Madrid. – Текст : электронный // CORE : [сайт]. – 2011. – URL: https://core.ac.uk/download/pdf/58909583.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

322. **Poell, T.** Platformisation / T. Poell, D. Nieborg, J. van Dijck. – Текст : электронный // Internet Policy Review. – 2019. – № 8 (4). – DOI: 10.14763/2019.4.1425; URL : http://policyreview.info/concepts/platformisation (дата обращения: 18.01.2025).

323. **Pope, R.** Playbook: Government as a Platform / R. Pope ; Ash Center for Democratic Governance and Innovation, Harvard Kennedy School. – Текст : электронный // Harvard University : [сайт]. – 2019. – 12 p. – URL: https://ash.harvard.edu/files/ash/files/293091_hvd_ash_gvmnt_as_platform_v2.pdf (дата обращения: 02.01.2025).

324. **Pope, R.** The digital state. Government as a platform – who pays? / R. Pope, A. Weiss. – Текст : электронный // Bennett Institute for Public Policy. – 2021. – URL : www.bennettinstitute.cam.ac.uk (дата обращения: 03.04.2025).

325. **Porto, R.** El desafío de regular medios de comunicación tradicionales, redes sociales y plataformas (entre otros) / R. Porto. – Текст : электронный // OBSERVACOM : [сайт]. – 2019. – 18 sept. – URL: https://www.observacom.org/amp/el-desafio-de-regular-medios-de-comunicacion-tradicionales-redes-sociales-y-plataformas-entre-otros/ (дата обращения: 28.02.2025).

326. **Porumbescu, G. A.** Accounting for citizens when explaining open government effectiveness / G. A. Porumbescu, M. Cucciniello, J. R. Gil-Garcia. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2020. – Vol. 37, Is. 2. – 101451. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.101451 (дата обращения: 05.04.2025).

327. **Porumbescu, G. A.** Linking decision-making procedures to decision acceptance and citizen voice: Evidence from two studies / G. A. Porumbescu, S. Grimmelikhuijsen. – Текст : непосредственный // The American Review of Public Administration. – 2018. – Vol. 48, № 8. – P. 902–914.

328. **Potter, D.** Public Participation in the UK: Lessons from the UK experience : background paper for a SIGMA workshop on consultation, Bucharest, Romania, 14th October, 2008 / D. Potter. – Текст : электронный // SIGMA. – URL : https://www.sigmaweb.org/publicationsdocuments/41838063.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

329. **Praharaj, S.** Innovative Civic Engagement and Digital Urban Infrastructure: Lessons from 100 Smart Cities Mission in India / S. Praharaj, J. Hoon Han, S. Hawken. – Текст : электронный // Procedia Engineering. – 2017. – Vol. 180. – P. 1423-1432. –

ISSN 1877-7058. – URL : https://doi.org/10.1016/j.proeng.2017.04.305 (дата обращения: 17.02.2024).

330. **Prats, M.** Lack of trust in institutions and political engagement. An analysis based on the 2021 OECD Trust Survey / M. Prats, S. Smid, M. Ferrín. – Текст : электронный // OECD Working Papers on Public Governance. – 2024. – 32 p. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/11/lack-of-trust-in-institutions-and-political-engagement_ae8a8673/83351a47-en.pdf (дата обращения: 05.11.2025).

331. **Quah, J. S. T.** Public Administration in Singapore: Managing Success in a Multi-Racial City-State / J. S. T. Quah. – Текст : электронный // Public Administration in the NICs / A. S. Huque, J. T. M. Lam, J. C. Y. Lee (eds). – London : Palgrave Macmillan, 1996. – URL : https://doi.org/10.1007/978-1-349-24873-5_3 (дата обращения: 09.03.2025).

332. **Ranchordás, S.** Digital agoras: Democratic legitimacy, online participation and the case of Uber-petitions / S. Ranchordás. – Текст : непосредственный // Theory and Practice of Legislation. – 2017. – Vol. 5, Is. 1. – P. 31-54.

333. Revolutionary e-government strategies across Asia-Pacific. – Текст : электронный // UNESCAP : United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. – URL : https://www.unapcict.org/sites/default/files/2019-01/E-Government-Strategies-Asia-Pacific.PDF (дата обращения: 14.02.2025).

334. **Rueda, A.** El complejo debate sobre la regulación de las redes sociales / A. Rueda. – Текст : электронный // Centro de Ciencias de la Complejidad C3 : [сайт]. – 2021. – 18 feb. – URL: https://www.c3.unam.mx/noticias/noticia186.html (дата обращения: 28.02.2025).

335. **Sauter Odio, S.** La regulación de los derechos fundamentales en redes sociales: entre lo privado y lo público / S. Sauter Odio. – Текст : электронный // Dirajus. – URL : https://dirajus.org/es/noticias/la-regulacion-de-los-derechos-fundamentales-en-redes-sociales-entre-lo-privado-y-lo-publico (дата обращения: 28.02.2024).

336. **Scholta, H.** Proactivity in digital public services: A conceptual analysis / H. Scholta, I. Lindgren. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. –

2023. – Vol. 40, Is. 3. – Art. 101832. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101832 (дата обращения: 09.07.2024).

337. **Shamsul Haque, M.** Public Administration and Public Governance in Singapore / M. Shamsul Haque. – Текст : электронный // Public Administration and Public Governance in ASEAN Member Countries and Korea / Pan Suk Kim (ed.). – Seoul : Daeyoung Moonhwasa Publishing Company, 2009. – P. 246-271. – URL : https://profile.nus.edu.sg/fass/polhaque/s-haque-singapore.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

338. **Sharp, E. B.** Toward a New Understanding of Urban Services and Citizen Participation: The Coproduction Concept / E. B. Sharp. – Текст : электронный // Midwest Review of Public Administration. – 1980. – Vol. 14, Is. 2. – P. 105–118. – URL : https://doi.org/10.1177/027507408001400203 (дата обращения: 09.07.2025).

339. **Spada, P.** When Democratic Innovations Integrate Multiple and Diverse Channels of Social Dialogue: Opportunities and Challenges / P. Spada, G. Allegretti. – Текст : электронный // Using New Media for Citizen Engagement and Participation. – 2020. – P. 35-59. – URL : https://www.researchgate.net/publication/338497909_When_Democratic_Innovations_Integrate_Multiple_and_Diverse_Channels_of_Social_Dialogue_Opportunities_and_Challenges (дата обращения: 12.03.2025).

340. **Styrin, E.** Government as a platform: Intergovernmental participation for public services in the Russian Federation / E. Styrin, K. Mossberger, A. Zhulin. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2022. – Vol. 39, Is. 1. – Art. 101627. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101627 (дата обращения: 09.07.2025).

341. **Thompson, M.** Platform, or technology project? A spectrum of six strategic ‘plays’ from UK government IT initiatives and their implications for policy / M. Thompson, W. Venters. – Текст : электронный // Government Information Quarterly. – 2021. – Vol. 38, Is. 4. – Art. 101628. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101628 (дата обращения: 09.07.2025).

342. **Townley, Ch.** Exploring the potential and limits of digital tools for inclusive regulatory engagement with citizens / Ch. Townley, Ch. Koop. – Текст : электронный

// Government Information Quarterly. – 2024. – Vol. 41, Is. 1. – Art. 101901. – ISSN 0740-624X. – URL : https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101901 (дата обращения: 09.07.2025).

343. **Verba, S.** Democratic Participation / S. Verba. – Текст : непосредственный // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Social Goals and Indicators for American Society. – 1967. – Vol. 2. – P. 53–78.

344. **Voorberg, W.** Co-Creation and Co-Production as a Strategy for Public Service Innovation: A study to their appropriateness in a public sector context / W. Voorberg. – Текст : электронный : [PhD thesis] / Erasmus University Rotterdam. – Rotterdam, the Netherlands : Optima Grafische Communicatie (Layout and printed by), 2017. – URL : https://repub.eur.nl/pub/102915/w.voorberg.pdf (дата обращения: 29.07.2025).

345. **Zhang, F.** Citizen participation in U.S. local governments / F. Zhang. – Текст : электронный // Center for Science, Technology & Environmental Policy Studies (CSTEPS). – URL : https://csteps.asu.edu/sites/default/files/policymemo_citizenparticipation.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

346. **Zhao, L.** Cultivating the sense of belonging and motivating user participation in virtual communities: A social capital perspective / L Zhao, Y. Lu, B. Wang, P. Y. K. Chau, L. Zhang. – Текст : электронный // International Journal of Information Management. – 2012. – № 32 (6). – P. 574–588. (дата обращения: 15.02.2025).

Диссертации и авторефераты диссертаций

347. **Архипов, В. В.** Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Архипов Владислав Владимирович ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2019. – 757 с. – Библиогр.: с. 651-757. – Текст : непосредственный.

348. **Аубакирова, И. У.** Современная евразийская концепция государственного управления (теоретико-правовое исследование на материалах России и Казахстана) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Аубакирова Индира Ураловна ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2016. – 379 с. – Библиогр.: с. 336–379. – Текст : непосредственный.

349. **Баринов, П. С.** Обесценивание правовых категорий : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Баринов Павел Сергеевич ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2019. – 189 с. – Библиогр.: с. 165–189. – Текст : непосредственный.

350. **Верещагина, Л. Н.** Практика отстаивания интересов граждан через обращения в органы государственной власти как форма социального контроля : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Верещагина Лилия Николаевна ; Адыгейский государственный университет. – Краснодар, 2011. – 26 с. – Текст : непосредственный.

351. **Губанов, И. А.** Государственно-частное партнерство в реализации функций Российского государства : вопросы теории и практики : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Губанов Илья Андреевич ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2010. – 245 с. – Библиогр.: с. 220–245. – Текст : непосредственный.

352. **Гыскэ, А. В.** Внутренняя безопасность российского общества: Проблемы обеспечения. Социально-философский анализ : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени доктора

философских наук / Гыскэ Анатолий Викторович ; Военный университет. – Москва, 2001. – 367 с. – Библиогр.: с. 345–367. – Текст : непосредственный.

353. **Егоров, А. В.** Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Егоров Алексей Владимирович ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2019. – 509 с. – Библиогр.: с. 441–509. – Текст : непосредственный.

354. **Игнатушко, И. В.** Электорально-правовая культура населения в условиях трансформации избирательного процесса в странах постсоветского пространства : специальность 22.00.06 «Социология культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Игнатушко Ирина Викторовна ; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2018. – 27 с. – Текст : непосредственный.

355. **Краевой, Ю. Г.** Гражданская пассивность как социальный феномен: Природа и особенности проявления в современной России : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Краевой Юрий Григорьевич ; Уральский государственный университет имени А. М. Горького. – Екатеринбург, 2006. – 188 с. – Библиогр.: с. 165–188. – Текст : непосредственный.

356. **Лисицын, Д. В.** Конституционализм как модель взаимодействия общества и государства : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Лисицын Дмитрий Викторович ; Северо-Кавказский государственный технический университет. – Ставрополь, 2004. – 173 с. – Библиогр.: с. 159–173. – Текст : непосредственный.

357. **Навальный, С. В.** Электорально-правовая культура, вопросы теории и практики : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история

учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Навальный Сергей Викторович ; Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 1999. – 30 с. – Текст : непосредственный.

358. **Осветимская, И. И.** Государство в условиях глобализации: теоретико-правовое исследование : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Осветимская Ия Ильинична ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2016. – 24 с. – Текст : непосредственный.

359. **Певцова, Е. А.** Реализация доктрины правового образования учащихся общеобразовательных учреждений в современной России : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Певцова Елена Александровна ; Московский государственный областной университет. – Москва, 2004. – 362 с. – Библиогр.: с. 320–362. – Текст : непосредственный.

360. **Певцова, Е. А.** Проблемы формирования правового сознания учащейся молодежи (теоретико-правовые аспекты) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Певцова Елена Александровна ; Российская академия адвокатуры. – Москва, 2006. – 453 с. – Библиогр.: с. 411–453. – Текст : непосредственный.

361. **Петрова, С. В.** Гражданская культура: теоретическая модель и практическая реализация в процессе демократических реформ в России : специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Петрова Светлана Владиславовна ; Северо-Кавказская академия государственной службы. – Ростов-на-Дону, 2004. – 26 с. – Текст : непосредственный.

362. **Петручак, Л. А.** Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Петручак Лариса Анатольевна ; Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина. – Москва, 2012. – 453 с. – Библиогр.: с. 396–453. – Текст : непосредственный.

363. **Плетнев, Д. И.** Гражданская культура как культура согласия общества и государства : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Плетнев Дмитрий Иванович ; Томский государственный университет. – Томск, 2005. – 25 с. – Текст : непосредственный.

364. **Плетников, В. С.** Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения : специальность 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Плетников Виктор Сергеевич ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2022. – 397 с. – Библиогр.: с. 341–397. – Текст : непосредственный.

365. **Разуваев, Н. В.** Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Разуваев Николай Викторович ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2016. – 413 с. – Библиогр.: с. 360–413. – Текст : непосредственный.

366. **Савоськин, А. В.** Обращения граждан в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Савоськин Александр Владимирович ; Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург, 2019. – 482 с. – Библиогр.: с. 420–482. – Текст : непосредственный.

367. **Сажина, А. И.** Совершенствование инструментов маркетинга территорий на основе вовлечения жителей в сопроизводство масштабных событий : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Сажина Александра Ильдаровна ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Екатеринбург, 2022. – 193 с. – Библиогр.: с. 147–167. – Текст : непосредственный.

368. **Сазонов, В. Е.** Государственно-частное партнерство в России и за рубежом : административно-правовое исследование : специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Сазонов Всеволод Евгеньевич ; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2013. – 467 с. – Библиогр.: с. 420–467. – Текст : непосредственный.

369. **Сухарев, А. А.** Власть и общество зауральского города в условиях НЭПа: 1921–1929 годы (на материалах Тюмени) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Сухарев Анатолий Анатольевич ; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2014. – 25 с. – Текст : непосредственный.

370. **Тамазов, З. Г.** Публичные слушания как форма осуществления населением права на местное самоуправление : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тамазов Зубер Гидович ; Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2007. – 256 с. – Библиогр.: с. 220–256. – Текст : непосредственный.

371. **Титова, Е. В.** Правомерное поведение в российском конституционном праве : специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Титова Елена Викторовна ; Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). – Челябинск, 2021. – 480 с. – Библиогр.: с. 415–480. – Текст : непосредственный.

372. **Туранин, В. Ю.** Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Туранин Владислав Юрьевич ; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Белгород, 2017. – 437 с. – Библиогр.: с. 370–437. – Текст : непосредственный.

373. **Фомичева, О. А.** Законотворческий процесс в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : специальность 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Фомичева Ольга Анатольевна ; Тюменский государственный университет. – Екатеринбург, 2022. – 400 с. – Библиогр.: с. 345–400. – Текст : непосредственный.

Учебная и справочная литература

374. Digital 2024: Global Overview Report : глобальный обзорный отчет, опубликованный в сотрудничестве с Meltwater и We Are Social. – Текст : электронный // DataReportal : [сайт]. – 2024. – 31 Jan. – URL: datareportal.com (дата обращения: 27.02.2025).

375. Government as a Platform : white paper / Fujitsu. – Текст : электронный // Fujitsu : [сайт]. – 2016. – URL: https://www.fujitsu.com/uk/Images/government-as-a-platform.pdf (дата обращения: 13.01.2025).

376. Государство как платформа: люди и технологии : доклад / М. С. Шклярук, Н. С. Идрисов, С. И. Крайник [и др.] ; под редакцией М. С. Шклярук ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Центр перспективных управленческих решений. – Текст : электронный // ЦПУР : [сайт]. – 2019. – URL: cpur.ru (дата обращения: 28.10.2025).

377. **Зорькин, В. Д.** Лекции о праве и государстве / В. Д. Зорькин. – Текст : электронный // Конституционный Суд Российской Федерации : [сайт]. – Санкт-Петербург, 2024. – 353 с. – URL: https://www.ksrf.ru/about/%D1%81hairman/monographs/document/Lektsii%20o%20prave%20i%20gosudarstve.pdf (дата обращения: 13.10.2025).

378. Индикаторы цифровой экономики: 2025 : статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Текст : электронный // НИУ ВШЭ : [сайт]. – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 296 с. – ISBN 978-5-7598-3029-0. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1026726402.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

379. **Кабашов, С. Ю.** Бюрократия : теоретические концепции : учебное пособие / С. Ю. Кабашов ; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Флинта, 2011. – 216 с. – ISBN 978-5-9765-1294-8. – Текст : непосредственный.

380. **Кабашов, С. Ю.** Организация работы с обращениями граждан в истории России : учебное пособие / С. Ю. Кабашов. – 4-е издание, стереотипное. – Москва : Флинта, 2021. – 312 с. – ISBN 978-5-9765-0934-4. – Текст : электронный // ЭБС Znanium : [сайт]. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1234137 (дата обращения: 13.04.2025).

381. **Ким, А. И.** Народное представительство в СССР : пособие по специальному курсу / А. И. Ким, А. М. Барнашов ; Томский государственный университет. – Томск : Издательство ТГУ, 1982. – 87 с. – Текст : непосредственный.

382. Краткий отчет выводов Комиссии и Рекомендации из отчета ACIR «Участие граждан в американской федеральной системе», принятого Консультативным советом Комиссии по межправительственным отношениям 23 марта 1979 г. – Текст : электронный // Advisory Commission on Intergovernmental Relations : [сайт]. – 1979. – URL: https://library.unt.edu (дата обращения: 15.02.2025).

383. Менеджмент сегодня: 5 актуальных трендов. – Текст : электронный // СберУниверситет : [сайт]. – 2021. – 20 янв. – URL: https://sberuniversity.ru/press-center/3061/ (дата обращения: 28.01.2025).

384. **Набиуллина, Э. С.** Главная цель всей нашей общей работы – создать сервисное государство : выступление на ежегодной международной конференции «Развитие государственного управления в России» / Э. С. Набиуллина. – Текст : электронный // Министерство экономического развития Российской Федерации : [официальный сайт]. – 2012. – март. – URL: http://old.economy.gov.ru/minec/press/news/doc20120322_19 (дата обращения: 15.05.2025).

385. Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбилейный статистический ежегодник / Государственный комитет СССР по статистике. – Москва : Финансы и статистика, 1987. – 765 с. – Текст : электронный // Исторические материалы : [сайт]. – URL: https://istmat.org/node/7687 (дата обращения: 16.10.2025).

386. **Ожегов, С. И.** Платформа // Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн : [сайт]. – 2025. – URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21083 (дата обращения: 02.01.2025). – Текст : электронный.

387. Представлена концепция «Сервисного государства» версии 2.0. – Текст : электронный // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : [официальный сайт]. – 2018. – 1 нояб. – URL: https://digital.gov.ru/ru/events/38530/ (дата обращения: 28.01.2025).

388. **Радько, Т. Н.** Теория государства и права : учебник для бакалавров / Т. Н. Радько. – Москва : Проспект, 2015. – 496 с. – ISBN 978-5-392-15460-9. – Текст : электронный // Университетская библиотека онлайн : [сайт]. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252236 (дата обращения: 16.10.2025).

389. Словарь-справочник по информатике (онтология информатики) / Новосибирский государственный университет. – Текст : электронный // Электронная библиотека СО РАН : [сайт]. – URL: http://db4.sbras.ru/elbib/data/show_page.phtml?77+690+35 (дата обращения: 19.02.2025).

390. Узы, которые связывают: гражданственность и гражданская активность в XXI веке : отчет о сессии 2017–2019 гг. : Глава 4: Общественное

понимание и участие : Документ HL 118 / Select Committee on Citizenship and Civic Engagement. – Текст : электронный // UK Parliament : [сайт]. – 2018. – 18 Apr. – URL: https://publications.parliament.uk (дата обращения: 15.02.2025).

391. Цифровая экономика: 2024 : краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Текст : электронный // НИУ ВШЭ : [сайт]. – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 124 с. – ISBN 978-5-7598-3011-5. – URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf (дата обращения: 19.09.2025).

Интернет-ресурсы

392. «Ростелеком» начинает переводить в электронный вид муниципальные госуслуги. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал государственных услуг : [сайт]. – 2011. – 6 июня. – URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/187 (дата обращения: 21.03.2025).

393. 18th Waseda-IAC World Digital Government Ranking 2023 : [18-й Всемирный рейтинг цифрового правительства Waseda-IAC, 2023 г.] : report / Waseda University ; in cooperation with International Academy of CIO. – Текст : электронный // Waseda University : [сайт]. – 2023. – URL: https://idgwaseda.jp/pdf/2023_Digital_Government_Ranking_Report.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

394. Audit of Political Engagement 16: the 2019 report : [Аудит политической активности: отчет за 2019 год]. – Текст : электронный // Hansard Society : [сайт]. – 2019. – URL: assets.ctfassets.net (дата обращения: 15.02.2025).

395. Audit of Political Engagement 5: The 2008 Report with a special focus on the Constitution : [Аудит политической активности 5: отчет за 2008 год с особым акцентом на Конституции]. – Текст : электронный // Hansard Society : [сайт]. – 2008. – URL: https://assets.ctfassets.net/rdwvqctnt75b/5SzglVa4vKeKeIs8mQMsoK/

9059afcae6331ae286931742ec92a6f2/Audit_of_Political_Engagement_5__2008_.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

396. Brazilian Digital Transformation Strategy (E-Digital): 2022-2026 Cycle : [Бразильская стратегия цифровой трансформации (E-Digital): цикл 2022–2026 гг.]. – Текст : электронный // Governo do Brasil : [сайт]. – 2022. – URL: www.gov.br (дата обращения: 01.06.2025).

397. Civic Engagement : [Гражданская активность]. – Текст : электронный // OECD Better Life Index : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/civic-engagement/ (дата обращения: 29.01.2025).

398. Civic Engagement and Social Action - Community Life Survey 2020/21 : [Гражданская активность и социальные действия: Обзор общественной жизни 2020/21 гг.] : official statistics / Department for Digital, Culture, Media & Sport. – Текст : электронный // GOV.UK : [сайт]. – 2021. – 29 July. – URL: https://www.gov.uk/government/statistics/community-life-survey-202021-civic-engagement-and-social-action/civic-engagement-and-social-action-community-life-survey-202021 (дата обращения: 29.01.2025).

399. CrowdTaskSG : краудсорсинговый веб-портал Сингапура. – Текст : электронный // Smart Nation Singapore : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.crowdtask.gov.sg/ (дата обращения: 29.01.2025).

400. Danish Agency for Digital Government : [Датское агентство по цифровому правительству] : официальный сайт. – Текст : электронный // Digst.dk : [сайт]. – 2025. – URL: https://en.digst.dk (дата обращения: 11.01.2025).

401. Data.gov.uk : портал открытого правительства Великобритании. – Текст : электронный // Data.gov.uk : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.data.gov.uk (дата обращения: 23.10.2025).

402. Decide Madrid: portal de participación ciudadana del Ayuntamiento de Madrid. – Текст : электронный // Decide Madrid : [сайт]. – 2025. – URL: https://decide.madrid.es/ (дата обращения: 05.04.2025).

403. e-Democracia Câmara dos Deputados : [Палата депутатов: электронная демократия]. – Текст : электронный // Câmara dos Deputados : [сайт]. – 2025. – URL: https://edemocracia.camara.leg.br/ (дата обращения: 29.01.2025).

404. Enzerink, S. Three perspectives on government-as-a-platform / S. Enzerink. – Текст : электронный // Capgemini : [сайт]. – 2020. – 4 March. – URL: https://www.capgemini.com/insights/expert-perspectives/three-perspectives-on-government-as-a-platform/ (дата обращения: 03.04.2025).

405. GOV.UK : официальный сайт правительства Великобритании. – Текст : электронный // GOV.UK : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.gov.uk/ (дата обращения: 03.02.2025).

406. MijnOverheid : [Мое правительство] : платформа правительства Нидерландов. – Текст : электронный // Overheid.nl : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.overheid.nl/ (дата обращения: 03.04.2025).

407. MyGov : платформа Правительства Индии. – Текст : электронный // MyGov : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.mygov.in/ (дата обращения: 29.01.2025).

408. MyGov: An Overview : [MyGov: обзор]. – Текст : электронный // MyGov : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.mygov.in/overview/ (дата обращения: 17.02.2025).

409. National Education Policy 2020 : [Национальная политика в области образования 2020] / Ministry of Education, Government of India. – Текст : электронный // Ministry of Education : [сайт]. – 2020. – URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

410. Ondernemersplein : [Сайт правительства Нидерландов для бизнеса]. – Текст : электронный // Ondernemersplein : [сайт]. – 2025. – URL: https://ondernemersplein.kvk.nl/ (дата обращения: 03.04.2025).

411. Open Government Partnership : официальный сайт. – Текст : электронный // OGP : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.opengovpartnership.org/our-members/#national (дата обращения: 23.10.2025).

412. Rijksoverheid : [Сайт Правительства Нидерландов]. – Текст : электронный // Rijksoverheid : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.rijksoverheid.nl/ (дата обращения: 03.04.2025).

413. UNESCO Digital Library website. – Текст : электронный // UNESCO Digital Library : [сайт]. – 2025. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384031.locale=en (дата обращения: 05.03.2025).

414. Архив эссе, интервью и выступлений, касающихся Правительства 2.0 : семинар DC Law.Gov, спонсируемый Центром американского прогресса. – Текст : электронный // O'Reilly : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.oreilly.com/tim/gov2/ (дата обращения: 19.10.2025).

415. Архивированный контент веб-сайта State.gov. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – 2017. – URL: https://2009-2017.state.gov/r/pa/wm/egov/index.htm (дата обращения: 15.02.2025).

416. Государственные услуги : официальный портал. – Текст : электронный // Госуслуги : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.gosuslugi.ru (дата обращения: 19.07.2025).

417. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : официальный сайт. – Текст : электронный // Минцифры России : [сайт]. – 2025. – URL: https://digital.gov.ru (дата обращения: 19.01.2025).

418. Национальные проекты – 2022: цифровая экономика. – Текст : электронный // ВЦИОМ : [сайт]. – 2022. – 13 апр. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2022-cifrovaja-ehkonomika (дата обращения: 19.01.2025).

419. О проекте. – Текст : электронный // Администрация города Тюмени : [сайт]. – 2025. – URL: https://dom.tyumen-city.ru/ir/o-proekte/ (дата обращения: 10.03.2025).

420. О проекте. – Текст : электронный // Активный гражданин : [сайт]. – 2025. – URL: ag.mos.ru (дата обращения: 11.03.2025).

421. О проекте. – Текст : электронный // Активный гражданин : [сайт]. – 2025. – URL: https://ag.mos.ru/about (дата обращения: 27.03.2025).

422. Система 311 города Сакраменто : официальный сайт. – Текст : электронный // City of Sacramento : [сайт]. – 2025. – URL: https://www.cityofsacramento.gov/information-technology/311 (дата обращения: 14.02.2025).

423. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения. – Текст : электронный // ВЦИОМ : [сайт]. – 2023. – 10 авг. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija (дата обращения: 29.01.2025).

424. Теория государства и права : учебное пособие / под редакцией А. В. Юрковского. – Текст : электронный // Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ : [сайт]. – Иркутск, 2016. – 620 с. – URL: http://213.171.58.226:22289/Fmt6qU01/2016/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%B5.%20%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D0%B8%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

425. Федеральная налоговая служба. – Текст : электронный // ВКонтакте : [социальная сеть]. – 2025. – URL: https://vk.com/nalog_gov_ru (дата обращения: 20.11.2025).

426. Центральный банк Российской Федерации. – Текст : электронный // ВКонтакте : [социальная сеть]. – 2025. – URL: https://vk.com/cbr_official (дата обращения: 20.01.2025).

427. Электронное голосование: новые технологии меняют электоральные привычки. – Текст : электронный // ВЦИОМ : [сайт]. – 2024. – 13 сент. – URL: wciom.ru (дата обращения: 18.01.2025).

Иные источники

428. World Happiness Report 2024. – Текст : электронный // World Happiness Report : [сайт]. – 2024. – 20 March. – URL: https://worldhappiness.report/ed/2024/happiness-of-the-younger-the-older-and-those-in-between/#ranking-of-happiness-2021-2023 (дата обращения: 12.03.2025).

429. Выступление О’Рейли (запись 2010 года). – Текст : электронный // YouTube : [видеохостинг]. – 2010. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=xBROaBbiHIM (дата обращения: 19.10.2025).

430. Лучшие практики инициативного бюджетирования в Российской Федерации в 2017–2020 годах / В. В. Вагин, Н. А. Шаповалова, В. А. Паксиваткина [и др.]. – Москва : Сам Полиграфист, 2021. – 264 с. – ISBN 978-5-00166-508-3. – Текст : непосредственный.

431. Платформенная экономика в России: потенциал развития : аналитический доклад / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьянова [и др.] ; под редакцией Л. М. Гохберга [и др.] ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 72 с. – ISBN 978-5-7598-3001-6. – Текст : непосредственный.

432. Положение о первой всеобщей переписи населения Российской Империи // Правительственный вестник. – 1895. – 25 июля (6 авг.). – № 160. – Текст : непосредственный.

Приложение А
(обязательное)

Результаты проведенного социологического исследования на тему: «Участие российских граждан в публичном управлении: тенденции, вызовы и перспективы»

Общее количество респондентов-граждан РФ в возрасте от 18 до 65 лет – 1 630 человек.

Формат опроса – комбинированный: электронные анкеты, личный диалог, диалог по телефону.

Формат интервьюирования – личный диалог, диалог по телефону.

Период проведения исследования – январь-март 2025 года.

Цель социологического исследования – выявить актуальный уровень участия граждан в управлении делами государства, тенденции его развития, вызовы и перспективы в условиях новой социально-политической реальности.

Задачи исследования в соответствии с поставленной целью:

– определить степень активности респондентов на федеральном, региональном и муниципальном уровне принятия решений;

– отметить значимость цифровых инструментов участия для респондентов;

– выявить факторы сопротивления для наращивания гражданско-политической активности респондентов;

– уточнить мотивацию респондентов в контексте участия в публичном управлении;

– исследовать культуру участия респондентов (или (и) ее составные элементы);

– раскрыть ожидания интервьюированных респондентов от реализации модели государства участия в России.

Представление результатов социологического исследования – систематизированные первичные данные и выявленные на их основе соотношения.

Характеристика респондентов

Таблица А.1 – Распределение респондентов по возрасту

Возраст	Кол-во человек	Доля
18 – 25 лет	534 чел.	32,8 %
26 – 35 лет	424 чел.	26 %
36 – 49 лет	457 чел.	28 %
50 – 65 лет	215 чел.	13,2 %

Таблица А.2 – Распределение респондентов по типу местности проживания

Тип местности	Кол-во человек	Доля
городская	1158 чел.	71 %
сельская	472 чел.	29 %

Таблица А.3 – Распределение респондентов по образованию

Образование	Кол-во человек	Доля
2 и более высших / ученая степень	54 чел.	3,3 %
оконченное высшее	412 чел.	25,3 %
неоконченное высшее	867 чел.	53,2 %
среднее специальное	198 чел.	12,1 %
среднее	99 чел.	6,1 %

Таблица А.4 – Распределение респондентов по статусу в трудовой иерархии

Группа	Кол-во человек	Доля
Руководители	106 чел.	6,5 %
Средний менеджмент	503 чел.	30,9 %
Профессионалы	742 чел.	45,5 %
Исполнители	279 чел.	17 %

Таблица А.5 – Распределение респондентов в зависимости от сферы деятельности

Сфера	Кол-во человек	Доля
Производство	647 чел.	39,7 %
Наука/образование	81 чел.	5 %
Торговля	255 чел.	15,6 %
Оказание услуг	294 чел.	18,1 %
Здравоохранение	49 чел.	3 %
IT-сектор	103 чел.	6,3 %
Сельское хозяйство	38 чел.	2,3 %
Не определена	163 чел.	10 %

Таблица А.6 – Распределение респондентов по уровню дохода

Доход	Кол-во человек	Доля
высокий (более 150 тыс. руб. в месяц)	189 чел.	11,7 %
выше среднего (от 100 до 150 тыс. руб. в месяц)	437 чел.	26,8 %
средний (от 40 до 99 тыс. руб. в месяц)	667 чел.	40,9 %
ниже среднего (от 25 до 39 тыс. руб. в месяц)	144 чел.	8,8 %
низкий (до 25 тыс. руб. в месяц)	193 чел.	11,8 %

Таблица 7 – Распределение респондентов по статусу занятости

Группа	Кол-во человек	Доля
Наемный работник	704 чел.	43,2 %
Предприниматель (самозанятый, ИП, юр. лицо)	489 чел.	30 %
Временно не работающий по объективным причинам (декрет, медицинские показания и пр.)	289 чел.	17,7 %
Безработный	148 чел.	9,1 %

Таблица А.8 – Распределение респондентов в зависимости от состава семьи (наличия на иждевении социально-незащищенных представителей общества)[1]

Параметр наличия	Кол-во человек	Доля
1-2 детей	1171 чел.	71,8 %
3 и более детей	201 чел.	12,3 %
инвалиды (дети-инвалиды)	49 чел.	3 %
отсутствуют	329 чел.	20,2 %

[1] Общее количество учтенных голосов превышает количество респондентов ввиду возможности выбора нескольких вариантов ответа.

Результаты опроса

Этап 1. Оценка степени политической активности респондентов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях

Таблица А.9 – Результаты опроса относительно участия респондентов в публичном управлении

Вопрос	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Голосовали ли вы на последних федеральных выборах?	1198 (73,5 %)	432 (26,5 %)	0 (0 %)
Участвуете ли вы в официальном обсуждении нормативных правовых актов и иных административных решений?	21 (1,3 %)	1609 (98,7 %)	0 (0 %)
Являетесь ли вы членом какой-либо федеральной политической партии или движения?	11 (0,7 %)	1589 (97,5 %)	30 (1,8 %)
Выдвигали ли вы общественную инициативу на федеральном уровне?	1 (0,1%)	1629 (99,9 %)	0 (0 %)
Голосовали ли вы на последних региональных выборах?	562 (34,5 %)	1068 (65,5 %)	0 (0 %)
Участвуете ли вы в региональных политических мероприятиях или акциях?	34 (2,1 %)	1596 (97,9 %)	0 (0 %)
Знаете ли вы своих региональных представителей в органах власти?	403 (24,7 %)	849 (52,1 %)	378 (23,2 %)
Голосовали ли вы на последних муниципальных выборах?	308 (18,9 %)	1322 (81,1 %)	0 (0 %)
Участвуете ли вы в местных общественных слушаниях или собраниях?	98 (6 %)	1517 (93,1 %)	15 (0,9 %)
Вовлечены ли вы в деятельность местного самоуправления или инициативные группы вашего района/города?	387 (23,7 %)	941 (57,8 %)	302 (18,5 %)
Подписывали ли вы петиции или обращения к властям?	209 (12,8 %)	1414 (86,8 %)	7 (0,4 %)
Участвовали ли вы в политических митингах, демонстрациях или акциях протеста?	19 (1,2 %)	1611 (98,8 %)	0 (0 %)
Вносили ли вы предложения по улучшению работы органов власти?	33 (2 %)	1597 (98 %)	0 (0 %)

Этап 2. Оценка значимости для респондентов цифровых инструментов участия в государственном управлении

Таблица А.10 – Результаты опроса относительно применения цифровых инструментов для участия респондентов в публичном управлении

Вопрос	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Знакомы ли вы с цифровыми инструментами участия в государственном управлении? (например, электронные петиции, онлайн-голосования, платформы для обсуждения законопроектов)	1118 (68,6 %)	480 (29,4 %)	32 (2 %)
Использовали ли вы цифровые инструменты участия в государственном управлении за последний год?	761 (46,7 %)	869 (53,3 %)	0 (0 %)
Часто ли вы пользуетесь цифровыми инструментами для получения государственных услуг?	1231 (75,5 %)	360 (22,1 %)	39 (2,4 %)
Являются ли цифровые инструменты для участия в государственном управлении эффективными, по вашему мнению?	969 (59,4 %)	440 (27 %)	221 (13,6 %)
Предпочитаете ли вы использовать цифровые инструменты для участия в государственном управлении вместо традиционных методов (личное обращение, письма, участие в оффлайн-мероприятиях)?	1062 (65,2 %)	526 (32,3 %)	42 (2,5 %)
Сталкивались ли вы с трудностями при использовании цифровых инструментов участия в государственном управлении?	214 (13,1 %)	541 (33,2 %)	875 (53,7 %)
Считаете ли вы, что цифровые инструменты участия в государственном управлении достаточно защищены от манипуляций и вмешательства?	853 (52,3 %)	199 (12,2 %)	578 (35,5 %)
Изменилось ли ваше отношение к государственному управлению (участию в нем) после использования цифровых инструментов?	688 (42,2 %)	1322 (33,6 %)	394 (24,2 %)

А.1 Диаграмма оценки эффективности цифровых инструментов гражданского участия

Рисунок А.1 – Оценка респондентами эффективности цифровых инструментов гражданского участия

А.2 Диаграмма преимуществ цифровых инструментов гражданского участия

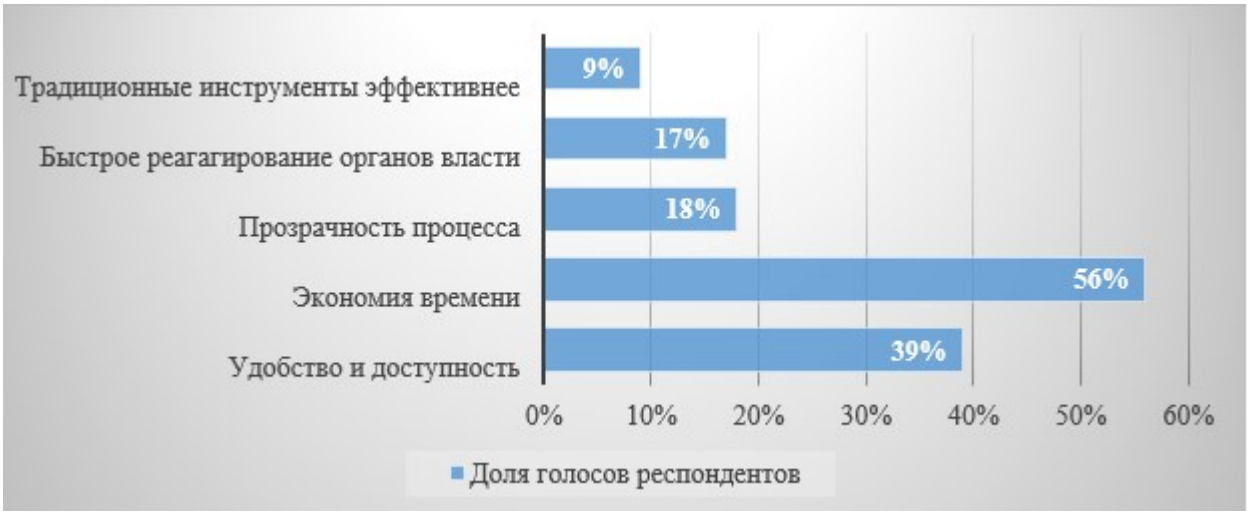

Рисунок А.2 – Преимущества цифровых инструментов гражданского участия по мнению респондентов

А.3 Диаграмма сложности цифрового участия

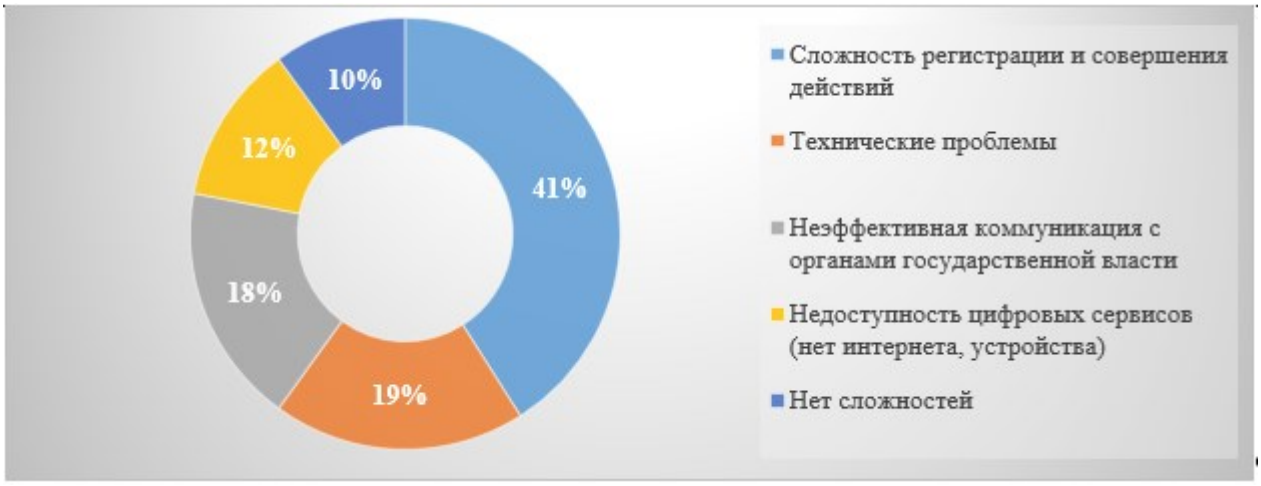

Рисунок А.3 – Трудности цифрового участия по мнению респондентов

Результаты интервьюирования 39 граждан, оставивших обширные комментарии в соответствующих полях опросного листа:

а) *Какие улучшения или новые функции вы бы хотели видеть в цифровых инструментах участия в государственном управлении? Есть ли у вас предложения по повышению эффективности и доступности цифровых инструментов для граждан?*

Отвечая на данные вопросы, 22 респондента (56,4 %) высказали пожелание о наращивании информированности по поводу возможностей цифрового участия в делах государства. Фразой опрошенного, обобщающей полученную обратную связь уместно считать: « … цифровые сервисы (прим. автора: речь о портале Госуслуг) – это удобно, я получаю там почти все нужные услуги, не посещая госорганы. Участие в жизни государства, не отрываясь от жизни – отличная идея, правда я не слышал о подобном, кроме дистанционного голосования, наверное. … ». Стоит отметить, что 17 респондентов (43,6 %), не отметивших необходимость информирования о цифровых возможностях участия, являются жителями Москвы и активными пользователями местных электронных сервисов.

Одновременно 17 (43,6 %) респондентов отметили необходимость упрощения процедуры электронного участия, сокращения количества шагов и

дополнение цифровых платформ развлекательными элементами или контентом. В частности, 11 (28,2 %) человек подчеркнули потенциальное удобство осуществления участия с личных страниц в социальных сетях, мотивировав такое пожелание длительностью пользования ими в течение дня и наличием в процессе такого пользования «свободного» ресурса, который обычно расходуется на скроллинг ленты новостей. Данные респонденты сошлись во мнении, что заместить время бесполезного пользования соцсетями участием в государственных делах будет, как минимум, полезно в личностном контексте, а как максимум, эффективно для России.

б) *Расскажите о вашем положительном или отрицательном опыте использования цифровых инструментов участия в государственном управлении.*

13 респондентов (33,3 %) осветили свой негативный опыт, связанный с частыми техническими сбоями в работе цифровых инструментов участия. Менее частой проблемой, по мнению интервьюируемых (3 респондента (7,7 %) выступает «необходимость предоставлять дополнительные документы и уточнять данные, итак указанные в обращении» (речь идет о процессах формирования негативного отзыва о работе государственных органов и подачи жалоб).

При этом, 26 (66,7 %) опрошенных гражданина предпочли осветить только положительный опыт пользования цифровых сервисов участия, отметив при этом существенную экономию времени, быструю коммуникацию с представителями органов государственной власти в рамках предмета обращения, а также возможность ощущать себя частью России, частью механизма принятия решений.

Отдельным аспектом обсуждения стал опыт использования электронных инструментов участия на местном и региональном уровне. В этом отношении позитивным опытом поделились 17 человек – жителей столицы, которые отметили, помимо прочего, постепенное объединение всех цифровых возможностей по принципу экосистемы. Такой подход, по словам интервьюируемых, позволяет вовлекаться в решение местных процессов принятия решений незаметно для себя, но с видимой пользой для города. Также представители данной группы граждан

выделяют неординарность и новизну включения элементов виртуального поощрения и соревновательности в процесс городского публичного управления (такой подход принято относить к элементам геймификации).

Этап 3. Оценка факторов сопротивления для наращивания гражданско-политической активности респондентов

Таблица А.11 – Результаты опроса относительно факторов, препятствующих политической активности граждан

Вопрос	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Вам интересно участвовать в управлении делами государства?	785 (48,1 %)	412 (25,3 %)	433 (26,6 %)
Считаете ли вы, что ваше участие может оказать реальное влияние на решения, принимаемые на уровне государства?	400 (24,6 %)	618 (37,9 %)	612 (37,5 %)
Есть ли у вас ощущение, что мнение граждан игнорируется при принятии государственных решений?	866 (53,1 %)	341 (20,9 %)	423 (26 %)
Сталкивались ли вы с трудностями или бюрократическими препятствиями при попытке участвовать в управлении делами государства?	303 (18,6 %)	408 (25 %)	919 (56,4 %)
Легко ли вам найти информацию о том, как можно участвовать в управлении делами государства?	515 (31,6 %)	910 (55,8 %)	205 (12,6 %)
Считаете ли вы, что государственные органы предоставляют достаточно информации о возможностях участия граждан?	515 (31,6 %)	963 (59,1 %)	152 (9,3 %)
Имеете ли вы достаточно времени для участия в управлении делами государства?	298 (18,3 %)	1296 (79,5 %)	36 (2,2 %)
Считаете ли вы, что для эффективного участия в управлении государством требуются специальные знания или ресурсы, которых у вас нет?	1338 (82,1 %)	261 (16 %)	31 (1,9 %)
Вы доверяете государственным институтам и их представителям?	455 (27,9 %)	512 (31,4 %)	663 (40,7 %)
Влияет ли ваше доверие к власти на ваше желание участвовать в управлении государственными делами?	1408 (86,4 %)	109 (6,7 %)	113 (6,9 %)
Влияет ли на ваше стремление участвовать в управлении государством общественное мнение?	609 (37,4 %)	814 (49,9 %)	207 (12,7 %)

А.4 Диаграмма оценки препятствий в процессе участия в управлении делами государства

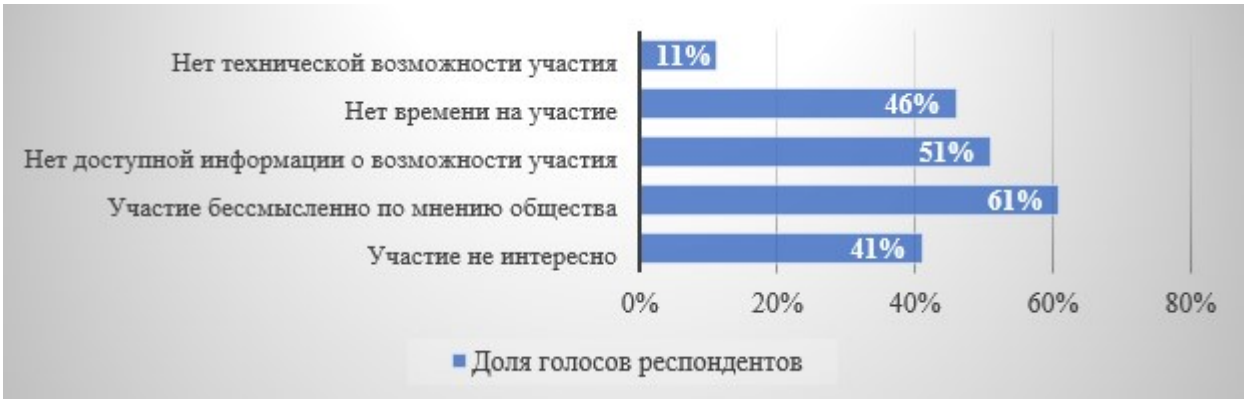

Рисунок А.4 – Оценка препятствий респондентов в процессе участия в управлении делами государства

Результаты интервьюирования 42 граждан, оставивших обширные комментарии в соответствующих полях опросного листа:

Какие шаги государства, по вашему мнению будут желательными и эффективными для сокращения количества или нивелирования выявленных препятствий к гражданскому участию?

Отвечая на данный вопрос, 42 интервьюированных в той или иной степени назвали желательными такие действия со стороны государства[1]:

– упрощение порядка участия (использование помощи волонтеров в проведении сбора мнений на рабочих местах, размещение пунктов сбора мнений в местах частого пользования) – 21 респондент (50 %);

– повышение доступности информирования о возможностях и результатах участия (размещение наглядной информации о возможностях участия в лифтах, в транспорте, в многофункциональных центрах, в медицинских учреждениях и иных пространствах, где граждане проводят длительное время) – 20 респондентов (47,6 %);

[1] Собеседники называли несколько типов мероприятий, в связи с чем общее число голосов превышает количество интервьюированных.

– демонстрация прямых результатов гражданского участия на местном и региональном уровнях (речь шла о показательных примерах, которые убедят население в наличии видимого результата участия) – 17 респондентов (40,5 %).

Этап 4. Оценка мотивации респондентов в контексте участия в публичном управлении

Таблица А.12 – Результаты опроса относительно мотивации политической активности граждан

Вопрос	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Вы считаете, что участие в публичном управлении может внести реальные изменения в общество?	518 (31,8 %)	1036 (63,6 %)	76 (4,6 %)
Чувствуете ли вы, что ваше мнение важно для местных властей?	109 (6,7 %)	1503 (92,2 %)	18 (1,1 %)
Согласны ли вы с утверждением, что публичное управление в вашем регионе прозрачно и открыто?	421 (25,8 %)	699 (42,9 %)	510 (31,3 %)
Готовы ли вы уделять свое личное время для участия в публичном управлении?	304 (18,7 %)	1211 (74,3 %)	115 (7 %)
Чувствуете ли вы, что участие в публичном управлении требует от вас слишком много усилий?	929 (57 %)	301 (18,5 %)	400 (24,5 %)
Были ли вы когда-нибудь разочарованы результатами участия в публичном управлении?	489 (30 %)	511 (31,3 %)	630 (38,7 %)
Выступает ли мотивом для участия исполнение гражданского долга?	688 (42,2 %)	326 (20 %)	616 (37,8 %)
Выступает ли мотивом для участия возможность/желание решить проблемы, улучшить ситуацию?	414 (25,4 %)	733 (45 %)	483 (29,6)
Зависит ли мотивация к участию в выборах (на любом уровне) от личности и политической позиции кандидатов?	527 (32,3 %)	949 (58,2 %)	154 (9,5 %)
Есть ли в вашем окружении люди, активно участвующие в делах государства?	155 (9,5 %)	1155 (70,9 %)	320 (19,6 %)
Есть ли в вашем окружении люди, критикующие/обесценивающие участие в делах государства?	869 (53,3 %)	688 (42,2 %)	73 (4,5 %)
Смогли бы дополнительные стимулы нарастить интерес к участию в публичном управлении?	1001 (61,4 %)	297 (18,2 %)	332 (20,4 %)

А.5 Диаграмма оценка потенциала инновационных подходов к стимулированию гражданской активности

Рисунок А.5 – Оценка респондентами потенциала инновационных подходов к стимулированию гражданской активности

Результаты интервьюирования 43 граждан, оставивших обширные комментарии в соответствующих полях опросного листа:

Какие инструменты мотивации способны, по вашему мнению, сформировать ощутимые стимулы для гражданского участия в государственном управлении на всех уровнях?

Отвечая на данный вопрос, 43 интервьюированных назвали потенциально полезными такие стимулы[1]:

– прямо материальные (денежные поощрения от власти в виде выплат или надбавок к заработной плате/пенсии/пособиям) – 20 респондентов (46,5 %);

– косвенные материальные (предложение государством ряда налоговых или иных льгот за активное участие гражданина в публичном управлении) – 22 респондента (51,2 %);

[1] Собеседники называли несколько типов мероприятий, в связи с чем общее число голосов превышает количество интервьюированных.

– общественное признание активно участвующих граждан (размещение данных о таких граждан в местных/региональных СМИ, на досках почета, сайтах и т. д.) – 15 респондентов (34,9 %);

– введение соревновательного контекста (рейтинги, баллы, награды, как виртуальные, так и физические) – 13 респондентов (30,2 %);

– предоставление административных поощрений (дополнительный выходной день, дополнительный день к отпуску и пр.) – 18 респондентов (41,9 %).

Этап 5. Оценка культуры участия респондентов (или (и) ее составных элементов)

Таблица А.13 – Результаты опроса относительно культуры участия граждан

Вопрос	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Вы интересуетесь политикой и вопросами государственного управления?	1104 (67,7 %)	526 (32,3 %)	0 (0 %)
Обсуждаете ли вы политические вопросы с друзьями/коллегами/родственниками?	1039 (63,7 %)	591 (36,3 %)	0 (0 %)
По вашему мнению, общество интересуется вопросами публичного управления?	333 (20,4 %)	908 (55,7 %)	389 (23,9 %)
Вы знаете, как и где можно выразить свое мнение по вопросам публичного управления?	993 (60,9 %)	521 (32 %)	116 (7,1 %)
Участвовали ли вы когда-либо в голосованиях, публичных слушаниях, общественных обсуждениях или иных формах публичного участия?	1396 (85,6 %)	234 (14,4 %)	0 (0 %)
Считаете ли вы, что ваше участие в публичных инициативах может привести к конкретным изменениям?	401 (24,6 %)	762 (46,7 %)	467 (28,7 %)
Считаете ли вы, что у вас достаточно информации и знаний для активного участия в публичном управлении?	313 (19,2 %)	1202 (73,7 %)	115 (7,1 %)
Есть ли в вашей семье традиции/ценности, связанные с участием в выборах и иных политических мероприятиях?	569 (34,9 %)	788 (48,3 %)	273 (16,7 %)
Прививаете ли вы своим детям культуру участия?	236 (14,5 %)	1109 (68 %)	285 (17,5 %)
Как вы считаете, государство делает достаточно для вовлечения граждан в совместное управление?	443 (27,2 %)	991 (60,8 %)	196 (12 %)

А.6 Диаграмма мнений на проблемы формирования культуры участия в современной России

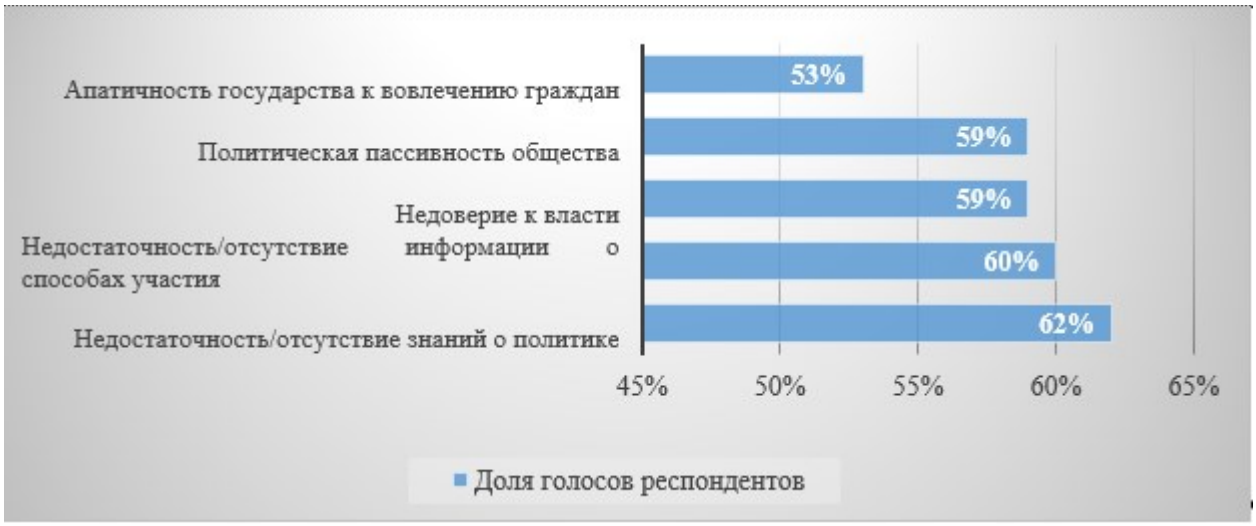

Рисунок А.6 – Взгляды респондентов на проблемы формирования культуры участия в современной России

Результаты интервьюирования 41 гражданина, оставивших обширные комментарии в соответствующих полях опросного листа:

Какие меры, по вашему мнению, помогут сформировать культуру гражданского участия россиян в публичном управлении?

Отвечая на данный вопрос, 41 интервьюированных в той или иной степени назвали необходимыми такие действия государственной администрации[1]:

– просветительская работа в дошкольных и школьных учреждениях, а также в высших учебных заведениях – 31 респондент (75,6 %);

– демонстрация вклада граждан в управление на примере конкретных проектов/решений – 19 респондентов (44,2 %);

– создание условий для быстрого, удобного, безопасного выражения гражданской позиции – 13 респондентов (30,2 %);

[1] Собеседники называли несколько типов мероприятий, в связи с чем общее число голосов превышает количество интервьюированных.

– формирование новых и возрождение забытых традиций русского народа, связанных с участием в делах государства – 10 респондентов (23,3 %).

Приложение Б
(обязательно)

ПРОЕКТ

СТРАТЕГИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ «ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА»

I. Общие положения

1. Настоящей Стратегией определяются цель и основные задачи вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения, устанавливаются принципы, основные направления государственной политики в этой области и меры по ее реализации, а также ожидаемые результаты реализации настоящей Стратегии, обеспечивающие эффективное, устойчивое, динамичное и сбалансированное взаимодействие государства и общества в сфере публичного управления.

2. Правовую основу настоящей Стратегии составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

3. Настоящая Стратегия направлена на вовлечение граждан Российской Федерации в публично-властные отношения для реализации модели совместного управления, и основ демократии, определенных в Конституции Российской Федерации и документах стратегического планирования, разработанных в рамках целеполагания на федеральном уровне.

4. В настоящей Стратегии используются следующие основные понятия:

а) вовлечение граждан – процесс систематического и целенаправленного включения населения в формирование, обсуждение, реализацию и контроль государственной политики, в целях повышения прозрачности и эффективности государственного управления;

б) геймификация – применение элементов игрового дизайна и механик в неигровых контекстах, в том числе в государственном управлении;

в) государство участия – основанная на принципах прозрачности, открытости

и ответственности модель государственного управления, предполагающая активное и систематическое вовлечение граждан в процессы формирования, обсуждения и реализации государственной политики на всех уровнях власти;

г) инструменты участия – механизмы и процедуры, обеспечивающие взаимодействие населения с государственными структурами в процессе формирования, обсуждения, реализации и мониторинга государственной политики;

д) культура участия – устойчивая система знаний, ценностей, норм и практик, способствующих активному включению граждан в процессы формирования, обсуждения и реализации государственной политики, а также контроля за действиями органов государственной власти;

е) публично-властные отношения - отношения, которые складываются между государственными органами и частными лицами (физическими или юридическими), а также между самими государственными органами в процессе осуществления управленческой деятельности;

ж) пункты участия – места, предназначенные для реализации гражданами своего права на участие в управлении государственными делами;

з) совместное управление - активное взаимодействие и партнерство между государством и обществом, направленное на рост эффективности управления, усиление легитимности власти и повышение качества жизни граждан через демократизацию процесса принятия решений и усиление гражданской ответственности;

и) участие (граждан) в публично-властных отношениях (далее – участие, гражданское участие, общественное участие) - активное включение граждан в процесс взаимодействия с государственными органами в рамках реализации и функционирования государственной власти и управления;

к) цифровой разрыв – социально-экономическое явление, которое характеризуется диспропорцией в доступе к цифровым технологиям, уровнем цифровой грамотности и возможностями использования цифровых инструментов для участия в процессах государственного управления и получения государственных услуг;

л) цифровые инструменты участия - технологические решения (приложения, платформы, программы и пр.), предназначенные для фасилитации прямого и косвенного участия граждан в процессах государственного управления.

5. Для реализации настоящей Стратегии необходима консолидация усилий, предпринимаемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, научно-образовательным сообществом, институтами гражданского общества, гражданами по созданию благоприятных условий и

эффективных механизмов для осуществления диалога в интересах и предметных областях социально-экономического и пространственного развития России.

6. Научные и образовательные организации, иные организации, осуществляющие воспитательную и образовательную деятельность, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, некоммерческие организации и иные структуры, выступающие субъектами вовлечения граждан РФ в публично-властные отношения и находящиеся в их распоряжении инструменты должны обеспечивать целостность и единство реализации политики вовлечения и предпринимаемых в ее рамках мер.

7. Настоящая Стратегия является основой для разработки отраслевых документов стратегического планирования в области вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения, государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, муниципальных программ, стратегических и программных документов фондов поддержки научной деятельности, институтов инновационного развития.

II. Роль информационных технологий в обеспечении устойчивой модели государственного управления

8. Настоящая Стратегия разработана в условиях, когда высокий темп цифровизации всех сфер общественной жизни является ключевым фактором, определяющим эффективность государственного управления.

9. Обширная территория России и географические особенности размещения ее населения во все времена требовали от администрации особого подхода к моделированию управленческих процессов. Необходимость широкого охвата и одновременно оперативности публичного управления стали основными предпосылками к цифровизации, особенно в контексте перехода страны к рыночной экономике и увеличением количества и типов отношений, складывающихся внутри страны. После распада СССР, с опорой на зарубежный опыт начался процесс развития отечественной IT-индустрии и модернизация государственного управления. Богатый кадровый и научно-исследовательский потенциал страны, сформировавшийся еще в союзный период, стал основным активом для становления института цифровизации.

10. В 1991 году с образованием Российской Федерации и переходом к рыночной экономике возникла необходимость оптимизации государственного регулирования. С точки зрения развития информационных технологий публичного управления в России с 1991 года выделяются три значимых этапа:

а) 1991 – 2001 годы - этап кризисной оптимизации и адаптации к новым социально-экономическим и политическим условиям, когда, с началом реформ впервые осуществилось внедрение информационных технологий в деятельность государственных структур (первичное введение компьютерных технологий в работу органов власти, создание первых информационных систем и баз данных);

б) 2002 – 2021 годы – этап перехода России к инновационной модели государственного управления, который сопровождался масштабной автоматизацией государственных услуг и запуском электронных платформ, таких как портал «Госуслуги» (в 2009 году), а также внедрением комплексных информационных систем управления, и началом использования больших данных для аналитики и принятия решений;

в) с 2022 года по настоящее время - этап дальнейшего активного развития цифровой инфраструктуры государственного управления с акцентом на усиление мер кибербезопасности и применение передовых технологий, таких как искусственный интеллект и блокчейн, улучшение качества и безопасности государственных услуг, интеграцию всех уровней и элементов системы публичного управления в цифровую экосистему.

11. В настоящее время цифровизация публичного управления служит основой эффективного администрирования, создавая необходимые предпосылки и условия для обоснованного, сбалансированного и эффективного взаимодействия власти с гражданами, обеспечения их прав и законных интересов. Применение электронных платформ и инструментов для удаленного получения населением социально-значимых услуг позволило существенно нарастить клиентоцентричность публичного управления. Однако, несмотря на достигнутые успехи цифровизации российского правительства, сегодня сохраняются следующие негативные тенденции:

а) недостаточное взаимодействие между государственными органами разных уровней в процессе внедрения технологических инноваций, формирующее неоднозначные общие результаты цифровизации публичного управления;

б) технические, организационные и кадровые сложности в интеграции новых цифровых решений в существующие системы публичного управления;

в) неоднородность уровня цифровизации по регионам России;

г) концентрация инновационных цифровых управленческих решений в ограниченном числе регионов страны;

д) следование глобальным трендам электронного администрирования без комплексных оценки и учета текущих и будущих запросов российского общества;

е) наблюдаемый в отдельных социально-демографических группах цифровой разрыв, не позволяющий населению в должной мере использовать преимущества электронного правительства;

ж) сопротивление устоявшейся системы государственного управления внедрению цифровых инноваций с организационной и кадровой точек зрения.

12. Тенденции, перечисленные в пункте 11 настоящей Стратегии, создают риски неравномерной цифровизации процессов государственного управления, в том числе, процессов оказания государственных услуг населению, и обесценивания обществом достигнутого прогресса и текущих усилий Правительства РФ по формированию комфортной цифровой среды. Существующие проблемы замедляют переход России к модели управления, основанной на участии граждан, поскольку именно цифровые технологии, их распространение и эффективное применение выступают залогом полноценного общественно-властного диалога.

III. Стратегические ориентиры и возможности вовлечения граждан в публично-властные отношения.

Вызовы для общества и государства

13. Воплощение демократических основ государственного управления и реализация конституционных прав граждан на прямое и опосредованное участие в принятии административных решений – основа существования и развития Российской Федерации, которая определяется, в том числе, комплексом внешних и внутренних (по отношению к области публичного управления) факторов, формирующих систему вызовов.

14. Вызовы создают существенные риски для гражданского общества и системы государственного управления, но одновременно представляют собой важный фактор для появления новых возможностей и перспектив развития совместного управления и государства участия. При этом граждане России (гражданское общество) являются ключевым инструментом для ответа на эти вызовы, играя ключевую роль в обеспечении транспарентного и эффективного публичного управления.

15. Наиболее значимыми вызовами для развития государственного управления и общества в современной России являются:

внешние:

а) частичная зависимость России от импорта цифровых технологий и программного обеспечения, замедляющая темп развития и интенсивность внедрения электронных инструментов государственного управления;

б) активное информационное давление на российское население, спровоцированное недружественными странами и направленное на дискредитацию правительственных решений и патриотических настроений граждан;

в) политическая напряженность, вызванная проведением специальной военной операции на территории Украины, создающая реальную угрозу конфронтации российского общества;

г) внешнеполитические события и процессы, требующие значительных финансовых вливаний и перераспределения расходной части бюджета;

внутренние административные:

д) отсутствие системных усилий власти по популяризации гражданского участия;

е) неготовность нормативной правовой среды для вовлечения граждан в публично-властные отношения и формирования новых каналов и способов участия;

ж) исключение компонентов воспитания гражданственности из образовательных стандартов (или их игнорирование);

з) сопротивление инновациям в структурах государственных органов, вызванное недостаточным уровнем цифровой компетенции государственных служащих и сотрудников органов исполнительной власти;

и) локализация позитивной практики вовлечения граждан в процессы государственного управления в отдельных регионах и муниципалитетах;

к) недостаточное финансирование научного, образовательного, воспитательного и административного процессов, связанных с разработкой и реализацией стратегий и мер по вовлечению граждан в публичное управление;

внутренние общественные:

л) исторически сложившееся недоверие россиян к власти, формирующее аполитичные настроения и политическую пассивность общества;

м) неразвитая культура участия граждан, сопровождающаяся стагнацией их правовой и политической грамотности;

н) сопротивление значительной части российского общества процессам цифровизации, и цифровой разрыв, вызванный социально-демографическими факторами.

16. Глобальная цифровизация общества и переход к новой модели государственного управления приводят к возникновению следующих важных для государственного администрирования факторов:

а) существенное ускорение внутригосударственных процессов предоставления услуг населению за счет непрерывной цифровизации алгоритмов администрирования;

б) размывание (расширение) границ компетенции государственных органов в условиях тотального межведомственного электронного взаимодействия;

в) резкое увеличение объема данных и информации, возникновение принципиально новых способов работы с ними и усложнение форм организации,

аппаратных и программных инструментов государственного администрирования;

г) рост требований к квалификации сотрудников государственных органов, в том числе в созданной в РФ сети многофункциональных центров и иных организаций, входящих в систему «единого окна»;

д) возрастание роли общественного мнения, выражаемого в электронной форме.

17. С учетом формирования государственной политики в области вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения в условиях внешних и внутренних вызовов требуется научное обоснование мер, которые государство и общество должны предпринять для активизации диалога. Особую значимость в текущих условиях приобретает создание эффективной, целостной и сбалансированной системы стратегического целеполагания, планирования и прогнозирования вовлечения российских граждан в публично-властные отношения, изменения приоритетов в данной области и на этой базе обеспечение и укрепление основы для реагирования на новые вызовы.

18. Реакцией на внешние и внутренние вызовы должно стать расширение каналов и способов взаимодействия государства и общества, в частности с активным внедрением инновационных цифровых решений, отвечающих в первую очередь потребностям населения.

19. Ключевую роль в подготовке модели управления российским государством к новым вызовам должна сыграть работа с личным и коллективным сознанием, формирующая культуру участия и отслеживающая факторы сопротивления в целях их дальнейшего нивелирования.

Приоритеты и перспективы вовлечения граждан в публично-властные отношения

20. Формирование государственной политики в области вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения предполагает учет следующих приоритетов:

а) обеспечение открытого доступа к информации о деятельности государственных органов, планах, решениях и их исполнении;

б) развитие платформ общественного участия;

в) укрепление институтов гражданского общества;

г) повышение роли образования;

д) усиление механизмов прямой демократии и обратной связи на всех уровнях управления;

е) интеграция общественного мнения в процесс принятия решений;

ж) развитие культуры диалога и участия.

21. Конституционные основы государственного управления в России указывают на определяющую роль граждан в данном процессе. Поэтому, развитие общественно-властного диалога открывает значимые перспективы для построения новой эффективной и прозрачной модели публичного управления:

а) обеспечение транспарентности государственного регулирования на всех уровнях за счет формирования и использования цифровых инструментов участия граждан на каждом этапе принятия административных решений: от обсуждения до контроля исполнения;

б) принятие более эффективных и экологичных управленческих решений, отвечающих реальным потребностям общества;

в) наращивание качества жизни населения за счет прямого участия граждан в формировании среды и условий развития, выражения своих желаний и потребностей;

г) эффективное распределение ресурсов государства и общества (кадровых, административных, материальных), основанное на совместном целеполагании и принятии решений и направленное на ускоренное достижение социально-экономических целей государства;

д) решение демографического вопроса и достижение устойчивого социального развития России;

е) укрепление национальной безопасности за счет согласованных совместных усилий государства и общества по преодолению внешних и внутренних вызовов;

ж) укрепление позиций России на международной арене, в том числе за счет консолидации общества, развития экономики и наращивания инвестиционной привлекательности страны.

22. Особую актуальность для реализации приоритетов совместного управления приобретает создание широкого спектра доступных гражданам цифровых решений и формирование активной гражданской позиции личности.

IV. Цель и основные задачи вовлечения граждан в публично-властные отношения

23. Целью вовлечения граждан в публично-властные отношения на современном этапе развития модели государственного управления РФ выступает обеспечение транспарентного, социально-ориентированного, результативного и экологичного администрирования, которое обеспечит высокий потенциал развития России и сформирует ее устойчивость к внешним и внутренним угрозам и вызовам.

24. Для достижения цели вовлечения граждан в публично-властные отношения необходимо решить следующие основные задачи:

а) сформировать эффективную систему взаимодействия граждан и власти,

обеспечив повышение восприимчивости обеих сторон к новым цифровым технологиям, создав условия для развития полноценного диалога;

б) создать инфраструктуру и условия для проведения научных и правовых исследований, разработки и внедрения в систему государственного администрирования цифровых инноваций, отвечающих принципам организации взаимодействия граждан и власти, на основе лучших российских и мировых практик;

в) создать возможности для просвещения населения о гражданственности, правах и обязанностях и способах их реализации, механиках прямого и опосредованного влияния на государственную политику и работу органов власти, формирования культуры и привычки участвовать;

г) сформировать эффективную правовую систему в области совместного управления, которая обеспечит прозрачность и четкость форм и методов гражданского участия в публичном управлении РФ, а также урегулирует безопасный для государства и доступный для граждан формат работы с первичной информацией о деятельности администрации;

д) способствовать формированию модели перманентного совместного управления, путем внедрения инновационных подходов и инструментов вовлечения граждан, проведения экспериментов, осуществления достаточной методической и финансовой поддержки.

V. Государственная политика в области вовлечения граждан в публично-властные отношения

Принципы государственной политики в области вовлечения граждан в публично-властные отношения

25. В современных условиях эффективное государственное управление предполагает активное вовлечение граждан в публично-властные отношения, которое опирается на достигнутый уровень цифровизации административных процессов и направлено на обеспечение транспарентности и результативности принятия управленческих решений. В основе такой повестки должны быть требования, предусматривающие как сбалансированное развитие правовых, организационных и технических (цифровых) основ общественно-властного диалога, так и воспитание гражданственности и культуры участия в общественном сознании россиян.

26. Реализация повестки, предусмотренной пунктом 25 настоящей Стратегии, потребует осуществления комплекса организационных, правовых и иных мер, направленных на разработку цифровых инструментов участия граждан,

обеспечение эффективности расходов на вовлечение граждан в публичное управление, усиление горизонтальных связей и межведомственного взаимодействия в части, касающейся сбора, учета, анализа и оценки общественных мнений, а также оказания цифровых государственных услуг, на создание эффективных образовательных механик для формирования и развития в России гражданского общества.

27. Основополагающими принципами государственной политики в области вовлечения граждан в публично-властные отношения выступают:

а) транспарентность принятия решений и их исполнения;

б) открытость информации – обеспечение беспрепятственного доступа граждан к первичной и своевременной информации о деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти РФ;

в) партисипативность государственного управления на местном, региональном и федеральном уровнях;

г) взаимная ответственность администрации и граждан в процессе совместного управления;

д) воспитание гражданской культуры и культуры участия, популяризация вовлеченности граждан в процессы совместного управления на основе инновационных нелинейных подходов.

Основные направления государственной политики в области вовлечения граждан в публично-властные отношения и меры по ее реализации

28. Транспарентность принятия управленческих решений и их исполнения достигается посредством:

а) создания условий для ознакомления всех заинтересованных граждан с данными и документами, формируемыми и принимаемыми в ходе публичного управления;

б) дальнейшего развития сервиса открытых правительственных данных, с акцентом на упрощение пользовательского интерфейса;

в) обнародования обсуждений и принятия управленческих решений на высшем уровне, уровне региональных администраций и муниципалитетов, путем проведения прямых трансляций соответствующих встреч;

г) нормативное закрепление порядка и сроков обнародования органами государственной власти отчетов о результатах деятельности (за календарный месяц, квартал, год);

д) актуализация графика проведения общественных слушаний и консультаций по актуальным вопросам государственного управления;

е) разработка правовых и организационных подходов к активному использованию социальных сетей для прямого диалога общества и власти на основе территориального или профильного принципов.

29. Обеспечение беспрепятственного доступа граждан к первичной и своевременной информации о деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти РФ реализуется путем:

а) формирования компетенции уполномоченного государственного органа по осуществлению централизованного аккумулирования и хранения информации и данных, составляющих актив гражданского общества;

б) разработки специализированных цифровых инструментов и сервисов, обеспечивающих быстрый беспрепятственный доступ авторизованных граждан к информации и данным в области публичного управления, с интуитивно понятным интерфейсом и встроенными пояснениями;

в) определения параметров безопасности для организации доступа граждан к публичной информации.

30. Партисипативность государственного управления на местном, региональном и федеральном уровнях достигается путем:

а) разработки и популяризации цифровых платформ гражданского участия на местном, региональном и федеральном уровнях, с элементами геймификации и интуитивно понятным интерфейсом;

б) формирования и реализации нелинейной системы стимулирования населения к участию в публичном управлении, которая должна включать материальные, социальные, административные и виртуальные стимулы;

в) формирования физических пунктов участия в местах длительного пребывания граждан (в отделениях многофункциональных центров, поликлиник, банков, в офисах Почты России и т. д.), функционал которых будет охватывать весь спектр возможностей гражданского участия лица, при предъявлении паспорта РФ и (или) авторизации через портал «Госуслуги»;

г) разработки концептуального нормативного правового регулирования, которое закрепит принципы, формы, виды, каналы и порядок участия граждан в государственном управлении на муниципальном, региональном и федеральном уровнях;

д) реальной поддержки общественных инициатив, как одной из форм проявления гражданственности и политической воли населения, с учетом всесторонней оценки потенциала таких инициатив;

е) дальнейшего развития института инициативного бюджетирования и совместного планирования бюджета (на муниципальном и региональном уровнях);

ж) проведения правовых экспериментов вовлечения граждан в публичное управление на местном и региональном уровнях, базируясь на передовом опыте

(например, Москвы и Казани).

31. Взаимная ответственность администрации и граждан в процессе совместного управления формируется путем:

а) нормативного закрепления обязанностей граждан принимать участие в решении общегосударственных и региональных (муниципальных) вопросов публичного управления;

б) усиления личной компоненты публичного управления в контексте позитивной ответственности перед обществом;

в) поддержки функционирования и развития института общественного контроля;

г) предоставления гражданам инструментария быстрого и простого участия в делах государства с использованием цифровых достижений.

32. Воспитание гражданской культуры и культуры участия, популяризация вовлеченности граждан в процессы совместного управления на основе инновационных нелинейных подходов, осуществляется путем:

а) организации информационных кампаний, направленных на повышение осведомленности взрослого населения о важности и способах участия в управленческих процессах, используя СМИ, социальные сети и публичные мероприятия;

б) создания электронных площадок (также в рамках социальных сетей) для диалога между гражданами и представителями власти, где участники смогут обсуждать актуальные вопросы, разрабатывать предложения и следить за их реализацией;

в) поддержки проектов, организованных гражданами или общественными организациями, которые способствуют развитию культуры участия и демонстрируют успешные примеры совместной работы;

г) расширения стандартов ФГОС ВО+++ путем включения в них расширенной дефиниции «гражданская позиция», а также конкретных мероприятий, направленных на формирование гражданственности и правовой грамотности студентов и развития у них «привычки участвовать», в т. ч. с применением цифровых инструментов;

д) внедрения базовых элементов гражданственности в нестандартном и ненавязчивом формате (задания, конкурсы, игры, соревнования, культурные мероприятия) в дошкольную и школьную программы;

е) расширения использования мультимедийных инструментов формирования культуры участия у подрастающего поколения, а также творческих инициативных проектов заинтересованных граждан;

ж) использования геймификации цифровых платформ для обучения и вовлечения граждан в управленческие процессы, например, через образовательные

игры и симуляции, которые позволяют пользователям осуществить виртуальное принятие решений и наглядно увидеть их последствия в безопасной и контролируемой среде;

з) организации государственной поддержкой «традиции участия» в российских семьях с использованием нестандартных подходов и стимулов.

Порядок взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации и организаций при реализации государственной политики в области вовлечения граждан в публичное управление

33. Общее руководство государственной политикой в области вовлечения граждан в публично-властные отношения осуществляет Президент Российской Федерации.

34. Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам определяет с учетом долгосрочного прогноза приоритетные направления развития и инструменты реализации государственной политики в рассматриваемой области.

35. Правительство Российской Федерации осуществляет меры по реализации государственной политики в области вовлечения граждан в публично-властные отношения, направленные на обеспечение достижения цели и выполнения задач, предусмотренных настоящей Стратегией.

36. Комиссия по вовлечению граждан в публично-властные отношения (далее – Комиссия):

а) осуществляет координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти и организаций, участвующих в реализации государственной политики в области вовлечения граждан в публично-властные отношения, в том числе по разработке перечня приоритетных направлений такой политики и перечня важнейших цифровых решений для ее реализации;

б) осуществляет координацию деятельности должностных лиц, указанных в пункте 42 настоящей Стратегии;

в) представляет проекты перечня приоритетных направлений политики вовлечения граждан РФ в публично-властные отношения и перечня важнейших цифровых решений для реализации рассматриваемой политики в Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам;

г) определяет меры и инструменты, направленные на создание условий, необходимых для выполнения принятых Президентом Российской Федерации или Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и

национальным проектам решений, касающихся обеспечения вовлечения граждан в публично-властные отношения.

37. По вопросам, касающимся вовлечения граждан в публично-властные отношения в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях, Комиссия осуществляет свою деятельность во взаимодействии с комиссиями Государственного Совета Российской Федерации по направлениям социально-экономического развития Российской Федерации.

38. Правительство Российской Федерации через Комиссию осуществляет планирование и проведение мероприятий правового и организационного характера в области вовлечения граждан в публично-властные отношения, определяет порядок применения мер и инструментов, предусмотренных подпунктом «г» пункта 36 настоящей Стратегии.

39. Для научного и экспертного обеспечения деятельности Комиссии создается научно-технический совет Комиссии, руководство которым осуществляет президент Российской академии наук. Порядок функционирования этого научно-технического совета определяется Правительством Российской Федерации.

40. Обеспечение деятельности Комиссии осуществляется действующим на постоянной основе аппаратом Комиссии, создаваемым в структуре Аппарата Правительства Российской Федерации. Функции и полномочия по информационно-аналитическому обеспечению деятельности Комиссии возлагаются на Центр исследований проблем государственного управления при Институте экономики Российской академии наук.

41. Реализация государственной политики в области вовлечения граждан в публично-властные отношения обеспечивается согласованными действиями федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, Российской академии наук, институтов инновационного развития, научных и образовательных организаций, а также иных субъектов, включенных в реализацию политики вовлечения граждан в публично-властные отношения в соответствии с их полномочиями.

42. Для достижения цели и выполнения задач вовлечения граждан в публично-властные отношения в федеральных органах исполнительной власти определяются заместители руководителей, а на уровне субъектов Российской Федерации - заместители высших должностных лиц, ответственные за развитие общественно-властного диалога.

VI. Ожидаемые результаты и этапы реализации настоящей Стратегии

43. Выполнение предусмотренных настоящей Стратегией основных направлений государственной политики в области вовлечения граждан в публично-властные отношения и мер по ее реализации позволит обеспечить транспарентное, социально-ориентированное, результативное и экологичное администрирование, которое создаст высокий потенциал развития России и сформирует ее устойчивость к внешним и внутренним угрозам и вызовам. При этом, достижения в области цифровизации государственного управления станут основой для развития перманентного общественно-властного диалога.

44. В результате реализации настоящей Стратегии публичная власть и общество будут функционировать во взаимосвязи и синергии и обеспечат основу устойчивого развития и суверенитета Российской Федерации.

45. Этапы реализации настоящей Стратегии скоординированы с циклами значимых изменений политического и социально-экономического характера, оказывающих существенное влияние на модель публичного управления в Российской Федерации.

46. В 2009 - 2023 годах в рамках государственного управления в РФ:

а) сформированы основные правовые и организационные элементы (нормативно-правовое регулирование, документы стратегического планирования, организационно-координационные основы) электронного правительства;

б) разработаны и введены в эксплуатацию сервисы удаленного предоставления населению государственных услуг, а также сервисы цифрового участия граждан, в т. ч. инструменты электронного голосования, Платформа обратной связи и локальные цифровые решения;

в) сформирован и применяется институт общественного контроля гражданами РФ деятельности органов государственной власти, в т. ч. с использованием цифровых сервисов.

47. До 2030 года и в дальнейшей перспективе в рамках реализации настоящей Стратегии планируются:

а) постепенное формирование системного нормативного правового регулирования реализации в РФ совместного управления, включая разработку юридических основ вовлечения граждан в публично-властные отношения и реализации ими своих полномочий;

б) развитие цифровых инструментов государственного участия, с применением инновационных моделей вовлечения граждан, и их популяризация;

в) переход к новой системе подготовки квалифицированных кадров для сектора государственного управления;

г) формирование культуры участия российского населения, осуществляемое путем изменения образовательных программ и введения в рутинные процессы элементов информирования граждан о возможностях реализации своих гражданских прав;

д) формирование системы непрерывного мониторинга удовлетворенности населения результатами публичного управления и трансформация на основе результатов такого мониторинга применяемых стимулов гражданской активности;

е) решение проблем цифрового разрыва и согласованности цифрового развития всех управленческих структур (на местном, региональном и федеральном уровнях).

VII. Инструменты реализации настоящей Стратегии

48. Основными инструментами реализации настоящей Стратегии являются:

а) государственная программа в области вовлечения граждан в публично-властные отношения, в которой консолидируются все меры и инструменты популяризации гражданского участия в делах государства;

б) национальные проекты (программы) и предусмотренные ими федеральные проекты;

в) отраслевые документы стратегического планирования в части, касающейся прогнозирования, целеполагания, планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в области вовлечения граждан в публично-властные отношения;

г) стратегические инициативы Президента Российской Федерации в сфере построения государства участия, в том числе важнейшие инновационные проекты государственного значения, федеральные программы, а также Дорожная карта по вовлечению россиян в управление делами государства;

д) программа научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период;

е) стратегические и программные документы Российского научного фонда и иных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности;

ж) иные государственные программы Российской Федерации, государственные программы субъектов Российской Федерации, муниципальные программы, национальные и федеральные проекты, а также нормативные правовые и распорядительные акты, разработанные на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, в том числе экономические и организационные инструменты, способствующие повышению эффективности реализации

государственной политики в области вовлечения граждан в публично-властные отношения.

49. При формировании и реализации федеральных проектов мероприятия, направленные на вовлечение граждан в публично-властные отношения, подлежат включению в государственную программу в области развития государственного управления, а мероприятия, направленные на внедрение соответствующих цифровых технологий, могут быть включены как в названную программу, так и в иные профильные государственные программы. Субъекты Российской Федерации в целях вовлечения граждан в публично-властные отношения могут утверждать региональные программы развития в рассматриваемой области.

50. Принципы, основные направления государственной политики в области вовлечения граждан в публично-властные отношения и меры по ее реализации, определенные настоящей Стратегией, в обязательном порядке учитываются Правительством Российской Федерации, высшими исполнительными органами субъектов Российской Федерации при формировании и реализации инициатив в области публичного управления, в том числе путем:

а) совершенствования и преимущественного использования различных комбинаций имеющихся финансовых и организационных инструментов поддержки гражданской активности;

б) внедрения действенного механизма мотивации общественного участия на всех стадиях принятия административных решений - от формирования инициативы, проведения обсуждений до реализации принятого решения.

51. Методологическое и методическое обеспечение разработки и внедрения информационных технологий вовлечения граждан в управление делами государства осуществляется Правительством Российской Федерации при участии Российской академии наук и Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

52. Важнейшие инновационные проекты в области государственного управления и федеральные программы цифровизации правительства утверждаются Правительством Российской Федерации по согласованию с президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам.

53. Консультативная группа по вовлечению граждан в публично-властные отношения (по совместному управлению) Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам осуществляет экспертное и аналитическое обеспечение разработки концепций важнейших инновационных проектов государственного значения, а также оценку предложений о разработке соответствующих федеральных программ.

54. Реализация уникальных общественных инициатив, с учетом решения

Комиссии осуществляется Правительством Российской Федерации в приоритетном порядке.

VIII. Финансовое обеспечение реализации настоящей Стратегии

55. Финансовое обеспечение реализации настоящей Стратегии осуществляется за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и внебюджетных источников.

56. Источниками финансового обеспечения реализации настоящей Стратегии являются:

а) бюджетные ассигнования, предусмотренные в федеральном бюджете на реализацию мероприятий в области цифровизации государственного управления и образования в рамках государственных программ Российской Федерации;

б) бюджетные ассигнования, предусмотренные в бюджетах субъектов Российской Федерации на развитие образования и цифровых инструментов публичного управления;

в) средства государственных научных корпораций (компаний), публично-правовых компаний и иных организаций, в том числе созданных на основании федеральных законов;

г) средства Российского научного фонда и иных фондов поддержки научной, технологической и инновационной деятельности;

д) иные внебюджетные источники финансирования, в том числе предусмотренные в рамках государственно-частного партнерства.

57. Механизмы финансового обеспечения мер и инструментов поддержки вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения, проводимых в рамках реализации настоящей Стратегии, определяются Правительством Российской Федерации при участии Комиссии в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации.

IX. Мониторинг реализации настоящей Стратегии

58. Мониторинг реализации настоящей Стратегии осуществляется Комиссией на плановой основе и предусматривает проведение:

а) объективного анализа ситуации, складывающейся в области вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения, а также условий осуществления диалога общества и власти;

б) оценки эффективности мер и инструментов государственной политики в области вовлечения граждан в публичное управление;

в) анализа вызовов, угроз и возможностей, которые определяют основные

направления совершенствования государственной политики в области вовлечения российских граждан в публично-властные отношения и необходимость разработки новых механизмов и инструментов в данной области.

59. Оценка эффективности мер и инструментов государственной политики в области вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения должна проводиться Комиссией с учетом конечных результатов, характеризующих гражданскую активность населения и уровень распространения цифровых инструментов участия, в том числе по следующим показателям:

а) доля граждан, вовлеченных в публично-властные отношения в общей численности населения России, определяемая как соотношение политически активных граждан и общей численности населения РФ в определенный промежуток времени с учетом типа территории (сельская или городская);

б) интенсивность использования цифровых инструментов участия (доля актов участия, совершенных гражданами с применением цифровых инструментов участия в общем количестве актов участия);

в) доля решений, принятых с учетом прямого участия граждан в общем количестве принятых административных решений на всех уровнях государственного управления;

г) степень транспарентности государственного регулирования, определяемая как количество обнародованных с соблюдением всех требований и условий результатов работы законодательной, исполнительной и судебной власти РФ в общем количестве таких результатов (нормированном количестве);

д) интенсивность вовлечения граждан с использованием социальных сетей, определяемая количественным анализом движения потока граждан-пользователей официальных групп органов государственной власти РФ в социальных сетях;

е) динамика выдвижения общественных инициатив;

ж) результативность применения стимулов к вовлечению граждан в публично-властные отношения по каждому типу (прямые материальные, косвенные материальные, социальные, административные, цифровые), определяемая как доля стимулов каждой группе в общем количестве примененных мотивационных инструментов;

з) степень удовлетворенности граждан действиями правительства и качеством жизни, которая должна быть установлена в результате комплексной оценки отзывов, жалоб граждан, а также результатов независимых социологических исследований.

60. Дополнительными качественными критериями оценки мер и инструментов государственной политики в области вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения должны стать:

а) интенсивность разработки и внедрения новых цифровых решений;

б) изменение общественных настроений по поводу участия в управлении государством;

в) степень информированности граждан о возможностях и цифровых инструментах участия.

61. Перечень показателей эффективности мер и инструментов государственной политики в области вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения, их количественные значения (по годам), порядок их определения разрабатываются и утверждаются Правительством Российской Федерации по согласованию с президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам.

62. Результаты мониторинга реализации настоящей Стратегии отражаются в докладе Комиссии об основных направлениях, мерах и инструментах государственной политики в области вовлечения граждан Российской Федерации в публично-властные отношения, который ежегодно представляется в Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам.

63. Корректировка настоящей Стратегии осуществляется по решению Президента Российской Федерации на основании изменений прогноза гражданского участия в публичном управлении, а также по результатам мониторинга ее реализации.

64. Информация о результатах реализации настоящей Стратегии подлежит размещению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в объеме и порядке, которые установлены Комиссией, с учетом требований законодательства Российской Федерации о персональных данных, о государственной и об иной охраняемой законом тайне.

Приложение В
(обязательное)

ПРОЕКТ

ПЛАН
МЕРОПРИЯТИЙ («ДОРОЖНАЯ КАРТА»)
«ВОВЛЕЧЕНИЕ РОССИЯН В РЕАЛИЗАЦИЮ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА»
на 2026-2031 годы

1. Реализация «дорожной карты» «Вовлечение россиян в управление делами государства» на 2026-2031 годы призвана обеспечить участие значительной части граждан РФ в публичном управления в условиях перехода к модели «государства участия».

Для достижения результативности государственного администрирования на этапе трансформации его модели (переход от сервисной модели к модели участия) необходимо формирование в России практики совместного управления.

Вовлечение граждан РФ в решение управленческих вопросов на муниципальном, региональном и федеральном уровне требует системных усилий сразу на нескольких уровнях администрирования.

Необходимой основой применения мер стимулирования гражданского участия в России выступает совокупность федерального, регионального и местного законодательства, все элементы которой должны отвечать критериям взаимосвязи и взаимообусловленности.

2. Проблемы, определяющиеся в области участия российских граждан в публичном управлении вызваны следующими факторами:

2.1. Политическая пассивность российского общества, вызванная рядом исторически сложившихся и сформированных в современный период факторов.

Низкий уровень заинтересованности населения РФ в проявлении своей гражданской позиции подтверждается результатами социологических исследований, согласно которым критически малочисленная группа людей (только 6,7 % опрошенных) считают, что их голос будет учтен и повлияет на результат принятия решений. Одновременно, россияне не хотят/не могут уделять свое личное время на участие в государственном управлении (на это готовы не более 18,7 % граждан).

Значительный отпечаток на нынешнюю вовлеченность россиян в политику и публичное управление оказало советское прошлое, которое требовало от общества следовать установленным императивам, оставаясь лояльным и безучастным к управленческим решениям партии, что определило политическую апатию у современного населения РФ старше 35-40 лет.

2.2. Фактическая невозможность полного (достаточного) охвата населения РФ современными электронными способами участия в делах государства ввиду наличия цифрового разрыва.

Современная система инструментов участия граждан в публичном управлении основывается на цифровых достижениях и включает электронные платформы для голосования, размещения инициатив и коммуникации относительно работы органов государственной власти. Несмотря на прогрессивность и преимущества такого подхода, значительная часть населения РФ не вовлечена в реализацию цифровых возможностей участия.

Сегодня наблюдается две основных причины существования цифрового разрыва: недоступность в некоторых регионах качественного Интернета и серьезное отставание ряда социально-демографических групп граждан с точки зрения наличия навыков пользования цифровыми устройствами и электронными инструментами участия. И, если вопрос обеспечения устойчивого выхода в Интернет находится в центре внимания российского правительства, то попытки наращивания цифровой грамотности взрослого населения не дали результатов.

2.3. Низкий уровень информированности российских граждан о доступных инструментах и способах участия в управлении делами государства на местном, региональном и федеральном уровне.

Так, информированность населения России о возможностях и способах участия в публичном управлении на местном, региональном и федеральном уровнях, по данным соцопросов, составляет около 30 %.

Длительное функционирование на территории РФ института общественного контроля также не обеспечило должного уровня информированности граждан о возможности и важности влияния на качество работы органов государственной власти.

2.4. Недостаточное развитие культуры участия российского населения, обусловленное игнорированием соответствующих информационных и практических блоков в образовательных стандартах, стандартах просвещения и информационного обеспечения общества (например, с участием СМИ, телевидения, радио, периодических печатных изданий и т. д.).

Изменение стандартов школьного образования, происходящее в течение последних лет, подсвечивает проблему полного изъятия из школьной программы предметов, формирующих гражданственность подрастающего поколения.

Одновременно, рассматриваемая компетенция игнорируется и в стандартах высших учебных заведений.

Следовательно, отсутствие усилий государства по политическому и правовому просвещению взрослого населения, воспитания гражданственности у подрастающего поколения и молодежи, популяризации политической активности формирует условия, при которых развитие культуры гражданского участия становится невозможным.

3. Целями «дорожной карты» являются:

– обеспечение правовых и организационных действий власти по формированию заинтересованности граждан в совместном управлении;

– выстраивание целостной системы общественно-властных действий, направленных, с одной стороны, на устранение технических препятствий к цифровому участию, а с другой – на повышение цифровой грамотности у обучаемых представителей общества и обеспечение сторонней помощи лицам, которые не имеют возможности (желания) использовать электронные инструменты участия;

– формирование гражданственности российского народа путем изменения общественных установок неучастия;

– организация такой образовательной и воспитательной системы, которая позволит в ненавязчивой форме прививать культуру участия подрастающему поколению и молодежи, а для взрослого населения станет напоминанием о значимости и престиже проявления своей гражданской позиции.

4. Ожидаемые результаты реализации «дорожной карты»:

4.1. Подготовка комплекса проектов нормативных правовых актов на каждом уровне управления, закрепляющих принципы, порядок и механизмы участия граждан в управлении российским государством, включающих нормы относительно:

– механизмов и способов гражданского участия;

– пределов гражданского участия;

– правового статуса участвующего гражданина;

– правовой природы использования социальных сетей в процессе реализации права граждан на участие в публичном управлении.

4.2. Разработка действенной системы стимулов российского населения к проявлению гражданской активности в вопросах публичного управления, включающей:

– выявление и научно-практическое обоснование наиболее эффективных стимулов на основании качественной оценке потребностей общества;

– разработку цифровых решений для осуществления гражданского участия с учетом возможности получения поощрения;

– формирование правовых и организационных механизмов взаимодействия государственных органов, заинтересованных некоммерческих и коммерческих организаций и граждан в процессе реализации системы поощрений;

– формирование механизма контроля за реализацией системы мотивации населения РФ и мониторинга ее эффективности.

4.3. Сокращение цифрового разрыва в российском обществе и увеличение доли населения, участвующего в публичном управлении в условиях цифровой эволюции путем:

– обеспечения устойчивого доступа к Интернету для сельских территорий и периферийных регионов России;

– разработки цифровых инструментов самообучения граждан удаленному участию в публичном управлении;

– формирования физических пунктов участия;

– создания механизмов помощи в процессе осуществления гражданского участия населению, подверженному влиянию цифрового разрыва.

4.4. Ликвидация общественных настроений, дискредитирующих гражданское участие и его эффективность, воспитание гражданственности политически активного населения, формирование правовой грамотности населения и его политической культуры, формирование у населения «привычки участвовать», в т. ч. путем:

– изменения стандартов среднего и высшего образования;

– расширения каналов информирования населения о преимуществах и способах участия в управлении государством;

– применения инновационных цифровых инструментов для развития гражданственности и вовлечения населения в совместное управление;

– поддержка общественных инициатив и развитие практик совместного управления.

5. В качестве контрольных показателей успеха реализации «дорожной карты» установлены следующие:

Наименование контрольного показателя	**Ед. изм.**	**2026 год**	**2027 год**	**2028 год**	**2029 год**	**2030 год**	**2031 год**
Доля граждан, вовлеченных в публично-властные отношения в общей численности населения России, определяемая как соотношение политически активных граждан и общей численности населения РФ в определенный промежуток времени	%	36	41,4	47,6	54,8	63	72,4
Результативность применения стимулов к вовлечению граждан в публично-властные	%	15	25	35	45	55	65

отношения, определяемая как объем простимулированного прироста участвующих граждан в общем объеме политически активного населения							
Доля решений, принятых с учетом прямого участия граждан в общем количестве принятых административных решений на всех уровнях государственного управления	%	10	11,5	13,2	15,2	17,5	20,1
Обеспеченность устойчивым доступом к Интернету сельских территорий и периферийных регионов России	%	20	35	50	65	80	100
Интенсивность (удельный вес) использования цифровых инструментов участия (доля актов участия, совершенных гражданами с применением цифровых инструментов участия в общем количестве актов участия)	%	44,3	50,9	58,6	67,4	77,5	89

Приложение Г
(информационное)

Показатели портала Госуслуги за 2011 – 2020 гг.

Таблица Г.1 Количество зарегистрированных пользователей портала Госуслуги за 2011 – 2020 гг.

год показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Зарегистрировано пользователей, млн. чел.	1,3	3,6	6,9	13	22,5	40	65	86	103	126

Составлена автором по материалам портала Госуслуги и данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации[1].

[1] Официальный портал государственных услуг РФ (https://www.gosuslugi.ru). Рубрика «Интересно и полезно», данные по годам. // URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news (дата обращения: 19.01.2025); Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (https://digital.gov.ru). Подведены итоги работы Единого портала госуслуг в 2017 г. // URL: https://digital.gov.ru/ru/events/37879 (дата обращения: 19.01.2025). Подведены итоги работы портала госуслуг за 2018 г. // URL: https://digital.gov.ru/ru/events/38738/ (дата обращения: 19.01.2025).